

БЕЗЗУМНЫЙ АДДАМ

МАРГАРЕТ ЭТВУД

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.
НОВЫЙ РОМАН ОТ ЛАУРЕАТА БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ. ЛУЧШАЯ КНИГА ГОДА, ПО ВЕРСИИ THE GUARDIAN, NPR, THE CHRISTIAN SCIENCE MONITOR, THE GLOBE AND MAIL

18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

Беззумный Аддам
Маргарет Этвуд

Аннотация
Маргарет Этвуд. Беззумный Аддам
Трилогия Беззумного Аддама: содержание предыдущих книг
Яйцо
Веревка
  Веревка
  Шествие
  Мак
Саманный дом
  Утро
  Завтрак
  Гамак
  История
  Возвращение домой
«Медведелёт»
  История о том, как Зеб потерялся в горах и съел медведя
  Меховой промысел
  Авария
  Припасы
  Барак

Йети
История Зеба, Спасибо и Спокойной Ночи
Шрамы
Шрамы
Фиолет-биолет
Взмах ресниц
Зеб во тьме
Зеб во тьме
История рождения Зеба
Срань Господня
Руки Шилицци
Пропажа и кража
В дебри плебсвиллей
Путь Снежного Человека
Простыня в цветочек
Девичьи секреты
Путь Снежного Человека
Аптечный роман
Прополка
Налобный фонарь черного света
История Зеба и Бля
Плавучий Мир
Хакервилль
Блюдо, которое подают холодным
Налобный фонарь черного света
«Кишечные паразиты», компьютерная игра

Костяная пещера
Каллиграфия
Рой
Костяная пещера
Приплод
Вектор
История рождения Коростеля
Юность Коростеля
Атака Гроба
Вектор
«Хвост-чешуя»
История Зеба и Женщин-Змей
Поросенок
Пророк
Поросенок
Совещание
Перегруппировка
Форт «НоваТы»
Поезд в «Криогений»
История о двух яйцах и размышлениях
Черные очки
«Райский вкус»
Клюквенный кисель
Поезд в «Криогений»
Люмирозы
«Райский утес»

Скорлупа
Общий сбор
Выступление
Скорлупа
История битвы
Время луны
Суд
Обряды
Время луны
Книга
Книга
История Тоби
Благодарности
От переводчика

Аннотация

«Беззумный Аддам» – третья часть трилогии, в которую входят «Орикс и Коростель» и «Год потопа». Книга получила восторженные отзывы критики, вошла в списки бестселлеров New York Times и Washington Post, была названа лучшей книгой по версии The Guardian, NPR, The Christian Science Monitor, The Globe and Mail.

«Беззумный Аддам» – фантастический роман, но, к сожалению, даже самые невероятные фантазии иногда становятся действительностью. Читатель наверняка сможет провести параллели с реальными событиями, имевшими место в прошлом, и, надеемся, услышит предостережение автора – именно в этом залог того, что человечество избежит страшного будущего.

Маргарет Этвуд
Беззумный Аддам

Margaret Atwood
MaddAddam
Copyright © 2013 by O.W. Toad Ltd.

© Боровикова Т., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Эта книга — художественное произведение. Ее персонажи, упомянутые в ней имена, описанные в ней компании, организации, места, события и происшествия являются плодом воображения автора или используются для воплощения художественного замысла. Любое сходство с реальными личностями, живыми или мертвыми, реальными событиями и местами — случайное совпадение.

Моей семье и Ларри Гейнору (1939–2010)

Трилогия Беззумного Аддама: содержание предыдущих книг

Первые две книги в «Трилогии Беззумного Аддама» — «Орикс и Коростель» и «Год потопа». «Беззумный Аддам» — третья книга.

1. «Орикс и Коростель»

Повествование начинается с того, что Снежный Человек живет на дереве у океанского побережья. Он считает себя последним человеком на свете, единственным оставшимся в живых после смертельной пандемии, опустошившей Землю. Рядом с ним живут Дети Коростеля — кроткие гуманоидные существа, созданные биоинженерным гением по имени Коростель, некогда лучшим другом Снежного Человека и его соперником в любви к прекрасной и загадочной Орикс.

Дети Коростеля не знают ни ревности, ни жадности, ни потребности в одежде, репелленте от насекомых и животном белке — ничего из того, что, по мнению Коростеля, не только портило жизнь человеческому роду, но и сгубило окружающую среду на Земле. Дети Коростеля

спариваются раз в сезон, когда определенные органы их тела окрашиваются в синий цвет. Коростель постарался лишить Детей способности к символическому мышлению и музыке, но они умеют петь (в весьма оригинальном, ни на что не похожем стиле) и выработали систему религиозных верований, где Коростель выступает в роли творца, Орикс — покровительницы всех животных, а Снежный Человек — пророка (против собственной воли). Именно Снежный Человек вывел Детей Коростеля из высокотехнологичного купола «Пародиз», где они обитали с момента создания, на нынешнее место жительства — побережье океана.

В прежней жизни, до эпидемии, Снежного Человека звали Джимми. Его мир делился на охраняемые поселки (ОП) и плебсвилли. ОП — владения корпораций, обиталище технократической элиты, правящей обществом через свое силовое ведомство, Корпорацию Корпоративной Безопасности, или ККБ. Плебсвилли — мир за пределами ОП, с городскими трущобами, пригородами и торговыми центрами, где жили, ходили за покупками и обделывали разные аферы все остальные члены общества.

Раннее детство Джимми прошло в охраняемом

поселке корпорации «Фермы ОрганИнк», где его отец работал над выведением свиноидов — генно-модифицированных свиней с органами человека, предназначенными для пересадки, в том числе почками и мозговыми тканями. Потом отца Джимми перевели в «Здравайзер», корпорацию, которая разрабатывала лекарственные препараты для здоровья и хорошего самочувствия. Именно в Здравайзеровской средней школе подросток Джимми познакомился с Коростелем, которого тогда еще звали Гленн. Мальчики сдружились на почве общего интереса к интернет-порнографии и сложным онлайновым играм. Среди этих игр была одна под названием «Вымирафон», которой руководила загадочная личность, некто «Беззумный Аддам»: «Адам давал имена живым тварям, Беззумный Аддам перечисляет имена тварей мертвых». Джимми и Гленн научились заходить в «Вымирафон» через чат, доступный только доверенным лицам, гроссмейстерам игры.

Коростель и Джимми потеряли друг друга из виду, когда Коростеля приняли в щедро финансируемый Институт Уотсона-Крика, а Джимми, гуманитарий по складу ума, был вынужден довольствоваться убогой Академией Марты Грэм.

По странному совпадению мать и отчим Коростеля умерли от загадочной болезни, при которой тело превращается в слизь. Затем группа биотеррористов под кодовым названием «Беззумные Аддамы» начала использовать продукты генной инженерии — макро– и микроорганизмы — для атак на ККБ и инфраструктуру правительства.

Несколько лет спустя Джимми и Коростель встретились вновь. Коростель в это время заведовал лабораторией в куполе «Пародиз», где создавались генные сплайсы нового биологического вида — Детей Коростеля. Кроме того, Коростель разработал таблетку «НегаПлюс», которая одновременно повышала наслаждение от полового акта, с вероятностью 100 % предохраняла от зачатия и продлевала молодость. Джимми с удивлением обнаружил, что имена ученых в лаборатории «Пародиз» совпадают с никами игроков в «Вымирафон». Это оказались биотеррористы из группы «Беззумного Аддама» — Коростель выследил их через чат и пообещал амнистию, если они будут работать на него в «Пародизе». Но в таблетках «НегаПлюс» содержался тайный ингредиент, и вскоре после их выхода на рынок началась пандемия, которая стерла человечество с лица планеты. Воцарился хаос,

в котором погибли Орикс и Коростель. Джимми остался один с Детьми Коростеля.

Преследуемый воспоминаниями о покойной Орикс и предателе Коростеле, отчаявшийся в спасении, больной и измученный чувством вины Снежный Человек совершает вылазку в купол «Пародиз» в поисках оружия и припасов, которые, как он точно знает, там есть. По дороге на него нападают генно-модифицированные животные — свирепые волкопсы и гигантские свиноиды; последние необычно умны, так как обладают тканями человеческого мозга.

Роман «Орикс и Коростель» заканчивается тем, что Снежный Человек обнаруживает трех других людей, переживших эпидемию. Что он сделает? Присоединится к ним, бросив Детей Коростеля на произвол судьбы? Или, зная разрушительные наклонности своего биологического вида, сам убьет пришельцев? На его колебаниях книга заканчивается.

2. «Год потопа»

Сюжет «Года потопа» разворачивается одновременно с сюжетом «Орикс и Коростеля», но действие книги происходит в плебсвиллях за стенами охраняемых поселков. Это история

вертоградарей (они же «Садовники Господни»), адептов «зеленой» религии, основанной Адамом Первым. Вожди сообщества вертоградарей, Адамы и Евы, проповедуют общность Природы и Святого Писания, необходимость любви ко всем живым существам, пагубность технологий и коварство корпораций. Вертоградари избегают насилия. Они возделывают огороды и держат пасеки на крышах зданий в плебсвиллях.

Рассказ начинается в настоящем времени — в двадцать пятом (по летосчислению вертоградарей) году, году Безводного Потопа, как вертоградари называют пандемию. Тоби, вооруженная устаревшим карабином, окопалась в салоне красоты «НоваТы» и надеется на появление других выживших вертоградарей, особенно Зеба, уличного бойца и бывшего вертоградаря, которого она втайне любит. Нарушая кодекс вертоградарей, Тоби пристреливает одного из свиноидов, уничтожающих ее огород. Однажды она видит издали шествие голых людей, возглавляемое бородатым мужчиной в лохмотьях. Тоби ничего не знает о Снежном Человеке и Детях Коростеля и потому решает, что это была галлюцинация.

Тем временем юная Рен заперта в биоизоляторе стрип-клуба «Хвост-чешуя», где она работала

до прихода Безводного Потопа. Как раз перед Потопом в клубе происходит разгром — это развлеклись игроки в больбол, бывшие заключенные системы ККБ, в которых не осталось уже ничего человеческого: их заставили сражаться на выживание с другими осужденными на специальной арене для больбола. Рен знает, что умрет с голоду, если ее подруга детства Аманда не доберется до клуба, чтобы открыть дверь изолятора снаружи.

Задолго до этого вертоградари вырвали Тоби из лап жестокого больболиста по имени Бланко, ее начальника в зловещей сети питания «Секрет-бургер». Тоби стала Евой, специалисткой по грибам, пчелам и зельям. Ее наставница, старая Пилар, как и многие другие вертоградари, когда-то была биоинженером и работала на корпорации, а затем сбежала. Но все еще поддерживала тайные связи с информантами внутри корпораций, в том числе с подростком-Коростелем.

Рен вместе с Амандой — мастерицей выживания и чрезвычайно обаятельной «плебокрыской» — были ученицами Тоби в школе вертоградарей. Мать Рен, Люцерна, бежала из охраняемого поселка «Здравайзера» вместе с Зебом, но, раз-

гневанная его нежеланием заключить с ней брак по обряду вертоградарей, сбежала обратно в «Здравайзер», когда Рен было тринадцать лет. Подросток Джимми соблазнил Рен, а затем бросил. В конце концов Рен устроилась танцевать в стрип-клуб «Хвост-чешуя» (в обиходе — «Чешуйки»), сочтя эту работу наиболее привлекательной из всех открытых ей возможностей.

Зеб и его единомышленники откололись от пацифистов-вертоградарей Адама Первого из-за разногласий по поводу тактики и начали заниматься биотерроризмом, направленным против корпораций, координируя свои действия через чат «Вымирафона». Оставшиеся вертоградари подверглись нападению ККБ и были вынуждены уйти в подполье, где продолжали готовиться к Безводному Потопу.

В текущем — двадцать пятом — году Аманда умудряется добраться до «Чешуек» и освободить Рен. Пока они празднуют встречу, появляются трое их друзей, бывших вертоградарей — Шеклтон, Крозье и Оутс, — за которыми гонятся Бланко и два других больболиста. Пятеро молодых людей бегут, но больболисты устраивают им засаду, насилуют Рен и Аманду, похищают Аманду и убивают Оутса.

Рен с трудом добирается до салона красоты «НоваТы», где Тоби выхаживает ее. Затем они отправляются на поиски Аманды. Избежав столкновения с одичавшими свиноидами и разобравшись с Бланко, они находят группу выживших людей, обосновавшихся в саманном домике в небольшом парке. Среди них — Зеб и его группа «Беззумные Аддамы», а также несколько бывших вертоградарей. Они верят, что Адам Первый жив, и уходят его искать.

Тоби и Рен пускаются в опасный путь — они хотят отбить Аманду у больболистов. На морском берегу они натыкаются на поселение странных, голых и местами синих людей, которые сообщают, что видели трех одетых человек — двух мужчин и женщину. Догадавшись, что это Аманда и два ее похитителя, Тоби и Рен обнаруживают их как раз в тот момент, когда Снежный Человек, — в бреду, с инфицированной раной — собирается застрелить всех троих из пистолета-распылителя, найденного в «Пародизе».

«Год потопа» кончается тем, что больболисты привязаны к дереву, а Рен ухаживает за измученной Амандой и за Снежным Человеком, который мечется в жару. Так как это день Святой Юлианы, праздник всепрощения, Тоби, соблюдая

обычай вертоградарей, кормит супом всех, включая больболистов. В это время к ним по берегу приближается группа синих Детей Коростеля, оглашая лес странным жутковатым пением.

Яйцо

История про Яйцо, про Орикс и Коростеля,
и про то, как они сотворили Людей и Животных;
и про Хаос; и про Джимми-Снежныечеловека;
и про вонючую кость, и про пришествие двух Плохих Людей

Вначале вы жили в Яйце. Там вас сотворил Коростель.

Да, хороший, добрый Коростель. Пожалуйста, не надо петь, или я не смогу рассказывать.

Яйцо было большое, белое и круглое, как половина пузыря, и у него внутри были деревья с листьями, и трава, и ягоды. Все, что вы любите есть.

Да, в Яйце шел дождь.

Нет, грома там не было.

Потому что Коростель не захотел, чтобы в Яйце был гром.

А вокруг Яйца был один только хаос и много-много людей, не похожих на вас.

Потому что у них была лишняя кожа. Эта кожа называется «одежда». Да, как у меня.

И многие из этих людей были плохие — они делали плохо и больно друг другу и разным животным. Например, они… Сейчас мы не будем об этом говорить.

И Орикс была очень печальна, потому что животные — ее дети. И Коростель был печален, потому что Орикс была печальна.

И снаружи Яйца хаос был повсюду. Но внутри Яйца хаоса не было. Там все было тихо.

И Орикс каждый день приходила вас учить. Она учила вас, что можно есть, она учила вас разводить огонь, она учила вас всему, что вам нужно знать про животных — Детей Орикс. Она учила вас мурлыкать, если кому-нибудь больно. А Коростель охранял вас.

Да, хороший, добрый Коростель. Пожалуйста, не надо петь. Не обязательно петь каждый раз. Конечно, Коростелю нравится, как вы поете, но еще ему нравится моя история, и он хочет дослушать ее до конца.

Однажды Коростель уничтожил хаос и людей, которые делали другим больно. Он сделал это, чтобы Орикс была счастлива и чтобы у вас было безопасное место для жизни.

Да, от этого вокруг какое-то время очень плохо пахло.

А потом Коростель ушел в свой дом на небе, и Орикс ушла вместе с ним.

Я не знаю, почему они ушли. Наверняка у них была важная причина. И они оставили Джимми-Снежныечеловека, чтобы он заботился о вас, и он привел вас на берег моря. И в рыбные дни вы ловили ему рыбу, и он съедал ее.

Я знаю, что вы никогда не едите рыбу, но Джимми-Снежныечеловек не такой, как вы.

Потому что ему надо есть рыбу, иначе он очень сильно заболеет.

Потому что он так устроен.

И однажды Джимми-Снежныечеловек пошел к Коростелю. А когда вернулся, у него на ноге было бо-бо. И вы мурлыкали над ним, но ему не стало лучше.

А потом пришли два плохих человека. Они остались от хаоса.

Я не знаю, почему Коростель не убрал их. Может быть, они спрятались под кустом и он их не заметил. Но они схватили Аманду и стали делать ей плохо и больно.

Нет, сейчас мы не будем говорить о том, что они с ней делали.

И Джимми-Снежнычеловек хотел их остановить. А потом пришла я, и Рен тоже пришла, и мы поймали двух плохих людей и привязали их к дереву веревкой. Потом мы сели вокруг костра и стали есть суп. Джимми-Снежнычеловек ел суп, и Аманда ела суп, и Рен тоже ела суп. Даже два плохих человека ели суп.

Да, в супе была кость. Да, это была вонючая кость.

Я знаю, что вы не едите вонючую кость. Но многие Дети Орикс любят есть такие кости. Рыськи их едят, и скуноты их едят, и свиноиды их едят, и львагнцы тоже их едят. Они все едят вонючие кости. И медведи тоже их едят.

Что такое медведь, я расскажу вам потом.

Сейчас мы не будем больше говорить про вонючие кости.

И пока они все ели суп, вы пришли с факелами, потому что хотели помочь Джимми-Снежнычеловеку, потому что у него была больная нога. И еще вы знали, что тут есть синие женщины, и хотели с ними спариться.

Вы не знали про плохих людей и про то, почему на них была веревка. Вы не виноваты, что они убежали в лес. Не плачьте.

Да, Коростель очень сердит на этих плохих

людей. Может быть, он пошлет на них гром.

Да, хороший, добрый Коростель.

Пожалуйста, не надо петь.

Веревка

Веревка

О событиях того вечера — событиях, вновь выпустивших в мир человеческую злобу, — Тоби потом сложила две истории. Первую — со счастливым концом (во всяком случае, настолько счастливым, насколько у Тоби хватило изворотливости), чтобы рассказывать ее вслух Детям Коростеля. Вторую — только для себя, менее лучезарную. Эта история повествовала частично об идиотизме самой Тоби, ее упущениях, но отчасти и о темпе. Все произошло слишком быстро.

Конечно, Тоби была уставшая; прилив адреналина сменился упадком. Это и понятно, ведь ей выпали очень трудные два дня, когда приходилось напрягать все силы и почти не пришлось есть.

Накануне она и Рен покинули убежище — саманный домик Беззумных Аддамов, где укрылась горстка выживших после пандемии. Тоби и Рен отправились на поиски Аманды, лучшей подруги Рен, и нашли ее как раз вовремя, потому что два больболиста, захватившие Аманду, уже использовали ее почти до конца. Тоби хорошо знала повадки больболистов: один из них чуть не убил

ее перед тем, как она попала к вертоградарям. У любого, кто больше одного раза побывал в больболе, мозг атрофировался до рептильного. Если попадаешь в руки к больболисту, он пользуется тобой в сексуальном плане, пока от тебя не остается одна сухая шкурка; после этого ты становишься обедом. Больболисты особенно любили почки.

Тоби и Рен притаились в кустах, слушая, как больболисты спорят о скуноте, которого едят, о том, следует ли атаковать Детей Коростеля, и о том, что дальше делать с Амандой. Рен была испугана до потери рассудка; Тоби надеялась, что Рен не упадет в обморок, но не могла слишком долго о ней думать, потому что набиралась храбрости для выстрела. Которого застрелить первым, бородатого или стриженого? Успеет ли второй схватиться за пистолет-распылитель? Аманда не поможет и даже сбежать не сумеет: у нее на шее веревка, а другой конец веревки привязан к ноге бородатого. Стоит Тоби сделать неверное движение, и Аманда погибнет.

Тут из кустов вывалился незнакомый мужчина, обожженный солнцем, покрытый болячками, голый, с пистолетом-распылителем в руке, и чуть не перестрелял всех, в том числе Аманду.

Но Рен закричала и выбежала на поляну, и это отвлекло больболистов. Тоби шагнула из кустов с нацеленным ружьем, Аманда вырвалась от того, кто ее держал, и больболистов скрутили, пнув несколько раз в пах и треснув камнем, и связали их собственной веревкой и полосками, оторванными от розовой накидки с логотипом «НоваТы», которую Тоби носила для защиты от солнца.

Рен тут же занялась Амандой, которая, кажется, впала в шок, и голым в болячках, которого называла Джимми. Она завернула его в остаток накидки, тихо приговаривая что-то; по-видимому, этот Джимми когда-то был ее бойфрендом.

Когда все более или менее улеглось, Тоби решила, что можно расслабиться. Она успокаивалась с помощью дыхательного упражнения вертоградарей, приспособленного к ритму шуршащих рядом волн — шшшш-шшшш, шшшш-шшшш, — пока пульс не снизился до нормы. Потом она сварила суп.

А потом взошла луна.

Восход луны означал, что по календарю вертоградарей начался праздник святой Юлианы и Всех Душ[1]: праздник нежности и сострадания Бога ко всем живым существам. «Он держит

[1] Сноски: 1
Сведения о святых, почитаемых вертоградарями, см. в конце книги.

вселенную в Своей ладони, как было открыто в мистическом видении много столетий назад святой Юлиане Нориджской, которая поведала об этом нам. Мы должны прощать, наши поступки должны быть исполнены любви и доброты, и никакой круг не должен быть разорван. «Все души» — значит, все без исключения, что бы они ни совершили. По крайней мере, от восхода луны до ее захода».

Если уж Адамы и Евы у вертоградарей тебя чему-нибудь научили, это остается с тобой навсегда. У Тоби просто не поднялась бы рука убить больболистов — хладнокровно убить беспомощных людей, поскольку те были уже крепко привязаны к дереву.

Привязывали их Аманда и Рен. Они вместе учились в школе у вертоградарей, в программе которой много времени уделялось созданию разных поделок из вторичных материалов, и превосходно умели вязать узлы. Больболисты стали похожи на макраме.

В тот благословенный вечер святой Юлианы Тоби отложила оружие в сторону — свой собственный старинный карабин, и пистолет-распылитель больболистов, и пистолет-распылитель Джимми тоже. Потом стала изображать добрую

фею-крестную, разливая суп, деля питательные вещества по справедливости на всех.

Должно быть, ее заворожило ощущение собственной доброты и благородства. Она рассадила всех в кружок у уютного вечернего костра и всем налила супу — даже Аманде, которая была настолько истерзана, что почти впала в кататонию; даже Джимми, которого трепала лихорадка, — он разговаривал вслух с давно умершей женщиной, стоящей посреди костра. Даже двум больболистам; неужели Тоби действительно думала, что они раскаются, обратятся и станут белыми и пушистыми? Удивительно, что, разливая суп, она не начала говорить проповедь по случаю праздника. «Ешьте все — и ты, и ты, и ты! Отбросьте злобу и ненависть! Войдите в круг света!»

Но злоба и ненависть — как наркотик. Они опьяняют. И, попробовав раз, ты хочешь еще, а если не получаешь, у тебя начинается ломка.

Пока они ели суп, из-за деревьев послышались голоса — кто-то приближался по берегу. Это были Дети Коростеля — странные существа, продукты генной инженерии, живущие на побережье. Они цепочкой шли по лесу, неся факелы из смолистой сосны и распевая свои хрустальные песни.

Раньше Тоби видела этих людей лишь недолго

и при дневном свете. В свете луны и факелов их красота сверкала еще ярче. Дети Коростеля были самых разных цветов — коричневые, желтые, черные, белые — и разного роста, но каждый — совершенство. Женщины безмятежно улыбались; мужчины, готовые к спариванию, несли в руках букеты цветов; обнаженные тела — словно из комикса для подростков, где тела изображены в соответствии с идеалом, где каждый мускул и каждая ложбинка четко очерчены и блестят. Мужчины виляли из стороны в сторону ярко-синими, неестественно огромными пенисами, словно дружелюбные собаки хвостами.

Позже Тоби никак не могла вспомнить точной последовательности событий, если какая-то последовательность вообще была. Это скорее походило на стычку банд в плебсвилле: стремительные броски, сплетение тел, какофония голосов.

Дети Коростеля: Где синие женщины? Мы слышим синий запах! Смотрите, это Снежный Человек! Он худой! Он очень больной!

Рен: О черт, это Дети Коростеля! А если они захотят… Поглядите на их… Блин!

Женщина из Детей Коростеля, заметив Джимми: Давайте поможем Снежному Человеку!

Нужно над ним помурлыкать!

Мужчины из Детей Коростеля, заметив Аманду: Вот синяя! Она пахнет синим! Она хочет с нами спариться! Дайте ей цветы! Она будет рада!

Аманда, испуганно: Отойдите! Я не хочу… Рен, помоги! *(Аманду берут в кольцо четверо больших красивых обнаженных мужчин с цветами в руках.)* Тоби! Прогони их! Стреляй!

Женщина из Детей Коростеля: Она больна. Сначала мы должны над ней помурлыкать. Чтобы она выздоровела. И, может быть, дать ей рыбу?

Мужчины из Детей Коростеля: Она синяя! Она синяя! Мы рады! Пойте ей! Другая тоже синяя! Эта рыба для Снежного Человека. Мы должны ее сберечь.

Рен: Аманда, может, лучше взять цветы, а то вдруг они разозлятся или что-нибудь…

Тоби (тонким голосом, безо всякого эффекта): Пожалуйста, послушайте, отойдите, вы пугаете…

Дети Коростеля: Что это? Это кость?

Несколько женщин, заглядывая в котелок с супом: Вы едите эту кость? Она плохо пахнет.

Дети Коростеля: Мы не едим кость. Снежный Человек не ест кость, он ест рыбу. Почему вы едите вонючую кость? Это нога Снежного Человека пахнет как кость! Как кость, которую бросили

грифы! О Снежный Человек, мы должны помурлыкать над твоей ногой!

Джимми, в бреду: Кто ты? Орикс? Но ты же умерла. Все умерли. Все люди, во всем мире, умерли… *(Начинает плакать.)*

Дети Коростеля: Не плачь, о Снежный Человек! Мы пришли тебе помочь!

Тоби: Может быть, лучше не трогать… Это инфекция… Ему нужно…

Джимми: Ой! Бля!

Дети Коростеля: О Снежный Человек, не лягайся. Ты сделаешь своей ноге хуже. *(Несколько Детей Коростеля начинают мурлыкать — получается звук, словно работает кухонный миксер.)*

Рен, зовя на помощь: Тоби! Тоби! Эй, а ну-ка отпустите ее!

Тоби оглядывается, смотрит через костер: Аманда исчезла в мерцающей куче обнаженных мужских конечностей и спин. Рен бросается в гущу сражения и почти сразу исчезает из виду.

Тоби: Стойте! Не надо… Прекратите! *(Что делать? Это капитальное недоразумение, обусловленное разницей культур. О, будь у нее ведро холодной воды!)*

Сдавленные крики. Тоби бросается на помощь, но вдруг

Один из больболистов: Эй, вы! Подите сюда!

Дети Коростеля. Эти люди пахнут очень плохо. Они пахнут грязной кровью. Где кровь? Что это такое? Это веревка. Почему они привязаны веревкой? Снежный Человек показывал нам веревку, раньше, когда жил на дереве. Веревка — это для того, чтобы делать его дом. О Снежный Человек, почему веревка привязана к этим людям? Она делает им больно. Мы должны убрать ее.

Второй больболист: Да, да, так и есть. Мы ужасно мучаемся, бля. *(Стонет.)*

Тоби: Нет! Не отвязывайте… Эти люди вас…

Больболист: Бля! Шевелись, синий хер, а то эта сука…

Тоби: Не трогайте их, они…

Но было уже поздно. Кто знал, что Дети Коростеля умеют так ловко развязывать узлы?

Шествие

Больболисты исчезли в темноте, оставив спутанную веревку и рассыпанные угли. Идиотка, думала Тоби. Надо было не поддаваться жалости. Проломить им головы камнем, перерезать горло ножом, даже пулю на них не тратить. Ты повела себя как дебилка, твое бездействие — преступная халатность.

Видно было плохо — костер угасал, — но она быстро подвела итоги: хотя бы ее карабин был на месте — небольшая милость судьбы. Но пистолет-распылитель больболистов исчез. Кретинка. Вот тебе твоя святая Юлиана и любовная забота вселенной.

Аманда и Рен плакали, вцепившись друг в друга, а несколько прекрасных Дочерей Коростеля обеспокоенно поглаживали их. Джимми упал на бок и разговаривал с догорающими углями. Чем скорее они все доберутся до саманного домика, тем лучше — здесь, в темноте, они просто неподвижные мишени. Больболисты вернутся за оставшимся оружием, и Тоби уже понимала, что в этом случае от Детей Коростеля толку не будет никакого. «Почему ты меня ударил? Коростель

рассердится! Он пошлет гром!» Если она свалит больболиста выстрелом, Дети Коростеля бросятся между ними и не дадут нанести завершающий удар. «О, ты сделала бабах, человек упал, в нем дырка, течет кровь! Он ранен, мы должны ему помочь!»

Но даже если больболисты вернутся не сразу — в лесу есть и другие хищники. Рыськи, волкопсы, львагнцы; и огромные дикие свиньи, они гораздо хуже. И еще: теперь, когда в городах и на дорогах нет людей — кто знает, как скоро с севера начнут приходить медведи?

— Нам надо идти, — сказала она Детям Коростеля. К ней повернулись головы, на нее уставилось несколько пар зеленых глаз. — Снежный Человек должен идти с нами.

Дети Коростеля заговорили все разом.

— Снежный Человек должен оставаться с нами! Мы должны вернуть его на его дерево.

— Да, это то, что он любит. Он любит дерево.

— Да, только он может говорить с Коростелем.

— Только он может поведать нам слова Коростеля, слова о Яйце.

— О хаосе.

— Об Орикс, которая сотворила всех животных.

— О том, как Коростель прогнал хаос.

— Хороший, добрый Коростель.

Они запели.

— Нам нужно достать лекарство, — в отчаянии сказала Тоби. — Иначе Джимми… иначе Снежный Человек умрет.

Непонимающие взгляды. Может, они вообще не знают, что такое смерть?

Дети Коростеля удивленно сморщили лбы:

— Что такое «джимми»?

Ошибка: неправильное имя.

— Джимми — это другое имя Снежного Человека.

— Почему? Почему у него другое имя? Что значит «джимми»?

Кажется, это было им гораздо интересней, чем смерть.

— Это розовая кожа Снежного Человека так называется?

— Я тоже хочу джимми! — пропищал маленький мальчик.

Как им объяснить?

— Джимми — это имя. У Снежного Человека два имени.

— Его зовут Джимми-Снежныечеловек?

— Да, — сказала Тоби, потому что теперь его

именно так и звали.

— Джимми-Снежныечеловек, Джимми-Снежныечеловек, — понеслось по кругу.

— Почему у него два имени? — спросил кто-то, но другие уже переключились на следующее непонятное слово: — Что такое «лекарство»?

— Лекарство — это такая вещь, которая поможет Джимми-Снежныечеловеку выздороветь, — рискнула Тоби. Дети Коростеля заулыбались: эта мысль им понравилась.

— Тогда мы тоже пойдем, — сказал один из Детей Коростеля, кажется, главный среди них — высокий желтовато-смуглый мужчина с римским носом. — Мы понесем Джимми-Снежныечеловека.

Двое Сыновей Коростеля легко подняли Джимми. Тоби совершенно не нравились его глаза: они превратились в белые щелки меж полузакрытых век.

— Я лечу, — пробормотал он, когда Дети Коростеля подняли его.

Тоби нашла пистолет-распылитель Джимми и вручила его Рен, сначала отщелкнув предохранитель: Рен, конечно, не сможет выстрелить, куда ей, но в случае чего лучше быть начеку.

Тоби думала, что к саманному домику с ними

пойдут только двое добровольцев из Детей Коростеля, но за ними увязалась вся толпа, даже малыши. Они все хотели быть поближе к Снежному Человеку. Мужчины несли его по очереди; остальные высоко держали факелы и время от времени пели странными голосами, похожими на жидкое стекло.

Четыре женщины шли с Рен и Амандой, поглаживая их и касаясь их рук.

— Орикс поможет тебе, — сказали они Аманде.

— Не смейте больше подпускать к ней этих, с синими херами, бля, — сердито сказала Рен.

— Что значит «синими херами»? — растерянно спросили женщины. — Что такое «бля»?

— Не смейте, поняли? А то смотрите у меня!

— Орикс сделает ее счастливой, — отозвались женщины, хотя и без особой уверенности. — Куда нам смотреть?

— Ничего, — слабо сказала Аманда, обращаясь к Рен. — Ты-то как?

— Нет, бля, не «ничего»! Надо скорее доставить тебя к «Беззумным Аддамам». У них есть кровати, и водяная скважина, и все прочее. Мы тебя отмоем, и Джимми тоже.

— Джимми? — переспросила Аманда. — Это Джимми? А я думала, он умер, как все осталь-

ные.

— Я тоже думала. Но многие выжили. Ну, некоторые. Зеб жив, и Ребекка, и мы с тобой, и Тоби, и…

— А куда свалили эти двое? В смысле, больболисты. Жалко, я не вышибла им мозги, когда была возможность, — она коротко засмеялась, отмахиваясь от боли, совсем как в былые плебсвилльские годы. — Далеко еще?

— Давай они тебя понесут.

— Не надо. Я могу идти.

Вокруг факелов порхали мотыльки, листья шелестели над головой на ночном ветерке. Сколько времени они шли? Тоби казалось, что прошло много часов, но при лунном свете время определять трудно. Они направлялись на запад, через Парк Наследия; шум волн за спиной становился все тише. Они шли по тропе; Тоби совсем не узнавала дорогу, но, кажется, Дети Коростеля знали, куда идут.

Тоби с ружьем наготове замыкала шествие, напрягая слух — не послышатся ли шаги меж деревьев, не треснет ли ветка, не засопит ли кто-нибудь. Но слышала лишь кваканье и редкое чириканье — лягушки или проснулась ночная птица. Тоби спиной ощущала огромную темноту;

великанская тень падала от ее ног, смешиваясь с еще более темными тенями позади.

Мак

Наконец они дошли до ограды саманного домика. В ограде горела единственная лампочка и стояли на часах Крозье, Дюгонь и Майна, с пистолетами-распылителями наготове. У них были головные лампы на ремнях, восторгнутые из магазина для велосипедистов.

Рен выбежала вперед.

— Это мы! Все в порядке! Мы нашли Аманду!

Головная лампа Крозье запрыгала вверх-вниз: он открывал ворота.

— Молодцы! — крикнул он.

— Отлично! Я скажу остальным! — Майна ушла в дом.

— Кроз! Мы победили! — Рен бросилась ему на шею, уронив распылитель. Крозье поднял ее, закружил и поцеловал. Потом поставил на землю.

— Эй, а где ты взяла распылитель?

Рен заплакала.

— Я думала, они нас убьют! Эти двое. Но ты бы видел Тоби! Она такая крутая! У нее было ее старое ружье, и мы треснули их камнями, а потом привязали, но…

— Ух ты, — сказал Дюгонь, разглядывая Детей

Коростеля, которые валили в ворота, переговариваясь между собой. — Да это же наш цирк из «Пародиза»!

— Так это они, да? — спросил Крозье. — Те голые уроды, которых сделал Коростель? Которые живут на берегу?

— Не надо называть их уродами, — сказала Рен. — Они могут услышать.

— Не один Коростель, — поправил Дюгонь. — Мы все над ними работали в проекте «Пародиз». Я, Американская Лисица, Белоклювый Дятел…

— Зачем они пришли с вами? — спросил Крозье. — Чего им надо?

— Они просто хотели помочь, — сказала Тоби. Она вдруг почувствовала, что ужасно устала; ей уже ничего не нужно было — только упасть у себя в закутке и отключиться. — Кто-нибудь еще приходил?

Зеб ушел из саманного домика одновременно с ними — на поиски Адама Первого и всех остальных выживших вертоградарей. Тоби жаждала узнать, не вернулся ли он, но расспрашивать в открытую не желала: согласно присказке вертоградарей, кто по другому сохнет, тот к общему благу глохнет, тем более Тоби никогда не любила афишировать свои чувства.

— Только эти свиньи опять, — ответил Крозье. — Хотели подкопаться под забор в огороде. Мы направили на них прожекторы, и они убежали. Они знают, что такое пистолет-распылитель.

— Особенно после того, как одна-две пошли на бекон, — заметил Дюгонь. — Монстробекон, учитывая, что они — сплайсы. Мне все еще не по себе, когда я их ем. У них в неокортексе ткани человеческого мозга.

— Надеюсь, монстролюди Коростеля не намерены поселиться у нас, — сказала светловолосая женщина, вышедшая из саманного домика вместе с Майной. Тоби успела запомнить ее за то недолгое время, что пробыла здесь до начала похода за Амандой: женщину звали Американская Лисица. Она явно разменяла четвертый десяток, но сейчас на ней была ночная рубашка с кружавчиками по подолу, которая скорее подошла бы двенадцатилетке. Где она такую взяла? Наверное, утащила из магазина «Аппетитные голопопки» или какой-нибудь лавчонки «Все по сто долларов».

— Вы, должно быть, ужасно устали, — сказала Майна, обращаясь к Тоби.

— Не знаю, зачем вы их привели, — сказала Американская Лисица. — Такую толпу. Мы их не

прокормим.

— Их и не надо кормить, — сказал Дюгонь. — Они питаются листьями, ты разве не помнишь? Так их спроектировал Коростель. Чтобы им не нужно было сельское хозяйство.

— Точно, — ответила Американская Лисица. — Ты работал над этим модулем. Я-то занималась мозгами. Лобными долями, модификацией сенсорного ввода. Я пробовала сделать их не такими скучными, но Коростель велел убрать агрессию, и даже юмор запретил. Ходячие картофелины.

— Они очень хорошие, — сказала Рен. — Женщины, во всяком случае.

— Наверняка самцы захотели с тобой спариться; они все время пытаются это делать. Главное, не заставляйте меня с ними разговаривать. Я иду обратно в постель. Спокойной ночи всем, приятного общения с картошкой. — Американская Лисица зевнула, потянулась и неторопливо ушла.

— Чего она такая злая? — спросил Дюгонь. — Она весь день сегодня такая.

— Гормоны, наверное, — ответил Крозье. — А ночнушка-то!

— Она ей явно мала, — прокомментировал Дюгонь.

— О, ты заметил!

— Может, у нее другие причины для плохого настроения, — вступилась Рен. — У женщин они иногда бывают.

— Извини, — сказал Крозье и обнял ее за плечи.

Четверо Сыновей Коростеля отделились от толпы и пошли за Американской Лисицей, раскачивая синими членами. В руках у них снова были цветы — видно, успели набрать где-то по дороге. Они запели.

— Нет! — резко крикнула Тоби, словно отдавая команду собакам. — Стойте здесь! С Джимми-Снежнычеловеком!

Как им объяснить, что они не могут наваливаться кучей на любую молодую женщину не из их племени, которая кажется им готовой к спариванию, — что икебаны, серенады и размахивание членами тут не помогут? Но мужчины уже исчезли за углом дома.

Двое Детей Коростеля, которые несли Джимми, опустили его на землю. Он обмяк, привалившись к их коленям.

— Где будет Джимми-Снежнычеловек? — спросили они. — Где мы можем помурлыкать над ним?

— Ему нужна отдельная комната, — сказала Тоби. — Мы найдем ему кровать, а потом я принесу лекарство.

— Мы пойдем с тобой. Мы будем мурлыкать.

Дети Коростеля снова подобрали Джимми, сделав стульчик из рук. Остальные столпились кругом.

— Не все сразу, — сказала Тоби. — Ему нужно, чтобы было тихо.

— Он может занять комнату Кроза, — сказала Рен. — Правда, Кроз?

— Кто это? — спросил Крозье, разглядывая Джимми. Джимми свесил голову набок, пуская слюни себе в бороду, и самозабвенно чесался чудовищно грязной пятерней сквозь розовую ткань накидки. От него отчетливо разило. — Где вы его откопали? Почему он в розовом? Какая-то балерина, бля.

— Это Джимми. Помнишь, я тебе рассказывала? Мой когдатошний бойфренд?

— Который попортил тебе жизнь? Еще в школе? Этот педофил?

— Не надо так, — заступилась Рен. — Я же не была ребенком. У него жар.

— Не уходи, не уходи! Вернись на дерево! — пробормотал Джимми.

— И ты еще за него заступаешься? После того как он тебя бросил?

— Да, это правда, но теперь он вроде как герой. Он помог спасти Аманду, ты знаешь, и чуть не погиб.

— Аманда! Я ее не вижу. Где она?

— Вон там, — Рен показала на кучку Дочерей Коростеля, окруживших Аманду — они гладили ее и тихо мурлыкали. Они расступились, чтобы пропустить Рен.

— Это Аманда? — уточнил Крозье. — Черт! Она похожа на…

— Не надо так говорить, — Рен обняла Аманду. — Завтра она будет выглядеть гораздо лучше. Через неделю уж точно.

Аманда заплакала.

— Ее нет, — пробормотал Джимми. — Она улетела. Свиноиды.

— Бр-р-р. Жуть какая, — сказал Крозье.

— Кроз, кругом вообще сплошная жуть.

— А, ну ладно, извини. Моя вахта почти кончилась. Давай мы с тобой…

— Я думаю, что должна помочь Тоби, — сказала Рен. — Во всяком случае, сейчас.

— Похоже, мне придется спать на земле, раз этот дебил занял мою кровать.

— Кроз, ну когда ты уже повзрослеешь?

«Только этого нам не хватало, — подумала Тоби. — Размолвки юных влюбленных».

Джимми внесли в отсек Кроза и положили на кровать. Тоби принесла с кухни фонарики и попросила Рен и двух Дочерей Коростеля их держать. Потом отыскала свою аптечку на полке, куда положила ее перед уходом на поиски Аманды.

Она сделала для Джимми все, что могла: обмыла его губкой, чтобы убрать основную грязь; помазала медом неглубокие порезы; дала выпить грибного эликсира, чтобы помочь организму бороться с инфекцией. Потом Ива и Мак — от боли и для сна, восстанавливающего силы. И маленькие серые опарыши на рану в ноге — чтобы сглодали гниющую плоть. Судя по запаху раны, для опарышей было самое время.

— Что это такое? — спросила одна из Дочерей Коростеля, та, что повыше. — Зачем ты кладешь этих маленьких животных на Джимми-Снежныйчеловека? Они его едят?

— Щекотно, — произнес Джимми. Глаза у него полузакрылись — Мак действовал.

— Их послала Орикс, — ответила Тоби. Похоже, это был удачный ответ, потому что женщины

заулыбались. — Они называются опарыши. Они едят его боль.

— А какая на вкус боль, о Тоби?

— А нам тоже надо есть боль?

— Если мы съедим боль, это поможет Джимми-Снежныечеловеку?

— Боль очень плохо пахнет. А вкус у нее хороший?

Надо избегать метафор.

— Боль хороша на вкус только для опарышей. Нет, вам не надо есть боль.

— Он поправится? — спросила Рен. — У него не гангрена?

— Надеюсь, что нет, — сказала Тоби. Дочери Коростеля положили ладони на Джимми и принялись мурлыкать.

— Падает, — пробормотал Джимми. — Бабочка. Ее больше нет.

Рен склонилась над ним, отвела волосы со лба.

— Спи, Джимми. Мы тебя любим.

Саманный дом

Утро

Тоби снится, что она лежит в узкой детской кровати, у себя дома. На подушке рядом с ней плюшевые звери — лев и косматый медведь, у которого в животе играет песенка. На письменном столе — древняя свинья-копилка, планшет, на котором Тоби делает уроки, фломастеры и мобильник в чехле с рисунком из ромашек. Из кухни доносится голос матери — она что-то говорит отцу, и голос отца, который ей отвечает. И запах жарящейся яичницы.

Во сне внутри сна Тоби снятся животные. Свинья, но с шестью ногами. Другое животное похоже на кошку, но глаза у него фасеточные, как у мухи. И медведь, но с копытами. Животные не дружелюбны, но и не враждебны. В городе снаружи начинается пожар, Тоби чувствует запах гари. Воздух наполняется страхом. «Где он, где он…» — произносит голос, словно колокол звонит. Животные по очереди подходят к ней и лижут ее теплыми, шершавыми языками.

На грани дремы и яви Тоби цепляется за уходящий сон: горящий город и вестники, посланные ее предупредить. О том, что мир полностью пере-

менился; о том, что все привычное давно умерло; и все, что она когда-то любила, унесено потоком.

Как говаривал Адам Первый: «Рок Содома стремительно приближается. Не поддавайтесь жалости. Избегайте судьбы соляного столпа. Не оглядывайтесь».

Она просыпается и обнаруживает, что ее ногу лижет париковца, рыжая. Длинные человеческие волосы заплетены в косички, и на каждой бантик — видно, среди Беззумных Аддамов нашлась сентиментальная душа. Овца как-то выбралась из загона, где их держат.

— Пошла вон. — Тоби незло отпихивает овцу ногой. Та дарит ей взгляд, полный безмозглого упрека, — париковцы не слишком умны — и, цокая копытами, выходит в дверной проем. «Нам вообще-то не помешали бы двери», — думает Тоби.

Утренний свет просачивается через кусок тряпки, которым завешено окно в тщетной попытке уберечься от комаров. Вот если бы найти где-нибудь сетку! Но сперва придется установить оконные рамы — саманный дом вообще не приспособлен для жизни, это парковое здание, которое раньше использовалось для праздников под открытым небом и ярмарок. А сейчас

они живут в нем, потому что тут безопасно. Дом находится вдали от городской разрухи — пустынных улиц, случайных пожаров от закоротившей проводки и потопов от зарытых под землю рек, которые уже переполняют свои русла, потому что все насосы отказали. На саманный дом не свалится рухнувшее высотное здание, а поскольку сам дом всего в один этаж высотой, он не обрушится внутрь себя.

Тоби выпутывается из простыни, влажной от утренней росы, и вытягивает руки, пробуя, нет ли растяжений и хорошо ли гнутся суставы. Она совершенно измотана — до такой степени, что ей даже не хочется вставать. Слишком устала, слишком разочарована и сердита на себя из-за вчерашней неудачи у ночного костра. Что она скажет Зебу, когда он вернется? Если, конечно, он вернется. Он изобретателен, но все же уязвим.

Остается только надеяться, что вылазка Зеба будет более успешной, чем экспедиция самой Тоби. Очень возможно, что часть вертоградарей выжила: если кто и смог пережить пандемию, убившую почти всех, это именно они. Все годы, пока Тоби жила с вертоградарями — сперва гостьей, потом подмастерьем, потом Евой, носительницей власти, — они готовились к этой

катастрофе. Они строили тайные убежища и создавали там запасы провизии: мед, сушеные грибы и соевые бобы, шиповник, бузинный взвар, разные домашние закатки. Семена — посеять в новом, очищенном от скверны мире, который, как они верили, грядет. Может быть, вертоградари пересидели чуму в одном из этих убежищ — Араратов, которые, как они надеялись, будут безопасным укрытием на время того, что они называли Безводным Потопом. После случая с Ноем Бог обещал, что больше не будет заливать Землю водой, но, учитывая греховность мира, что-то Ему непременно придется сделать — такова была цепочка их рассуждений. Но где же Зеб будет их искать в развалинах города? Откуда хотя бы начинать?

«Представь воочию свое самое сильное желание, и оно воплотится», — говорили вертоградари. Но это не всегда срабатывает, а иногда срабатывает не совсем так, как ожидалось. Самое сильное желание Тоби — чтобы Зеб вернулся целым и невредимым, но если он вернется, она вынуждена будет считаться с тем, что она для него нейтральна. Никаких эмоций, ничего сексуального. Никаких рюшечек. Доверенный товарищ, надежный соратник. Старая добрая

Тоби, на нее всегда можно положиться. И всё.

И ей придется рассказать ему о своей неудаче. «Я повела себя как идиотка. Был праздник святой Юлианы, и у меня не поднялась рука их убить. Они убежали. И забрали распылитель». Она не будет нюнить, не будет плакать, не будет искать себе оправданий. Зеб не станет ее долго ругать, но разочаруется в ней.

Тоби словно услышала Адама Первого. «Не будь чересчур сурова к себе, — говорил он, сияя терпеливыми голубыми глазами. — Мы все ошибаемся». «Верно, — ответила ему Тоби через годы, — но некоторые ошибки смертельнее других». Если Зеба убьет кто-то из больболистов, то виновата в этом будет она. Дура, дура, дура. Ее тянет побиться головой о стену саманного дома.

Остается лишь надеяться, что больболисты достаточно напуганы и убегут подальше. Но что если они вернутся? Им понадобится еда. Они могут найти некое подобие еды в брошенных домах и магазинах — то, что не заплесневело, не съедено крысами и не разграблено за истекшие месяцы. Они могут даже подстрелить какое-нибудь животное — скунота, зеленого кролика, львагнца, — но потом у них кончатся батареи для пистолетов-распылителей, и им понадобятся

новые.

Они знают, что у Беззумных Аддамов в саманном доме батареи есть. Рано или поздно они решат атаковать и выберут самое уязвимое место: схватят ребенка из Детей Коростеля и предложат меняться, как раньше предлагали меняться на Аманду. Они потребуют пистолеты-распылители и батареи к ним, и еще парочку молодых женщин в придачу — Рен, или Голубянку, или Белую Осоку, или Американскую Лисицу. Не Аманду — ее они уже списали со счетов. Или женщину из Детей Коростеля в течке — почему бы нет? Для них это будет новинка — женщина с ярко-синим пахом; собеседники из Детей Коростеля так себе, но на это больболистам наплевать. И ружье Тоби они тоже потребуют.

Дети Коростеля решат, что это всего лишь просьба поделиться. «Им нужна ваша палка? Они будут ей рады? Почему ты не хочешь дать им палку, о Тоби?» Как объяснить, что нельзя давать убийцам орудие убийства? Детям Коростеля недоступно само понятие убийства — они так доверчивы. Они даже не представляют, что их можно изнасиловать («Что такое изнасиловать?»), или перерезать им горло («О Тоби, зачем?»), или выпотрошить их и съесть их почки

(«Но ведь Орикс этого не допустит!»).

А если бы Дети Коростеля тогда не развязали узлы? Что собиралась делать Тоби? Отконвоировать больболистов назад в саманный дом и держать взаперти, пока не вернется Зеб, чтобы взять дело в свои руки и выполнить необходимую операцию?

Он бы устроил нечто вроде разбирательства для вида. Потом — двойное повешение. А может, пропустил бы формальности и попросту треснул обоих лопатой по голове, приговаривая: «К чему зря тратить веревку?» Конечный результат был бы тот же, как если бы Тоби прикончила обоих на месте, прямо тогда, у костра.

Ну, хватит пережевывать неприятности. Уже утро. Хватит грезить о том, как Зеб решительно берет на себя роль лидера и делает за Тоби ее работу. Нужно встать, выйти на улицу, присоединиться к остальным. Исправить неисправимое, починить то, что починить нельзя, пристрелить кого надо. Удерживать крепость.

Завтрак

Тоби спускает ноги с кровати, ставит их на пол, встает. Мышцы болят, кожа — как наждачная бумага, но когда встанешь, это уже меньше чувствуется.

Она выбирает из нескольких простыней, лежащих у нее на полке, одну — сиреневую, в синюю крапинку. В каждом отсеке целая стопка этих простыней, как когда-то полотенец в отелях. Розовая накидка Тоби из салона «НоваТы» вся в лохмотьях и, вероятно, заражена тем, что перешло на нее от Джимми; надо будет ее сжечь. Когда руки дойдут, Тоби сошьет несколько простыней вместе, сделает дырки для рук и что-нибудь вроде капюшона от солнца. Но пока что она драпируется в сиреневую простыню, наподобие тоги.

Простыней им хватает. Беззумные Аддамы восторгли большой запас из разрушенных городских зданий. Еще у них есть штаны и рубахи для тяжелой работы. Но в простынях прохладней, и они безразмерные, поэтому Беззумные Аддамы предпочитают именно их. Когда простыни кончатся, надо будет придумать что-нибудь другое, но запаса хватит еще на много лет. Может, они и

сами столько не проживут.

Ей нужно зеркало. Без зеркала никак не понять, насколько она страшная. Может, получится добавить зеркала в следующий список для восторгания. И зубные щетки тоже.

Тоби взваливает на плечо рюкзак с целебными припасами: опарыши, мед, грибной эликсир, Ива и Мак. Первым делом надо обиходить Джимми — если он еще жив, конечно. Но только после завтрака: на пустой желудок Тоби не вынесет наступающего дня и тем более — неизбежных манипуляций с гноящейся ногой Джимми. Тоби берет ружье и делает шаг наружу, в палящий утренний свет.

Еще рано, но солнце уже раскалено добела. Тоби накидывает на голову край простыни для защиты от солнечных лучей и оглядывает двор саманного дома. Рыжеволосая париковца все еще на свободе — сейчас она, жуя листья кудзу, разглядывает сквозь забор овощи на огородных грядках. Ее подружки что-то блеют ей из загона: серебряные, голубые, зеленые и розовые париковцы, брюнетки и блондинки, полный спектр. «Не парик, а париковца! Живые, натуральные волосы!» — так говорилось в давнишней рекламе, когда париковец только что вывели.

У Тоби сейчас волосы тоже от париковцы — от рождения она не была брюнеткой. Может, потому овца и пришла полизать ей ногу. Не из-за соли, а потому, что учуяла слабый запах ланолина, овечьего воска. Приняла Тоби за родственницу.

«Главное, — думает Тоби, — чтобы какой-нибудь баран не начал меня вожделеть». Надо последить за собой, чтобы нечаянно не впасть в овечью кротость. Ребекка, наверное, уже встала и разбирается с завтраком в кухне-сарае; может, у нее в закромах найдется шампунь с цветочным запахом.

Чуть поодаль, у огорода, в тени сидят Рен и Голубянка. Они поглощены разговором. С ними сидит Аманда и смотрит куда-то вдаль. Вертоградари сказали бы, что она под паром. Этот термин служил у них обозначением весьма разнообразного набора состояний, от депрессии и посттравматического шока до непрерывного наркотического кайфа. Вертоградари считали, что человек «под паром» собирает и накапливает силу, подпитываясь через медитацию: выпускает во вселенную невидимые корешки. Тоби очень надеется, что именно это сейчас происходит с Амандой. В давние времена, когда Тоби преподавала в школе вертоградарей, в саду на крыше

«Райский утес», Аманда была таким живым ребенком. Когда же это было? Десять, пятнадцать лет назад? Удивительно, как быстро прошлое превращается в идиллию.

Белоклювый Дятел, Дюгонь и Майна укрепляют периметр. При дневном свете он кажется хрупким, сквозящим. Каркасом служит старая чугунная ограда — решетка с орнаментом, к которой приделаны куски самого разного материала: проволочной сетки, переплетенной изолентой, разнокалиберных шестов, и ряд заостренных кольев, тупые концы которых зарыты в землю, а острые смотрят наружу. Дюгонь добавляет новые колья; Белоклювый Дятел и Майна по другую сторону забора орудуют лопатами. Вроде бы закапывают какую-то яму.

— Доброе утро, — говорит Тоби.

— Глянь-ка сюда, — отвечает Дюгонь. — Кто-то пытался прорыть ход. Вчера ночью. Часовые не видели — они отгоняли свиней от фасадной стороны забора.

— Следы есть? — спрашивает Тоби.

— Мы думаем, что это все те же свиньи, — говорит Майна. — Они умные — отвлекают внимание, а сами устраивают подкоп. В любом случае им это не удалось.

За периметром стоят полукругом Сыновья Коростеля — на равном расстоянии друг от друга, лицом наружу, — и синхронно мочатся. Мужчина в полосатой простыне, похожий на Кроза, — точнее, это и есть Кроз — стоит вместе с ними, принимая участие в групповом пописе.

Что дальше? Кроз намерен отуземиться? Сбросить одежду, пристраститься к пению *а капелла*, отрастить огромный член, который в определенные дни становится синим? Если бы за первые два пункта можно было получить третий, Кроз ни на секунду не задумался бы. И очень скоро все до единого холостяки из Беззумных Аддамов тоже захотят себе такой. А там, не успеешь и глазом моргнуть, начнется соперничество, разразятся войны — с дубинками, палками и камнями, а потом…

«Возьми себя в руки, — командует себе Тоби. — Не придумывай ненужных забот. Тебе жизненно нужно выпить кофе. Какого угодно. Из корней одуванчика. Благочашку. Разболтанной черной грязи, если больше ничего нету».

И если бы у них был алкоголь, она бы и от него не отказалась.

Рядом с сараем-кухней поставлен длинный стол, как в столовой. Сверху натянут тент, види-

мо, восторгнутый на чьем-то заднем дворе, — для тени. Все задние дворы жилых домов сейчас уже пришли в запустение, бассейны потрескались и высохли или, наоборот, затянулись тиной, и в разбитые окна кухонь вползают, как разведчики, первые плети зеленых лиан. Внутри домов, по углам, крысы построили себе гнезда из клочков ковра, и в гнездах пищат и шевелятся лысые розовые крысята. В балках бурят ходы термиты. В лестничных пролетах летучие мыши охотятся на мотыльков.

— Стоит корням заползти внутрь и хорошенько укрепиться, и ни у одной постройки человека не будет ни единого шанса, — так любил говорить Адам Первый, обращаясь к руководящему ядру вертоградарей. — Корням хватит года, чтобы разодрать мощеную дорогу. Они забьют дождевые водостоки, и как только откажут насосы, фундаменты просто размоет, и никакая сила на Земле не сможет остановить всю эту воду. А потом, когда на электростанциях начнутся пожары и короткие замыкания, не говоря уже о ядерных…

— Тогда не видать нам больше жареных тостов по утрам, — однажды закончил эту литанию Зеб. Он как раз только что вернулся с очередного

таинственного курьерского задания; вид у него был потрепанный, черная искожаная куртка порвана. Один из предметов, которые Зеб преподавал детям вертоградарей в школе, назывался «Предотвращение кровопролития в городе», но Зеб не всегда следовал собственным урокам. — Да, да, я знаю, мы все умрем. Пирога с бузиной случайно не осталось? Очень кушать хочется.

Зеб не всегда проявлял должное почтение к Адаму Первому.

Попытки предугадать, что станет с миром, когда он выйдет из-под контроля человека, когда-то — давно и недолго — были популярной, хоть и жутковатой, формой общественного досуга. Были даже передачи интернет-ТВ на эту тему: сгенерированные на компьютере пейзажи с оленями, пасущимися на Таймс-сквер, назидательное качание пальцем, рассуждения на тему «так-нам-и-надо» и лекции серьезных экспертов о многочисленных ошибках человеческого рода.

Но, судя по рейтингам, зрители быстро пресытились этой темой — показатели взмыли вверх и резко упали; аудитория «голосовала пальцами», переключаясь с неминуемой гибели человечества на прямую трансляцию соревнований по пожиранию сосисок (для зрителей, склонных

к ностальгии), или на комедии про миленьких задорных школьниц-подружек (для любителей мягкой игрушки), или на гладиаторские бои в жанре «попурри из боевых искусств» (для любителей поглазеть на откусанные уши), или на передачу «Покойной ночи» (самоубийства в прямом эфире), или на «Аппетитных голопопок» (детская порнография), или на «Обезглав» (казни в прямом эфире — для тех, кто по-настоящему обозлен жизнью). Все это было гораздо привлекательней, чем истина.

— Ты же знаешь, что я превыше всего стремлюсь к истине, — сказал тогда Адам Первый скорбным тоном, каким он иногда разговаривал с Зебом. Причем только с ним.

— Да-да, знаю, — ответил Зеб. — Ищите и обрящете… в конце концов. И ты обрел. Ты прав, я с этим не спорю. Извини. Я просто жую с полной головой. И у меня иногда вылетает изо рта.

И все это означало: «Я такой, как есть. И ты это знаешь. Так что терпи».

«Если б только Зеб был здесь!» — думает Тоби. Она представляет себе, как его накрывает лавиной осколков стекла и цемента, когда рушится очередной небоскреб. Или как он с воплем падает в разверзшуюся пропасть, размытую подземной

рекой, уже неподвластной насосам и трубам. Или как он беспечно мурлычет какой-то напев, а за спиной у него появляется лицо, рука с ножом, с камнем…

Пожалуй, утром еще рановато думать про такое. И бесполезно. Тоби силится перестать.

Вокруг стола собрана коллекция разномастных стульев — кухонных, пластиковых, с мягкими сиденьями, крутящихся. На скатерти — с узором из розовых бутонов и синих птиц — стоят тарелки, стаканы и чашки, лежат вилки и ножи. Некоторые приборы грязные — кто-то уже позавтракал. Все вместе похоже на сюрреалистическую живопись двадцатого века — каждый предмет сверхплотен, четок, с жесткими гранями, и каждый выглядит чудовищно неуместным.

Хотя почему, собственно? Почему бы этим тарелкам и стаканам не быть здесь? Когда умерли люди, материальный мир остался невредим. Когда-то людей было слишком много, а вещей на всех не хватало; теперь — наоборот. Но вещи сорвались с поводка — у тебя, у меня, у нее, у него — и отправились бродить по свету. Как после тех беспорядков в начале двадцать первого века — их часто показывают в документальных фильмах: подростки координировались по мобильным

телефонам, а потом налетали на магазины, разбивали окна, вваливались туда всей толпой и хватали что под руку подвернется. Что унесешь — все твое.

Так и сейчас, думает Тоби. Мы заявили свои права на эти стулья, чашки, стаканы и притащили их сюда. Теперь, когда история прекратила свое течение, мы живем в роскоши — по крайней мере, в том, что касается имущества.

Тарелки, судя по виду, антикварные — во всяком случае, дорогие. Но сейчас Тоби могла бы перебить весь сервиз, и всем будет плевать — кроме нее самой.

Из кухонной сараюшки выходит Ребекка с блюдом в руках.

— Миленькая! — восклицает она. — Ты вернулась! И мне сказали, что ты и Аманду нашла! Пять звезд!

— Она не в лучшей форме, — отвечает Тоби. — Эти два больболиста ее чуть не убили, а потом, вчера ночью… По-моему, она в шоке. Под паром.

Ребекка — из старых вертоградарей, это выражение ей знакомо.

— Она крепкая, — говорит Ребекка. — Выправится.

— Может быть. Будем надеяться, что они ее ни-

чем не заразили и что обошлось без внутренних повреждений. Надо думать, ты слышала и то, что больболисты убежали. И пистолет-распылитель прихватили. Опозорилась я по полной…

— Ну, что-то теряешь, что-то находишь. Но я так рада, что ты жива — просто сказать не могу! Я думала, эти два говнюка тебя непременно убьют, и Рен тоже. Я просто болела от беспокойства. Но ты вернулась! Хотя надо сказать, видок у тебя тот еще.

— Спасибо. Красивый сервиз.

— Налегай, миленькая. Свинина в трех видах: бекон, ветчина и отбивные.

«Немного же времени им понадобилось, чтобы забыть о вегетарианском обете вертоградарей», — думает Тоби. Даже Ребекка с ее негрейскими корнями не воротит нос от свинины.

— Корни лопуха. Зелень одуванчика. Дополнительное блюдо — собачьи ребрышки. Если я и дальше буду поглощать животный белок в таких объемах, то стану еще толще.

— Ты не толстая, — возражает Тоби. Хотя Ребекка всегда была плотного сложения, даже в стародавние времена, когда они обе стояли за прилавком в «Секрет-бургере», еще до ухода к вертоградарям.

— Я тебя тоже люблю. Ладно, пускай я не толстая. Эти стаканы — настоящий хрусталь, одно удовольствие. Когда-то кучу денег стоили. Помнишь, у вертоградарей Адам Первый говорил, что тщеславие убивает? Так что в те времена у нас был выбор — глиняная посуда или смерть. Хотя я предвижу день, когда мы совсем наплюем на посуду и будем есть руками.

— Даже в самой чистой жизни, полностью устремленной к высокой цели, есть место для простой элегантности. Как учил тот же Адам Первый.

— Да, но иногда это место — в мусорном ведре, — парирует Ребекка. — У меня целая куча льняных салфеток, чтобы на коленях расстилать, и я не могу их погладить, потому что у нас нет утюга, и меня это ужасно бесит!

Она садится и кладет кусок мяса себе на тарелку.

— Я тоже очень рада, что ты не погибла, — говорит Тоби. — А кофе у нас есть?

— Да, если ты сможешь закрыть глаза на горелые щепки, корни и прочую дрянь. Он без кофеина, но я рассчитываю на эффект плацебо. Я вижу, ты вчера привела с собой целую толпу. Эти… как их вообще называть?

— Это люди, — во всяком случае, я думаю, что они люди, добавляет Тоби про себя. — Дети Коростеля. Так их называет шайка Беззумных Аддамов, а кому и знать, как не им.

— На нас они уж точно не похожи. Даже близко не лежали. Ох уж этот засранец Коростель! Кто знал, что он такой мастер нагадить в песочницу.

— Они хотят быть рядом с Джимми, — говорит Тоби. — Они принесли его сюда на руках.

— Да, я слышала. Майна мне рассказала. Ну вот и пускай теперь возвращаются в… где они там живут.

— Они говорят, что должны над ним мурлыкать. Над Джимми.

— Пардон? Что они должны над ним делать? — Ребекка слегка фыркает от смеха. — Это что, тоже такой сексуальный выверт?

Тоби вздыхает.

— Трудно объяснить. Это надо видеть.

Гамак

После завтрака Тоби идет посмотреть на Джимми. Он лежит в самодельном гамаке из веревок и изоленты, подвешенном меж двумя деревьями. Ноги прикрыты детским одеяльцем с веселенькими рисунками — кошки со скрипками, хохочущие щенки, тарелки с человеческими лицами водят хоровод с ухмыляющимися чайниками, коровы с колокольчиками на шее прыгают через луну, которая похабно пялится на их вымя[2]. Для человека с галлюцинациями — самое оно, думает Тоби.

Трое Детей Коростеля — две женщины и мужчина — сидят у гамака Джимми на стульях, явно взятых из столового гарнитура: темное дерево, старомодные лиры на спинках, мягкие сиденья обтянуты глянцевым желто-коричневым полосатым атласом. Дети Коростеля на этих стульях смотрятся неуместно, но видно, что они довольны собой — словно для них это маленькое, но

---

[2] Сноски: 2

Рисунки на одеяле Джимми иллюстрируют известную английскую народную детскую песенку: Эй, кошка со скрипкой, Пляши, да не шибко! Щенок на березе заржал, Корова подпрыгнула выше луны, И чайник с тарелкой сбежал. (*Перевод Г. Кружкова*)

приключение. Их тела блестят, как лайкра с золотой нитью; огромные розовые мотыльки кудзу живыми нимбами порхают у них вокруг голов.

Они сверхъестественно красивы, думает Тоби. Мы, наверное, кажемся им недолюдьми: с болтающейся второй кожей, стареющими лицами, уродливыми телами — слишком худыми, слишком толстыми, волосатыми и шишковатыми. Совершенство не проходит даром, но платить за него приходится несовершенным существам.

Каждый из Детей Коростеля сидит, положив одну ладонь на тело Джимми. Они мурлычут; Тоби подходит, и мурлыканье становится громче.

— Приветствуем тебя, о Тоби, — говорит женщина, которая повыше ростом. Откуда они знают ее имя? Наверное, вчера все-таки прислушивались к разговорам. А как ответить? Как их зовут, и вежливо ли спросить об этом?

— Приветствую вас. Как сегодня чувствует себя Джимми-Снежныечеловек?

— Он немного окреп, о Тоби, — отвечает женщина, которая пониже ростом. Другие двое улыбаются.

Джимми и вправду выглядит лучше. Он чуточку порозовел, не такой горячий на ощупь и крепко спит. Дети Коростеля привели его в

порядок: расчесали волосы, вытащили мусор из бороды. На голове у него видавшая виды красная бейсбольная кепка, на руке — круглые часы с пустым циферблатом. На носу криво сидят солнечные очки без одного стекла.

— Может быть, ему будет удобнее без этих вещей? — говорит Тоби, указывая на кепку и очки.

— Эти вещи должны быть у него, — отвечает мужчина. — Это вещи Джимми-Снежнычеловека.

— Они ему нужны, — говорит женщина пониже ростом. — Коростель говорит, что эти вещи должны быть у Джимми-Снежнычеловека. Видишь, вот эта вещь — для того чтобы слышать Коростеля.

Она поднимает руку Джимми с часами.

— А эта вещь помогает ему видеть Коростеля, — мужчина указывает на солнечные очки. — Только ему.

Тоби хочет спросить о назначении кепки, но сдерживается.

— А зачем вы вынесли его наружу? — спрашивает она.

— Ему не нравилось в том темном месте. Там, — мужчина показывает на дом.

— Здесь Джимми-Снежнычеловеку удобнее

путешествовать, — говорит женщина повыше.

— Он путешествует? — переспрашивает Тоби. — Во сне?

Может быть, они имеют в виду сон, который, по их мнению, снится Джимми?

— Да, — отвечает мужчина. — Он путешествует сюда.

— Он бежит — иногда быстро, иногда медленно. Иногда идет, потому что он устал. Иногда Свиные его преследуют, потому что им не хватает понимания. Иногда он залезает на дерево, — говорит женщина пониже.

— Когда он доберется сюда, то проснется, — говорит мужчина.

— А где он был, когда начал путешествовать? — осторожно спрашивает Тоби. Она не хочет, чтобы ее вопрос показался неверием.

— Он был в Яйце, — говорит женщина повыше. — Там, где в самом начале были мы. Он был с Коростелем и с Орикс. Они спустились с неба, чтобы встретиться с Джимми-Снежнычеловеком в Яйце и рассказать ему новые истории, чтобы он потом рассказал их нам.

— Да, вот откуда берутся истории, — говорит мужчина. — Но сейчас в Яйце стало слишком темно. Орикс и Коростель все равно могут там быть,

а Джимми-Снежнычеловек больше не может.

Все трое тепло улыбаются Тоби, словно уверены, что она поняла каждое слово из этого рассказа.

— Можно я посмотрю на ногу Джимми-Снежнычеловека? — вежливо спрашивает она. Они не возражают, но не убирают ладоней с его тела и продолжают мурлыкать.

Тоби смотрит, как поживают опарыши под тканью, которой она вчера обмотала ступню Джимми. Они трудятся вовсю, счищая мертвую плоть: опухоль спадает, и выделений из раны стало меньше. Эти опарыши уже почти созрели; завтра надо взять подтухшего мяса, положить где-нибудь на солнце, приманить мух, чтобы вывести свежих опарышей.

— Джимми-Снежнычеловек подходит ближе, — говорит низенькая женщина. — Когда он придет, он расскажет нам истории Коростеля, как он всегда делал, когда жил у себя на дереве. Но сегодня рассказывать будешь ты.

— Я? — переспрашивает Тоби. — Но я не знаю историй Коростеля!

— Ты их узнаешь, — говорит мужчина. — Это случится. Потому что Джимми-Снежнычеловек — помощник Коростеля, а ты — помощник Джим-

ми-Снежнычеловека. Вот почему.

— Ты должна надеть эту красную вещь, — говорит низенькая женщина. — Она называется «кепка».

— Да, «кепка», — подтверждает высокая женщина. — Вечером, когда настанет время мотыльков. Ты наденешь эту кепку Джимми-Снежнычеловека себе на голову, а эту круглую блестящую вещь наденешь себе на руку и послушаешь ее.

— Да, — кивает другая женщина. — И тогда слова Коростеля начнут выходить у тебя изо рта. Так всегда делает Джимми-Снежнычеловек.

— Видишь? — мужчина показывает на буквы, украшающие бейсболку: «Ред Сокс». — Эту вещь сотворил Коростель. Он тебе поможет. Орикс тоже тебе поможет, если в истории есть животные.

— Когда начнет темнеть, мы принесем рыбу. Джимми-Снежнычеловек всегда сначала съедает рыбу, так велел ему Коростель. Потом ты наденешь кепку, и послушаешь эту вещь Коростеля, и расскажешь нам истории Коростеля.

— Да, как Коростель сотворил нас в Яйце и убрал хаос плохих людей. Как мы вышли из Яйца и пришли сюда с Джимми-Снежнычеловеком, потому что здесь больше листьев, которые мы можем есть.

— Ты съешь рыбу и расскажешь нам истории Коростеля, так всегда делал Джимми-Снежный-человек, — говорит женщина, которая пониже ростом. Все трое смотрят на Тоби жутковатыми зелеными глазами и ободряюще улыбаются. Они, кажется, не сомневаются в ее способностях.

«Какой у меня выбор? — думает Тоби. — Я не могу сказать «нет». Они будут разочарованы и уйдут сами по себе, обратно на берег, и там на них могут напасть больболисты. Для больболистов они — легкая добыча, особенно дети. Разве я могу допустить, чтобы это случилось?»

— Ну хорошо, — говорит она. — Я приду вечером. Я надену кепку Джимми, то есть я хотела сказать, Джимми-Снежныечеловека, и расскажу вам истории Коростеля.

— И еще ты послушаешь блестящую вещь, — добавляет мужчина. — И съешь рыбу.

Похоже, это устоявшийся ритуал.

— Да, я все это сделаю, — говорит Тоби.

«Черт, — думает она. — Надеюсь, они эту рыбу хоть приготовят».

История

Когда Ребекка собирала посуду после завтрака, ей почудилось, что в листве мелькнуло мрачное лицо с резкими чертами. Но Тоби решила, что тревога ложная — никаких больболистов поблизости не обнаружилось, и, что еще лучше, в Ребекке не появились дыры от пистолета-распылителя и ни одного ребенка из Детей Коростеля не утащили, вопящего, в кусты. Но все равно все напряжены.

Тоби просит матерей из числа Детей Коростеля передвинуться поближе к саманному дому. Они удивленно смотрят на нее, и она сообщает, что так велела Орикс.

День идет дальше без происшествий. Никто из путешественников не возвращается — ни Шеклтон, ни Черный Носорог, ни Катуро. Ни Зеб. Тоби проводит остаток утра в огороде за вскапыванием и прополкой; это занятие не загружает ум, успокаивает и помогает заполнить время. На одной грядке проклюнулся кургорох, на других уже лезут из земли шпинатные листья и перистая ботва морковки. Ружье Тоби держит под рукой.

Крозье и Колибри выгоняют париковец из

ограды, на пастбище. У обоих пистолеты-распылители: в случае стычки с больболистами у них будет преимущество, два пистолета против одного. Если только их не застанут врасплох. Тоби надеется, что они не забудут посмотреть наверх, если поблизости окажутся деревья. Скорее всего, именно так больболисты захватили Аманду и Рен — прыгнули сверху, с дерева.

«Почему война так похожа на дурацкие детские розыгрыши? — думает Тоби. — Прячутся за кустами, выскакивают и кричат «Бууу!». Или делают «бубух». Разницы практически никакой, если не считать крови. Проигравший падает с криком, раскинув руки и состроив глупое лицо с разинутым ртом. Все эти древние библейские цари, что ставили ноги на шеи побежденных, вешали царей-соперников на деревьях, приказывали сложить кучу отрубленных голов — в этом есть что-то от чистой детской радости.

Может, именно это сподвигло Коростеля. Может быть, он хотел с этим покончить. Начисто удалить из нас эту часть: ухмыляющуюся первобытную злобу. Начать нас с чистого листа».

Тоби ест раньше других, потому что ее назначили стоять в карауле с ружьем на время всеобщего обеда. На обед — холодная свинина и корни ло-

пуха, и в придачу — печенье «Орео» из пакета, восторгнутого в аптечно-хозяйственно-продуктовом магазине. Редкое лакомство старательно делят на всех. Тоби вскрывает индивидуальный пакетик и сначала слизывает сладкую белую начинку, а потом съедает шоколадные половинки печенья. Греховное удовольствие.

Перед началом послеобеденной грозы пятеро Детей Коростеля вносят Джимми вместе с веселеньким одеяльцем под крышу. Тоби сидит с ним, пока идет дождь — осматривает рану и умудряется приподнять больному голову, так что он проглатывает чуть-чуть грибного эликсира, не приходя в сознание. У Тоби уже кончаются грибы, но она не знает, где найти свежий запас, чтобы сварить еще эликсира.

С ними в комнате остается только один из Детей Коростеля, чтобы мурлыкать; остальные уходят. Они не любят закрытых помещений; они скорее готовы промокнуть, чем сидеть взаперти. Как только дождь перестает, четверо Детей Коростеля возвращаются, чтобы снова отнести Джимми на воздух.

Тучи расходятся, и выглядывает солнце. Возвращаются Крозье и Колибри со стадом париковец; они говорят, что ничего не случилось — во всяком

случае, ничего особенного. Овцы были какие-то дерганые; Крозье и Колибри едва удержали стадо вместе. И вороны орали как ненормальные, но разве это что-нибудь значит? Вороны всегда орут.

— Что значит «дерганые»? — спрашивает Тоби. — Как именно вели себя вороны?

Но ни Крозье, ни Колибри не могут сказать ничего определенного.

Майна, прикрыв сутулые плечи джинсовой рубашкой, а голову — холщовой шляпой, пытается подоить одну из молочных париковец. Но дойка не задалась: овца лягается и блеет и в конце концов опрокидывает ведро, и молоко разливается.

Крозье показывает Детям Коростеля, как накачивать воду колонкой: когда-то это была чисто декоративная деталь в стиле ретро, а сейчас — единственный источник питьевой воды. «Одному Богу известно, что там, в этой воде, — думает Тоби. — Это грунтовая вода, и в нее наверняка просочились все ядовитые загрязнения в радиусе многих миль отсюда». Тоби решает, что отныне будет настаивать на употреблении дождевой воды, по крайней мере для питья; хотя со всеми далекими пожарами и, не исключено, авариями на ядерных электростанциях с выбросом облаков

грязи в стратосферу про дождевую воду тоже одному Богу известно.

Дети Коростеля в восторге от колонки: малыши прыгают вокруг и вопят, чтобы на них направили струю. После этого Крозье демонстрирует им единственный образец солнечной энергетики, который Беззумным Аддамам удалось наладить — солнечная батарея питает всего две лампочки, одну во дворе и одну в кухонной сараюшке. Крозье пытается объяснить, почему горит свет, но Детей Коростеля это повергает в замешательство. Для них очевидно, что лампочки устроены так же, как люмирозы, как зеленые кролики, что выходят в сумерках — они светятся, потому что так их сотворила Орикс.

Ужин проходит за длинным столом. Белая Осока в фартуке с синими птицами и Ребекка в большом сиреневом полотенце, перевязанном желтой сатиновой лентой, раскладывают всем еду и сами садятся за стол. Рен и Голубянка на дальнем конце пытаются уговорить Аманду поесть. Постепенно, закончив дневные труды, подтягиваются все Беззумные Аддамы, кроме тех, кто стоит на часах.

— Приветствую тебя, о Рогатая Камышница, — говорит Белоклювый Дятел. Ему явно доставляет

удовольствие называть Тоби давней кличкой, которую она носила среди Беззумных Аддамов. Он одет в простыню с рисунком из тюльпанов, а на голове у него наверчено что-то вроде тюрбана из наволочки с таким же рисунком. Угловатый нос торчит на обветренном лице, как клюв. Забавно, думает Тоби, как все Беззумные Аддамы выбрали себе в конспиративные клички названия животных, чем-то похожих на них самих.

— Как он себя чувствует? — спрашивает Дюгонь. На нем широкополая соломенная шляпа, в которой он похож на пухлого плантатора. — Наш звездный пациент.

— Он не умер, — отвечает Тоби. — Но не сказать, чтобы пришел в сознание.

— Если он в нем вообще когда-нибудь был, — замечает Белоклювый Дятел. — Мы звали его Тупиком. Это была его кличка среди Беззумных Аддамов в те незапамятные времена.

— Он был приспешником Коростеля на проекте «Пародиз», — говорит Майна. — Когда проснется, у нас будет к нему много вопросов. До того, как я забью его ногами насмерть.

Она фыркает, показывая, что это шутка.

— Вот уж истинно Тупик, — говорит Дюгонь. — Я думаю, он и понятия не имел, блин. Его разыг-

рали вслепую.

— Разумеется, мы о нем не очень высокого мнения, если начистоту, — говорит Белоклювый Дятел. — Он участвовал в проекте по собственной воле. В отличие от нас.

Белоклювый Дятел пронзает вилкой кусок мяса.

— Милая дама, — обращается он к Белой Осоке, — вы бы не могли идентифицировать для меня эту субстанцию?

— По пъавде говоя, — у Белой Осоки британский акцент, — по пъавде говоя, нет.

— Мы были рабами, только занимались умственным трудом, а не физическим, — Дюгонь подцепляет вилкой другую отбивную. — Пленные мозги, вынужденные крутить ступальное колесо эволюции по указке Коростеля. Он прямотаки наслаждался своей властью — думал, что ему под силу усовершенствовать человечество. Хотя он был гений, спору нет.

— Он не один работал, — говорит худой, хрупкий Колибри. — Это была целая индустрия, которую поддерживали биотехнологические корпорации. Люди готовы были платить любые деньги за такие сплайсы. Дети по индивидуальному проекту! Можно было заказать нужную

ДНК, будто начинку для пиццы выбираешь.

У Колибри на носу бифокальные очки. «Вот когда у нас кончится вся оптика, мы действительно вернемся в каменный век», — думает Тоби.

— Но у Коростеля получалось лучше всех, — подхватывает Дюгонь. — Он добавил функции, о которых никто другой даже не подумал. Например, встроенный репеллент от насекомых. Гений.

— И женщины, которые не умеют говорить «нет». Кодировка цветом для визуализации гормональных процессов: обзавидуешься, — продолжает Колибри.

— Да, чисто как набор задач для мясного компьютера все это было не лишено интереса, — говорит Белоклювый Дятел и переключается на Тоби. — Позвольте мне разъяснить.

Он вещает, как на семинаре для аспирантов, и при этом режет зелень на тарелке на маленькие аккуратные квадратики.

— Например, пищеварительная система кролика, а также позаимствованная у бабуинов платформа для определенных хроматических функций репродуктивной системы…

— Это когда они местами синеют, — услужливо переводит Колибри специально для Тоби.

— Я занималась химическим составом мочи, — говорит Майна. — Элементом отпугивания хищников. Его было сложно оттестировать в рамках проекта «Пародиз» — у нас не было никаких хищников.

— Я работал над голосовыми связками; вот это и вправду было непросто, — говорит Дюгонь.

— Зря ты не встроил кнопку, чтобы отключать пение, — замечает Белоклювый Дятел. — Оно действует на нервы.

— Пение не я придумал, — обиженно отвечает Дюгонь. — Мы бы его удалили, но без него они превращались в ходячие овощи.

— У меня вопрос, — говорит Тоби. Все поворачиваются к ней, словно удивляясь, что она обладает даром речи.

— Да, милая дама? — отвечает Белоклювый Дятел.

— Они требуют, чтобы я рассказала им историю. О том, как Коростель сотворил их. Но кто такой, по их мнению, Коростель, и как именно, по их мнению, он их сотворил? Что им об этом рассказывали в куполе «Пародиз»?

— Они считают Коростеля кем-то вроде бога, — отвечает Крозье. — Но как он выглядит — они не знают.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает Белоклювый Дятел. — Ты же не был с нами в «Пародизе».

— Потому что они мне сказали, блин. Я теперь их друг. Они мне даже разрешают с ними писать. Это большая честь, типа.

— Хорошо, что они не видели Коростеля и уже не увидят, — говорит Майна.

— Вот это точно, — подхватывает Американская Лисица, которая только что подошла. — Один взгляд на этого психа, и они, сто процентов, попрыгали бы с небоскреба. Вот только небоскребов больше не осталось.

Последние слова она произносит чрезвычайно мрачным тоном. Потом зевает напоказ, вытягивая руки за голову, вверх и назад, так что грудь выпирает сильнее. Соломенного цвета волосы стянуты в высокий хвост вязаной резинкой пастельно-голубого цвета. Простыня Американской Лисицы украшена узором из ромашек и бабочек, а в поясе туго стянута широким красным ремнем. Эта деталь режет глаза: словно ангельское облачко разрубили мясницким топором.

— От уныния мало толку, о прекрасная дама, — говорит Белоклювый Дятел, переводя взгляд с Тоби на Американскую Лисицу. Тоби думает: «Он станет еще помпезнее, когда окончательно отрас-

тит бороду». Сейчас борода пока в зачаточном состоянии. Он продолжает:

– *Carpe diem*. Наслаждайся моментом. Срывай цветы удовольствия, пока можешь.

Он улыбается — почти что ухмыляется — и скользит глазами по телу Американской Лисицы вниз до красного пояса. Она смотрит на него безо всякого выражения.

— Расскажите им историю со счастливым концом, — говорит Дюгонь. — Детали можно затушевать. Орикс, Коростелева подружка, чем-то таким занималась в куполе, чтобы они вели себя тихо. Я только надеюсь, что этот засранец Коростель не начнет творить чудеса из-за могилы.

— Например, такие, как превращение всего и вся в понос, — говорит Американская Лисица. — Ах, пардон, это он уже успел. Кофе у нас есть?

— Увы, милая дама, мы лишены сего напитка, — отвечает Белоклювый Дятел.

— Ребекка обещает пожарить какой-то корень, — говорит Дюгонь.

— И даже тогда у нас не будет к нему нормальных сливок, а только сопли от париковец, — говорит Американская Лисица. — От одной мысли хочется пробить себе висок ледорубом.

Уже смеркается, и запорхали мотыльки — су-

меречно-розовые, сумеречно-серые, сумеречно-синие. Дети Коростеля собрались у гамака Джимми. Они хотят, чтобы именно здесь Тоби рассказала им про Коростеля и про то, как они вышли из Яйца.

Они говорят, что Джимми-Снежныечеловек тоже хочет послушать историю. Не важно, что он без сознания: они уверены, что он все равно услышит.

Они уже знают эту историю, но, похоже, для них важно, чтобы ее рассказала именно Тоби. Она должна на виду у всех Детей Коростеля съесть рыбу, которую они ей принесли: обугленную снаружи, завернутую в листья. Она должна надеть заношенную красную бейсболку Джимми и его часы без циферблата и поднести часы к уху. Она должна начать сначала, развернуть панораму Творения, вызвать дождь. Она должна очистить мир от хаоса, вывести Детей Коростеля из Яйца и благополучно доставить на побережье.

А в конце они хотят услышать про двух плохих людей, и про костер в лесу, и про суп с вонючей костью; эта кость им никак покоя не дает. Затем они вынуждают Тоби рассказать, как они сами развязали плохих людей, и как плохие люди убежали в лес, и как они могут в любой момент

вернуться и опять начать делать плохие вещи. Этот эпизод печалит Детей Коростеля, но они все равно требуют, чтобы Тоби рассказывала.

Когда Тоби доходит до конца, Дети Коростеля требуют, чтобы она рассказала еще раз с самого начала. И еще раз. Они подсказывают, перебивают, вставляют пропущенное. Они добиваются безупречного исполнения. Они хотят услышать больше, чем Тоби знает, и больше, чем она способна изобрести. Она — плохая замена Джимми-Снежныечеловеку, но Дети Коростеля очень стараются поднатаскать ее.

Когда она в третий раз доходит до эпизода, в котором Коростель уничтожает хаос, все Дети Коростеля разом поворачивают головы. И принюхиваются.

— Люди идут, о Тоби, — говорят они.

— Люди? Те два плохих человека, которые убежали? Где?

— Нет, не те, которые пахнут кровью. Другие люди. Больше двух. Мы должны их приветствовать.

Они все встают.

Тоби глядит в ту сторону, куда смотрят Дети Коростеля. Там виднеются четверо — четыре силуэта приближаются по заваленной обломками

улице, граничащей с парком. На головах у них горящие фонари. Четыре темных силуэта, во лбу у каждого — яркий свет.

Тело Тоби расслабляется, как разжатый кулак, и воздух входит в легкие длинным беззвучным вздохом. Может ли сердце прыгать? Может ли голова кружиться от облегчения?

— О Тоби, ты плачешь?

Возвращение домой

Это Зеб. Ее мечта сбылась. Он крупней и косматей, чем в ее памяти, и — хотя прошло лишь несколько дней — постарел, сильнее сгорбился. Что случилось?

С ним Черный Носорог, Шеклтон и Катуро. Теперь, когда они подошли ближе, становится видно, до чего они устали. Они сбрасывают рюкзаки, и все толпятся вокруг: Ребекка, Белоклювый Дятел, Американская Лисица, Нарвал; Дюгонь, Майна, Колибри, Белая Осока; Крозье, Рен и Голубянка; даже Аманда пришла, хоть и держится в стороне от остальных.

Все говорят разом; во всяком случае, все люди. Дети Коростеля сохраняют дистанцию — они сбились в кучу и наблюдают круглыми от любопытства глазами. Рен плачет и обнимает Зеба. Это объяснимо — ведь он ее приемный отец. Когда Люцерна, сексапильная мамаша Рен, еще обитала у вертоградарей, Зеб жил с ней — и она его не ценила, думает Тоби.

— Все в порядке, — говорит Зеб, успокаивая Рен. — Гляди-ка! Вы вернули Аманду!

— Это все Тоби, — отвечает Рен. — У нее было

ружье.

Тоби выжидает, потом выходит вперед.

— Отличная работа, стрелок, — говорит ей Зеб, хотя она ведь ни в кого не стреляла.

— Вы их не нашли? — спрашивает Тоби. — Адама Первого и…

Зеб дарит ее мрачным взглядом.

— Нет, Адама Первого мы не нашли. Но мы нашли Фило.

Остальные придвигаются поближе и слушают.

— Фило? — переспрашивает Американская Лисица.

— Из старых вертоградарей, — объясняет Ребекка. — Он любил… Любил духовные путешествия с видениями. Когда вертоградари разделились, он остался с Адамом Первым. Где он был?

По лицу Зеба все уже поняли, что Фило нашли мертвым.

— На верхнем этаже многоэтажной стоянки, туда слетелась куча грифов, и мы поднялись посмотреть, — говорит Шеклтон. — Возле нашей когдатошней «Велнесс-клиники».

— Это куда мы ходили в школу? — спрашивает Рен.

— Совсем свежий, — подхватывает Черный Носорог. «Это значит, — думает Тоби, — что по

крайней мере часть пропавших вертоградарей пережила первую волну чумы».

— И больше никого? Остальных с ним не было? — спрашивает она. — Он от… он был болен?

— От остальных — никаких следов, — отвечает Зеб. — Я думаю, они еще где-то бродят. Адам — наверняка. Еда какая-нибудь есть? Я такой голодный, что и медведя съел бы.

Тоби понимает, что он не хочет сейчас отвечать на ее вопрос.

— Он ест медведя! — говорят друг другу Дети Коростеля. — Да! Точно как Крозье сказал! Зеб ест медведя!

Зеб кивает Детям Коростеля, которые неуверенно разглядывают его.

— Вижу, у нас гости.

— Это Зеб, — говорит Тоби Детям Коростеля. — Он наш друг.

— Мы рады, о Зеб. Приветствуем тебя.

— Это он, это он! Крозье нам про него рассказывал.

— Он ест медведя! Да. Мы рады.

Первые робкие улыбки.

— О Зеб, что такое медведь? Что такое этот медведь, которого ты ешь? Это рыба? В нем есть вонючая кость?

— Они пришли с нами, — объясняет Тоби. — С побережья. Мы не смогли их остановить, они хотели быть с Джимми. Со Снежным Человеком. Так они его называют.

— Это приятель Коростеля? — спрашивает Зеб. — Из купола «Пародиз»?

— Длинная история, — отвечает Тоби. — Тебе надо поесть.

Еще осталось мясное рагу; Дюгонь идет за ним. Дети Коростеля удаляются на безопасное расстояние — они предпочитают держаться подальше от запахов кулинарии, в которой участвует мясо. Шеклтон мгновенно сжирает свою порцию, уходит из-за стола и подсаживается к Рен, Аманде, Крозье и Голубянке. Черный Носорог съедает добавку и идет принимать душ. Катуро говорит, что поможет Ребекке разобрать их добычу: они восторгли новый запас сойдин, особо прочную изоленту, несколько упаковок сублимированных крокетов из пухлокур, горсть энергобатончиков и еще пакет «Орео». Это чудо, восклицает Ребекка. Сейчас трудно найти печенье в пакетах, не изжеванное крысами.

— Пойдем посмотрим, как там огород, — говорит Зеб, обращаясь к Тоби. У нее падает сердце: значит, новости плохие, и он хочет сказать ей с

глазу на глаз.

Порхают светлячки. Цветущие лаванда и тимьян наполняют воздух ароматом. Кое-где у забора светятся люмирозы-самосевки, и несколько зеленых кроликов, тоже светящихся, щиплют их нижние листья. Огромные серые мотыльки дрейфуют по воздуху, как пепел на ветру.

— Фило умер не от чумы, — говорит Зеб. — Ему перерезали горло.

— Ох. Понятно.

— Потом мы увидели больболистов. Тех же самых, что украли Аманду. Они потрошили одну из этих здоровенных свиней. Мы стреляли в них, но они убежали. Так что мы перестали искать Адама и поскорее вернулись сюда, потому что они могут быть где угодно, в том числе поблизости.

— Это я виновата, — говорит Тоби.

— В чем?

— Мы их поймали позавчера ночью. Привязали к дереву. Но я их не убила. Была ночь святой Юлианы. У меня рука не поднялась. И они сбежали вместе с пистолетом-распылителем.

Она плачет. Это выглядит жалко — словно мышата в гнезде скулят, слепые и голые. Это не она, она не может так себя вести. Но все равно она плачет.

— Эй, — говорит Зеб. — Все будет хорошо.

— Нет, не будет.

Тоби поворачивается, чтобы уйти: раз уж она собралась распускать сопли, это нужно делать в одиночестве. Сейчас она именно одинока и всегда будет одинока. Ты же привыкла к одиночеству, говорит она себе. Будь стоиком.

И тут ее обнимают.

Она так долго ждала, что уже перестала ждать. Она так жаждала этого — и отрицала, что это вообще возможно. Но до чего же легко и просто: как когда-то возвращение домой для тех, у кого был дом. Войти в дверь и оказаться в знакомом месте, которое знает тебя, открывается тебе навстречу, окутывает тебя. Рассказывает именно то, что тебе нужно было услышать. Рассказывает не только словами, но и руками, и ртом.

«Мне тебя ужасно не хватало». Кто это сказал?

Силуэт у ночного окна, блеск глаз. Стук сердца во тьме.

«Да. Наконец-то. Это ты».

«Медведелёт»

История о том, как Зеб потерялся в горах и съел медведя

И вот Коростель выплеснул хаос, чтобы сделать безопасное место, в котором вы сможете жить. И тогда…

Мы знаем историю Коростеля. Много раз знаем. Сегодня расскажи нам историю Зеба, о Тоби.

Историю про то, как Зеб съел медведя!

Да! Съел медведя! Медведя! Что такое медведь?

Мы хотим услышать историю Зеба. И медведя. Которого он съел.

Коростель хочет, чтобы мы услышали эту историю. Если бы Джимми-Снежныечеловек не спал, он бы рассказал ее.

Ну хорошо. Давайте я послушаю блестящую штуку Джимми-Снежныечеловека. Тогда я услышу слова этой истории.

Я слушаю изо всех сил. Но когда вы поете, это совсем не помогает мне слушать.

Так. Значит, вот вам история Зеба и медведя. Сначала в истории только Зеб. Он совсем один. Медведь появляется потом. Может быть, медведь придет завтра. Чтобы пришли медведи, вы долж-

ны проявить терпение.

Зеб не знал, куда идти. Он сидел под деревом. Дерево было на большом пустом куске земли, широком и плоском, как пляж, только на нем не было ни песка, ни моря, одни холодные маленькие озера и много мха. Вокруг со всех сторон стояли горы, но они были очень далеко.

Как он туда попал? Прилетел на… не важно. Эта часть относится к другой истории. Нет, он не умеет летать, как птица. Уже не умеет.

Горы? Горы — это очень большие и высокие камни. Нет, вон то — это не горы, это здания. Здания падают и делают «бабах». Горы тоже падают, только очень медленно. Нет, горы не упали на Зеба.

И вот Зеб посмотрел на эти горы, которые стояли со всех сторон, но очень далеко, и подумал: «Как же я переберусь через эти горы? Они такие большие и высокие».

Ему нужно было перебраться через горы, потому что люди были по другую сторону гор. Зеб хотел быть с людьми. Он не хотел быть совсем один. Никто не хочет быть совсем один, правда?

Нет, это были не такие люди, как вы. Они носили одежду. Много одежды, потому что там было очень холодно. Да, это было во времена хаоса,

прежде чем Коростель вылил его прочь.

И вот Зеб посмотрел на горы, и на озера, и на мох и подумал: «Что же я буду есть?» А потом он подумал: «В этих горах должно быть очень много медведей».

Медведь — это очень большое животное, покрытое шерстью. У него большие когти и много острых зубов. Он больше рыська. Больше волкопса. Больше свиноида. Вот какой он большой.

Он разговаривает рычанием. Он бывает очень голодный. Он может что угодно разодрать на куски.

Да, медведи тоже Дети Орикс. Я не знаю, зачем она сотворила их такими большими и с такими острыми зубами.

Да, мы должны быть к ним добры. Самый лучший способ быть добрыми к медведям — это держаться от них подальше.

Я не думаю, что где-нибудь поблизости от нас сейчас есть медведи.

И Зеб подумал: «А вдруг медведь меня учуял! Вдруг он прибежит прямо сейчас, потому что он очень голодный, ужасно голодный, и захочет меня съесть. И мне придется с ним драться. А у меня есть только этот маленький ножик и эта палка, которая делает дырки в вещах. И мне при-

дется выиграть бой и убить медведя, и тогда мне придется его съесть».

Да, медведь очень скоро появится в этой истории.

Да, Зеб выиграет бой. Зеб всегда выигрывает. Потому что так получается.

Да, он знал, что Орикс будет печальна. Зебу было жалко медведя. Он не хотел делать медведю больно. Но он также не хотел, чтобы медведь его съел. Вы ведь не хотите, чтобы вас съел медведь? И я тоже не хочу.

Потому что медведи не могут питаться одними листьями. Потому что от этого они заболеют.

И вообще, если бы Зеб не съел медведя, он бы умер, и тогда не был бы сейчас с нами. И это тоже было бы очень печально, правда?

Если вы не перестанете плакать, я не смогу рассказывать дальше.

Меховой промысел

Есть рассказ, и есть рассказ о том, что было на самом деле, и еще есть рассказ о том, как рассказ создавался. А есть еще то, что выкинули из рассказа. И это — тоже его часть.

Из рассказа про Зеба и медведя Тоби выкинула мертвеца, которого звали Чак. Он тоже был затерян среди холодных озер, мха, гор и медведей. Он тоже не знал дороги к людям. Нечестно выбрасывать его, словно стирая из времени, но если бы Тоби добавила его в сюжет, это вызвало бы невозможное количество препятствий и сложностей. Тоби просто не справилась бы. Например, она еще не знает, как этот покойник вообще оказался там.

— Очень жаль, что этот засранец умер, — говорит Зеб. — Я бы из него выжал все, что нужно.

— Все, что нужно? — переспрашивает Тоби.

— Кто его нанял. Чего им было надо. И куда он собирался меня доставить.

— Я так понимаю, «умер» — это эвфемизм. Он не от сердечного приступа скончался.

— Не будь вульгарной. Ты же знаешь, что я имею в виду.

Зеб не знал, куда идти. Он сидел под деревом.

Точнее, он примерно представлял себе, где находится. Среди бесплодных равнин, лежащих меж гор Маккензи, в сотнях миль от ближайшего фастфуда. Он сидел не то чтобы под деревом, скорее рядом с ним, и это было не совсем дерево, скорее что-то вроде куста. Хотя оно и на куст было не похоже, так как росло не пучком — это был один чахлый стволик. Чахлое подобие лиственницы. Зеб в мельчайших деталях разглядел ствол и мертвые нижние ветки, покрытые серым лишайником — пышным, узорным и прозрачным, как трусы шлюхи.

— Много ли ты знаешь о трусах шлюх? — спрашивает Тоби.

— Столько, что тебе это наверняка не понравится, — отвечает он. — Итак. Когда человек видит мелкие детали — очень близкие, очень четкие, совершенно бесполезные детали, — это значит, что он впал в состояние шока.

АОГ-топтер все еще дымился. К счастью, Зебу удалось выбраться из него до взрыва — взорвался «плавательный пузырь», и слава яйцам, что цифровой замок ремней безопасности сработал и открылся; иначе Зеб был бы уже покойником.

Чак лежал на животе в тундре, вывернув голо-

ву под тошнотворным углом — на 180 градусов, и глядя через плечо назад, как сова. Впрочем, на Зеба он не смотрел. Он смотрел в небо. Ангелов там не было — может, они должны были прилететь попозже.

У Зеба текла кровь откуда-то из макушки — он чувствовал, как теплая струйка медленно ползет вниз. Рана волосистой части головы. Такие не опасны, но сильно кровоточат. «Твоя голова — самая незначительная часть твоего организма, — любил говорить его папаша-социопат. — Если не считать мозгов. И душонки, если, конечно, надеяться, что Господь вложил в тебя таковую, но я лично в этом сомневаюсь». На словах преподобный всегда очень заботился о душах — причем считал, что предназначен этими душами командовать.

Зеб поймал себя на размышлениях о том, была ли душа у Чака, а если да, то не витает ли она все еще над телом, как слабый запах. «Ну и дебил же ты, Чак», — сказал Зеб вслух. Если бы это ему мозгоскребы поручили похитить самого себя, он бы справился куда лучше этого тупого урода.

Конечно, Чака немного жаль — ведь были же у него, наверное, хоть какие-то хорошие стороны. Может быть, он любил щеночков. Зато в мире

стало одной сволочью меньше, и это безусловный плюс. Галочка в колонке на стороне сил света. Или сил тьмы — в зависимости от того, кто ведет бухгалтерский учет плохих и хороших поступков.

Хотя Чак был не обычной сволочью: он не огрызался, не наезжал — в целом был совсем не похож на Зеба, работающего в режиме «сволочь». Наоборот. Чак был слишком дружелюбен, слишком старался выступать в общем духе: человечество устарело, обрекает себя на вымирание, давайте восстановим равновесие в природе, ля-ля-ля. Он так переигрывал, что выглядел совершенно повернутым на этой теме — даже на фоне прочих сотрудников организации под названием «Медведелёт», битком набитой мехолюбами, повернутыми на спасении природы.

Впрочем, в организации были не только мехолюбы — некоторые участники утверждали, что примкнули к ней ради острых ощущений. Это были авантюристы-перекатиполе, все в наколках, волосы стянуты в сальный хвост, как у байкеров в старых фильмах. Любители поиграть мышцой, проверить законы на прочность, и передвигались они чуть быстрей обычного шага, словно у них земля горела под ногами. Как раз

таким выглядел Зеб: набрал мышечную массу благодаря натуральным стероидам, делал что надо, не отставал от других, будто отращивая крылышки на пятках в нужный момент, был не прочь подзаработать и наслаждался жизнью в пограничной, сумеречной зоне, где закон уже не дотянется до твоих карманов, чтобы проверить — а вдруг в них стыдливо прячутся деньги с чужого хакнутого банковского счета.

Записные мехолюбы свысока глядели на Зеба и подобных ему любителей приключений, но не слишком подчеркивали свое моральное превосходство как защитников природы и пламенных борцов за экологию. Им нужны были крепкие ребята в сподвижниках, потому что кое-кто на планете Земля был не в восторге от их идеи — доставлять контейнеры вонючего биомусора аэроорнигелитоптерами на дальний Север, чтобы стайки шелудивых представителей семейства *Ursidae* могли бесплатно подкормиться.

— Наверно, это было до дефицита нефти, — говорит Тоби. — И до начала производства мусорнефти из углеводородов. Иначе вам никогда не позволили бы расходовать такой ценный материал на медведей.

— Это было до очень многого, — отвечает Зеб. —

Хотя цены на нефть уже серьезно полезли вверх.

У «Медведелёта» было четыре старомодных топтера, купленных на сером рынке. Эту модель прозвали «летучий иглобрюх». В них якобы использовалась бионика — наполненный гелием и водородом аэростат — «плавательный пузырь» с проницаемой оболочкой, которая всасывала или, наоборот, выдыхала молекулы газа, как плавательный пузырь рыбы, и аэростат сокращался или надувался, позволяя топтерам поднимать тяжелые грузы. Кроме того, у топтеров были стабилизирующие плавники на брюхе, пара вертолетных лопастей для зависания и четыре хлопающих по-птичьи крыла для маневрирования на низких скоростях. Преимуществами этих летательных аппаратов были минимальное потребление горючего, отличная грузоподъемность и способность летать низко и медленно; были у них и недостатки — в частности, полет на топтере длился целую вечность, а бортовое программное обеспечение постоянно отказывало, и очень мало кто из членов «Медведелёта» умел их чинить. Приходилось звать сомнительных софт-механиков — точнее, доставлять контрабандой из Бразилии, где процветал черный рынок софта и железа.

Там тебя если увидели, то, считай, уже хакнули. Бразильские хакеры заколачивали огромные деньги на доступе к медицинским картам политиков и к информации об их же темных делишках и о пластических операциях кинозвезд. Но это все была мелкая рябь на поверхности. Настоящие акулы ходили в глубине — там, где одна крупная компания пыталась хакнуть другую. Взломав сеть влиятельной корпорации, человек мог серьезно влипнуть, даже если сидел в укрытии, получая черную зарплату от другой влиятельной корпорации.

— Надо полагать, именно это ты и сделал. И серьезно влип, — говорит Тоби.

— Да, не без того, ведь как-то надо зарабатывать на жизнь, — отвечает Зеб. — Это одна из причин, почему я устроил себе отпуск в «Медведелёте» — он был максимально далек от Бразилии.

«Медведелёт» по сути занимался мошенничеством. Во всяком случае, отчасти. Любой, кто мало-мальски соображал, мог понять это сразу. В отличие от многих мошеннических операций организаторы «Медведелёта» действовали из добрых намерений, но сути это не меняло. Организация существовала за счет сердобольных горожан, чьими эмоциями легко манипули-

ровать. Этим людям нравилось ощущать себя спасителями — им внушали, что они помогают сохранить клочок подлинного первобытного прошлого своих предков, обрывок коллективной души, воплощенный в образе пушистого симпатичного медведя. Концепция была проста: белые медведи голодают, потому что полярные шапки почти растаяли и медведи больше не могут охотиться на тюленей. Значит, нужно подкармливать мишек нашими отбросами, пока бедные животные не адаптируются. Если ты помнишь, тогда было такое модное словечко «адаптация». Впрочем, вряд ли ты помнишь; наверняка в те годы ты еще не выросла из коротких юбочек и только училась вилять задиком, привлекая мужчин.

— Хватит заигрывать, — говорит Тоби.

— Почему? Тебе же приятно.

— Я помню моду на слово «адаптация». Это был синоним слова «выкручивайся, как хочешь». Его говорили людям, которым не собирались помогать.

— Совершенно верно, — отвечает Зеб. — И вообще, то, что мы кормили медведей мусором, не помогало им адаптироваться. Они только привыкали, что еда падает с неба. Услышав шум

топтера, они начинали пускать слюни — выработали свой собственный «карго-культ». Но вот тебе самая мошенническая часть мошенничества. Да, лед почти растаял; да, часть белых медведей перемерла, но остальные начали мигрировать на север, смешиваясь с гризли, от которых и отделились какие-нибудь двести тысяч лет назад. Получались белые медведи с бурыми пятнами, или бурые с белыми пятнами, или полностью белые или бурые, но по внешнему виду нельзя было определить характер: безли в основном избегали людей, как гризли, а гризлые обычно атаковали, как белые медведи. Но по виду медведя нельзя было сказать, как он себя поведет. Впрочем, одно мы знали точно — не стоит выпадать из топтера над местностью, где живут медведи.

Как только что сделал Зеб.

— Ну и дебил же ты, Чак, — повторил он. — А тот, кто тебя нанял, — дважды дебил.

Впрочем, нанимателя Чака все равно не слышали этих слов. Хотя — эта неприятная мысль осенила Зеба внезапно — может, как раз и слышали.

Авария

И все в «Медведелёте» шло хорошо, пока не появился Чак. Правда, надо сказать, Зеб в тот момент был в несколько шатком положении…

— В отличие от любого другого момента, — замечает Тоби.

— Ты надо мной смеешься, да? Надо мной, несчастным, чья юность была лишена моральных ориентиров из-за жестокого обращения родителей? Надо мной, прежде времени повзрослевшим?

— Неужели я на такое способна?

— Ты еще и не на такое способна. У тебя сердце как гранит. Что тебе нужно, так это сеанс хорошего глубинного бурения.

Действительно, Зеб в тот момент был в бегах, но, кажется, в штаб-квартире «Медведелёта» этого никто не знал, и всем было плевать: половина сотрудников «Медведелёта» была в сходном положении, так что все жили по принципу «Не рассказывай и сам не спрашивай».

Работа была несложная: сперва загружались съедобные отбросы (в Уайтхорсе или Йеллоу-

найфе, иногда в Таке, где танкеры с буровыми платформами, ведущие шельфовую нефтедобычу в море Бофорта, сгружали мусор, если не выкидывали его раньше куда попало). В те дни в отбросах буровых платформ все еще хватало настоящего животного белка — экипажи танкеров купались в роскоши. Свинина — они ели много свиных субпродуктов, курица и тому подобное. Попадалось и искусственно выращенное мясо — но высшего сорта, и замаскированное в сосисках или мясном рулете, так что даже не отличишь.

Надо было погрузить отходы в топтер, быстренько выпить пива, долететь на топтере до одной из точек сброса, зависнуть над землей, сбросить отходы и вернуться. Однообразно, аж скулы сводит от скуки — разве что погода выпадет плохая или в топтере что-нибудь сломается. В этом случае нужно было посадить топтер (желательно не на склон горы) и переждать плохую погоду или просто поплевывать в небо, пока не явятся ремонтники. Затем все повторялось снова. Обычные будни. Самое противное было слушать проповеди какого-нибудь повернутого зеленого мехолюба в каком-нибудь баре в занюханном городке, когда пытаешься нажраться в сосиску дерьмовым пивом, которое привозили в город в

бочках и наливали из них же.

Кроме этого, можно было есть, спать и, если повезет, попрыгать в койке с какой-нибудь девчонкой из «Медведелёта» — только выбирать осторожней, потому что некоторые нервно реагировали на авансы, а другие были уже заняты, а в драки Зеб старался не ввязываться. Зеб никогда не видел особого смысла в том, чтобы кататься по полу в баре, сбивая табуретки, с каким-нибудь дебилом, считающим, что он навеки застолбил телку, потому что у него выдающийся член и ямочки на щеках. У такого дебила мог оказаться нож. Пистолет — уже вряд ли, потому что как раз в это время ККБ начала конфисковывать огнестрельное оружие под предлогом заботы о безопасности населения (на самом деле ККБ хотела, чтобы техническая возможность убивать на расстоянии была только у нее). Кое-кто — владельцы «глоков» и других фирменных пушек — прятали их, закапывали в землю, на случай если вдруг понадобится. Но именно по этой причине было маловероятно, что пушка окажется у человека при себе. Хотя в северных гребенях не очень уважали законы и всякие там инструкции. На севере границы закона всегда чуточку размыты. Так что полной гарантии никто не дал бы.

Итак, девчонки. Если на личике (кругленьком или не очень) читалось «Отвали», Зеб отваливал. Но если кое-кто под покровом темноты забирался к нему в койку, стоящую в комнате общежития, Зеб и не думал возражать. Ему с детства внушали, что в смысле нравственных принципов он недалеко ушел от таракана, а он старался не обманывать чужие ожидания. Кроме того, отвергнуть авансы девушки — значит нанести ей тяжелую моральную травму. Не все эти девушки при свете оказались бы красавицами, но у одной была потрясающая мягкая попа, а у другой сиськи как два шара для боулинга в авоське, а…

— Слишком много информации, — говорит Тоби.

— Не ревнуй. Они все умерли. Неужели ты будешь ревновать к кучке мертвых женщин?

Тоби молчит. В воздухе между ними висит сексапильный труп Люцерны, когдатошней сожительницы Зеба, — невидимый, неупоминаемый и, насколько известно Тоби, скорее всего непогребенный.

— Живым быть лучше, чем мертвым, — говорит Зеб.

— Не буду спорить. С другой стороны, никогда не знаешь, пока сам не попробуешь.

Зеб хохочет.

— У тебя тоже потрясающая попа, — говорит он. — Только не мягкая. Очень компактная.

— Расскажи про Чака.

Чак появился в штаб-квартире «Медведелёта», словно вошел на цыпочках в запретную комнату, но с таким видом, словно имел на это полное право. Крадучись, но уверенно. Зебу показалось, что у Чака одежда слишком новая. Он был как только что из магазина спортивно-охотничьего снаряжения — кругом сплошные молнии, застежки-липучки и клапаны карманов. Как навороченный видеопаззл. «Раздень этого человека, найди лепрекона, и выиграешь приз». Никогда не доверяй человеку в новой одежде.

— Но должна же одежда когда-нибудь быть новой, — говорит Тоби. — Во всяком случае, тогда — должна была. Когда она только с фабрики, она всегда новая.

— Настоящие мужчины умеют запачкаться с головы до ног за секунду. Достаточно поваляться в грязи. Кроме одежды, у него были слишком большие и слишком белые зубы. Когда я вижу у человека такие зубы, мне всегда хочется аккуратно постучать по ним бутылкой. Проверить, не вставные ли они, и посмотреть, как они бу-

дут крошиться. У моего папочки, преподобного, были такие. Он их специально отбеливал. Эти зубы и загар — все вместе было похоже на рыбу-удильщика, что живет в глубинах океанов, или на голову дохлой лошади, давно лежащую в пустыне. Когда он улыбался, становилось хуже.

— Не надо вспоминать о детстве. Ты впадешь в меланхолию.

— «Вредна для дела печаль, скажи печали «прощай»? Детка, не надо среди меня проповедовать.

— Мне это, во всяком случае, помогает. Отгонять печаль.

— Ты уверена?

— Так что там с Чаком?

— Так вот, Чак. У него были какие-то такие глаза. У Чака. Как ламинированные. Жесткие и блестящие. Словно прикрытые прозрачной заслонкой.

Когда Чак впервые появился в столовой с подносом в руках и спросил разрешения подсесть, он оглядел Зеба с ног до головы — вот этими вот ламинированными глазами. Словно штрихкод сосканировал.

Зеб посмотрел на Чака снизу вверх. Не сказал ни да, ни нет — только хрюкнул (что можно было истолковать и так, и эдак) и стал дальше

сражаться с загадочным резиновым подобием сосиски у себя на тарелке. Можно было ожидать, что Чак начнет расспрашивать — кто ты такой, как сюда попал и так далее, — но он избрал другую стратегию. Он начал с «Медведелёта». Сказал, что это потрясная шарага. Но поскольку Зеб не начал в ответ кивать и восторженно угукать, Чак намекнул, что оказался тут лишь по причине временной черной полосы в своей жизни — ну знаешь, пришлось залечь на дно, пока буря не уляжется.

— А что ты сделал? Поковырял в носу? — спросил Зеб, и Чак заржал, показав зубы дохлой лошади. Он сказал, что догадался: «Медведелёт» — это для парней, которые, ну, знаешь, что-то вроде Иностранного легиона.

— Иностранного чего? — переспросил Зеб, и на этом разговор закончился.

Впрочем, грубость не помогла избавиться от Чака. Он отступил, но остался вездесущим. Например, Зеб сидел в баре и старательно работал над завтрашним похмельем — и вдруг рядом появлялся Чак, набивался в друзья и говорил, что следующая за его счет. Или Зеб отливал в сортире, и вдруг рядом появлялся Чак — материализовался, подобно эктоплазме, за две кабинки от него;

или Зеб заворачивал за угол в злачном квартале Уайтхорса, и вдруг не кто иной, как Чак в этот самый момент заворачивал за соседний угол. Зеб не сомневался, что Чак в его отсутствие копается у него в шкафу.

— Я не возражал, — говорит Зеб. — В моем грязном белье не было ничего, кроме грязного белья, потому что настоящее грязное белье я хранил в голове.

Но чего же добивался этот Чак? Потому что он явно чего-то добивался. Поначалу Зеб решил, что Чак голубой и вот-вот полезет к нему в штаны, но дело обстояло иначе.

В следующие несколько недель Чак и Зеб пару раз летали на задание вместе. В «иглобрюхе» всегда было два пилота: они спали и вели топтер по очереди. Зеб не хотел летать с Чаком — к этому времени у него при виде Чака уже мурашки ползли. Но в первый раз напарника Зеба вызвали на похороны тети, и Чак втерся на освободившееся место. А во второй раз другой напарник Зеба что-то не то съел. Зебу приходило в голову, что это Чак заплатил обоим за прогул. Или сам придушил тетушку и напихал кишечных палочек в пиццу для достоверности.

Он ожидал, что Чак задаст судьбоносный во-

прос, когда они будут в воздухе. Может, Чак знает о прошлых подвигах Зеба и хочет завербовать его от имени доселе неизвестной шайки нехороших людей, желающих организовать серьезную хакерскую вылазку; а может, он представляет группу вымогателей, которые собираются обработать какого-нибудь олигарха, или группу воров интеллектуальной собственности, которым нужны эксперты по запутыванию следов в связи с планируемым похищением важного сотрудника из корпорации.

А может, это подстава — Чак предложит что-нибудь сугубо противозаконное, запишет на видео согласие Зеба, и тут же сомкнутся гигантские клешни системы, якобы охраняющей закон и порядок; или Чак начнет его шантажировать, хотя это было бы уже полным безумием — из камня дерьма не выжмешь.

Но ни в одном из полетов ничего странного не случилось. Должно быть, Чак нарочно все это организовал, чтобы успокоить Зеба. Прикинуться овечкой. А что, если его безобидность — лишь умелый отвод глаз?

Отвод глаз почти сработал. Зеб начал думать, что у него мания преследования. Что он шарахается от теней. Беспокоится из-за склизкого

ничтожества вроде Чака.

То утро — утро крушения вертолета — началось совсем как обычно. На завтрак был бутерброд без названия с загадочными ингредиентами, пара кружек суррогата кофе и поджаренный в тостере ломоть прессованных опилок. «Медведелёт» закупал провизию по дешевке: люди, служащие столь благородному делу, должны были смиренно питаться продуктами, идентичными натуральным, а качественную еду оставлять медведям.

Потом они загружали отбросы в биоразлагаемых мешках в чрево «иглобрюха». Постоянного напарника Зеба в этот день сняли с полетов: он порезал ногу, танцуя босиком на битом стекле в местном борделе — демонстрировал крутизну (говорили, что он был упорот в дугу какой-то синтетической дурью). Вместо него с Зебом должен был лететь некто Родж, вроде нормальный парень. Но когда Зеб полез в кабину, то обнаружил там Чака, укомплектованного молниями и застежками-липучками. Чак скалился огромными белыми лошадиными зубами, но ламинированные глаза не улыбались.

— Что, Роджу срочно позвонили? У него бабушка умерла? — спросил Зеб.

— Отец, — поправил Чак. — Привет. Смотри, я

тебе пива принес.

Он и себе принес банку пива — чтобы показать, какой он обычный нормальный мужик.

Зеб хрюкнул, взял пиво и открутил верхушку.

— Пойду схожу в сортир, — сказал он. Оказавшись в сортире, он вылил пиво в унитаз. Пробка была вроде бы ненарушенная, но это можно подделать — вообще все, что угодно, можно подделать. Зеб не собирался ни пить, ни есть ничего из того, что побывало в руках у Чака.

Взлетать на «иглобрюхах» всегда было непросто: поднимались они на вертолетных лопастях и плавательном пузыре, но задействовать хлопающие крылья можно было только на определенной высоте, и лопасти отключить в нужный момент, не раньше и не позже, иначе топтер мог завалиться на бок и войти в штопор.

Но в этот день они взлетели без проблем. Рейс проходил как обычно — они петляли по долинам в горах Пелли, зависая там и сям на несколько минут, чтобы сбросить съедобные «бомбы» для медведей; потом отправились на высокогорные пустоши, окруженные горами Маккензи, и выполнили еще пару сбросов; пересекли старинную трассу Канол, на которой до сих пор торчали кое-где остатки телефонных столбов времен Второй

мировой войны.

Топтер хорошо слушался управления. Он прекращал хлопать крыльями и зависал точно над местами сброса, люк открывался, как положено, и биомусор сыпался вниз. На последней станции кормежки два медведя — один по большей части белый, другой почти весь бурый — уже трусили к своей личной куче, завидев топтер издали; Зеб видел, как колышется на солнце их мех — словно мохнатый ковер встряхнули. Такая близость к диким зверям щекотала нервы.

Зеб развернул топтер и взял курс на юго-запад, обратно в Уайтхорс. Потом передал управление Чаку, потому что по часам была очередь Зеба отдыхать. Он лег, надул подушку, чтобы подложить под шею, и закрыл глаза, но не позволил себе задремать — Чак был уж слишком напряжен во все время полета. Это настораживало, так как заводиться ему было совершенно не с чего.

Чак сделал свой ход, когда они пролетели примерно две трети пути до первой узкой горной долины. Из-под опущенных век Зеб увидел, что Чак украдкой тянется к его бедру, а в руке зажато что-то тонкое, блестящее. Он стремительно сел и ударил Чака по трахее. Правда, недостаточно сильно — Чак ахнул, точнее даже, не ахнул, а

издал трудноописуемый звук и уронил то, что держал, но тут же схватил Зеба за шею обеими руками, а Зеб его снова ударил, и, конечно, топтером все это время никто не управлял, а во время драки кто-то из них двоих, видимо, ударил рукой или ногой или локтем по пульту. Топтер сложил два из четырех крыльев, завалился на бок и рухнул вниз.

И вот поэтому Зеб сейчас сидел под деревом, пялясь на ствол. Удивительно, как четко обрисовывались кружевные края лишайника; они были светло-серые с прозеленью, а чуть более темный край образовал такой затейливый рисунок…

«Встать! — приказал Зеб сам себе. — Делай ноги отсюда!»

Но тело его не послушалось.

Припасы

Прошло много времени — во всяком случае, Зебу казалось, что прошло много времени; он словно двигался в какой-то прозрачной вязкой слизи. Он перекатился набок и с усилием встал на ноги рядом с чахлой лиственницей. Потом его стошнило. Его не мутило до этого: просто вдруг стошнило, и все.

— Многие животные так делают, — объясняет он. — В состоянии стресса. Чтобы не тратить энергию на переваривание пищи. Лишний груз.

— Тебе было холодно? — спрашивает Тоби.

У Зеба стучали зубы, он дрожал. Он снял с Чака пуховый жилет и надел поверх своего. Жилет был не сильно порван. Зеб проверил карманы, нашел мобильник Чака и камнем размолотил его в лепешку, чтобы уничтожить навигатор и всякую возможность подслушивания. Как только Зеб занес камень, телефон зазвонил; Зеб сделал титаническое усилие и не дал себе ответить на звонок, притворившись Чаком. Может быть, стоило так сделать и сказать, что Зеб мертв. Может, так он что-нибудь узнал бы. Через пару минут

зазвонил его собственный телефон; он подождал, пока телефон перестанет звонить, и размолотил и его тоже.

У Чака нашлись и еще игрушки, хотя ничего особенно интересного — все это было и у самого Зеба. Складной нож, репеллент от медведей, репеллент от насекомых, сложенное одеяло из металлоткани — космические технологии для выживания — и все такое. Зебу страшно повезло — ружье на медведя, которое они всегда брали с собой на случай вынужденной посадки и нападения, вышвырнуло из кабины вместе с Чаком. Ружья на медведя были исключением из новых антиоружейных законов, потому что даже тупые бюрократы из ККБ знали: на севере, в медвежьем краю, нельзя без ружья. ККБ не любила «Медведелёт», но и не пыталась его прикрыть, хотя запросто могла бы — ей это было не сложней, чем пальцем шевельнуть. «Медведелёт» играл важную роль, даря крупицу надежды и отводя публике глаза от реального положения дел — то есть от чьих-то намерений сровнять планету бульдозером, предварительно захапав с нее все ценное. ККБ не возражала против рекламы «Медведелёта», в которой типичный чокнутый мехолюб, скаля зубы, рассказывал, до чего за-

мечательное и благородное дело мы делаем, и пришлите-ка нам еще денег, а то все медведи, что помрут с голоду, будут у вас на совести. ККБ даже сама жертвовала «Медведелёту» деньги. Совсем давно, когда они еще строили из себя защитников общественного блага (поясняет Зеб). Как только они окончательно захватили власть, такие условности их сразу перестали волновать.

При виде ружья Зеб почти перестал дрожать. Он готов был обнять и расцеловать ружье: оно давало ему полшанса на спасение. Шприца, который собирался воткнуть в него Чак, Зеб не нашел, а жаль — ему хотелось знать, что там было. Скорее всего, что-нибудь для отключки. Сделать стоп-кадр бодрствующему мозгу и отвезти на неприятное рандеву, где мозгоскребы, нанятые кто-знает-кем, обдерут его до последнего нейрона, высосут все данные, что он когда-либо добыл хакерством, а заодно и данные о тех, кто ему за это хакерство платил, и выкинут пустую шкурку в какое-нибудь загаженное дальнее болото. Пускай слоняется с амнезией (искусственной), пока местные жители не украдут у него штаны и не разберут самого на органы для черного рынка.

А даже если бы шприц попал к нему в руки, что толку? Попробовать его на себе? Воткнуть в

какого-нибудь лемминга?

— Ну все-таки, можно было бы его держать при себе на случай крайней нужды, — говорит Зеб.

— Крайней нужды? — Тоби улыбается в темноте. — А это была не она?

— Нет, настоящей нужды. Например, если бы я на кого-нибудь наткнулся там в тундре. Вот это была бы чрезвычайная ситуация. Скорее всего, это оказался бы какой-нибудь псих.

— А веревочки там не было? — спрашивает Тоби. — В карманах. Веревочка всегда пригодится. Бечевка или тонкий трос.

— Веревочка. Да, точно, теперь я вспомнил. И моток рыболовной лески с крючками, мы все носили такую с собой. Зажигалка. Мини-бинокль. Компас. Всем этим нас экипировал «Медведелёт». Бойскаутское барахло, азы выживания. Правда, я не стал брать у Чака компас, у меня уже был один. Зачем мне два компаса?

— Энергетические батончики? — спрашивает Тоби. — Полевые рационы?

— Да, один-два говенных энергобатончика с фальшивыми орехами. И пакетик леденцов от кашля. Я все это взял. И еще.

Он делает паузу.

— И еще что? Продолжай.

— Ну ладно, но я тебя предупреждаю: это гадость. Я прихватил кусок Чака. Отрезал карманным ножом. Отпилил кое-как. У Чака была складная водонепроницаемая куртка, в нее и завернул. Мы все знали, что на Бесплодных равнинах есть особо нечего — нам об этом говорили на инструктаже. Кролики, земляные белки, грибы, но у меня не было бы времени искать все это. И вообще, если питаться только кроликами, можно умереть с голоду. Они это так и называли — «кроличий голод». В них нет ни капли жира. Это как та самая диета, как ее. Которая из одних белков. Тело начинает растворять собственные мышцы. Сердце истончается.

— А какую часть Чака ты взял? — спрашивает Тоби. Она удивлена, что не чувствует брезгливости: а ведь когда-то брезгливость еще была доступной роскошью.

— Самую жирную, — отвечает Зеб. — Бескостную. Ту, которую взяла бы и ты. И любой другой здравомыслящий человек.

— А совесть тебя не мучила? Слушай, хватит похлопывать меня по попе.

— Почему? Нет, не очень мучила. Он бы сделал то же самое. А поглаживать можно? Так лучше?

— Я слишком тощая, — говорит Тоби.

— Да, немножко амортизации не помешало бы. Я принесу тебе коробку шоколада, если достану. Надо тебя откормить.

— И цветов. Давай ухаживай как положено, по полному списку. Я уверена, что для тебя это будет первый раз.

— Я могу тебя удивить. Мне случалось в жизни подносить букеты. Своеобразные.

— Давай рассказывай дальше, — говорит Тоби. Ей не хочется думать о букетах Зеба — ни о том, какого рода были эти букеты, ни о том, кому он их преподносил. — Вот ты сидишь. Вдали стоят горы, рядом лежит Чак — частью на земле перед тобой, частью у тебя в кармане. Сколько было времени?

— Часа три дня. Может, пять. Черт, а может, и восемь — в это время там еще светло. Я потерял счет времени. Была середина июля, я уже говорил? Летом в тех широтах солнце почти не заходит. Вроде как приседает за горизонт, оставляя такую красивую красную каемку. И через несколько часов опять выходит. Те места южнее Северного полярного круга, но все равно так далеко на север, что там тундра: двухсотлетние ивы как растущие вбок виноградные лозы, а все цветы цветут разом, потому что лето там длиной всего недели две. Хотя в тот момент мне было не

до цветов.

Он подумал, что лучше убрать Чака с глаз долой. Снова надел на него штаны и засунул тело под крыло топтера. Поменялся с ним ботинками — тем более что у Чака ботинки были лучше, и размер более-менее подходил — и высунул одну ногу наружу, пускай издали кажется, что это Зеб там лежит. Он решил, что если погибнет, ему будет комфортней существовать — во всяком случае, на ближайшее будущее.

Когда в штаб-квартире «Медведелёта» заметят, что связь с бортом потеряна, они обязательно пошлют кого-нибудь на поиски. Скорее всего, ремонтников. Те увидят, что ремонтировать уже нечего и что никто не сидит рядом с обломками, размахивая белым платочком и посылая в небо ракеты, и улетят обратно. Таков был этический принцип организации: не тратить топливо на покойников. У Матери-Природы все пойдет в дело. О погребении позаботятся медведи, волки, росомахи, вороны и иже с ними.

Но медведелётчики — не единственные, кто прилетит посмотреть. Операцию мозгового захвата Чак проводил явно не с ведома «Медведелёта»: иначе действовал бы прямо на базе, и у него были бы помощники. И от Зеба уже осталась бы

только лоботомизированная шкурка, брошенная в каком-нибудь зомби-городке, где выработаны все шахты и выкачана вся нефть — ходячий труп с фальшивым паспортом и без отпечатков пальцев. Хотя, скорее всего, они и это не потрудились бы сделать — ведь Зеба и так никто не хватится.

Значит, наниматели Чака сидят не в «Медведелёте», а где-то еще. И оттуда они звонили. Но где это? В Норман-Уэллсе, в Уайтхорсе? Где угодно, лишь бы там взлетная полоса была. Зебу следовало немедленно убраться от места крушения как можно дальше и найти убежище, прикрытое с воздуха. А в практически голой тундре это не так просто.

Впрочем, безли и гризлые это умеют, хотя они крупней человека. Но у них больше опыта.

Барак

Зеб двинулся в путь. Топтер упал на пологом склоне, понижающемся к западу; на запад Зеб и направился. Он примерно представлял себе карту этого места. Жаль, что у него не было бумажной карты — в полете они всегда держали такую на коленях на случай, если откажет электронная навигация.

Идти по тундре было тяжело. Губчатая, насыщенная влагой почва со скрытыми бочагами, скользким мхом и предательскими травяными кочками. Из торфа торчали куски старинных самолетов — там стойка, здесь лопасть пропеллера. Все, что осталось от смелых пилотов двадцатого века, водивших свои кукурузники над тундрой и застигнутых туманом или порывом ветра. Зеб увидел гриб и оставил его на месте: он мало что знал о грибах, но среди них были галлюциногенные. Только этого не хватало: чтобы ему явился грибной бог, вокруг которого порхают зеленые и фиолетовые медвежата на крохотных крылышках, склабясь крохотными розовыми пастями. День и без того выдался — чистый сюр.

Медвежье ружье было заряжено, и спрей Зеб

тоже держал наготове. Если случайно наскочишь на медведя, он нападает. Спрей можно использовать, лишь когда станут видны белки глаз (налитые кровью), так что нужно все делать очень быстро — распылить спрей и тут же стрелять. Если это безли, обычно так и получается. Но гризлые подстерегают в засаде и нападают со спины.

На выходе мокрого песка Зеб нашел отпечаток — левой передней лапы, а чуть дальше свежий помет. Скорее всего, они следят за ним в эту самую минуту. Они знают, что у него при себе кровавый кусок мяса, как бы аккуратно Зеб ни упаковал свою ношу — просто чуют. И его страх тоже чуют.

Ноги у него уже промокли насквозь, несмотря на суперботинки Чака. На ноге они сидели тоже совсем не так хорошо, как рассчитывал Зеб. Он живо представлял себе, как его ступни в носках превращаются в бледные, пузырчатые от водяных мозолей лепешки. Для отвлечения — от ног, от медведей, от мертвого Чака, от всего на свете — и подачи предупредительного сигнала медведям, чтобы никто ни на кого не наскочил врасплох, он запел. Эта привычка осталась у него с так называемой юности, когда он насвистывал

в темноте — в очередной темноте, в которую его запирали. В темноте, во тьме, которая была рядом всегда — даже при свете.

Папа – сволочь, мама – блядь,

Тихо! Тихо! Ну-ка спать!

Нет, слово «спать» сейчас совершенно не к месту, хотя он жутко устал. Нужно идти. Марш-бросок.

Кретин, кретин, кретин, кретин,

Не будь ты психом, не шел бы сейчас один.

Ниже по склону виднелась полоса зелени погуще — значит, там ручей. Зеб направился туда, перебираясь через холмики, мох и пятна голой гальки, которую вытолкнула из земли наружу вечная мерзлота. В тот день было не особенно холодно, а на солнце, по правде сказать, даже жарко, но на Зеба по-прежнему налетали приступы дрожи — словно мокрая собака отряхивается. Он покрепче запахнул на себе жилет Чака.

Уже почти дойдя до ручья — даже небольшой речки, с быстрым течением, — Зеб подумал: а что, если там «жучки»? В жилете. Что, если где-нибудь в подкладке зашит крохотный передатчик?

Они подумают, что Чак жив и куда-то идет, но почему-то не отвечает на телефонные звонки. И пошлют за ним кого-нибудь.

Он снял жилет, вошел в ручей, прошел вброд до стремнины и засунул жилет под воду. В подкладке оказалось полно воздуха, и жилет никак не тонул. Можно было напихать камней в карманы, но Зеб сделал еще лучше: он отпустил жилет, и тот поплыл прочь. Зеб смотрел, как жилет диковинной раздутой медузой уплывает все дальше и дальше по течению, и думал: «Блин, что-то я совсем плохо соображаю в последнее время. Надо сосредоточиться».

Он зачерпнул рукой холодной воды и попил. «Не пей слишком много, отяжелеешь». И задумался, не проглотил ли он сейчас с водой бобровую мочу и не заболеет ли теперь бобровой лихорадкой. Но, конечно, тут на севере никаких бобров нет. Чем можно заразиться от волков? Бешенством — но не через выпитую воду. Не растворен ли в воде лосиный помет? С крохотными червячками, которые сразу примутся бурить ходы у Зеба в потрохах. Какие-нибудь печеночные сосальщики.

«Что ты стоишь в воде и сам с собой разговариваешь вслух? — спросил он себя. — Тут все видно

как на ладони. Иди по долине ручья. Держись кустов, прячься от чужих глаз». Он мысленно подсчитывал: сколько времени должно пройти с момента, когда Чак не ответил на телефон? Часа два, наверное; сначала паника, вопросы: «что могло случиться?», потом соберут совещание, телеконференцию там или как, будут обмениваться сообщениями, крутить динамо, спихивать друг на друга ответственность и кидаться обвиняющими намеками. И всякое такое.

Здесь, в затишке, ивы росли ему по плечо. Травы, кустарник. Мухи, мошка, москиты. Говорили, что от них карибу иногда сходят с ума. И тогда бросаются в торфяную жижу заболоченных озер, дрейфуют, гребя широкими копытами-снегоступами — бег в никуда. Зеб попрыскал на себя репеллентом от насекомых, но не слишком щедро: репеллент придется экономить. Зеб шел на запад, где, насколько он помнил — во всяком случае, ему казалось, что помнил, — он должен был наткнуться на бывшую трассу Канол. От нее мало что осталось, но он летал здесь и вроде бы видел с воздуха, что на трассе еще стоят какие-то строения. Там барак, тут один-два сарая.

Он взял направление на покосившийся телеграфный столб — старинный, еще деревянный.

У столба обнаружился ком колючей проволоки и скелет карибу, запутавшийся в нем рогами. Дальше — бочка из-под нефтепродуктов, потом еще две бочки, потом красный грузовик в почти идеальном состоянии, но без шин. Наверняка их забрали местные охотники, увезли на своих полноприводных машинах, давно, когда люди еще могли позволить себе топливо для поездок в такую даль за дичью. У грузовика были округлые линии, сглаженный силуэт, характерный для 1940-х, когда строилась дорога. Какому-то чиновнику во время Второй мировой пришло в голову транспортировать нефть на материк по трубопроводу, в обход подводных лодок, курсирующих вдоль побережья. На постройку дороги привезли толпу солдат с юга, в основном черных. Те никогда не сталкивались с холодами ниже нуля, пятидневными буранами и круглосуточной темнотой; бедняги, должно быть, решили, что попали в ад. Согласно местным легендам, треть из них сошла с ума. Зеб их вполне понимал — здесь легко сойти с ума даже и без буранов.

Одна нога уже болела — наверняка пузырь, но Зеб не мог себе позволить остановиться и посмотреть. Он ковылял по мятой крошащейся ленте дороги, держась поближе к кустам и все время

косясь на небо, и набрел на барак. Длинное низкое здание, деревянное, без двери, но с крышей.

Скорей в полумрак. И ждать. Было очень тихо.

Листы металла, словно со свалки, обломки дерева, ржавая проволока. Вон там, наверное, стояли койки. Вспоротое, разодранное кресло. Корпус радиоприемника — округлый, словно каравай хлеба, характерный дизайн сороковых. Круглая ручка еще на месте. Ложка. Останки печки. Запах гудрона. Солнечный луч пробивается через трещину крыши, и в нем танцуют пылинки. Волокна давно ушедшего отчаяния, выгоревшей добела скорби.

Ждать было хуже, чем идти. Его тело местами пульсировало: ноги, сердце. Он дышал оглушительно громко.

Тут ему пришло в голову: а что, если на нем самом жучки? Что, если Чак постарался — так, на всякий случай: дождался, пока Зеб на что-нибудь отвлечется, и подсунул ему в задний карман мини-передатчик. Если так, то его песенка спета; они прямо сейчас слушают его дыхание. Они даже слышали, как он пел. Они его запеленгуют, пальнут мини-ракетой, и привет.

Ничего не поделаешь.

Он не знал, сколько прошло времени — навер-

но, около часу, — когда вдали показался низко летящий орнидрон. Да, с северо-востока; значит, из Норман-Уэллса. Орнидрон подлетел прямо к месту аварии и сделал пару заходов, передавая изображения на базу. Тот, кто сидел на базе и управлял им, видимо, принял решение. Орнидрон выстрелил в сломанное крыло, под которым лежал Чак. Залпов было несколько. Потом орнидрон взорвал все, что осталось от топтера. Зеб как будто слышал переговоры за пультом: «Ни один не выжил. Ты уверен? Не может быть. Оба? Ну наверное. В любом случае сейчас там уже точно никого не осталось. Выжженная земля».

Он затаил дыхание, но дрон не полетел по следу уплывшего жилета и не обратил внимания на допотопный барак у старинной трассы; он развернулся и улетел туда, откуда прибыл. Должно быть, они хотели попасть на место первыми и замести следы до появления ремонтников из «Медведелёта».

Ремонтники, конечно, появились — как обычно, не спеша. «Ну шевелитесь же, — думал Зеб. — Я есть хочу». Они зависли над останками топтера, наверняка восклицая «О Боже!», «Бедняги» и «У них не было ни единого шанса». Потом они тоже улетели — обратно в направлении Уайтхорса.

Спустились красные сумерки, сгустился туман, и похолодало. Зеб развел костерок, подложив металлический лист, чтобы не сжечь весь барак — костер был внутри барака, чтобы дым поднимался к потолку и рассеивался. Никаких предательских столбов дыма. Зебу удалось чуть-чуть согреться. Потом он приготовил еду. И поел.

— Вот так просто? — спрашивает Тоби. — Както очень быстро все получилось.

— Что?

— Ну, все-таки… Я хочу сказать, что…

— Ты хочешь сказать, что это было мясо? Вдруг решила встать в позу добродетельной вегетарианки?

— Не вредничай.

— Или ты хотела, чтобы я сперва прочитал молитву? Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты сотворил Чака таким дебилом и через него уготовал мне пищу благодаря его самопожертвованию, похвальному, хотя и совершенно непреднамеренному и проистекшему из его собственной глупости?

— Ты шутишь.

— Тогда не прикидывайся первой вертоградаршей.

— Эй! Ты, между прочим, сам из старых верто-

градарей! Ты был правой рукой Адама Первого, столпом…

— В то время я еще не был никаким столпом, бля. Впрочем, это уже совсем другая история.

Йети

Конечно, это было непросто. Зеб нарезал мясо на маленькие кусочки и нанизал на кусок ржавой проволоки вместо шампура, при этом читая себе лекцию: «Это — Питание, с большой буквы Пэ! Неужели ты думаешь выбраться отсюда без Питания?» Глотать все равно было трудно. Хорошо, что Зеб умел абстрагироваться от вещей, оказавшихся у него во рту. В жизни ему часто приходилось это делать — взять хотя бы отвратительную «нямку» в «Медведелёте». Очень вероятно, что она и вправду по крайней мере частично состояла из нямки, популярной белковой добавки, поставляемой в сушеном измельченном виде.

Этот полезный навык он приобрел еще в детстве. В арсенале воспитующих наказаний преподобного было и такое: кто говорит каку, тот должен съесть каку. Зеб учился не слышать запаха, не чувствовать вкуса, не думать; совсем как три обезьянки, слепая, глухая и немая, что сидели на подзеркальнике у матери, закрывая лапами глаза, уши и рот: «Не вижу плохого», «Не слышу плохого», «Не говорю плохого». Ролевые модели, которым старательно следовала мать.

«Тебя стошнило? Что это у тебя на подбородке?» — «Он сказал: «Ты пес, так жри свою блевотину». Он сунул меня головой в…» — «Ай-яй-яй, Зебулон, как нехорошо лгать! Ты прекрасно знаешь, что папочка никогда не станет так делать. Он тебя любит!»

Засунуть воспоминания в подвал, захлопнуть люк и придавить камнем. Сейчас важнее думать о том, как бы согреться. В углу валялся ломкий от старости рубероид — толку мало, но хоть что-то. Зеб расстелил его на полу — хотя бы отчасти сохранит тепло и защитит от сырости. Сухие носки помогли бы; Зеб сложил палочки шалашиком возле умирающего костра и растянул на них носки, надеясь, что те не прогорят. Потом взял несколько камней среднего размера и нагрел на углях. Обмотал застывшие ноги пуховым жилетом, достал два космических одеяла из металлизированной ткани, свое и Чака, завернулся в них и сунул нагретые камни под себя. Держать сердцевину в тепле — первая заповедь. Заботиться о ногах, чтобы они не отвалились — это всегда полезно, если надо куда-то идти. Помнить, что от рук без пальцев мало толку при выполнении мелких движений — например, ими не завяжешь шнурки.

Не рычал ли кто во тьме за стенами барака, не царапался ли в стены? Двери нет — заходи кто хочешь. Росомаха, волк, медведь. Возможно, запах дыма их отпугнул. Спал ли Зеб? Наверное. Рассвело очень быстро.

Он проснулся с песней на устах.
Я в подштанниках блуждал,
Свою милку повстречал –
Моя милка хоть куда,
Волосата, как…[3]

Перекореженная хрипелка-кричалка с какого-то мальчишника. Впрочем, бодрит. Мгновенное братание пещерных людей. «Заткнись, — скомандовал он сам себе. — Ты хочешь умереть с похабщиной на устах?» «Какая разница — все равно никто не слышит», — парировал он.

Носки не то чтобы высохли, но стали суше. Вот болван — надо было забрать носки у Чака, содрать их с ног, белесых, как рыбье брюхо; этих ног уже и на свете нет, а в памяти они застряли. Зеб надел носки, сложил космические одеяла и запихал в карманы — стоило вытащить эти дурацкие одеяла из чехла, и обратно они уже ни

---

[3] Сноски: 3
Здесь и далее, если не оговорено иное, перевод стихов Д. Никоновой.

за что не лезли. Он подобрал остатки пикника и полезные скаутские прибамбасы и осторожно выглянул в дверной проем.

Кругом лежал туман. Серый, словно эмфизем-ный кашель. И хорошо — в таком тумане летучие соглядатаи особо не полетают. Хотя для самого Зеба не так уж хорошо — он теперь не будет видеть, куда идет. Впрочем, ему достаточно было следовать по дороге, вымощенной желтым кирпичом, минус кирпичи и минус Изумрудный город.

Возможных направлений было только два: на северо-восток в Норман-Уэллс по разрушенной дороге, заваленной валунами с ледника; или на юго-запад в Уайтхорс по холодным, туманным долинам меж горами. Оба пункта назначения лежали очень далеко, и если бы Зеб держал пари, он на себя точно не поставил бы. Но путь на Уайтхорс на Юконской стороне вливался в настоящую дорогу, по которой ездили моторизованные средства передвижения. Там больше шансов, что его кто-нибудь подвезет. Вообще шансов на что-нибудь. Или на что-нибудь совсем другое.

Он двинулся в туман, стараясь держаться усыпанной галькой низины. Будь он героем фильма, он бы сейчас растворился в белизне, и по ней пошли бы титры. Но с этим торопиться некуда

— он еще живой. «Лови момент», — сказал он сам себе.

Люблю бродить по булкам шлюх и песни распевать,

Хотя они тупые, их век бы не видать.

Ёба-на, ёба-на, охохо, ахаха…

«Ты отвратительно несерьезно относишься к своему положению!» — возмутился он.

«Ой, заткнись, я это всю жизнь слышу», — ответил он.

Разговаривать с самим собой — плохой признак. Вслух — еще хуже. Впрочем, он пока не галлюцинирует; хотя откуда ему это знать?

Солнце растопило туман часов в одиннадцать; небо стало ярко-синим; подул ветер. С высоты за Зебом следили два ворона, время от времени пикируя, чтобы посмотреть на него поближе нахальными глазами. Они ждали, когда кто-нибудь начнет его есть и они смогут тоже урвать кусочек: вороны не слишком ловки и не могут нанести жертве первый удар, поэтому предпочитают охотиться вместе с охотниками. Он съел энергобатончик. Он дошел до ручья с разрушенным мостом и был вынужден решать, что лучше:

изувеченные босые ноги или мокрые ботинки. Он выбрал ботинки, но сперва снял носки. Вода была очень х… холодная. «Вот х… холодная вода», — сказал Зеб, и это была чистая правда.

Тут ему снова пришлось решать, что лучше — опять надеть носки и намочить их, или идти дальше в ботинках на босу ногу, растравляя мозоль, которая у него уже была. Сами ботинки стремительно становились почти бесполезными.

— В общем, ты улавливаешь картину, — говорит он. — Я шел вперед и вперед. День напролет, под ветром и солнцем.

— И как далеко ты ушел? — спрашивает Тоби.

— А как это измерить? Там мили не считаются. Недостаточно далеко, это все, что я могу сказать. И у меня кончились припасы.

Ночь он провел, притулившись меж двух валунов и дрожа как осиновый лист, несмотря на два космических одеяла и костер из сухого тальника и карликовой березы, найденной у ручья.

К тому времени, как на небе зарозовел следующий закат, у Зеба уже не осталось никакой еды. Он перестал бояться медведей; наоборот, ему не терпелось встретить медведя, желательно

пожирнее, и вонзить в него зубы. Ему снились мелкие шарики жира, кружащие в воздухе, как снежинки, или, точнее, градины; во сне они садились на тело Зеба, проникая во все щелочки и уголки, подпитывая. Мозг на сто процентов состоит из холестерина, и Зеб нуждался в подпитке, жаждал ее. Он мысленным взором видел собственные внутренности: ребра, а между ними пустота, полость, усаженная зубами. Если в такой жиропад высунуть язык, то воздух будет на вкус как куриный бульон.

В сумерках он увидел карибу. Зеб смотрел на карибу, а карибу — на Зеба. Слишком далеко, чтобы стрелять. Слишком быстро бегают, нет смысла гнаться. Они скользят по болотной топи, словно на лыжах.

Следующий день выдался солнечным и почти жарким; дальние предметы казались зыбкими по краям, как мираж. Был ли Зеб все еще голоден? Трудно сказать. Он чувствовал, как слова испаряются из него и сгорают на солнце. Скоро он останется бессловесным, а сможет ли он тогда думать? Нет и да, да и нет. Он сольется со всем остальным, со всем, что заполняет пространство, через которое он движется, и уже не будет стеклянной панели языка, чтобы отделить Зеба

от не-Зеба. Не-Зеб просачивался в Зеба, обходя защитные сооружения, обтекая края, разъедая форму, врастая корешками в голову — как волосы растут, только наоборот. Скоро он зарастет совсем, сровняется со мхом. Ему нужно двигаться, не останавливаться, хранить свои очертания, определять себя через волну, которую гонит он сам, через след, оставляемый им в воздухе. Бодрствовать, быть начеку, прислушиваться к… к чему? К тому, что может напасть на него, остановить, сделать его мертвым.

У следующих развалин моста из низких кустов, окаймляющих речку, из воздуха сгустился медведь. Не было, и вдруг стал, и встал на задние лапы, застигнутый врасплох, предлагающий себя. Был ли рык, рев, вонь? Наверняка, но Зеб не помнит. Должно быть, он брызнул медведю в глаза спреем и застрелил в упор, но фотографических свидетельств не сохранилось.

Следующее, что он помнит, — как разделывал медвежью тушу, кромсая смешным ножичком. Руки по запястье в крови, а потом счастье, клад: мясо, мех. Два ворона держались на расстоянии, раскатывая «Р» и ожидая своей очереди; куски для него, потом ошметки для них.

«Не увлекайся», — сказал он сам себе, жуя и

вспоминая, как опасно обожраться на пустой желудок, особенно такой жирной, сверхконцентрированной пищей. «Ешь понемножку». Голос доносился приглушенно, словно Зеб сам себе звонил по телефону из-под земли. Какой вкус был у этого мяса? Какая разница. Зеб съел сердце медведя — заговорит ли он теперь по-медвежьи?

Посмотрим на Зеба назавтра, или через день, или когда там он прошел полпути незнамо куда — хотя он по-прежнему верит, что шел куда-то. У него новая обувь — обмотки из медвежьей шкуры, мехом внутрь, перевязанные полосками кожи, как на комиксах про пещерных людей. У него меховой плащ, меховая шапка, и все это по совместительству работает как спальный мешок, хотя оно тяжелое и вонючее. Зеб тащит груз мяса и большой шмат сала. Будь у него время, он перетопил бы сало и размазал по телу, а так он просто закидывает его в себя кусками, словно заправляясь горючим. Это и есть горючее, и Зеб его расходует; он чувствует, как оно сгорает внутри и идет теплом по жилам.

«Прощай, забота», — распевает он. Вороны по-прежнему следуют за ним как тени. Теперь их четыре; он для них словно Гаммельнский крысолов. «Как ко мне на подоконник прилетела птица

счастья», — поет он воронам. Его мать обожала подобный бодрый ритмичный ретромусор. И еще жизнерадостные религиозные гимны.

И вдруг вдали появился велосипедист. Он ехал навстречу Зебу по лежащему впереди относительно гладкому куску дороги. Какой-нибудь любитель приключений и горного туризма, сторчавшийся на эндорфинах. Такие время от времени появлялись в Уайтхорсе — пополняли запасы прибамбасов в магазинах для рыболовов и охотников и следовали дальше, в холмы, желая испытать себя на старинной трассе Канол. Они обычно доезжали до барака. Потом ехали обратно. Возвращались худей, жилистей и безумней, чем были. Иные рассказывали, как их похитили инопланетяне, иные — про говорящих лис, иные — про человеческие голоса, звучащие над тундрой в ночи. Или получеловеческие. Которые их куда-то манили.

Нет, велосипедистов двое. Один сильно отстал. Должно быть, размолвка влюбленных, предполагает Зеб. В нормальной ситуации они держались бы вместе.

Горные велосипеды — чрезвычайно полезная вещь. А уж седельные сумки и то, что в них может оказаться, — тем более.

Зеб прячется в кустах у ручья и ждет, чтобы первый велосипедист проехал мимо. Женщина, блондинка, бедра как у богини или орехокола из нержавеющей стали, облитые глянцевым эластиком велосипедного костюма. Глаза под обтекаемым шлемом сощурены навстречу ветру, узкие бровки над модными очками-консервами, защитой от ветра и солнца, убийственно хмурятся. Вот она уже удаляется, трюх-трюх по буграм, задница тугая, как силиконовая титька, а вот и ее парень едет, нарочно приотстал, мрачный, углы рта опущены. Он ее чем-то разозлил, и она его за это наказывает. Его гнетет несчастье, в котором Зеб может помочь.

— Арррр! — орет Зеб. Или что-то вроде.

— Арррр? — смеясь, повторяет Тоби.

— Ну, в общем, ты поняла.

Короче говоря: он, замотанный в шкуру, с рыком выскакивает из кустов на парня. Жертва испускает сдавленный вопль и с лязгом валится набок. Даже не нужно бить беднягу по голове, он сам вырубился. Просто забрать велосипед с седельными сумками и скрыться вдали.

Когда Зеб наконец оборачивается, он видит, что девушка остановилась. Сердито сжатый рот, наверное, открылся буквой «О», означающей

потрясение. Теперь она пожалеет, что отругала своего несчастного хахаля. Обладательница монументальных бедер примчится назад, встанет на колени и будет нежно ухаживать за ним, качать и баюкать, промокать царапины и проливать слезы. Парень придет в себя, заглянет, придурок этакий, в ее глаза, не защищенные очками, и она все простит (в чем бы это «все» ни заключалось). Потом они вызовут спасателей по ее мобильнику.

Что они скажут? Догадаться нетрудно.

Скрывшись из виду (съехав под горку и свернув в сторону), он открывает седельные сумки. Сокровище: набор энергобатончиков, какая-то квазисырная паста, ветровка, мини-печка с баллончиком горючего, пара сухих носков и запасные ботинки с толстыми подошвами — они малы, но можно вырезать дырку для пальцев. И мобильник. И самое лучшее — удостоверение личности: это ему очень даже пригодится. Он разбивает мобильник на мелкие кусочки и прячет под камнем, а потом тащится вбок от дороги, по тундре, с велосипедом и всем добром.

Ему повезло — на пути попадается вскрытая пальза: наверное, злобный гризлый взрыл ее, охотясь на увертливых земляных белок. Зеб вместе

с велосипедом зарывается во влажную черную землю, оставив наблюдательный зазор меж комьев. После длительного мокрого ожидания появляется топтер. Он зависает над местом, где, должно быть, обнимаются сейчас юные велосипедисты, дрожа и благословляя свою счастливую звезду. Из топтера опускается лестница, по ней через некоторое время взбираются влюбленные, и топтер уносит их в низком, неспешном полете, хлоп-хлоп, трюх-трюх. Зато теперь им будет о чем рассказать.

И они рассказывают. Уже оказавшись в Уайтхорсе, сбросив по дороге медвежьи шкуры и утопив их в ручье, сменив одежду на новую (дар Фортуны), удачно проголосовав на трассе, освежив внешность и переменив прическу, доработав кое-что в удостоверении личности велосипедиста и заправившись наличными через вызубренный на память «черный ход», Зеб прочитал все, что писали об этой истории.

Значит, йети существуют на самом деле! Они просто перекочевали в Бесплодные равнины в горах Маккензи. Нет, это не мог быть медведь — медведи не умеют ездить на горных велосипедах. И вообще эта тварь была семи футов росту, с глазами совсем как у человека, ужасно пахла

и обладала почти человеческим разумом. Велосипедисты даже публикуют фотографию, снятую на мобильник девушки: бурое пятно, обведенное красным овалом (чтобы выделить на фоне всех остальных бурых пятен).

Не прошло и недели, как охотники за йети со всего мира скучковались и организовали экспедицию на место открытия. Они прочесывают район, где обнаружен йети, на предмет отпечатков ног, пучков шерсти и кучек помета. Глава экспедиции заявляет, что скоро у них будут решающие образцы ДНК, и тогда скептики будут посрамлены, и все увидят, какие они косные, растленные, ходячие окаменелости, отрицатели правды.

Очень скоро.

История Зеба, Спасибо и Спокойной Ночи

Спасибо, что принесли мне эту рыбу.

«Спасибо» значит… «Спасибо» значит, что вы сделали мне что-то хорошее. Или что-то такое, про что вы думали, что оно хорошее. Вы дали мне рыбу и этим сделали мне хорошее. Поэтому я теперь рада. И больше всего я рада потому, что вы хотели, чтобы я была рада. Вот что значит «спасибо».

Нет, не нужно давать мне еще одну рыбу. Я и без того уже достаточно рада.

Вы разве не хотите услышать про Зеба?

Тогда вам надо слушать.

После того как Зеб вернулся обратно с больших и высоких гор, на вершине которых лежал снег, после того, как он снял шкуру с медведя и надел ее на себя, он сказал медведю «спасибо». Духу медведя.

Потому что медведь его не съел и позволил ему съесть себя. И потому, что медведь дал Зебу свою шкуру с мехом, чтобы Зеб мог ее надеть.

«Дух» — это та часть вас, которая не умирает,

когда умирает тело.

«Умирает»… это то, что делает рыба, когда ее ловят, а потом жарят.

Нет, умирают не только рыбы. Люди тоже умирают.

Да. Все.

Да, вы тоже. Когда-нибудь. Но не сейчас. Еще очень не скоро.

Я не знаю, почему. Так сделал Коростель.

Потому что…

Потому что, если бы никто никогда не умирал, а все только рожали все больше и больше детей, мир скоро переполнился бы, и в нем совсем не было бы места.

Нет, вас не будут жарить на огне, когда вы умрете.

Потому что вы не рыбы.

Нет, медведь тоже не был рыбой. И он умер как медведь. Не как рыба. Поэтому его не жарили на огне.

Да, может быть, Зеб сказал «спасибо» и Орикс тоже. Помимо того, что он сказал «спасибо» медведю.

Потому что Орикс позволила Зебу съесть одного из ее Детей. Она знает, что некоторые из ее Детей едят других; потому что они так устроены.

Те, у которых острые зубы. И Орикс понимала, что Зеб тоже может съесть кого-нибудь из ее Детей, потому что он был очень голодный.

Я не знаю, сказал ли Зеб «спасибо» Коростелю. Может быть, вы спросите его сами, когда в следующий раз увидите. Но вообще Коростель не занимается медведями. Медведями занимается Орикс.

Зеб надел шкуру медведя, чтобы не замерзнуть.

Потому что ему было очень холодно. Потому что в тех местах гораздо холоднее. Из-за того, что там кругом очень большие горы со снегом наверху.

«Снег» — это вода, которая замерзла и превратилась в маленькие кусочки. Они называются снежинками. «Замерзла» значит, что вода стала твердая, как камень.

Нет, снежинки не имеют никакого отношения к Джимми-Снежнычеловеку. Я не знаю, почему часть его имени похожа на снежинку.

Я хватаюсь за голову руками, потому что у меня началась головная боль. Это значит, что у меня болит внутри головы.

Спасибо. Я уверена, что если вы надо мной помурлыкаете, это поможет. И еще мне поможет,

если вы не будете задавать столько вопросов.

Да, возможно, что у Аманды тоже болит голова. Или что-нибудь другое болит. Может быть, вы над ней помурлыкаете.

Думаю, на сегодня уже хватит истории Зеба. Смотрите, луна восходит. Вам пора в кровать.

Я знаю, что вы не спите в кроватях. А я сплю в кровати. Поэтому мне пора в кровать. Спокойной ночи.

«Спокойной ночи» значит — я надеюсь, что вы будете спать хорошо, и утром проснетесь целыми и невредимыми, и с вами ничего плохого не случится за ночь.

Ну, например… Нет, я не знаю, что плохого с вами может случиться.

Спокойной ночи.

Шрамы

Шрамы

Она старалась это не афишировать — каждую ночь, рассказав историю Детям Коростеля, исчезала тайком, одна, и встречалась с Зебом так, чтобы никто не видел. Но ей никого не удается обмануть — по крайней мере, никого из людей.

Конечно, им смешно. Во всяком случае, молодым — Американской Лисице, Голубянке, Крозу и Шекки, Колибри. Наверное, даже Рен. Даже Аманде. Любая тень романтических чувств у «хронологически превосходящих граждан» — законная добыча шутников. Для молодежи любовные страдания несовместимы с морщинами, а сочетание того и другого вызывает смех. Наступает момент, когда пышное и сочное становится черствым и жестким, кишащее жизнью море обращается в бесплодный песок. По мнению зрителей, у Тоби этот момент уже наступил и прошел. Она готовит настои трав, собирает грибы, прикладывает опарышей к ранам, ходит за пчелами и сводит бородавки. Это все — занятия для умудренной жизнью старухи. Вот пускай она и занимается своим делом.

А Зеб для них, наверно, скорее загадочен, чем

смешон. С точки зрения социобиологии он должен делать то, что лучше всего получается у альфа-самцов: прыгать на аппетитных молодок, принадлежащих ему по праву, брюхатить их, передавать свои гены через самок, способных к деторождению. В отличие от нее, Тоби. Так почему он зря тратит свою драгоценную сперму, удивляются они. Вместо того чтобы мудро инвестировать ее — например, в яичники, охотно предоставленные Американской Лисицей. Сама Американская Лисица почти наверняка придерживается именно такого мнения, судя по языку тела: она хлопает ресницами, выпячивает груди, откидывает назад копну волос растопыренной пятерней, демонстрирует подмышки. Сигналы не менее ясны, чем синяя задница у Детей Коростеля. Бабуины в течке.

«Прекрати!» — командует себе Тоби. Вот так все и начинается среди выброшенных на необитаемый остров, жертв кораблекрушения, жителей города в осаде: ревность, раздоры, брешь в стене защиты групповых интересов. А потом враг, убийца тенью проскальзывает в дверь, которую мы забыли запереть, потому что нас отвлекли наши черные двойники. Мы в это время нянчили свои мелкие ненависти, взращивали затаенные

обиды, орали друг на друга и били посуду.

Замкнутые группы в кольце врагов подвержены такому нагноению: склонны к мести и вражде. Вертоградари в свое время устраивали сеансы глубинного самоосознания — именно для того, чтобы с этим бороться.

С тех самых пор, как Зеб и Тоби стали любовниками, Тоби начали сниться сны, в которых Зеб исчезает. Он и вправду исчезает, когда она спит, потому что на ее односпальном ложе — прямоугольном выступе, торчащем из пола в комнатке-чулане, — недостаточно места для двоих. Так что Зеб каждый раз посреди ночи удаляется крадучись, будто в древней комедии, действие которой происходит в английской загородной усадьбе — и ощупью в темноте возвращается к себе в закуток.

Но в снах он исчезает по-настоящему: уходит далеко, и никто не знает, куда. А Тоби стоит у забора, окружающего саманный дом, — смотрит на дорогу, уже заросшую лианами кудзу, засыпанную обломками разрушенных домов и разбитых машин. Слышится тихое блеянье — или это плач? «Он не вернется, — говорит акварельный голос. — Он больше никогда не вернется».

Голос женский. Кто это? Рен? Аманда? Сама

Тоби? Сценарий слащаво-сентиментален, как открытка в пастельных тонах — бодрствующую Тоби он раздражал бы, но во сне она теряет способность иронизировать. Она так плачет, что одежда промокает от слез, фосфоресцирующих слез, мерцающих, как сине-зеленое газовое пламя в том, что становится темнотой — может, Тоби в пещере? Но тут к ней приходит большое животное, похожее на кошку, и начинает ее утешать. Оно трется о ее ногу, мурлыча, как ветер.

Она просыпается и обнаруживает рядом с собой мальчика из Детей Коростеля. Он приподнял край отсыревшей простыни, которой обмотана Тоби, и осторожно гладит ее ногу. От него пахнет апельсинами и чем-то еще. Цитрусовый освежитель воздуха. Они все так пахнут, но молодые — сильнее.

— Что ты делаешь? — спрашивает она, изо всех сил стараясь говорить спокойно. «У меня жутко грязные ногти на ногах», — думает она. Обломанные и грязные. Маникюрные ножницы; добавить в список для восторгания. Кожа у Тоби грубая по сравнению с идеальной кожей руки мальчика. Это он светится изнутри, или у него кожа настолько тонко проработана, что отражает свет?

— О Тоби, у тебя внизу ноги, — говорит маль-

чик. — Как у нас.

— Да, — соглашается она. — Ноги.

— А у тебя есть груди, о Тоби?

— Да, и они тоже, — она улыбается.

— У тебя две? Две груди?

— Да, — отвечает она, воздерживаясь от соблазна добавить «пока что». Интересно, а чего он ждал — одну грудь, три, а может, четыре или шесть, как у собак? Видел ли он когда-нибудь собаку вблизи?

— О Тоби, а у тебя между ног выйдет ребенок? Потом, когда ты станешь синей?

О чем он спрашивает? О том, могут ли рожать люди вроде нее — не Дети Коростеля? Или о том, может ли рожать она сама?

— Если бы я была моложе, тогда у меня мог бы выйти ребенок. Но не сейчас.

На самом деле возраст тут не главное. Если бы вся ее жизнь до сих пор была другой. Если бы ей тогда не нужны были деньги. Если бы она жила в другой вселенной.

— О Тоби, какая у тебя болезнь? — спрашивает мальчик. — У тебя что-нибудь болит?

Он протягивает ослепительно прекрасные руки, чтобы ее обнять. Не слезы ли это у него в странных зеленых глазах?

— Все в порядке, — отвечает она. — У меня больше уже ничего не болит.

Она продавала яйцеклетки, чтобы заплатить за квартиру — давно, когда еще жила в плебсвилле, еще до того, как попала к вертоградарям. Ей занесли инфекцию. И все ее будущие дети разом перестали существовать. Но ведь она похоронила эту печаль много лет назад. А если и нет, то должна была похоронить. Принимая во внимание общую картину — положение дел с тем, что когда-то называлось человеческой расой, — подобные чувства следует отправить на помойку как бессмысленные.

Она собирается добавить: «У меня внутри шрамы», но вовремя останавливается. «Что такое шрамы, о Тоби?» — это будет следующий вопрос. Тогда придется объяснять, что такое шрамы. «Шрам — это как письмена у тебя на теле. Он напоминает о чем-то таком, что случилось с тобой раньше: например, о том, как у тебя был порез и из него шла кровь. Что такое письмена, о Тоби? Письмена — это метки на куске бумаги… на камне… на плоской поверхности, как песок пляжа, и каждая метка означает звук, а звуки сливаются вместе и означают слово, а слова, соединенные вместе, означают… А как делать

эти письмена, о Тоби? Их делают с помощью клавиатуры… нет, когда-то их делали ручкой или карандашом, а карандаш — это… Или палкой. О Тоби, я не понимаю. Ты делаешь метку палкой у себя на коже, чтобы разрезать кожу, и тогда получается шрам, и этот шрам превращается в голос? Он говорит и что-то рассказывает? О Тоби, а можно нам услышать, что говорит шрам? Покажи нам, как делать эти говорящие шрамы!»

Нет, лучше вообще не упоминать о шрамах. А то, чего доброго, Дети Коростеля начнут резать себя на кусочки, пытаясь выпустить наружу голоса.

— Как тебя зовут? — спрашивает она у мальчика.

— Меня зовут Черная Борода, — серьезно отвечает мальчик. Черная Борода, знаменитый пират-убийца? Это милое дитя? У которого к тому же никогда не будет бороды, ведь Коростель ликвидировал всю растительность на теле сотворенного им вида. У многих Детей Коростеля странные имена. Зеб говорит, что их придумывал сам Коростель, у которого было своеобразное чувство юмора. Хотя почему бы Детям Коростеля не носить странные имена, если они сами странные?

— Я рада познакомиться с тобой, о Черная Борода, — говорит Тоби.

— А вы едите свой помет, о Тоби? — спрашивает мальчик. — Как мы? Чтобы листья лучше переваривались?

Это еще что за новости? Съедобные какашки? Об этом Тоби никто не предупреждал!

— Тебе пора вернуться к своей матери, о Черная Борода, — говорит Тоби. — Она, должно быть, беспокоится о тебе.

— Нет, о Тоби. Она знает, что я с тобой. Она говорит, что ты хорошая и добрая, — он улыбается, показывая идеальные зубки. Обаяшка. Они все невероятно привлекательны — как отфотошопленные люди на рекламе косметики. — Ты хорошая, как Коростель. Ты добрая, как Орикс. А у тебя есть крылья, о Тоби?

Он вытягивает шею, пытаясь заглянуть ей за спину. Может быть, когда он ее только что обнимал, он просто хотел украдкой пощупать ей спину — нет ли там выступов, покрытых перьями.

— Нет, — отвечает Тоби. — У меня нет крыльев.

— Когда я вырасту большой, я с тобой спарюсь, — самоотверженно говорит Черная Борода. — Даже если ты… даже если ты будешь совсем

чуть-чуть синей. И тогда у тебя будет ребенок! Он вырастет у тебя в костяной пещере! И ты будешь рада!

Совсем чуть-чуть синей. Значит, он ощущает разницу в возрасте, хотя слова «старый» в словаре Детей Коростеля нет.

— Благодарю тебя, о Черная Борода, — говорит Тоби. — А теперь беги. Меня ждет завтрак. И еще я должна пойти посмотреть на Джимми… Джимми-Снежныечеловека, чтобы узнать, не уменьшилась ли его болезнь.

Она садится на кровати и решительно ставит обе ступни на пол, намекая мальчику, что ему пора уходить.

Впрочем, он не воспринимает намека.

— Что такое завтрак, о Тоби? — спрашивает он. Она и забыла, у них не бывает приемов пищи как таковых. Они пасутся непрерывно, как все травоядные.

Он разглядывает ее бинокль, тычет пальцем в стопку простыней. Гладит винтовку, стоящую в углу. Точно так же вел бы себя и человеческий ребенок: бесцельно вертел что-нибудь в руках или ковырял с любопытством.

— Это твой завтрак?

— Не трогай, — резковато говорит она. — Это не

завтрак, это такая особенная вещь для… Завтрак — это то, что мы едим утром. Такие люди, как я, с лишней кожей.

— Это рыба? Твой завтрак — это рыба?

— Иногда это рыба. Но сегодня у меня на завтрак будет часть животного. Животного, покрытого мехом. Может быть, я съем его ногу. Внутри будет вонючая кость. Ты ведь не хочешь видеть вонючую кость, правда? — Теперь-то он точно уберется.

— Нет, — неуверенно говорит мальчик. Он морщит нос. Однако перспектива его, кажется, заинтересовала: да и кто бы отказался подглядеть за отвратительной трапезой троллей?

— Тогда тебе надо уйти.

Но он все равно никак не уходит.

— Джимми-Снежныечеловек говорит, что плохие люди, которые жили в хаосе, ели Детей Орикс. Они их убивали и убивали, ели и ели. Они все время их ели.

— Да, они их ели, — соглашается Тоби. — Но они их ели неправильно.

— А те два плохих человека тоже ели их неправильно? Которые убежали?

— Да. Они ели их неправильно.

— А как их ешь ты, о Тоби? Как ты ешь ноги

Детей Орикс?

Большие глаза устремлены на Тоби, словно она вот-вот отрастит клыки и набросится на него.

— Я ем их правильно, — отвечает Тоби, надеясь, что он не спросит, как же это — правильно.

— Я видел вонючую кость. Она лежала за кухней. Это завтрак? Плохие люди едят такие кости?

— Да. Но они делают и другие плохие вещи. Много плохих вещей. Гораздо более плохие вещи. Мы все должны быть очень осторожны и не выходить в лес поодиночке. Если ты увидишь этих плохих людей или любых других людей, похожих на них, ты должен сразу прийти и сказать мне. Или Крозье, или Ребекке, или Рен, или Белоклювому Дятлу. Любому из нас.

Она уже несколько раз объясняла это всем Детям Коростеля, в том числе и взрослым, но не уверена, поняли ли они. Они пялятся на нее и кивают, жуя медленно, словно думают о чем-то, но не похоже, что они напуганы. Это отсутствие страха очень беспокоит Тоби.

— Но не Джимми-Снежныечеловеку и не Аманде, — говорит мальчик. — Им не надо говорить. Потому что они больны.

Хотя бы это он понял. Он делает паузу, словно обдумывая что-то.

— Но Зеб сделает так, чтобы плохие люди ушли, — говорит он. — Тогда все будет безопасно.

— Да, тогда все будет безопасно, — соглашается Тоби.

Дети Коростеля уже возвели вокруг Зеба внушительный бастион из верований. Скоро он станет всемогущим и способным исправить любое зло; и это может сыграть плохую службу, потому что он, конечно же, не всемогущ. Он даже для меня не все может исправить, думает Тоби.

Но имя Зеба заметно приободрило Черную Бороду. Мальчик снова улыбается, поднимает руку, слегка машет — как президент в стародавние времена, как королева в веренице машин, как кинозвезда. Где он перенял этот жест? Вот он отходит бочком и исчезает в дверном проеме. Он не сводит глаз с Тоби, пока не скрывается за углом.

«Не напугала ли я его?» — думает она. Вдруг он теперь вернется к своим и начнет рассказывать им про омерзительные чудеса, как делают настоящие дети… как делают дети?

Фиолет-биолет

Вокруг саманного дома в разгаре обычный день. Похоже, все остальные уже позавтракали, хотя Американская Лисица и Белоклювый Дятел все еще сидят у стола, наверняка увлекшись причудливым флиртом — она ради практики, он, бедняга, всерьез.

Тоби озирается в поисках Зеба, но его нигде не видно: может, пошел принять душ. Крозье как раз выгоняет стадо париковец на пастбище: с ним Колибри — тащит пистолет-распылитель, прикрывая Крозье со спины. Под деревом натянут гамак Джимми, при котором несут вахту трое Детей Коростеля.

Голубянка и Рен заняты на стройке — идет расширение саманного домика. Беззумные Аддамы большинством голосов решили добавить еще спальных закутков. Новые закутки будут просторней, чтобы было больше похоже на настоящий дом. Главная часть саманного дома строилась, чтобы показать, как жили люди в старину: эрзац-древность, словно динозавр из цемента. Рядом когда-то раскидывался рынок продажи и обмена натуральных продуктов «Древо жизни». Тоби

помнит, как приходила сюда с вертоградарями продавать сваренное из отходов мыло, а также уксус и мед собственного производства, грибы и овощи, выращенные в саду на крыше. Давно, когда еще существовало само понятие покупки и продажи и еще жили на свете люди, которые что-то покупали, и люди, которые им это продавали.

«Надо бы поискать пчел», — думает она. Наверняка в каком-нибудь дупле найдется сбежавший рой. Завести несколько ульев и ухаживать за ними — это и полезно, и успокаивает.

Строительство проводится в несколько стадий. Сегодня утром Рен и Голубянка смешивают глину, солому и песок в пластиковом детском бассейнчике, украшенном Микки-Маусами. Деревянный каркас уже установлен, и на него день за днем добавляют слои глины. Каждый слой надо высушить, и этому мешают ежедневные послеобеденные грозы, но, к счастью, удалось восторгнуть пластиковые тенты для прикрытия.

Аманда сидит недалеко от Рен и Голубянки, положив руки на колени и ничего не делая. Она очень много времени посвящает этому занятию. Может быть, это она так медленно выздоравливает, думает Тоби. Медленно, как варится еда в медленноварке. Может быть, от этого резуль-

тат будет лучше. По крайней мере, Аманда хоть чуть-чуть набрала вес. И в последние несколько дней явно старается что-то сделать: там сорняк выдернет, здесь снимет с грядки слизняка или улитку. В стародавние времена обитатели сада на крыше «переселяли» Наших Собратьев, Поедателей Овощей — то есть кидали их с крыши вниз, на улицу. Официальная формулировка гласила, что слизняки тоже имеют право на жизнь, но отнюдь не в не подходящих для этого местах, таких, как салатные миски, где им может быть нанесен вред зубами вертоградарей. Но сейчас слизняков слишком много — кажется, что каждый кустик, каждый овощ порождает их самопроизвольно. Поэтому по молчаливому общему согласию их кидают в соленую воду.

Аманде это, кажется, доставляет удовольствие — несмотря на то, что слизняки корчатся и исходят пеной. Но участие в строительстве ей не по силам. Раньше она была сильной; ее ничто не пугало. Крепкий орешек, изворотливая плебокрыска, она могла справиться с чем угодно. Из них двоих слабой, робкой была Рен. Должно быть, то, что случилось с Амандой — то, что сделали с ней больболисты, — оказалось ей не по силам.

Несколько Детей Коростеля наблюдают за сме-

шиванием глины. И наверняка задают вопросы. «Зачем вы это делаете? Вы творите хаос? Что это за существа с круглыми черными штуками на головах? Что такое «микимаус»? Но они совсем не похожи на мышей, мы видели мышей, у них нет больших белых рук», и так далее. Любая новая вещь, обнаруженная в царстве Беззумных Аддамов, — источник удивления. Вчера Крозье восторгнул где-то пачку сигарет, пока пас овец, и Дети Коростеля до сих пор не могут прийти в себя. «Он поджег белую палочку! Он сунул ее в рот! Он вдохнул дым! Зачем ты это делаешь, о Крозье? Дым не для того, чтобы им дышать! Дым — для того, чтобы готовить на нем рыбу!» И так далее, и тому подобное.

— Скажи им, что это вещь Коростеля, — посоветовала Тоби, и Крозье последовал совету. Универсальная формула, подходит к чему угодно.

Несколько Детей Коростеля — женщины и малыши — стоят на бывшей детской площадке рядом с саманным домом и жуют листья с лиан кудзу, обвивших горку и качели. Кудзу — их любимая еда. Коростель был весьма предусмотрителен — дефицита кудзу в ближайшее время не предвидится. Они съели почти все лианы с

красной пластмассовой горки, и дети поглаживают горку, словно она живая. Никто не вспомнил бы, что тут были качели, если бы Дети Коростеля не сжевали зелень, растущую вокруг.

Тоби направляется в фиолет-биолет — не только потому, что ей туда нужно, но еще и потому, что не хочет садиться за стол, пока не ушла Американская Лисица. Тоби сознательно не дает себе подумать слово «шлюха»: женщина не имеет права называть этим словом другую женщину, особенно если к тому нет конкретных поводов.

«В самом деле? — ехидно осведомляется ее внутренний шлюхо-обличающий голос. — Можно подумать, ты не видела, как она смотрит на Зеба. Ресницы как у росянки, и зрачками поводит этак вбок, как на давнишней рекламе какого-нибудь уцененного простибота: антибактериальные волокна, 100 %-ный слив жидкости, натурально звучащие стоны, регулятор сжатия для оптимального удовлетворения».

Тоби делает глубокий вдох и вызывает в памяти методы, которым ее учили вертоградари. Она представляет себе, как гнев пробивается сквозь кожу, наподобие рожек улитки, а потом росток гнева засыхает и отваливается. Она ласково улыбается в сторону Американской Лисицы,

думая: «Все, что тебе нужно, — это попрыгать с ним в койке. Просто чтобы показать, что ты это можешь. Прибить его на стенку среди прочих трофеев. Ты ничего о нем не знаешь, ты неспособна оценить его по достоинству, он не твой, ты не знаешь, как долго я его ждала…»

Но все это не значит ровным счетом ничего. Никого не интересует. В этих делах нет понятия справедливости или законных прав. Если Зеб прыгнет в койку с Американской Лисицей — или прокрадется, или просочится в эту койку, — Тоби будет иметь право только на одну модель поведения: не говорить абсолютно ничего. Почем она знает — может, он уже работает на обе стороны: бросает ее по ночам, разомлевшую от ласк… они очень уж похожи на лучших друзей, не слишком ли товарищеские у них отношения?.. и, может быть, после этого он втайне все еще неудовлетворен; и вот он тайком выходит наружу и снова тайком прокрадывается в дом, чтобы жадно наброситься на Американскую Лисицу, которая жадно набрасывается на него.

Ей невыносимо об этом думать. Поэтому она об этом думать не будет. Запрещает себе об этом думать. Делает усилие воли, чтобы НЕ думать.

Фиолет-биолеты остались в парке с прежних

времен: три кабинки для мужчин, три для женщин. Солнечные панели все еще работают, питая ультрафиолетовые светодиоды и двигатели маленьких вентиляторов. Пока фиолет-биолеты функционируют, Беззумным Аддамам не придется рыть отхожие ямы. К счастью, на улицах по соседству большие запасы туалетной бумаги для восторгания — туалетная бумага была не самой популярной добычей у мародеров во время той фазы чумы, когда шли грабежи. Что толку с туалетной бумаги? Ею не напьёшься до отключки.

Внутри фиолет-биолетов стены до сих пор исписаны рукой жителей плебсвилля: несколько поколений надписей, одни поверх других. Когда-то люди, еще озабоченные какими-то нормами приличия, пытались закрасить эти надписи, но несколько подростков, одержимых анархическим самовыражением, могут за час изгадить белую поверхность, которую три дня приводила к безмолвию бригада маляров.

Дэррин! Я твоя подстилка, ты мой король!

Я тебя <3 больше всего на свете.

В жопу ККБ!

Лорис – тупая пизда

Чтоб тебя трахнули 100 000 питбулей
Тот, кто пишет на стене,
Пусть купается в говне,
Тот, кто это все прочтет,
Пусть говна скорей хлебнет!
Позвони мне, хорошо и недорого,
будешь визжать 24×7 и сдохнешь обкончавшись
НЕ СТОЙ У МЕНЯ НА ДОРОГЕ СУКА
ИЛИ Я ТЕБЯ НОЖОМ

И робкое, незаконченное:

Старайтесь любить! Миру нужна…

«Что есть, где срать, как прятаться, кого убивать: неужели это — самое главное? — думает Тоби. — Это то, к чему мы пришли — или свелись. Или вернулись?»

А кого ты любишь? И кто любит тебя? И кто не любит? И, если вдуматься — кто тебя серьезно ненавидит.

Взмах ресниц

Джимми в гамаке под деревьями все еще спит. Тоби проверяет у него пульс: он явно замедлился. Она меняет опарышей (нога перестала гноиться) и вливает в Джимми немножко грибного эликсира с добавкой Мака.

Стулья расставлены овалом вокруг гамака, словно Джимми — главное блюдо на пиру: гигантский лосось или кабан на блюде. Над ним мурлыкают трое Детей Коростеля, по очереди. Двое мужчин и женщина: золото, слоновая кость, черное дерево. Каждые несколько часов одну троицу сменяет другая. Может, у них ограниченный запас мурлыканья, и они нуждаются в перезарядке, как батарейки? Конечно, им нужно время попастись и сходить на водопой, но, наверно, само мурлыканье — тоже что-то вроде электрических колебаний?

«Мы этого никогда не узнаем», — думает Тоби, зажимая нос Джимми, чтобы заставить его открыть рот. У нас уже нет возможности воткнуть электроды в чужой мозг, чтобы изучать его. Детям Коростеля повезло. В стародавние времена их украли бы из купола «Пародиза» — какая-нибудь

конкурирующая корпорация. Делали бы им инъекции, электрошок, тыкали щупами, порезали бы на кусочки, изучая, как они устроены. Чтобы узнать, что в них тикает. Чем они мурлычут. Чем живут. Отчего болеют, если вообще болеют. И в конце концов от Детей Коростеля остались бы только аккуратные препараты ДНК в морозильнике.

Джимми глотает, вздыхает; левая рука дергается.

— Как он сегодня? — спрашивает Тоби у Детей Коростеля. — Он совсем не просыпался?

— Нет, о Тоби, — отвечает золотокожий мужчина. — Он путешествует.

У мужчины ярко-рыжие волосы, длинные стройные руки и ноги. Несмотря на цвет кожи, он напоминает иллюстрацию к детской книжке. Что-нибудь из ирландских народных сказок.

— Но сейчас он остановился, — говорит чернокожий мужчина. — Он залез на дерево.

— Не его собственное дерево, — объясняет женщина с кожей цвета слоновой кости. — Не то, на котором он живет.

— Он залез на дерево, чтобы спать, — говорит чернокожий.

— Вы хотите сказать, что он спит внутри своего

сна? — уточняет Тоби. Тут что-то не так; непонятно, как это возможно. — Спит на дереве во сне?

— Да, о Тоби, — отвечает женщина. Все трое устремляют на нее лучистые зеленые глаза, словно она — крутящийся обрывок веревочки, а они — три скучающих кошки.

— Может быть, он будет спать долго, — говорит золотокожий. — Он застрял там, на дереве. Если он не проснется и не пойдет сюда, он вообще не проснется.

— Но ему становится лучше! — возражает Тоби.

— Он боится, — говорит женщина совершенно обыденным тоном. — Он боится того, что в этом мире. Он боится плохих людей, он боится Свиных. Он не хочет просыпаться.

— А вы можете с ним говорить? — спрашивает Тоби. — Можете сказать ему, что бодрствовать — лучше, чем спать?

Попытка — не пытка; вдруг у них есть какое-то средство для неслышного общения и они могут достучаться до Джимми, где бы он ни был. Волновые колебания, вибрация.

Но они уже не смотрят на нее. Они смотрят на приближающихся Рен и Голубянку с Амандой на буксире — она приотстала, словно прячась у

них за спиной.

Все трое садятся на свободные стулья, Аманда — с робостью. Рен и Голубянка заляпаны грязью после работы на стройке, а на Аманде нет ни пятнышка. Голубянка и Рен моют ее в душе каждое утро, выбирают для нее свежую простыню и заплетают ей волосы.

— Мы решили сделать перерыв, — говорит Рен. — И посмотреть, как чувствует себя Джимми… Джимми-Снежныечеловек.

Женщина широко улыбается им. Двое мужчин тоже улыбаются, но сдержаннее: в обществе молодых женщин из саманного дома Сыновьям Коростеля теперь слегка не по себе. Им уже объяснили, что энергичное групповое совокупление в данном случае неприемлемо, и они не знают, как себя вести. Двое мужчин начинают переговариваться вполголоса, так что мурлыкает теперь только женщина с кожей цвета слоновой кости.

«Она синяя? Одна из них синяя. Две другие были синие, мы соединили свою синеву с их синевой, но они не были рады. Они не такие, как наши женщины, они не рады, они сломаны. Их тоже сотворил Коростель? Почему он сделал их такими, что они не рады? Орикс о них позаботится. Позаботится ли о них Орикс, если они не такие,

как наши женщины? Когда Джимми-Снежныечеловек проснется, мы спросим его об этом».

«О, если б я могла побыть мухой на стене и подслушать, как Джимми объясняет Детям Коростеля неисповедимые пути Коростелевы! Человек — или вроде как человек — предполагает, а Коростель располагает».

— А Джимми… Джимми-Снежныечеловек выздоровеет? — спрашивает Голубянка.

— Думаю, да, — говорит Тоби. — Это зависит от того…

Она хочет сказать «…как работает у него иммунная система», но лучше не произносить этого при Детях Коростеля. («Что такое иммунная система?» — «Это такая вещь внутри вас, которая вам помогает и делает вас сильными». — «А где нам найти иммунную систему? Ее дает Коростель? Он пошлет нам иммунную систему?» и так далее, без конца.)

— …от того, как он будет спать.

Дети Коростеля не протестуют; вот и ладно.

— Но я уверена, что он скоро проснется, — продолжает Тоби.

— Ему надо есть, — говорит Голубянка. — Он ужасно худой! Не может же он питаться воздухом.

— Без еды можно долго обходиться. У вертоградарей все время были разные посты, знаешь? Можно долго протянуть. Несколько недель, — Рен наклоняется над Джимми, протягивает руку, приглаживает ему волосы надо лбом. — Надо бы ему голову помыть. Он начинает пахнуть.

— По-моему, он что-то сказал только что, — говорит Голубянка.

— Это он во сне бормочет. Можно обмыть его губкой. — Рен наклоняется поближе к Джимми. — Он как-то усох с виду. Бедный Джимми. Только бы он не умер.

— Я вливаю в него жидкости, — говорит Тоби. — И еще мед, я кормлю его медом.

Почему она вдруг заговорила на манер старшей медсестры в больнице?

— И мы его моем, — она словно оправдывается. — Каждый день моем.

— Ну, во всяком случае, температура у него упала, — говорит Голубянка. — Он уже прохладный на ощупь. Правда ведь?

Рен щупает лоб Джимми.

— Не знаю. Джимми, ты меня слышишь?

Все смотрят на Джимми: он не шевелится.

— По-моему, он теплый. Аманда, потрогай — правда ведь?

«Она пытается втянуть Аманду в общие дела, — думает Тоби. — Заинтересовать ее чем-нибудь. Рен всегда была доброй девочкой».

«Если она синяя, эта Голубянка, должны ли мы с ней спариться? Нет, нам нельзя этого делать. Нельзя им петь, нельзя собирать для них цветы, нельзя махать им членами. Они этому не рады, они кричат, и мы не знаем, почему. Но иногда они не кричат от испуга, иногда они…»

— Мне нужно прилечь, — говорит Аманда. Она встает и нетвердо шагает в сторону саманного дома.

— Она меня очень беспокоит, — говорит Рен. — Ее сегодня утром тошнило, она даже позавтракать не смогла. Она очень глубоко под паром.

— Может, это что-то вроде гриппа, — отвечает Голубянка. — Или она съела что-нибудь. Нам нужно придумать что-то получше для мытья посуды — по-моему, вода…

— Смотрите! — восклицает Рен. — Он моргнул!

— Он тебя слышит, — говорит женщина с кожей цвета слоновой кости. — Он услышал твой голос, и теперь он идет. Он рад, он хочет быть с тобой.

— Со мной? — отзывается Рен. — Правда?

— Да. Смотри, он улыбается.

Действительно, на лице у Джимми улыбка,

или, по крайней мере, след улыбки, думает Тоби. Хотя, возможно, это всего лишь газики, как у младенцев.

Женщина смахивает комара, присевшего на губу Джимми.

— Скоро он проснется, — говорит она.

Зеб во тьме

Зеб во тьме

Настал вечер. Сегодня Тоби отвертелась от ежедневной обязанности — рассказывать сказку Детям Коростеля. Эти рассказы даются ей нелегко. Мало того что приходится напяливать дурацкую красную кепку и съедать ритуальную рыбу, которая, скажем так, не всегда хорошо прожарена. Самое трудное — домысливать и изобретать. Тоби не любит врать — во всяком случае, преднамеренно врать, — но ей приходится огибать наиболее мрачные и запутанные углы реальности. Все равно что жарить тосты и стараться, чтобы они не подгорели, но в то же время поджарились и стали тостами.

— Я приду завтра, — сказала она Детям Коростеля. — Сегодня я должна сделать кое-что важное для Зеба.

— Что это за важная вещь, которую ты должна сделать, о Тоби? Мы хотим тебе помогать.

Хорошо хоть не спросили, что значит «важный». Видимо, у них уже сложилось представление об этом слове: нечто среднее между опасным и восхитительным.

— Спасибо, — говорит она. — Но это могу сде-

лать только я.

— Это нужно сделать с плохими людьми? — спрашивает мальчик, Черная Борода.

— Нет, — отвечает Тоби. — Плохие люди не показывались уже много дней. Может быть, они ушли куда-нибудь далеко. Но мы все равно должны быть осторожными и сказать другим, если их увидим.

Крозье по секрету сообщил ей, что пропала одна париковца — рыжая, с косичками. Но, может, она просто отбилась от стада на выпасе и заблудилась. Или досталась львагнцу.

Или кое-кому похуже, думает Тоби: человеку.

День ужасно душный. Даже послеобеденная гроза не спасает, хотя после нее обычно дышится легче. В норме — хотя что такое норма? — похоть в такую погоду должна слабеть, становиться приглушенной, словно ее накрыли мокрым матрасом. Тоби и Зеб должны были бы лежать изнемогая, обмякшие, обессиленные. Но вместо этого они улизнули от остальных еще раньше обычного, скользкие от желания, впитывают друг друга всеми порами кожи, наполняя друг другом каждый капилляр, и бултыхаются в постели, как тритоны в луже.

Сумерки, уже переходящие в ночь. Фиолето-

вая темнота поднимается от земли, как потоп, летучие мыши порхают, как кожистые бабочки, ночные цветы раскрываются, и воздух напоен их мускусным ароматом. Тоби и Зеб сидят в огороде, надеясь на хоть какой-нибудь вечерний ветерок. Их пальцы переплетены, но не сжаты; Тоби все еще чувствует, как между ней и Зебом проходит слабый электрический ток. Вокруг голов у них порхают фосфоресцирующие мотыльки. «Интересно, как мы для них пахнем? — думает она. — Грибами? Раздавленными лепестками? Росой?»

— Ты должен мне помочь, — говорит Тоби. — Мне нужен материал, иначе я не смогу дальше рассказывать Детям Коростеля. Они без конца требуют историй про тебя.

— Например?

— Ты для них герой. Они хотят узнать все о твоем жизненном пути. Историю твоего чудесного рождения, твои сверхъестественные подвиги, твои любимые кулинарные рецепты. Ты для них все равно что член королевской семьи.

— Почему я? Я думал, Коростель со всем этим покончил. Их не должно интересовать такое.

— Однако интересует. Они тобой просто одержимы. Ты для них рок-звезда.

— В господа бога и перепончатых стрекоз! Ну придумай какую-нибудь херню.

— Они устраивают перекрестный допрос, хуже прокурора, — говорит Тоби. — Мне нужны хотя бы основы. Исходный материал.

Почему она хочет знать подноготную Зеба? Для Детей Коростеля или для себя? И то, и другое. Но главное — для себя.

— Да я весь тут, как открытая книга.

— Не увиливай.

Он вздыхает.

— Мне ужасно не хочется все это вспоминать. Мало того что пришлось это прожить, так теперь еще переживать заново. Кому это нужно?

— Мне, — говорит Тоби. «И тебе самому, — думает она. — Оно у тебя все еще болит». — Ну так я слушаю.

— Вот же упертая.

— А куда мне торопиться, у меня вся ночь впереди. Итак, ты родился…

— Родился, не буду отрицать, — он снова вздыхает. — Ну ладно. Первое, что тебе следует знать, — мы родились не от тех матерей.

— Это как? — спрашивает она, вглядываясь в едва различимое лицо. Плоскость щеки, тень, блик в глазу.

История рождения Зеба

Видите, я надела красную кепку Джимми-Снежныечеловека. Я съела рыбу. Я послушала, что говорит мне блестящая вещь. Теперь я расскажу вам историю о том, как Зеб родился.

Вам не нужно петь.

Зеба не сотворил Коростель, как Джимми-Снежныечеловека. Его не сотворила Орикс, как кроликов. Он родился, точно так же, как рождаетесь вы. Он рос в костяной пещере, как вы, и вышел наружу через костяной туннель, точно так же, как и вы.

Потому что под нашими вторыми кожами, которые называются «одежда», мы такие же, как вы. Почти такие же.

Нет, мы не становимся синими. Хотя иногда от нас пахнет синим. Но костяная пещера у нас устроена так же.

Нет, сейчас мы не будем обсуждать синие члены.

Да, я знаю, что они больше. Спасибо за напоминание.

Да, у нас есть груди. У женщин.

Да, две.

Да, спереди.

Нет, сейчас я не буду показывать вам свои груди.

Потому что эта история не про груди. Эта история — про Зеба.

Давным-давно, еще до того, как Коростель уничтожил хаос, Зеб жил в костяной пещере своей матери. И Орикс заботилась о нем, как она заботится обо всех, кто живет в костяных пещерах. А потом Зеб перешел в этот мир по костяному туннелю. Он был ребенком и рос.

И еще у него был старший брат, которого звали Адамом. Но матерью Адама была другая женщина, не мать Зеба.

Потому что, когда Адам был еще совсем маленький, мать Адама сбежала от отца Адама.

«Сбежала» означает, что она очень быстро перешла в другое место. Это просто так называется — на самом деле она, может быть, вовсе и не бежала. Может быть, она шла или ехала на… В общем, Адам больше никогда в жизни ее не видел.

Да, я уверена, что он был очень печален.

Потому что она хотела спариваться сразу с несколькими самцами, а не только с отцом Зеба. Во всяком случае, так сказал Зебу его отец.

Да, хотеть такого — очень хорошо, и она была

бы счастлива, если бы жила вместе с вами. Она могла бы спариваться с четырьмя самцами сразу, как это делаете вы. Тогда она была бы очень рада!

Но отец Зеба смотрел на это по-другому.

Потому что он сделал с ней вещь, которая называется «брак», а в браке у каждой женщины должен быть только один мужчина и у каждого мужчины только одна женщина. Хотя иногда их было больше. Но так не должно было быть.

Потому что они все жили в хаосе. Это вещь хаоса. Поэтому вы ее не понимаете.

Теперь никакого брака уже нет. Коростель уничтожил и его тоже. Он решил, что брак — глупая вещь.

«Глупая» означает, что эта вещь Коростелю не нравилась. Он считал глупыми очень многие вещи.

Да, хороший, добрый Коростель. Если вы будете петь, я перестану рассказывать.

Потому что из-за этого я забываю то, что рассказываю.

Спасибо.

И тогда отец Адама нашел себе другую женщину для брака, и родился Зеб. Теперь маленький Адам уже не был одинок, потому что у него был

брат. И Адам с Зебом помогали друг другу. Но отец Зеба иногда делал им плохо и больно.

Я не знаю, почему. Он думал, что детям полезно, если им делают больно.

Нет, он был не такой плохой, как те плохие люди, которые делали плохо Аманде. Но он не был добрым человеком.

Я не знаю, почему, но тогда многие люди были недобрыми. Это вещь хаоса.

И мать Зеба часто ложилась поспать или делала другие вещи, которые были ей интересны. Маленькие дети ее не очень интересовали. Она часто говорила: «Вы смерти моей хотите».

Мне трудно объяснить, что это значит. Это значит, что она была недовольна тем, что они делали.

Нет, Зеб не убивал свою мать. Она просто так говорила «Вы смерти моей хотите». Очень часто говорила.

Почему она это говорила, если это было неправдой? Это… тогда многие люди так говорили. Нельзя сказать, что это правда или неправда. Это что-то среднее. Это такая фигура речи. «Фигура речи» значит…

Да, правильно. Мать Зеба тоже не была добрым человеком. Иногда она помогала отцу Зеба запи-

рать Зеба в чулан.

«Запирать» значит… «чулан» значит… Это была очень маленькая комната, и в ней было темно, и Зеб не мог выйти наружу. Или его родители думали, что он не может выйти наружу. Но скоро он очень много узнал о том, как открывать закрытые двери.

Нет. Мать Зеба не умела петь. Не так, как ваши матери. И как ваши отцы. И как вы.

Но Зеб умел петь. Это одна из тех вещей, которыми он занимался, когда его запирали в чулане. Он пел.

Срань Господня

Труди, мать Зеба, была чрезвычайно добродетельна, а Фенелла, мать Адама, — течная сучка, готовая трахаться с кем угодно. Во всяком случае, так говорили Труди и преподобный. По их словам, Зеб был гадкий, негодный мальчишка, а поскольку они сами отличались незапятнанной добродетелью, Зеб, конечно, думал, что он не родной, а усыновленный. Не мог же он произойти от двух таких идеальных источников беспорочной ДНК.

Порой он грезил, что его бросила Фенелла — что она и есть его настоящая, негодная мать. Она была вынуждена спешно бежать и не могла взять его с собой — поэтому оставила на крыльце в картонном ящике, и Труди забрала его себе и измывалась над ним как могла, да еще и врала, что она его родная мать. И теперь Фенелла — где бы она сейчас ни была — горько жалела, что бросила его, и собиралась вернуться и забрать его, как только получится. И тогда они вместе уедут далеко-далеко и будут делать абсолютно все из длинного списка дел, которые не одобрял преподобный. Зеб так и видел, как они с Фенеллой

сидят на скамье в парке, жуют лакричные конфеты и самозабвенно ковыряют в носу. Например.

Но тогда он был еще совсем маленький. Позже, узнав кое-что о генетике, он решил, что Труди тайно порезвилась с каким-нибудь водопроводчиком по вызову, который заодно подрабатывал взломом и мелким воровством. Или с садовником; она потрахивалась с нелегалами, текс-мексиканцами, у которых были черные волосы, точно как у Зеба. Она недоплачивала текс-мексиканцам, которые возили ей компост на тачке, окапывали кусты, подваливали камни на альпийскую горку. Насколько Зеб мог судить, горка была единственным, о чем его мать по-настоящему заботилась. Она постоянно торчала у горки, то выковыривая сорняки трехзубой садовой вилкой, то поливая гнезда муравьев горячим уксусом.

— Конечно, могло быть и так, что я унаследовал криминальные наклонности от преподобного. Вся разница между нами в том, что он свои эскапады приукрашивал и придавал им респектабельный вид, ну а я не стеснялся. Он был скрытным и хитрым, а я мозолил глаза.

— Не надо так сурово себя критиковать.

— Детка, ты не поняла. Я хвастаюсь.

Преподобный изобрел свою собственную рели-

гию. Это было верное дело в те дни, если ты хотел грести мегабаксы лопатой и умел толкать речи с громами и молниями, бичуя нравы, запугивать свою паству и красноречиво проповедовать, доводя ее до исступления, но тебе недоставало других востребованных на рынке навыков, таких, как умение торговать деривативами, например. Назовись основоположником новой религии, рассказывай людям то, что они хотят услышать, выжимай из них деньги, заведи собственных карманных журналистов и используй их для ловких рекламных кампаний в Интернете, задействуй автоматический телефонный обзвон, дружи с политиками или шантажируй их, уклоняйся от уплаты налогов. Надо отдать должное преподобному. Его психика была искривлена, как крендель. Он был мелкий садист и сволочь, святой с жестяным нимбом, крысиный король, но он был не глуп.

Об этом свидетельствует его успех. К тому времени, как родился Зеб, у преподобного уже был мегахрам, построенный среди бескрайних равнин, весь застекленный, со скамьями из поддельного дуба и отделкой из фальшивого гранита. Организация, созданная преподобным, называлась «Церковь ПетрОлеума» и была ветвью чуть

более традиционной церкви петробаптистов. Те одно время пользовались колоссальным успехом — как раз когда нефть, ранее доступная всем, начала иссякать, цены на нее полезли вверх и в плебсвиллях воцарилось отчаяние. Корпоративные шишки часто являлись на богослужения в качестве приглашенных ораторов. Они возносили хвалы Создателю за то, что он благословил сей мир выхлопами и токсинами, возводили очи горé, словно бензин спускался с неба, и вообще выглядели набожными, как черти.

— Набожные, как черти, — повторяет Зеб. — Я всегда любил это выражение. По моему скромному мнению, набожность и черт — две стороны одной медали.

— Скромному мнению? — переспрашивает Тоби. — С каких это пор твое мнение стало скромным?

— С тех пор, как я встретил тебя. Один взгляд на твою прекрасную попу, чудо Господня творения, и я понял, какое я в сравнении с тобой убожество. Еще немного — и я начну вылизывать пол у тебя под ногами. Сжалься надо мной, а то я застесняюсь.

— Хорошо, я позволяю тебе иметь ровно одно скромное мнение. Продолжай.

— А можно я поцелую тебя в ключицу?

— Через минуту. Сначала расскажи до конца, — она только учится кокетничать, но наслаждается этим занятием.

— До конца? Ты соскучилась по моему концу? Хочешь поговорить о том, чем мы сейчас займемся?

— Обязательно, но сначала закончи свой рассказ.

— Ладно уж.

Преподобный разработал теологическую доктрину, с помощью которой греб деньги. Конечно, с обоснованием из Писания. Евангелие от Матфея, глава 16, стих 18: «Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою».

«Не нужно быть семи пядей во лбу, — говорил преподобный, — чтобы понять: Петр по-латыни «камень», а значит, подлинное значение имени «Петр» — петролеум, каменное масло, оно же нефть. А значит, друзья мои, этот стих из Писания относится не только к святому Петру; это пророчество, предвещающее нефтяной век, и доказательство тому, друзья мои, у вас перед глазами! Ибо что в наши дни ценней всего? Нефть!» Да, этот вонючий говнюк был умен, ничего не скажешь.

— Он и правда все это проповедовал? — спрашивает Тоби. Это должно быть смешно или нет? По тону Зеба не понять.

— И не забудь про «олеум». Эта часть еще важней, чем «Петр». Преподобный мог часами распространяться на эту тему. «Друзья мои! Как мы все знаем, «олеум» по-латыни — масло. И действительно, в Писании повсюду упоминается освященное масло, елей! Что как не оно используется для помазания священников, пророков, царей? Елей — знак особой избранности, помазание им — одно из таинств Церкви! Какое нам еще нужно доказательство того, что наше каменное масло, петролеум, нефть — священна? Ее поместил в Землю Господь с особой целью, уготовав ее для верных, чтобы они могли преумножать Его дела! Его орудия для извлечения нефти ныне изобилуют на лике Земли, и Он посылает нам свои щедрые дары! Разве не сказано в Писании, что светильник нельзя держать под спудом? А что горит в светильнике, как не масло? На чем работают электростанции, дающие нам свет? Вот именно! На нефти, друзья мои! Священное масло нельзя прятать под спудом — иными словами, нефть нельзя оставлять в толще каменной породы, ибо поступать так означало бы идти

наперекор Писанию! Вознесем же свои голоса в гимне, и да изливается нефть неиссякающими, благословенными потоками!»

— Это ты ему подражаешь, я так понимаю.

— А то! Я столько раз все это слышал, что мог бы воспроизвести даже стоя на голове. И Адам тоже.

— У тебя хорошо получается.

— У Адама получалось еще лучше. В церкви преподобного — и за обеденным столом преподобного — мы молились не об оставлении грехов и даже не о дожде, хотя видит Бог, нам не помешало бы ни то, ни другое. Мы молились о ниспослании нефти. Да, и природного газа тоже — преподобный включил его в список Божьих даров, посылаемых избранным. Каждый раз, когда мы молились перед едой, преподобный напоминал, что еда попадает к нам на стол исключительно благодаря нефти — ведь на нефти работают трактора, которые пашут землю, грузовики, которые доставляют продукты в магазин, и даже машина, на которой наша заботливая мать, Труди, едет за продуктами, и электростанция, которая питает бытовые приборы для приготовления пищи. Можно сказать, что мы едим и пьем нефть — впрочем, это и в прямом смысле отчасти правда. Так что — благоговейте!

Приблизительно в этот момент мы с Адамом принимались пинать друг друга под столом. Нужно было пнуть другого так сильно, чтобы он дернулся или вскрикнул, но самому не подавать виду, потому что за неподобающие звуки полагалась трепка. Или заставляли пить мочу. Или что похуже. Но Адам был не из тех, кого легко довести до крика. Меня восхищало это его свойство.

— Неужели буквально? Мочу?

— Честное слово. Пусть у меня сердце лопнет, если я вру — правда, не худо было бы сперва вспомнить, куда я засунул эту совершенно ненужную в хозяйстве вещь…

— А я думала, вы друг друга любили. Ты и Адам.

— Так и есть. А пинали друг друга, потому что мы мальчики. Девчонкам этого не понять.

— Сколько же тебе было лет?

— Слишком много. Хотя Адам был старше. Всего на пару лет, но у него, как сказали бы вертоградари, древняя душа. Он был мудр, а я глуп. И так было всегда.

Адам был тощий мелкий сопляк. Он был старше Зеба, но Зеб уже к пяти годам далеко обогнал его по силе. Адам был методичен: он размышлял и все продумывал. Зеб был импульсивен: он стре-

лял навскидку, поддавался приступам ярости. Это примерно с одинаковой частотой доводило его до беды и помогало выкрутиться.

Но вместе они добивались поразительных успехов. Словно сиамские близнецы, сросшиеся головами: Зеб — плохой мальчик, у которого хорошо получались плохие дела, и Адам — хороший мальчик, у которого плохо получались хорошие. Точнее, который использовал хорошие дела как ширму для плохих. Адам и Зебулон: A — Z, как подставки по двум концам книжной полки, первая и последняя буквы латинского алфавита. Эта умилительная симметрия была идеей преподобного — он любил, чтобы во всем просматривался некий смысл.

Адама вечно ставили в пример. Ну почему Зеб не может вести себя хорошо, как его брат? Сидеть прямо, не ерзать, есть нормально, рука — не вилка, не вытирай лицо рубашкой, слушайся отца, говори «да, сэр» и «нет, сэр», и так далее. Все это произносила Труди, причем почти умоляющим тоном: она хотела только мира и покоя, и ей совершенно не доставляло удовольствия то, что Зеб получал за строптивость и мрачность — рубцы, синяки и шрамы. Она не была садисткой, в отличие от преподобного. Но была центром своей

собственной вселенной. Ей нужны были разные приятные вещи, а источником питающих их денежных потоков был преподобный.

Напомнив Зебу о том, как образцово ведет себя Адам, она продолжала: то, что он такой пай-мальчик, еще бóльшая его заслуга, еще более удивительно, если принять во внимание, что… тут она замолкала, потому что Труди и преподобный всячески избегали упоминать Фенеллу, мать Адама. Можно было бы ожидать, что они используют скандальное поведение Фенеллы как палку для морального избиения Адама, но почему-то они этого не делали. Он слишком хорошо изображал — имитировал — невинность, чему способствовали большие голубые глаза и худенькое благообразное личико.

Зеб нашел старые фотографии Фенеллы — на флешке, которая валялась на дне ящика в чулане, том самом, куда Зеба часто запирали. Он спрятал там мини-фонарик, чтобы видеть в темноте. Наткнувшись на флешку, он ее прикарманил, а потом воткнул в компьютер преподобного, желая посмотреть, что будет. Флешка еще работала: на ней оказалось штук тридцать фотографий Фенеллы, некоторые — с маленьким Адамом, несколько штук — с преподобным, никто из них особо не

улыбался. Должно быть, про флешку просто забыли, потому что других фотографий Фенеллы в доме не было. Она совсем не походила на шлюху: у нее было такое же худое лицо с прямым правдивым взглядом больших глаз, как у Адама.

Зеб в нее прямо-таки влюбился; если б только он мог с ней поговорить и рассказать, что тут происходит, она бы встала на его сторону. Она бы возненавидела их домашний уклад не хуже самого Зеба. Наверняка она и правда ненавидела этот дом, иначе не сбежала бы. Хотя по виду она была не из беглецов — слишком хрупкая.

Иногда Зеб завидовал Адаму, потому что он успел немного побыть сыном Фенеллы, а у Зеба была только Труди. Потом его брала досада на то, что Адам из всех проделок выходит невинной овечкой, и он начинал украдкой мстить: подкладывал какашки в кровать, дохлую мышь в раковину, менял местами в кранах горячую и холодную воду — к тому времени он уже освоил водопроводную систему дома — или просто делал брату «мешок» в постели. Мальчишеские пакости. Преподобный хорошо наварился на нефтяных акциях, да и потоки из карманов прихожан изливались весьма обильно, поэтому семья жила в большом доме. Труди с преподобным спали

в противоположном крыле. Так что даже если бы Адам завопил, они бы его не услышали. Хотя он никогда не вопил: только смотрел лучистым взглядом с ноткой упрека, словно говоря «Я тебя прощаю», и это злило Зеба еще в десять раз больше.

Иногда Зеб дразнил Адама Фенеллой. Он говорил, что у нее, наверное, татуировки по всему телу, даже на сиськах. Что она нюхает кокаин и совсем сторчалась; что она сбежала с байкером, нет, с десятью байкерами, и отсосала у них у всех, у одного за другим; что она уличная проститутка в Лас-Вегасе, обслуживает чокнутых нариков и сутенеров-сифилитиков. Зачем он говорил эти омерзительные гадости про женщину, которую считал своим вторым «я», духом-хранителем, феей-крестной, практически мраморной богиней? Кто скажет.

Но странное дело, Адам не протестовал. Он только улыбался — несколько пугающей улыбкой, словно знал что-то такое, чего не знал Зеб.

Адам ни разу не пожаловался на детские шалости Зеба. Он даже тогда уже был чертовски скрытный сукин сын. Как правило, они работали вдвоем. В школе — она принадлежала Нефтекорпу и называлась «Продуктивный пласт» — они

были известны как «срань Господня» из-за отца. Но никто уже не осмеливался наезжать на них — во всяком случае, явно, как только Зеб немного подрос. Адам в одиночку стал бы просто сидячей мишенью, такой он был худой и прозрачный. Но стоило кому-нибудь хоть пальцем его тронуть, Зеб делал котлету из обидчика. Впрочем, хватило всего двух раз. После второго раза слух о том, что с ними лучше не связываться, разошелся по школе.

Руки Шилицци

Адам и Зеб совместными усилиями спасались от промывки мозгов, которую вели Труди и преподобный. Чего они пытались избежать, помимо наказания? Любых шагов, ведущих по пути праведности, пути Святого ПетрОлеума, на который их так усиленно толкали.

Адам спасался исключительно враньем на голубом глазу — любой, кроме Зеба, поверил бы, что Адам невинен, как только что снесенное яичко. А у Зеба проявились таланты вора-домушника. Часы, проведенные им в чулане, имели и свои положительные стороны, а шпильки для волос — массу полезных применений. И скоро Зеб уже тайком передвигался по всему дому, копаясь в ящиках комодов и в электронной почте родителей, пока те думали, что он надежно заперт среди зимних пальто и устаревшей бытовой техники. Взлом замков стал его увлечением, а хакерство — после тайных экскурсов в школьную интрасеть и визитов в публичную библиотеку — призванием. В мире фантазий никакие пароли не могли преградить ему путь, никакие замки не могли его удержать, и по мере того как он становился

старше и опытней, эта фантазия вливалась в реальность.

Сперва он с головой погрузился в порносайты и пиратскую кислотную рок– и фрик-музыку. Разумеется, все это Церковь запрещала. Ее уделом были наглухо застегнутые воротнички и публичные обеты воздержания. Одобренная Церковью музыка была ужасна, как тысяча космических монстров. Так что Зеб врубал через наушники продукцию каких-нибудь «Фосфоресцирующих трупов», «Раков поджелудочной» или «Шизоидных глистов-альбиносов» и бродил по сети в поисках все новых женских тел во все более затейливых позах. Он ведь не делал ничего плохого: все эти видео уже сняты, так что он в каком-то смысле путешествовал во времени. Причиной их появления был не он.

Когда он почувствовал, что готов, то решил поднять ставку и по-настоящему испытать свои силы.

Церковь ПетрОлеума была весьма продвинута в смысле технологий. Она собирала пожертвования через десяток хитроумных сайтов, интегрированных с социальными сетями. Урожай из карманов верующих поступал круглосуточно и без выходных. Предполагалось, что защита

на этих сайтах — лучше не бывает, с двухслойной кольчугой из хитровывернутых программ, которую пришлось бы взломать любому воришке, пожелай он добраться до текущих счетов. И действительно, система надежно защищала от внешних воришек; но она была совсем не защищена от массивной атаки изнутри, которую провернул Зеб, когда ему только-только исполнилось шестнадцать.

Слабым местом преподобного была вера в собственную неуязвимость. Поэтому он был беспечен; а из-за плохой памяти на комбинации букв и цифр он записывал свои пароли. И прятал в таких очевидных местах, что рассмешил бы и пасхального цыпленка. Шкатулка для запонок?! Носки воскресных туфель?! «Ретрокретин», — вздыхал Зеб, извлекая бумажки, запоминая сочетания символов и возвращая шкатулку или туфлю точно на то же место.

Завладев ключами от королевства, Зеб отвел струйку пожертвований — конечно, не весь поток, всего лишь доли процента, в пределах ошибки округления, он же не был идиотом — на несколько счетов, принадлежащих ему самому. Он позаботился о том, чтобы жертвователи получали стандартные письма от имени Церк-

ви: сначала униженные благодарности, потом вдохновляющие фразы, потом что-нибудь такое, чтобы пробудить у прихожанина комплекс вины, плюс один-два лозунга, разжигающих ненависть к врагам Святой Нефти Господней: «Солнечные панели — работа сатаны», «Экологи — эк, олухи!», «Дьявол хочет, чтобы вы замерзали в темноте», «В глобальное потепление верят серийные убийцы».

Добычу Зеб складывал в тайники, для которых использовал синтетическую личность, сшитую из кусочков, наворованных на разных плохо защищенных сайтах: среди них были сайты игр 3D с аватарами, «Спаси рыбку» и другие слезливые благотворительные эко-форумы, а также осязательные порностимуляторы, установленные в пригородных торговых центрах. («Осязательная обратная связь дает подлинные, натуральные ощущения! Скажи «до свидания» притворным стонам и вскрикам! Предупреждение: не подвергайте электронное устройство воздействию влаги. Не помещайте клеммы в рот и на другие участки тела по соседству со слизистыми оболочками. Нарушение этого правила может привести к сильным ожогам».)

Зеб совсем не удивился, обнаружив во время

очередной вылазки, что и сам преподобный часто посещает осязательные дроч-сайты, хотя делает это из дома — конечно, преподобный не мог себе позволить, чтобы его поймали в торговом центре. Клеммы обратной связи преподобный прятал в сумке с клюшками для гольфа. Он предпочитал сайты, где пользовались хлыстами, засовывали в разные отверстия бутылки и прижигали соски. Он также был большим поклонником сайтов, на которых воспроизводились исторические обезглавливания. Эти были заметно дороже — видимо, из-за декораций и костюмов. «Мария Стюарт, королева шотландская: горячая рыжая красотка, горячая красная струя!» «Анна Болейн — королевская шлюха! Она делала это со своим братом, она сделает это с тобой, а потом ты сможешь отрубить ее грешную голову!» «Екатерина Говард! Холодная, как камень, хитрая, как лиса! Удар твоего мощного меча — она и вправду похолодеет!» «Леди Джейн Грей: накажи девственницу-аристократку за ее спесь. Повязка на глаза — по желанию». Эти сайты передавали в руки натуральные ощущения, словно ты и вправду только что отрубил женщине голову топором. («Интересно и весело! Исторически достоверно! Познавательно и расширяет кругозор!»)

За дополнительные деньги жертва всходила на плаху голая. Это возбуждало сильнее. Зеб и сам попробовал несколько раз, за счет преподобного (и, конечно, тщательно замел следы), — чтобы сравнить ощущения с одеждой и без. Коленопреклоненная голая женщина, которая через минуту лишится головы, — почему его это возбуждает? Может, он особо черствый или психопат? Нет — если верить Адаму, который много читал на эти темы, у психопатов не хватает какого-то чипа в мозгу. Они лишены эмпатии; чужие крики и слезы для них лишь неприятный шум. Следовательно, психопат не мог бы чувствовать себя последним дерьмом или извращенцем. В отличие от Зеба.

Он подумывал о том, чтобы хакнуть сайт и переписать код — чтобы, когда опускается топор, ощущения передавались не в руки зрителя, а в его шею. Что чувствует человек, когда ему отрубают голову? Это больно, или ощущения гасятся из-за шока? Или наступает прилив эмпатии? Но перебрать с эмпатией — опасно. Сердце может остановиться.

Эти голые, коленопреклоненные, без пяти минут безголовые женщины — они настоящие или нет? Зеб решил, что нет, потому что виртуальная

реальность отличается от настоящей. В реале тебе на самом деле больно. И никто не разрешил бы убивать настоящих женщин в прямом эфире: ведь это незаконно, правда? Но спецэффекты были такие потрясающие, картинка такая объемная, что зритель инстинктивно уворачивался от брызнувшей крови.

Адам, узнав об этом времяпрепровождении, не понял, в чем его привлекательность. Он, конечно, узнал, потому что Зеб не мог не поделиться открытием о тайной жизни преподобного. Которая теперь в какой-то степени была и тайной жизнью самого Зеба.

— Это аморально, — вот что сказал Адам.

— Именно! В этом весь смысл! Ты что, педик? — ответил Зеб, но Адам лишь улыбнулся.

Возможно, преподобный нуждался в отдушине для своих извращенных потребностей: Зеб уже стал слишком крупным и агрессивным и не годился в объекты садистских игр. Он мог дать сдачи, а преподобный в глубине души был трусоват, так что порка ремнем, питье мочи и запирание в чулан сошли на нет. Труди не подходила поганому извращенцу, поскольку — несмотря на всю ее готовность служить за подачки — ни за что не согласилась бы терпеть кожаные намордники,

прокалывание сосков, избиения тростью. Или пожирать фекалии. Информация — сила; Зеб благодарил свою счастливую звезду за существование сайтов с осязательной обратной связью и старательно регистрировал все пользовательские сеансы преподобного. Полученные данные Зеб тщательно хранил на будущее, как подарок от Санта-Клауса, перевязанный красной бархатной ленточкой. Впрочем, преподобный мог раньше умереть от удара током через член — взорвать самого себя, как лопается переваренная сосиска — и Зеб, конечно же, хотел бы это видеть и хорошенько посмеяться над таким нелепым фиаско. Он даже подумывал о том, чтобы перепрограммировать осязательные клеммы для нужного эффекта, но не знал, какое потребуется напряжение. А сильно обожженный преподобный вместо бесповоротно мертвого, не подлежащего обмену и возврату, сулил большие неприятности: конечно, он сообразит, кто все подстроил.

К тому времени у Зеба уже были пальцы волшебника: он манипулировал программным кодом виртуозно, как Моцарт — клавишами рояля. Он строчил куплеты клинописью. Он пролетал через файрволлы, как некогда тигры сквозь горящие обручи в цирке, не опалив ни волоска.

Он мог легким движением пальцев зайти в бухгалтерию Церкви ПетрОлеума — в оба набора бухгалтерской отчетности, официальный и настоящий. И заходил регулярно. Это продолжалось несколько лет, доли процента накапливались, а Зеб все рос, растительности на теле у него прибавлялось, и он регулярно качал мышцы в спортзале школы «Продуктивный пласт». В смысле оценок он старался держаться около середины гауссовой кривой — чтобы никто не догадался о его звездных хакерских талантах.

Через полгода он окончит школу, и что тогда? У него были кое-какие мысли на эту тему, но мысли были и у его родителей-надзирателей. Преподобный объявил, что через свои ценные связи может обеспечить Зебу тепленькое местечко: работу в северной нефтяной пустыне, где Зеб будет водить огромную машину, железного динозавра, ворочающего богатый углеводородами битуминозный гравий. «Это сделает из тебя мужчину», — сказал преподобный. Определения «мужчины» он давать не стал, и это слово зависло в воздухе между ними. (Мучитель детей? Сектант-мошенник? Интернет-палач?) Кроме того, там хорошо платят. Поработав какое-то время, Зеб сможет решить, к чему у него лежит душа.

Тут было сразу три подтекста. Раз — преподобный хотел убрать Зеба подальше, так как начинал его побаиваться (причем справедливо). Два — при некоторой удаче Зеб заработает себе рак легких, у него вырастет третий глаз или чешуя, как у броненосца: воздух в тех местах был такой ядовитый, что мутации начинались уже через неделю.

И три — Зеб звезд с неба не хватал. В отличие от Адама, которого старый пердун послал учиться в Спиндлтопский университет в надежде, что Адам продолжит семейный бизнес на ниве мошеннической религии. Предметы, в которых специализировался Адам, назывались «петротеология», «гомилетика»[4] и «петробиология» — последняя, насколько понял Зеб, подразумевала изучение биологии с целью ее последующего опровержения. Для этого требовалась определенная интеллектуальная гибкость, которой — на это и намекал преподобный — недоставало Зебу. Его уровень — работа гребца на галерах.

— По-моему, это просто чудесно, — сказала Труди. — Зеб, ты должен быть очень благодарен папе

---

[4] Сноски: 4

Гомиле́тика (*др.-греч.* ὁμιλητική — искусство беседы) — богословская наука, излагающая правила церковного красноречия и проповедничества.

за то, что он для тебя так старается. Не у каждого мальчика такой папа.

«Улыбайся», — приказал себе Зеб.

— Я знаю, — сказал он вслух. На каком-то из вымерших языков слово «улыбка» звучало «глимлаг», почти как «глумление». Зеб читал всякие такие вещи в Интернете, когда не был занят казнями исторических персонажей.

Пока Адама не было, Зеб по нему скучал — он подозревал, что это взаимно. С кем еще они могли поговорить о неправдоподобном нагромождении слоев в их жизни? Кто еще мог оценить дико смешную пародию на молитву преподобного, обращенную к святому Луке-Лукойлу?

В разлуке они не пользовались эсэмэсками, не звонили друг другу по телефону и вообще избегали любых электронных сигналов: Интернет, как известно всем, протекает похуже пациента, изъеденного раком простаты, а преподобный наверняка шпионил — если не за Адамом, то за Зебом уж точно. Но когда Адам приезжал на каникулы, все становилось, как раньше. Зеб приветствовал его амфибией в башмаке, или членистоногим в коробочке для запонок, или парой репьев, хитроумно засунутых спереди в трусы. По правде сказать, эти шутки обоим давно

уже приелись и были вызваны скорее желанием вспомнить детство золотое.

Потом они шли на теннисный корт и притворялись, что играют, а сами перекидывались обрывками фраз над сеткой, обмениваясь информацией. Зеб хотел знать, переспал ли Адам уже с кем-нибудь, и Адам искусно увиливал от ответа. Адам же хотел знать, много ли Зеб уже выдоил из Церкви и сложил на тайных счетах, поскольку у братьев был твердый план — сбежать из магического круга, нарисованного преподобным, как только у них накопится достаточно денег.

Шли последние каникулы Адама — в следующем семестре он уже должен был получить диплом. Зеб в резиновых медицинских перчатках сидел за домашним компьютером преподобного и что-то мурлыкал себе под нос, а Адам стоял на стреме у окна — вдруг вернется преподобный на своей прожорливой тачке олигарха или Труди на своем хаммереныше.

— У тебя руки Шилицци, — сказал Адам ровным голосом, каким он владел мастерски. Что это было — восхищение или всего лишь констатация факта?

— Шилицци? — переспросил Зеб. — Ёптыть, старый хрен опять доит церковные счета, только

теперь уже по-крупному! Глянь-ка!

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты не сквернословил, — кротчайшим тоном заметил Адам.

— И тебя в рот и в жопу, — бодро отозвался Зеб. — И складывает в банк на Большом Каймане!

— Шилицци был известным преступником-джентльменом в двадцатом веке. Медвежатником, то есть взломщиком сейфов, — продолжал Адам, который, в отличие от Зеба, интересовался историей. — Никогда не пользовался взрывчаткой — работал исключительно руками. Он вошел в легенду.

— Похоже, старый пердун намылился соскочить, — заметил Зеб. — Сегодня он тут, а завтра — вжик, и уже посасывает мартини на тропическом пляже, и блондинки с почасовой оплатой вылизывают ему разные отверстия организма. А вылюбленная паства осталась на морозе без штанов.

— Только не на Большом Каймане, — сказал Адам. — Каймановы острова почти целиком ушли под воду. И все эти банки передислоцировались на Канары; там гор больше. Но сохранили названия корпораций, напоминающие о Большом Каймане. Верность традициям, надо полагать.

— Интересно, а Труди-Груди он тоже с собой возьмет? — Зеба удивили неожиданные познания брата в банковском деле. Впрочем, Адам часто его удивлял неожиданными познаниями в самых разных областях. Никогда нельзя было знать заранее, что именно он знает.

— Не возьмет, — сказал Адам. — Она стала слишком много требовать в смысле денег. И еще она подозревает о его планах.

— А ты-то откуда все это знаешь?

— Обоснованная догадка. Язык тела. За завтраком она его разглядывает, этак прищурившись, когда он не смотрит. Она пилит его, чтобы он взял наконец отпуск и повез ее отдыхать. И еще она чувствует, что он сдерживает ее амбиции в плане декора интерьеров; ты видел, какая у нее собралась коллекция из образцов обоев и краски? Труди устала кривляться перед паствой, играя ангелическую супругу. Она считает, что вложила много труда в семейный успех, и хочет увеличить свою долю пожинаемых плодов.

— Как Фенелла, — заметил Зеб. — Та тоже хотела больше, чем ей готовы были дать. Но она хоть вовремя унесла ноги.

— Она не унесла ноги, — сказал Адам, опять ровным голосом. — Она под альпийской горкой.

Зеб повернулся к нему вместе с эргономическим вращающимся компьютерным креслом преподобного.

— Она… что?

— Едут, — сказал Адам. — Оба сразу, колонной. Выключай компьютер.

Пропажа и кража

— Повтори, что ты сказал, — потребовал Зеб, как только они оказались на теннисном корте, за пределами слышимости. Они стояли рядом, подавая мяч через сетку или, гораздо чаще, в нее. Их комнаты прослушивались — Зеб обнаружил это много лет назад и теперь забавы ради скармливал дезинформацию через свою настольную лампу, получая ее обратно через компьютер преподобного. Он счел за лучшее прикинуться дураком и оставить жучки на месте.

— Под альпийской горкой, — повторил Адам. — Фенелла.

— Ты уверен?

— Я смотрел, как они ее зарывают. Из окна. Они меня не видели.

— Но это… может, тебе приснилось? Ты же был только что из мамкиной…!

Адам пригвоздил его холодным взглядом: он не только не одобрял сквернословия, но еще и никак не мог к нему привыкнуть.

— То есть я хочу сказать, ты был совсем маленький, — поправился Зеб. — Дети часто придумывают всякое.

Его трясло, и он едва соображал. Такое с ним редко бывало.

Если Адам говорит правду — а с чего бы ему врать? — это полностью меняло представления Зеба о самом себе. Фенелла придавала форму его прошлому, а также и будущему, и вдруг оказалась скелетом; все это время она была мертва. Значит, его нигде не встретит тайный помощник-хранитель; у него никогда не было такого помощника. Ему не суждено в один прекрасный день отыскать заботливую родственную душу — после того как он найдет знак «Выход», подберет отмычки к невидимым замкам и разрежет колючую проволоку, которой преподобный обмотал его загон. Он вынужден лететь с подбитым крылом, в одиночку, если не считать брата — сиамского близнеца, точно так же раненого, с которым они срослись головами. Вполне возможно, что братец в один прекрасный день решит на самом деле стать святошей, которого играет. Способности к этому у него есть. И тогда плавать Зебу в Вакуум-вилле, в темноте и холоде, подобно астронавту в каком-нибудь старинном фильме про космос,

отмеченном пятью помидорами[5]. Зеб запулил мяч в сетку.

— Мне было почти четыре года, — тон Адама подразумевал «я так сказал — значит, это незыблемая истина». Его голос был слишком похож на голос преподобного, и Зебу стало не по себе. — Я прекрасно помню то время.

— Ты мне никогда не рассказывал! — Зеб был оскорблен: Адам счел его недостойным доверия. Это ранило. Предполагалось, что они работают в команде.

— Ты бы проговорился. И тогда — кто знает, что они сделали бы, — он подкинул мяч и ударил по нему. Мяч улетел за сетку. — Тогда и ты мог бы попасть под альпийскую горку. Не говоря уже о том, что и я — тоже.

— Стой! Они? Ты хочешь сказать, что эта блядь ему помогала?

— Я тебе уже сказал. И не нужно ругаться.

— Прости, бля, вырвалось, — еще не хватало слушаться указаний Адама по культуре речи. — Добродетельная Труди?

---

[5] Сноски: 5

Намек на сайт rottentomatoes.com, где зрители оценивают качество просмотренных фильмов не в звездочках, как обычно, а в «помидорах» (аллюзия на гнилые помидоры, которыми недовольная аудитория забрасывает плохо играющих артистов на сцене театра).

— Видимо, ей тоже должно было что-то перепасть, — на сей раз тон Адама гласил «я выше твоих провокаций». — Хотя бы материал для шантажа. А может, она хотела убрать Фенеллу с дороги. Я предполагаю, что она была уже беременна тобой. Церковь ПетрОлеума не поощряет развод. Ты же знаешь, что во время венчания жениха и невесту мажут священным каменным маслом.

Ну вот, теперь смерть Фенеллы оказывалась на совести Зеба. Ведь это он легкомысленно позволил себя зачать.

— Как они это сделали? Эти двое? Подсыпали ей мышьяку в чай? Или…

Не голову же они ей отрубили, подумал он, стыдясь сам себя. Это даже для них было бы слишком.

— Не знаю. Мне было всего четыре года. Я только видел, как они ее зарывали.

— Значит, все эти истории про шлюху-наркоманку, бросившую своего ребеночка и так далее…

— Это то, чему хотели верить прихожане, — сказал Адам. — И верили. Сказки про плохую мать обречены на успех.

— Может, нам позвонить в ККБ? Сказать, чтобы

пришли с лопатами.

— Я бы не стал рисковать. Среди них много петробаптистов, а в совете директоров Церкви — шишек из Нефтекорпа. Вообще все эти организации сильно перекрываются, у них много общих интересов. Они все согласны, что протест нужно давить. Поэтому если преподобный совершил простое убийство жены, которое само по себе не угрожает устоям Нефтекорпа, Нефтекорп его покроет. Если поднимется скандал, это будет сильный удар по их репутации. Они это знают. Нас с тобой диагностируют как ментально нестабильных. Запрут и будут лечить сильнодействующими препаратами. Или, как я уже сказал, выроют еще пару ям под альпийской горкой.

— Но мы же его дети! — сказал Зеб. Даже ему самому было ясно, что эта реплика — на уровне двухлетнего ребенка.

— Думаешь, его это остановит? Кровь — вода, а деньги — это деньги. Он услышит своевременный глас с неба, намекающий на то, что недурно было бы принести в жертву сына ради большего блага. Вспомни Исаака. Он перережет нам обоим горло, а трупы пустит на всесожжение, потому что на этот раз Господь не пошлет ему барашка.

Первый раз на памяти Зеба Адам говорил так

мрачно.

— Так, — Зеб задыхался, хотя они двигались едва-едва. — Почему я слышу об этом сейчас?

— Потому что, если ты сказал правду о наших банковских делах, это значит, что у нас уже достаточно денег. И, кроме того, скоро Церковь может поймать тебя за руку. Надо валить, пока еще можно. Пока тебя не послали на смерть в битумных ямах. Которая, конечно, окажется несчастным случаем.

Зеб был тронут. Адам о нем заботится. Старший брат всегда был дальновиднее младшего.

Они подождали следующего дня, когда преподобный уехал на заседание совета директоров, а Труди — на собрание возглавляемого ею женского молитвенного кружка. Адам и Зеб вызвали солнцетакси и поехали на станцию скоростного поезда. По дороге они переговаривались, обмениваясь дезинформацией в расчете на любопытные уши водителя. Большинство шоферов были осведомителями, штатными или внештатными. Легенда, по которой они строили разговор, заключалась в том, что Адам возвращается в Спиндлтопский университет, а Зеб его провожает. Ничего необычного.

Они зашли в нет-кафе на вокзале, и Зеб основа-

тельно подчистил заначку преподобного из счета на Большом Каймане, пока Адам с подчеркнуто беспечным видом стоял на стреме на случай чересчур заинтересованных зрителей. Когда деньги были извлечены и благополучно переведены, Зеб послал старому сифилитику два сообщения через «пруд с кувшинками» — метод, позволяющий на время сбить со следа потенциальных киберищеек. Зеб хакнул ролик с рекламой мужского дезодоранта, щелкнул пиксель посреди лоснящегося эпилированного живота модели — он уже не первый раз пользовался этим переходом, — потом перескочил на сайт товаров для дома и сада (весьма уместно при данных обстоятельствах) и выбрал лопату. Из нее он передал свои сообщения.

Первое гласило: «Мы знаем, кто лежит под камнями. Не пытайся нас искать». Во втором сообщении содержались подробности краж преподобного из благотворительных фондов Церкви ПетрОлеума и еще одно предупреждение: «Не думай сбежать, или все это будет опубликовано. Сиди на месте и жди указаний». Старая сволочь решит, что они скоро снова проявятся и начнут его шантажировать, что, следовательно, их главная цель — вымогательство, и что можно залечь

в засаду и ждать их.

— Этого должно хватить, — сказал Адам, но Зеб не удержался и добавил еще одно сообщение: список трат преподобного на осязательном сайте. Похоже, больше всего ему нравилась леди Джейн Грей: он ее обезглавил раз пятнадцать, не меньше.

— О, если б только я мог это видеть! — сказал Зеб, когда они уже ехали в поезде. — Его рожу, когда он откроет почту. И еще лучше — когда он обнаружит, что его кайманская заначка сгорела.

— Злорадство — не лучшая черта характера, — заметил Адам.

— И тебя тоже в рот и в жопу, — отозвался Зеб.

Всю дорогу он смотрел в окно на пролетающий мимо пейзаж: охраняемые поселки, такие, как тот, из которого они только что сбежали; поля сои; фрекинговые установки; ветряки; горы огромных шин от грузовиков; кучи гравия; пирамиды выкинутых на свалку фаянсовых унитазов. Горы мусора, в которых ковыряются десятки людей; шанхайчики плебсвиллей с домами, построенными из выброшенного чего попало. Дети стояли на крышах хижин, на кучах мусора, на кучах шин и размахивали разноцветными флагами из пластиковых пакетов, или запускали

примитивных воздушных змеев, или показывали Зебу средний палец. Иногда над головой зависал одинокий видеодрон — предполагалось, что он изучает плотность транспортного потока, но на самом деле он следил неведомо за кем. Если такая штука охотится за тобой, у тебя будут неприятности; это Зеб почерпнул из болтовни в Сети.

Но пока что преподобный их не искал. Он все еще сидел на совете директоров, пожирая закуски из искусственно выращенного мяса и тиляпию с рыбных ферм.

> *Вот так номер, вот так да, вот, ребятушки, беда,*
>
> *Мама наша в огороде, не ходите-ка туда.*

Зеб мурлыкал себе под нос песенку. Ему хотелось бы думать, что смерть Фенеллы была мгновенной и не включала в себя элементов тошнотворных хобби преподобного.

Адам на соседнем сиденье спал. Он был еще бледней и худей, чем в бодрствующем состоянии. И больше похож на аллегорическую статую какой-нибудь добродетели: Благоразумия, Искренности, Веры.

Зеб не мог спать: адреналин зашкаливал. Кроме

того, Зеб боялся и ничего не мог с собой поделать: они пересекли большую толстую границу, отмеченную колючей проволокой. Они обокрали чудовище и скрылись с его золотом. Скоро чудовище начнет яриться. Поэтому Зеб не спал и бдил.

Кто убил Фенеллу?
Очень злой чувак:
Подошел к ней смело,
По макушке шмяк!
В глазах все потемнело –
Теперь она трупак!

Что-то текло у него по лицу. Он вытер это рукавом. Не скули, сказал он себе. Не доставляй такого удовольствия старому козлу.

В Сан-Франциско Адам и Зеб решили разделиться.

— Он не будет сидеть сложа руки, — сказал Адам. — У него много контактов. Он объявит красный код тревоги и задействует своих дружков из Нефтекорпа. Вдвоем мы слишком заметны.

И правда: они были слишком разные. Брюнет и блондин. Один мощный, другой хрупкий. Такой контраст запоминался. И преподобный даст в

розыск описание их обоих, а не каждого по отдельности.

«Белила и сажа, — мурлыкал Зеб про себя. — Пропажа и кража. Секретов продажа».

— Перестань издавать квазимузыкальные звуки, — сказал Адам. — Это привлекает внимание. И вообще ты фальшивишь.

Он был прав. Причем по обоим пунктам.

В плебсвилле, в серорыночной лавке с почасовой арендой для умельцев, желающих затушевать детали своей биографии, Зеб изготовил новые удостоверения личности для них обоих — картонные, они не выдержали бы сколько-нибудь серьезного рассмотрения и должны были вскоре протухнуть, но годились для следующей стадии путешествия. Адам отправился на север, Зеб — на юг, и оба залегли на дно.

Они завели себе потайной почтовый ящик в Сети. Вход в него был на самой верхней розе из тех, которыми зефиры осыпали Венеру на Ботичеллиевом «Рождении Венеры». Репродукция этой картины украшала популярный сайт для туристов, желающих съездить в Италию. Зеб хотел выбрать левый сосок Венеры, но Адам сказал, что это слишком очевидное место. И добавил, что им следует воздержаться от контактов в течение

полугода: преподобный всегда был мстителен, а теперь еще и напуган.

Зеб стал размышлять о возможных проявлениях этих качеств. Что бы сделал он сам, если бы два его чересчур умных отпрыска, к которым он никогда не питал особо нежных чувств, похитили его омерзительные секреты и скрылись? Ярость. Предательство. После всего что он сделал для Адама. Да и для Зеба тоже: ведь все физическое воздействие было, разумеется, для пользы самого мальчика, очищало и укрепляло его дух. Скорее всего преподобный до сих пор обманывал сам себя подобной благочестивой блевотиной.

Среди прочего, преподобный обязательно наймет ЦИБЗов — цифровых ищеек быстрого захвата, специалистов по поиску людей в Интернете. Они дорого брали, но, по слухам, работали весьма результативно. Они использовали алгоритм, настроенный на поиск в Сети пользователей с определенным профилем. Поэтому Адам и Зеб должны были пользоваться Сетью как можно меньше. Никаких блужданий по Сети. Никаких покупок в онлайн-магазинах. Никакой болтовни на форумах. Никаких сайтов с анекдотами. Никакой порнухи.

— В общем, веди себя так, как будто ты — это

не ты.

Таков был прощальный совет Адама.

В дебри плебсвиллей

В Сан-Франциско Зеб подстригся. Он начал отращивать усы и купил на сером рынке (очень темно-сером, почти черном) типа-крутые контактные линзы, которые не только меняли цвет глаз, но еще и придавали носителю астигматизм и смазывали рисунок сетчатки. Они спасли бы при обычной случайной проверке, но не более того. Зеб купил еще исказители для отпечатков пальцев («Ловкие пальчики Судьбы!»), но это вообще было несерьезно, так что он решил не рисковать и больше не связываться со скоростным поездом. Помимо прочего, большинство тех, кто ездил поездом, все еще верили в законность закона и порядочность порядка и наверняка сообщили бы о любых подозрительных мелочах — об этой обязанности им без устали напоминали со всех сторон.

Так что он решил рискнуть и пробираться по автомобильным дорогам. Он добрался автостопом до самого Сан-Хосе, голосуя на заправках для грузовиков и пытаясь выглядеть старше своих лет. Некоторые водители намекали на минет в качестве платы за проезд, но Зеб был слишком

крупным, и они не рисковали применять силу.

Другой опасностью были дешевые проститутки, работающие в придорожных барах. Весь опыт Зеба в этой сфере до сих пор оставался исключительно виртуальным и не выходил за пределы осязательных сайтов. Зеб еще не был готов к настоящей встрече с чужим телом. Кроме того, он боялся заводить связи с другими людьми, даже краткие: любая из этих девок могла приторговывать информацией. Некоторые из них были подозрительно хорошо одеты, и вид у них был не оголодавший.

И еще болезни. Только этого Зебу сейчас не хватало — застрять в больнице, если его документ выдержит проверку. Или попасть в лапы к какому-нибудь громиле-охраннику из Медкорпа, если документ проверку не выдержит, что было вероятнее. Из него пытками вырвут его настоящее имя, тут же известят преподобного и либо пустят в расход, либо отправят в наручниках обратно, чтобы праведный папаша воздал ему по заслугам. «Я тебя научу меня уважать, Господь поставил меня над тобой, Он тебя ненавидит, ты моральное ничтожество, стань на колени и кайся, выпей все, что в ведре, ложись ничком на пол и подай мне этот брус, ты хочешь еще,

да посильнее, ты у меня завоешь», и так далее, и тому подобное — привычная извращенческая литания в стиле религио-садо-хэви-метал.

В конце концов преподобный превратит в угольки мозг и нервную систему Зеба, устанет развлекаться с беззащитным подергивающимся телом, и оно отправится под альпийскую горку; но сперва Зеб под каленым железом и электродами выдаст электронный путь к Адаму, а потом установит сетевые ловушки и оставит предательские инструкции, в том числе приказ не публиковать информацию о шалостях преподобного и просьбу о немедленной встрече лицом к лицу, на которой все объяснится. Зеб не питал иллюзий по поводу того, удастся ли ему выдержать изобретательность преподобного и его помощников.

Таков — в случае, если Зеб подцепит паховую гниль — был вариант с обращением к врачу. Альтернатива тоже не очень привлекала. Загниет и отвалится: Зеб видел картинки на соответствующих сайтах, и они снились ему в жутких желтовато-зеленоватых кошмарах. Все это, вместе взятое, было как нельзя более веской причиной избегать манящих сирен, поджидающих на площадках для грузовиков; он не обращал внимания

ни на пышность и упругость бедер под красными искожаными штанами в обтяжку, ни на туфли из искусственной ящеричной кожи на огромных платформах, ни на броские татуировки драконов и черепов, ни на сисимпланты, торчащие половинками дынь из черных атласных кофточек с вырезом, словно тесто, прущее на дрожжах. Впрочем, Зеб никогда не видел своими глазами, как поднимается тесто. Только на видео. В клипах про старые добрые времена, с мамочками на кухне, от которых, по правде сказать, его пробивало на слезы. Интересно, покойная Фенелла увлекалась выпечкой? Недоброй памяти Труди — точно нет.

Поэтому, когда его окликали красотки с размалеванными губами, глазами крэковых торчков и силиконовой смазкой наготове: «Эй, красавчик, хочешь по-быстрому за пончиковым лотком?», он не отвечал ни «Сейчас, бегу», ни «Увидимся на небесах в следующей жизни», ни «Ты что, сдурела?» Он вообще ничего не отвечал.

Кроме того, что Зеб боялся заразиться, он еще не ориентировался в темных и беспросветных лабиринтах плебсвиллей: ему совершенно не хотелось пойти куда-нибудь с незнакомой бабой, как теленок на заклание, и оказаться в темном переулке, подозрительном мотельчике или сор-

тире борделя, а потом выйти оттуда на носилках или в мешке для трупов. Впрочем, скорее всего, ему и этого не достанется. Его просто выкинут на ближайший пустырь, чтобы с ним разобрались крысы и грифы. Сейчас, когда службы охраны правопорядка, некогда принадлежавшие государству, все более и более приватизировались, никто не стал бы хоронить как следует бродягу вроде него — от этого никакой прибыли не предвиделось, как и от возможного задержания шпаны, пырнувшей его ножом за горсть мелочи. Они очень любили это слово, «задержание».

Его рост и пробивающиеся усы помогали слабо. Зеленый новичок, легкая добыча; хищник видит это с первого взгляда и тут же пикирует. Плебсвилль — это не школьный двор времен юности Зеба, где габариты противника что-то значили. «Здоровенная дубина громче падает», — не один юркий сопляк говорил ему эти слова. «Да, — обычно отвечал Зеб, — зато мелкие падают чаще». Быстрый выпад — даже не удар — и противник уже валяется на земле.

Но в темных дебрях плебсвиллей никакой перепалки перед дракой не будет. Ни взаимных ядовитых обзывательств, ни словесного фехтования — только стремительный удар ножом

или даже пуля из устаревшего и запрещенного огнестрельного оружия. Если верить тому, что пишут в Сети, банда «белоглазых» была особенно жестокой. И «черных сомов». И «косых» тоже. И «текс-мексов» с их приемчиками, наследием войн наркомафии — штабеля голов и обрубки-торсы, прицепленные к навесам старомодных кинотеатров. Зеб решил, что площадки отдыха на шоссе для грузовиков, идущем на юг, наверняка контролируют «текс-мексы» — их территория совсем рядом.

Несмотря на осторожность — точнее, несмотря на то, что от страха он был готов наложить кирпичей, — он знал, что спасется, лишь если сумеет на ближайшее время затеряться в самом плохом районе города. Экстравагантная трата денег может привлечь внимание шакалов; у Зеба хватило сметки об этом догадаться. Оказавшись в Сан-Хосе, он держался незаметно, не ходил по барам и слился с фоном — представителями неимущего класса, которые кишели в самых нищих плебсвиллях, как крысы в помойном ведре, и грызлись между собой за найденные ошметки.

Какое-то время он работал в «Секрет-бургере», переворачивал на гриле бургеры из псевдомяса. Там был десятичасовой рабочий день и опла-

та ниже минимальной, приходилось носить форменную футболку и уродскую кепку, зато «Секрет-бургер» не слишком приглядывался к документам своих работников. Кроме того, компания защищала сотрудников, работающих на лотках, от уличных банд и откупалась от осведомителей, как официальных, так и неофициальных. Зебу было очень жалко работниц-женщин: им платили меньше, чем парням, заставляли носить обтягивающие футболки, и отбиваться им приходилось не только от покупателей, но и от собственного начальства. По-хорошему этим девушкам не помешали бы жесткие пластмассовые забрала для грудей.

Но жалость не помешала Зебу наконец лишиться невинности во плоти: он познал одну из «аппетитных котлеток» «Секрет-бургера». Ее звали Винетта; она была брюнетка с темными кругами вокруг больших голодных глаз. Наряду с красотой души — Зеб вынужден признать, что это эвфемизм, означающий ее хилые прелести, которые тем не менее околдовали его, и он нижайше извиняется, но такой уж путь уготовала Мать-Природа спермотоксикозным подросткам, и вообще он думал, что влюблен, так что вот — Винетта обладала огромным преимуществом

в виде крохотной отдельной комнатушки.

У большинства работниц «Секрет-бургера» не было даже этого: они спали вповалку по десять человек на комнату в многоэтажных зданиях без лифта, или самовольно вселялись в бесхозные ветшающие дома, отобранные банком у владельцев за неплатеж по закладной, или приторговывали собой, чтобы прокормить ребенка, или родича-наркомана, или увешанного побрякушками сутенера. Но Винетта была осторожна и бережлива, не транжирила деньги и могла себе позволить капельку уединения. Она жила над лавочкой, где торговали спиртным — на вкус оно было как моча тролля, смешанная с растворителем, но Зебу особо выбирать не приходилось, поэтому он иногда брал там бутылочку, распить с Винеттой перед тем, как отправиться в койку: Винетта говорила, что это помогает ей расслабиться.

— И как — не хуже оказалось? — спрашивает Тоби.

— Что не хуже? Не хуже чего?

— Секс с Винеттой. Не хуже, чем отрубать головы аристократкам?

— Это как апельсины и яблоки, — говорит Зеб. — Нет смысла сравнивать.

— Ну попробуй.

— Ну ладно. С аристократками всегда было одинаково. Реальность — всегда разная. И раз уж ты спрашиваешь — и то, и другое бывает неплохо. Но и то, и другое может разочаровать.

Путь Снежного Человека

Простыня в цветочек

Ее будит солнечный свет, падающий через окно закутка. Пение птиц, голоса Детей Коростеля, блеяние париковец. Все очень мирно.

Она с усилием садится и пытается вспомнить, какой сегодня день. Праздник Цианофитов? «Благодарим Тебя, Господь, за создание Цианофитов, сих скромных сине-зеленых Водорослей, презренных многими, ибо именно через них миллионы лет назад — что в Твоих очах лишь миг — создалась наша насыщенная кислородом атмосфера, без коей мы не могли бы дышать и, воистину, без коей не могли бы существовать никакие другие Зооформы, столь разнообразные, столь прекрасные, столь поражающие своей новизной каждый раз, как мы их видим и через их существование прозреваем Твою Благодать…»

С другой стороны, возможно, что сегодня — память святой Джейн Гудолл. «Благодарим Тебя, Господь, за то, что Ты благословил жизнь святой Джейн Гудолл, бесстрашного друга Божьего Народа Джунглей; она сподвиглась перенести множество превратностей, а также укусов Насекомых, чтобы протянуть руку через пропасть,

разделяющую Виды, и благодаря ее любви к нашим ближайшим родственникам Шимпанзе и совместным с ними трудам мы смогли понять всю ценность отстоящего большого пальца на руках и ногах, а также нашу собственную глубокую…»

Нашу собственную глубокую что? Тоби роется в памяти, ища продолжение. Ее память слабеет; надо бы все такие вещи записывать. Вести дневник, как она делала, когда жила в салоне красоты «НоваТы». Можно пойти еще дальше — записать обычаи и присказки уже несуществующих вертоградарей на будущее; для блага грядущих поколений, как когда-то любили говорить политики, клянча лишний голос. Если, конечно, в грядущем будут какие-то поколения; и если они будут уметь читать. Если вдуматься, это два очень больших вопроса. И даже если искусство чтения сохранится, неужели в будущем кого-то заинтересуют обычаи малоизвестной, потом объявленной вне закона, а потом разогнанной религиозной секты «зеленых»?

Может быть, действуя с твердой верой в такое будущее, помогаешь его осуществлению. Мудрость очень в духе вертоградарей. У Тоби нет бумаги, но можно попросить Зеба прихватить немного на очередной восторгательной вылазке.

Конечно, при условии, что Зебу удастся найти бумагу, которая не отсырела и не изгрызена мышами на гнезда. И не съедена термитами. Да, и еще понадобятся карандаши. Или ручки. Или мелки для бумаги. Тогда можно будет начать.

Хотя сейчас Тоби трудно сосредоточиться на идее будущего. Она слишком погружена в настоящее: в настоящем есть Зеб, а в будущем его может и не оказаться.

Она жаждет наступления ночи. Ей хочется пропустить едва начатый день и с головой плюхнуться в ночь, как в пруд; пруд с отраженной в нем луной. Плавать в жидком лунном свете.

Но жить ради ночи — опасно. День становится несущественным. Можно утратить осторожность, упустить детали, сбиться с пути. В такие дни она обнаруживает, что стоит столбом посреди комнаты, с сандалией в руках, не понимая, как она сюда попала; или снаружи, под деревом, зачарованно глядя на трепещущую листву, и мысленно дает себе пинка: «Шевелись! Сейчас же! Давай, тебе же нужно…» Но что именно ей нужно сделать?

Это не только у нее, и причиной не только ее ночная жизнь. Тоби замечает, что и другие так же расслабились. Застывают непонятно с чего,

прислушиваются, хотя никто ничего не говорил. Потом рывком — заметным усилием — возвращаются в осязаемую реальность. Начинают суетиться в саду, чинить забор, возиться с солнечной установкой или на строительстве… Очень соблазнительно — просто плыть по течению, как Дети Коростеля. У них нет праздников, нет календарей, нет дел, которые нужно выполнить к сроку. Нет долговременных целей.

Она хорошо помнит это ощущение подвешенности в вакууме — с той поры, когда несколько месяцев прожила в салоне красоты «НоваТы», ожидая, пока чума, убивающая весь остальной мир, пойдет на убыль. А потом — когда прекратились мольбы, плач, стук в дверь, когда никто уже не тащился к зданию и не падал замертво на газоне, просто ожидая Знака, что кто-то еще остался в живых. Момента, когда снова начнется осмысленное время.

Она тогда цеплялась за установленный ежедневный распорядок: следила, чтобы ее тело было как следует накормлено и напоено, заполняла время мелкими делами и старательно вела дневник. Отгоняя голоса, которые пытались пробраться к ней в голову, как они любят делать, когда оказываешься в одиночестве. Отгоняя со-

блазн убрести прочь, в лес, открыть дверь тому, что должно с ней случиться, или, точнее говоря, с ней покончить. Положить конец.

Это было словно транс или хождение во сне. «Покорись. Сдайся. Смешайся со вселенной. Все равно этим кончится». Словно кто-то или что-то нашептывало, маня ее в темноту: «Иди к нам, иди сюда. Это будет конец. Это будет облегчение. Это будет завершение. Это будет не очень больно».

Возможно, такой шепот слышат уже и другие. Подобные голоса докучают отшельникам в пустыне и заключенным в одиночных камерах. Но, может быть, никто из находящихся рядом с Тоби от этого и не страдает: ведь здесь, в отличие от «НоваТы», нет одиночества, каждый окружен другими людьми. Но все же Тоби ловит себя на том, что каждое утро пересчитывает всех по головам, проверяя, все ли Беззумные Аддамы и бывшие вертоградари на месте; убеждаясь, что никто из них не убрел ночью в лабиринт листьев и ветвей, птичьих песен, песен ветра и тишины.

Кто-то стучит по стенке рядом с ее дверью.

— Ты внутри, о Тоби?

Это мальчик, Черная Борода, пришел ее проведать. Возможно, он сознательно или подсознательно разделяет ее страхи и не хочет, чтобы она

вдруг исчезла.

— Да, — отвечает она. — Я здесь. Подожди пока, где стоишь.

Она второпях драпируется очередной простыней. На сегодня пусть будет что-нибудь менее строгое, не с геометрическим, а с цветочным рисунком. Пышные розы. Сплетение лиан. Неужели она тщеславна? Нет, она празднует возрождение жизни — своей собственной. Такое у нее оправдание. Может, она выглядит смешно — как старая овца, что притворяется ягненком? Без зеркала не скажешь. Главное — расправить плечи и шагать уверенно. Она отводит волосы за уши и закручивает в узел. Вот так, чтобы никаких шаловливых прядей. Нужна и доля сдержанности тоже.

— Я отведу тебя к Джимми-Снежнычеловеку, — значительно говорит Черная Борода, когда она выходит к нему готовая. — Чтобы ты ему помогла. С опарышами.

Он горд тем, что выучил такое слово, поэтому повторяет еще раз:

— С опарышами!

Он лучезарно улыбается:

— Опарыши хорошие. Их сотворила Орикс. Они не сделают нам плохо.

Он искоса взглядывает на Тоби, желая убедить-

ся, что запомнил все правильно. Потом снова улыбается.

— И скоро Джимми-Снежнычеловек уже не будет больной!

Он берет Тоби за руку и тянет вперед. Он знает всю последовательность ее действий — он, как маленькая тень, впитывает все, что она делает.

Тоби думает: «Если бы у меня был ребенок — он был бы такой? Нет. Он был бы совсем не такой. Хватит вздыхать о несбыточном».

Джимми все еще спит, но цвет лица у него заметно лучше, и температура нормальная. Тоби вливает в него ложкой воду с медом и грибной эликсир. Нога заживает быстро; скоро опарыши уже не понадобятся.

— Джимми-Снежнычеловек идет, — сообщают ей Дети Коростеля. Сегодня утром при нем дежурят четверо, трое мужчин и женщина. — Он идет очень быстро, у себя в голове. Скоро он будет здесь.

— Сегодня? — спрашивает она.

— Сегодня, завтра. Скоро, — они улыбаются ей.

— Не беспокойся, о Тоби, — говорит женщина. — Джимми-Снежнычеловек теперь в безопасности. Коростель посылает его обратно к нам.

— И Орикс тоже, — говорит самый высокий из

мужчин. Кажется, его зовут Авраам Линкольн. Тоби нужно постараться запомнить их имена. — Она тоже его посылает.

— Она приказала своим Детям его не трогать, — говорит женщина (Императрица Жозефина?).

— Несмотря на то что у него слабая моча, и Дети Орикс сначала не понимали, что им нельзя его есть.

— Наша моча сильная. Моча наших мужчин. Дети Орикс понимают такую мочу.

— Те Дети Орикс, у которых острые зубы, едят тех, у кого слабая моча.

— И Дети Орикс, у которых клыки, тоже иногда их едят.

— И Дети Орикс, которые подобны медведям — те, у которых большие острые когти. Мы не видели медведя. Зеб однажды съел медведя, он знает, что такое медведь.

— Но Орикс велела им не есть его.

— Велела им не трогать Джимми-Снежныечеловека.

— Коростель послал Джимми-Снежныечеловека, чтобы он о нас заботился. И Орикс тоже его послала.

— Да, и Орикс тоже, — соглашаются остальные. Один из них начинает петь.

Девичьи секреты

За завтраком сегодня оживленно.

Белоклювый Дятел, Дюгонь, Майна и Колибри уже поели и с головой ушли в спор об эпигенетике. В какой степени поведение Детей Коростеля обусловлено генами, а в какой — культурой? Есть ли у них вообще что-то такое, что можно назвать культурой, отдельное от экспрессии генов? Или они скорее похожи на муравьев? А как же пение? Да, это, несомненно, некая форма коммуникации, но что оно собой представляет — просто обозначение своего участка, как у птиц, или его можно считать искусством? Это ни в коем случае не может быть искусство, говорит Белоклювый Дятел. Майна заявляет, что Коростель не мог объяснить это пение и был против него, но устранить пение не удалось, так как в результате получались существа, лишенные эмоций, неспособные возбудиться и недолговечные.

Цикл спаривания, конечно, обусловлен генетикой, как и изменения окраски женского живота и гениталий при течке, а также соответствующие процессы у мужчин, говорит Колибри. И всего, что ведет к полисексуальным актам.

У оленей или овец это называлось бы гоном, говорит Белоклювый Дятел. А будет ли меняться поведение Детей Коростеля при изменении внешних обстоятельств? К сожалению, в куполе «Пародиз» не было возможности проверить. Все соглашаются, что это прискорбно. Можно было бы сделать несколько вариаций и провести эксперименты, говорит Дюгонь. Но Коростель правил железной рукой, объясняет Майна, и был ужасно догматичен: даже слышать не желал ни о каких возможных улучшениях, кроме тех, что придумал сам. И уж конечно, он не хотел, чтобы его лучший труд испортили добавкой потенциально некачественных атрибутов, говорит Колибри, ведь он планировал продавать Детей за безумные деньги. Во всяком случае, он так говорил, замечает Майна.

— Конечно, он нам врал всю дорогу, — это Белоклювый Дятел.

— Это правда, но он умел добиться результатов, — отзывается Дюгонь. — Сволочь.

— Важный вопрос тут не «как», а «зачем», — говорит Белоклювый Дятел, глядя в небо, словно Коростель и вправду сидит там и готов в ответ поразить их громом. — Зачем он это сделал? Зачем смертельный вирус в таблетках «Нега-Плюс»?

Зачем уничтожать человечество?

— Может, он был непоправимо испорчен, — предполагает Дюгонь.

— Чисто ради аргумента — и ради объективности — возможно, он считал, что непоправимо испорчена вся планета, — говорит Майна. — Истощение биосферы, бешеное потепление и все такое.

— А если Дети Коростеля — это предложенное им решение проблемы, он должен был знать, что им потребуется какая-то защита от таких, как мы, с нашими агрессивными, а иногда и кровожадными повадками, — говорит Белоклювый Дятел. — Вид *Homo Sapiens Sapiens* — жадные конкистадоры-насильники. А в некоторых отношениях…

— Между прочим, наш вид произвел на свет Бетховена, — замечает Дюгонь. — И все мировые религии, и всякое такое. От этих ничего подобного точно не дождешься.

Рядом стоит Белая Осока — она внимательно вглядывается в говорящих, но, кажется, не слушает. Если кто и слышит голоса, то скорее всего она, думает Тоби. Она хорошенькая — возможно, самая красивая среди беззумных аддамиток. Вчера она предложила начать утреннюю группу йоги и

медитации, но на призыв никто не откликнулся. На ней серая простыня с белыми лилиями; черные волосы уложены в высокий узел.

Аманда сидит в торце стола. Она по-прежнему бледная и вялая; Голубянка и Рен суетятся вокруг нее, уговаривая поесть.

Ребекка сидит с чашкой напитка, который они сговорились называть «кофе». Тоби садится рядом, и Ребекка поворачивается к ней.

— Сегодня опять ветчина. И оладьи из кудзу. А, да, еще, если хочешь, есть «Чоко-Нутрино».

— «Чоко-Нутрино»? — восклицает Тоби. — Где вы их достали?

Хлопья «Чоко-Нутрино» были отчаянной попыткой создать съедобные сухие завтраки для детей после того, как на Земле перестали расти какао-бобы. По слухам, «Чоко-Нутрино» делались на основе жженой сои.

— Зеб, Черный Носорог и эти где-то их восторгли, — объясняет Ребекка. — И Шекки. Не сказать, что они свежие — даже не спрашивай, какой у них срок годности, так что, наверное, лучше съесть их сразу.

— Думаешь? — говорит Тоби.

«Чоко-Нутрино» насыпаны в миску. Они похожи на мелкие камушки, бурые, какие-то

инопланетные. Гранулы с Марса. Раньше люди ели такое каждый день, думает Тоби. И принимали как должное.

— Кафе «Последний шанс», — замечает Ребекка. — Потешить тоску по прошлому. Да, я тоже когда-то считала их ужасной гадостью, но с молоком париковец, в общем, неплохо. И еще в них добавлены витамины и минералы. Так на коробке написано. Так что какое-то время нам не придется есть грязь.

— Грязь? — переспрашивает Тоби.

— Ну да, ради микроэлементов.

Иногда Тоби не может понять, серьезно говорит Ребекка или шутит.

Тоби решает ограничиться ветчиной и оладьями.

— А где все остальные? — спрашивает она, стараясь себя не выдать. Ребекка начинает перечислять: Крозье уже поел и пошел выгонять париковец на пастбище. Нарвал и Шеклтон с ним, прикрывают ему спину, у них на всех один пистолет-распылитель. Черный Носорог и Катуро ночью стояли на часах, а теперь отсыпаются.

— А Американская Лисица? — спрашивает Тоби.

— Она не торопится. Решила поспать подольше.

Я слышала, как она зажигала в кустах прошлой ночью. С одним-двумя джентльменами, пришедшими ее навестить.

Ребекка улыбается, и эта улыбка словно говорит: «Как и ты».

Зеба по-прежнему нет. Тоби старается не вертеть головой слишком очевидным образом. Может, он тоже наверстывает упущенный сон?

Когда Тоби допивает горький кофе, появляется Американская Лисица. Сегодня на ней светлая кисейная кофточка, шорты и широкополая шляпа — все в пастельно-зеленых и розовых тонах. Волосы заплетены в косички и закреплены пластмассовыми заколочками «Хелло китти». В общем, она косит под школьницу. В прежние времена ей бы это ни за что не сошло с рук, думает Тоби. Она была высококвалифицированным дизайнером генов, так что побоялась бы насмешек и потери статуса, и одевалась бы как взрослый человек — сообщая этой манерой одеваться о своем положении в обществе. Но сейчас положение и само общество отошли в прошлое — так о чем же сообщает костюм Американской Лисицы?

Не надо так, говорит себе Тоби. В конце концов, Американская Лисица мужественный человек: она была подпольным осведомителем группы

Беззумных Аддамов, прежде чем их всех захватил в плен Коростель и сделал рабами в белых халатах под куполом «Пародиз». Почти всех.

Кроме Зеба: его Коростель так и не смог загнать в угол. Зеб слишком хорошо заметал следы.

— Здравствуйте все! — говорит Американская Лисица. Она тянет руки вверх, отчего ее груди приподнимаются и нацеливаются на Белоклювого Дятла. — У-ы-а-а, как спать хочется! Надеюсь, вы все хорошо провели ночь. Я-то глаз не сомкнула! Нужно что-то делать с этими комарами.

— У нас есть еще прыскалка, — говорит Ребекка. — Цитрусовая.

— Она выдыхается. Тогда комары начинают кусать, я просыпаюсь и слышу, как люди разговаривают и всякое такое, как в этих мотелях с картонными стенами, где записывались под чужой фамилией.

Она снова улыбается Белоклювому Дятлу, игнорируя Дюгоня, который смотрит на нее, плотно сжав губы. Что это — неодобрение или жгучая похоть? У некоторых мужчин трудно отличить одно от другого, думает Тоби.

— Я считаю, нам нужно установить запрет на использование голосовых связок по ночам, — продолжает Американская Лисица, косясь на

Тоби. Этот косой взгляд говорит: «Я тебя слышала. Если уж тебе надо, всем на смех, трясти замшелыми костями в койке, то хотя бы затыкай глотку». Тоби чувствует, что краснеет.

— Милая дама, — говорит Белоклювый Дятел, — я надеюсь, что это не наши, порой жаркие, ночные дискуссии вас разбудили. Мы с Дюгонем, Майной и…

— О, это были не вы, и это была не дискуссия, — отвечает Американская Лисица. — Ой, «Чоко-Нутрино»! Я однажды выблевала целую миску таких, давным-давно, когда у меня еще бывало похмелье.

Аманда встает из-за стола, зажимает рот рукой и спешит прочь. Рен бежит за ней.

— С этой девушкой что-то не в порядке, — замечает Американская Лисица. — Как будто ей спинной мозг удалили или еще что. Она всегда была такая тормозная?

— Ты же знаешь, что ей пришлось вынести, — говорит Ребекка, слегка хмурясь.

— Да, да, но пора ей уже взять себя в руки. Делать что-нибудь полезное, как все остальные.

Тоби охватывает гнев. Американская Лисица никогда сама не вызывается на работы по хозяйству, да и больболистов в глаза не видала;

небось не так заговорила бы, если бы это ее использовали как простибота, водили на веревке, как собаку, практически выпотрошили. Аманда стоит десятерых таких, как она. Но Тоби знает, что помимо всего этого злится из-за попавших в цель намеков Американской Лисицы, не говоря уже о прозрачной кофточке и миленьких шортиках. И грудях, наставленных, как пушки, на собеседника, и подчеркнуто девчачьих косичках. Ей очень хочется сказать: «Они не идут к твоим морщинкам. Весь этот загар даром не проходит».

Американская Лисица снова улыбается, но эта улыбка обращена не к Тоби, а к кому-то у нее за спиной. Улыбка по полной программе, с демонстрацией зубов и ямочек на щеках.

— Привет, — говорит она гораздо более нежным голосом. Тоби поворачивается: это Черный Носорог и Катуро.

И Зеб. Ну конечно, как же еще.

— Всем доброе утро, — говорит ровным голосом Зеб: Американской Лисице не достается особого приветствия. Впрочем, Тоби его тоже не достается: ночь — это одно, день — другое. — Кому-нибудь что-нибудь нужно? Мы хотим быстренько выскочить по окрестностям часа на два, просто на разведку. Будем проходить мимо магазинов.

Он не объясняет настоящую цель вылазки — это излишне. Все знают, что он будет искать следы больболистов. Он идет в разведку.

— Пищевую соду, — говорит Ребекка. — Или пекарский порошок, все равно. Я не знаю, что буду делать, когда он у меня кончится. Если будете проходить возле мини-супер…

— А вы знаете, что пищевую соду получают из минерала под названием трона, залежи которого находятся в Вайоминге? — говорит Белоклювый Дятел. — Получали.

— Ах, Белоклювый Дятел, — Американская Лисица дарит его улыбкой. — Когда ты рядом, кому нужна Википедия?

Белоклювый Дятел ухмыляется в ответ: он думает, что это комплимент.

— Дрожжи, — говорит Колибри. — Дикая закваска, если у вас еще есть мука. Так можно делать кислое тесто.

— Наверно, — отвечает Ребекка.

— Я тоже хочу пойти, — говорит Американская Лисица Зебу. — Мне надо в аптеку.

Воцаряется молчание. Все смотрят на нее.

— Просто скажи нам, что тебе нужно, — говорит Черный Носорог. Он свирепо хмурится, глядя на ее голые ноги. — Мы принесем.

— Девичьи секреты, — говорит она. — Вы не будете знать, где искать.

Она бросает взгляд на Рен и Голубянку, которые у пруда отмывают Аманду губкой.

— Я для всех наберу, не только для себя.

Снова пауза. Средства женской гигиены, думает Тоби. В этом есть резон: запас в кладовой убывает. Никому не хочется обходиться обрывками простыней. Или мхом. Хотя рано или поздно и до этого дойдет.

— Плохой план, — говорит Зеб. — Те двое все еще где-то там. У них есть пистолет-распылитель. Это троекратные больболисты, от их эмпатических контуров уже ничего не осталось. Ты не хочешь попасть к ним в лапы. Они не заморачиваются условностями. Ты видишь, в каком состоянии Аманда. Ей еще повезло, что она не осталась без почек.

— Я совершенно согласен. Вам действительно не стоит покидать границы нашего уютного маленького анклава. Я пойду, — галантно предлагает Белоклювый Дятел. — Если вы доверите мне свой список покупок, и…

— Но ведь вы будете со мной, — говорит Американская Лисица Зебу. — И защитите меня. Мне будет так спокойно и безопасно!

Она хлопает ресницами.

Зеб спрашивает Ребекку:

— Кофе есть? Или как там называется эта дрянь?

— Все будет в порядке! Я переоденусь, — Американская Лисица меняет тон на деловой. — Я пойду быстро и не буду вам мешать. Я, знаете ли, умею обращаться с пистолетом-распылителем!

Последние слова она произносит врастяжку, держа очи долу. Потом снова напускает на себя бойкость:

— Слушайте, а мы можем взять с собой провизию! И устроим пикник!

— Тогда собирайся быстро, — говорит Зеб. — Мы уйдем сразу, как поедим.

Черный Носорог дергается, вроде бы собирается что-то сказать, но передумывает. Катуро взглядывает вверх:

— Дождя, похоже, не будет.

Ребекка смотрит на Тоби, приподнимает брови. Тоби изо всех сил старается держать лицо неподвижным. Американская Лисица искоса следит за ней.

Лисица, она и есть Лисица, думает Тоби. «Обращаться с пистолетом-распылителем», вы подумайте.

Путь Снежного Человека

— О Тоби, иди посмотри, иди скорей! — Это мальчик Черная Борода, он дергает ее за простыню.

— Что такое? — Тоби старается, чтобы в голосе не слышалось раздражение. Она хочет остаться тут, попрощаться с Зебом — пусть он и недалеко уходит, и ненадолго. Всего на несколько часов. Она хочет оставить на нем какую-нибудь метку. Может, в этом дело? На виду у Американской Лисицы. Поцеловать, сжать руку. «Он мой. Держись подальше».

Впрочем, это не поможет. Она только дурой себя выставит.

— О Тоби, Джимми-Снежныечеловек просыпается! Он прямо сейчас просыпается! — говорит Черная Борода. Он одновременно тревожится и перевозбужден, как в прежние времена дети перед парадом или салютом, перед чем-то кратковременным и восхитительным. Тоби не хочет его разочаровывать и позволяет себя утащить. Она оглядывается один-единственный раз: Зеб, Черный Носорог и Катуро сидят за столом, уминая завтрак. Американская Лисица несется прочь

— менять дурацкую шляпу и шортики фасона «посмотри на мои ножки» на камуфляж, который, без сомнения, выгодно подчеркнет ее формы.

«Тоби, возьми себя в руки. Что это за подростковая ревность. Ты не в школе», — говорит она себе. Впрочем, в каком-то смысле они все — в школе.

У гамака Джимми собралась толпа. Пришли многие Дети Коростеля, взрослые и маленькие. У всех радостный вид, даже восторженный — в той мере, в какой они на это способны. Кое-кто из них уже начинает петь.

— Он с нами! Джимми-Снежнычеловек опять с нами!

— Он вернулся!

— Он принесет слова Коростеля!

Тоби проталкивается к гамаку. Две Дочери Коростеля помогают Джимми сесть. Глаза у него открыты. Он, кажется, еще плохо соображает.

— Приветствуй его, о Тоби, — говорит высокий мужчина, которого зовут Авраам Линкольн. Все Дети Коростеля не сводят с них глаз и слушают каждое слово. — Он был с Коростелем. Он принесет нам слова. Он принесет нам истории.

— Джимми, — говорит она. — Снежнычеловек.

Она кладет руку ему на плечо:

— Это я. Тоби. Я была у костра, на побережье.

Помнишь? Где были еще Аманда и двое мужчин.

Джимми смотрит на нее неожиданно ясными глазами. Белки у него белые, зрачки чуть расширены. Он моргает. Смотрит на нее, не узнавая.

— Черт, — говорит он.

— Что это за слово, о Тоби? — спрашивает Авраам Линкольн. — Это слово Коростеля?

— Он устал, — отвечает Тоби. — Нет, это не слово Коростеля.

— Черт, — повторяет Джимми. — Где Орикс? Она была тут. Она была в костре.

— Ты болел, — говорит Тоби.

— Я кого-нибудь убил? Кого-то из этих… Кажется, мне приснился кошмар.

— Нет, — говорит Тоби. — Ты никого не убил.

— Кажется, я убил Коростеля. Он держал Орикс, и у него был нож, и он перерезал… О Боже. Кровь, все розовые бабочки были в крови. А потом я, потом я его застрелил.

Тоби встревожена. О чем это он? И, что гораздо важнее — как этот рассказ воспримут Дети Коростеля? Тоби надеется, что никак. Для них он прозвучит бессмыслицей, невнятным шумом, потому что Коростель живет на небе и умереть не может.

— Это был плохой сон, — осторожно говорит

она.

— Нет. Не сон. Это точно был не сон. О бля… — Джимми откидывается в гамаке и закрывает глаза. — О бля…

— Кто такой этот Бля? — спрашивает Авраам Линкольн. — Почему он разговаривает с этим Бля? Здесь нет никого с таким именем.

Тоби не сразу понимает. Из-за того, что Джимми сказал «о бля», а не просто «бля», они решили, что он обращается к кому-то. Как «о Тоби». Как объяснить им, что такое «о бля»? Они никогда не поймут, почему название женщины, совокупляющейся с несколькими мужчинами, считается чем-то плохим: оскорблением, выражением отвращения, криком отчаяния. Насколько понимает Тоби, для них соответствующий акт несет лишь радость.

— Его нельзя увидеть, — говорит Тоби, не зная, что делать. — Его может видеть только Джимми, только Джимми-Снежныечеловек. Он…

— Этот Бля — друг Коростеля? — спрашивает Авраам Линкольн.

— Да, — отвечает Тоби. — И друг Джимми-Снежныечеловека тоже.

— Бля ему помогает? — спрашивает одна из женщин.

— Да, — говорит Тоби. — Если что-то идет не так, Джимми-Снежнычеловек зовет его на помощь.

В каком-то смысле это правда.

— Бля живет на небе! — торжествующе говорит Черная Борода. — С Коростелем!

— Мы хотели бы услышать историю Бля, — вежливо говорит Авраам Линкольн. — И историю о том, как он помогал Джимми-Снежнычеловеку.

Джимми снова открывает глаза и щурится. Он смотрит на свое одеяльце с веселенькими рисунками. Трогает кошку со скрипкой, ухмылку луны.

— Это еще что? Корова, блин. Мозги как спагетти.

Он поднимает руку и прикрывает глаза от света.

— Он просит вас всех отодвинуться немножко назад, — говорит Тоби. И наклоняется поближе к Джимми, надеясь этим заглушить от зрителей его слова.

— Я все просрал, да? — говорит он. К счастью, очень тихо — почти шепчет. — Где Орикс? Она только что была здесь.

— Тебе надо спать, — говорит Тоби.

— Гребаные свиноиды меня чуть не съели.

— Теперь ты в безопасности, — говорит Тоби.

Человек, очнувшийся после комы, вполне может галлюцинировать. Но как объяснить Детям Коростеля, что такое галлюцинации? «Это когда человек видит то, чего нет. Но если этого нет, о Тоби, как он может это видеть?»

— Кто тебя чуть не съел? — терпеливо переспрашивает она.

— Свиноиды, — повторяет Джимми. — Ну, эти здоровенные свиньи. Я думал, что и вправду съели. Извините. Мозги как спагетти, бля. Каша в голове. А что это были за типы? Которых я не застрелил.

— Сейчас тебе не надо ни о чем беспокоиться. Ты хочешь есть?

Нужно начинать его откармливать очень понемногу. Так лучше всего после голодовки. Если б только у них были бананы.

— Гребаный Коростель. Он меня наебал. И я все просрал. Бля.

— Все в порядке, — говорит Тоби. — Ты все сделал правильно.

— Да нет, бля. Можно мне выпить чего-нибудь?

Дети Коростеля, почтительно стоявшие поодаль, снова подходят к гамаку.

— Нам нужно над ним помурлыкать, о Тоби, —

говорит Авраам Линкольн. — Чтобы он окреп. У него в голове что-то перепуталось.

— Ты прав, — отвечает Тоби. — У него явно что-то перепуталось.

— Это все потому, что он спал. И шел сюда, — говорит Авраам Линкольн. — Сейчас мы будем над ним мурлыкать.

— А потом он поведает нам слова Коростеля, — говорит женщина с кожей цвета черного дерева.

— И слова Бля, — говорит женщина с кожей цвета слоновой кости.

— Мы будем петь этому Бля.

— И Орикс.

— И Коростелю. Хороший, добрый…

— Я пойду принесу ему свежей воды, — говорит Тоби. — С медом.

— А выпить у вас нету? Бля, до чего ж мне хреново.

Рен, Голубянка и Аманда сидят на низкой каменной стене рядом с водонапорной колонкой.

— Как там Джимми? — спрашивает Рен.

— Он очнулся, — отвечает Тоби. — Но еще плохо соображает. Это нормально, когда человек долго был без сознания.

— Что он сказал? — спрашивает Рен. — Он не звал меня?

— А нам можно прийти его проведать? — спрашивает Голубянка.

— Он говорит, что у него в голове как будто спагетти, — отвечает Тоби.

— У него всегда были спагетти вместо мозгов, — говорит Голубянка. И смеется.

— Вы его знали? — спрашивает Тоби. Она уже поняла, что Джимми и Рен когда-то знали друг друга, и Аманда тоже его знала. Но Голубянка?

— Да, — говорит Рен, — мы уже все выяснили.

— Я была его напарницей по лабораторным работам в Здравайзеровской средней школе, — объясняет Голубянка. — По биологии. Введение в генный сплайсинг. Потом наша семья уехала на запад.

— Вакулла Прайс, — говорит Рен. — Он мне тогда рассказывал, что был в тебя ужасно влюблен! И что ты разбила ему сердце. Но ты никогда не отвечала ему взаимностью, да?

— Он был ужасный врун, — в голосе Голубянки звучит нежность, словно Джимми — капризное, но очаровательное дитя.

— А потом он мне разбил сердце, — продолжает Рен. — И одному Богу известно, что он рассказывал Аманде после того, как меня бросил. Вполне возможно, что это я разбила сердце ему.

— Я бы сказала, что он страдал нарушением привязанности, — говорит Голубянка. — Я встречала таких парней.

— Тогда он любил спагетти, — говорит Аманда; это самая длинная речь, которую слышала от нее Тоби с тех самых пор, как ее отбили у больболистов.

— В школе он любил рыбные палочки, — вспоминает Рен.

— Двадцать процентов настоящей рыбы! Помнишь? Одному Богу известно, что в них было на самом деле.

Рен и Голубянка смеются.

— Ну, они были вполне съедобные, — говорит Рен.

— Дрянь из искусственного белка. Но что мы тогда понимали? Мы их ели!

— Я бы сейчас съела рыбных палочек. И «твинки», — Рен вздыхает. — Они были такие ретро-нуво-винтажные!

— А на вкус как обивка от дивана, — говорит Голубянка.

— Я пойду к нему, — говорит Аманда. Она встает, поправляет на себе простыню, откидывает волосы со лба. — Поздороваться, спросить, не надо ли ему чего. Ему нелегко пришлось.

«Наконец-то!» — думает Тоби. Вот прежняя Аманда, которую она знала у вертоградарей. Проблеск ее былой энергии, неукротимости; тогда это называлось «стержень». Именно Аманда была заводилой во всяческих шалостях, испытательницей границ на прочность. Ей уступали дорогу даже мальчики постарше.

— Мы тоже пойдем, — говорит Голубянка.

— И скажем хором: «Сюр-приз!» — подхватывает Рен. Обе хихикают.

С разбитыми сердцами, кажется, разобрались, думает Тоби. У нее нет ощущения, что у Рен до сих пор что-то разбито. Во всяком случае, в связи с Джимми.

— Может, лучше немного погодить, — замечает она. Кто знает, что будет с Джимми, если, открыв глаза, он увидит трех былых возлюбленных сразу, склонившихся над ним, словно три Парки? Требуя от него вечной любви, мольбы о прощении, крови в кошачьем блюдце. Или еще того хуже — возможности нянчить его, играть в медсестру, удушить его своей добротой. Хотя, может, это ему и понравится.

Но Тоби напрасно беспокоится. Добравшись до гамака, они видят, что глаза у Джимми закрыты. Убаюканный мурлыканьем, он снова уснул.

Команда восторгателей выступила в поход по улице — то есть по тому, что когда-то было улицей. Впереди идет Зеб, потом Черный Носорог, за ним Американская Лисица, Катуро замыкает цепочку. Они движутся медленно, осторожно, пробираясь через мусор и обходя его. Им нельзя идти наобум — если вдруг где-то поджидает засада, они обязаны ее заметить. Тоби хочется побежать за ними, как будто она — брошенный ребенок, и закричать: «Стойте! Стойте! Возьмите меня с собой! У меня есть ружье!» Но в этом нет никакого смысла.

Зеб не спросил, нужно ли ей что-нибудь. А если бы спросил, что она сказала бы? Зеркало? Букет цветов? Надо было хотя бы бумаги с карандашами заказать. Но у нее почему-то язык не повернулся.

Вот они уже скрылись из виду.

День идет своим чередом. Солнце взбирается по небу, тени сокращаются, на столе появляется еда, ее съедают, звучат слова; с обеденного стола собирается посуда и моется. Часовые сменяют друг друга. Стена саманного дома становится чуть выше, на изгороди вокруг дома добавляется еще один ряд проволоки, в огороде идет прополка, на веревках повисает мокрое белье. Тени снова начинают удлиняться, сгущаются послеобеден-

ные тучи. Джимми вносят в дом, идет дождь с внушительным громом. Потом небо очищается, птицы снова принимаются петь наперегонки, облака на западе розовеют.

Зеба нет.

Возвращаются париковцы со своими пастухами — Крозье, Нарвалом и Шеклтоном: значит, три бурлящих гормонами самца добавляются в общую картину лагеря. Крозье ошивается вокруг Рен, Шеклтон бочком подбирается к Аманде, Колибри и Нарвал пялятся на Голубянку; любовный танец разворачивается, как у молодых особей любого вида, вплоть до улиток на салате и блестящих зеленых жуков на капусте. Бормотание, дерганье плечом, шаг вперед, шаг назад.

Тоби выполняет порученную работу — как в монастыре, методично, со всем возможным тщанием, считая часы.

Зеба все нет.

Что могло с ним случиться? Она выкидывает из головы красочные картины. Пытается выкинуть. Животное — с когтями и зубами. Растение — падающее дерево. Минерал — сталь, цемент, битое стекло. Или человек.

Представим себе, что его вдруг не стало. Разверзается бездна; Тоби ее срочно закрывает. Забудь

о своей утрате. Думай о других. О других людях. У Зеба масса ценных умений, незаменимых познаний.

Их так мало. Они так необходимы друг другу. Иногда жизнь в лагере кажется чем-то вроде отпуска, но это не так. Они не сбежали от повседневной жизни. Это и есть теперь их жизнь.

Она говорит Детям Коростеля, что сегодня вечером рассказывать не будет, потому что Зеб оставил у нее в голове историю про Зеба, но ее местами трудно понять, и Тоби должна сначала привести ее в порядок, прежде чем рассказывать. Дети Коростеля спрашивают, не поможет ли рыба, но Тоби отвечает, что нет. Она уходит в огород и сидит там в одиночестве.

Ты проиграла, говорит она себе. Ты проиграла Зеба. Американская Лисица уже прочно вцепилась в него когтями, а также руками и ногами, и присосалась всеми доступными отверстиями тела. Он сам отбросил Тоби, как пустой бумажный пакет. Да и что бы ему помешало? Он ей ничего не обещал.

Вечерний ветерок стихает, сырой жар поднимается от земли, тени сливаются. Зудят комары. Вот луна — уже не такая полная. Снова настал час мотыльков.

Ни приближающихся лучей света, ни голосов. Ничего и никого.

Полуночную вахту она проводит с Джимми, в его закутке, прислушиваясь к его дыханию. Горит одна свеча. В ее свете картинки на одеяле шевелятся и раздуваются. Корова ухмыляется, щенок хохочет. Чайник сбегает с тарелкой.

Аптечный роман

Утром Тоби пропускает общий завтрак. У нее нет настроения ни слушать лекции по эпигенетике, ни чувствовать на себе любопытные взгляды людей, пытающихся понять, как она переносит измену Зеба. Он мог сказать Американской Лисице твердое «нет», но не сказал. Сигнал вполне ясен.

Тоби идет в кухонную сараюшку и отыскивает холодную свинину с корнями лопуха; все это засыхает под перевернутой миской — Ребекка не любит выбрасывать еду.

Тоби садится за стол и озирает окрестности. Вокруг тусуются париковцы, ожидая, когда Крозье выпустит их за ворота и поведет щипать траву вдоль тропинок. Вот и он, в своих библейских простынных одеяниях, с длинным посохом.

У качелей Рен и Голубянка прогуливают туда-сюда Джимми, составляя вместе неуклюжую шестиногую тварь. У него сильно атрофировались мышцы, но он быстро восстановится, несмотря на износ и ущерб: молодость поможет. Аманда там же, сидит на качелях; и несколько Детей Коростеля, пощипывая вездесущие листья

кудзу, наблюдают за ними, недоуменно, но без страха.

Со стороны это кажется идиллией, но в ней звучат режущие нотки: пропавшая или сбежавшая париковца все еще не объявилась, Аманда вялая и смотрит в землю, а судя по тому, как напряжены плечи Крозье и как он поглядывает на Рен, он ревнует ее к Джимми, вокруг которого она так хлопочет.

Сама Тоби — тоже одна из таких диссонансных ноток, хотя любому наблюдателю она показалась бы спокойной. Лучше выглядеть спокойной, а благодаря школе вертоградарей Тоби умеет сохранять на лице безмятежность и доброжелательную улыбку.

Но где же Зеб? Почему он до сих пор не вернулся? Нашел ли он Адама Первого? Если Адам ранен, его придется нести. Тогда они пойдут медленнее. Что творится в разрушенном городе, куда Тоби не достигает взглядом? Если б только сотовая связь еще работала! Но башни все повалены; и даже если бы на ячейки все еще подавалась энергия, никто из обитателей саманного дома не сумеет починить аппаратуру. У них есть радиоприемник, который заряжается от вращения рукоятки, но и он сломался.

Нам надо вспомнить искусство подачи дымовых сигналов, думает Тоби. Одна струйка дыма — любит, две струйки — не любит. Три струйки — жгучий гнев.

Она проводит весь день за работой в огороде, решив, что это поможет успокоиться. Если бы только у нее были ульи! Она бы носила пчелам ежедневные новости, как делали они с Пилар давным-давно в саду на крыше «Райский утес». Когда Пилар еще была жива. Можно было бы спросить у пчел совета. Попросить их слетать на разведку, а потом вернуться и доложить, как если бы это были киберпчелы.

«Сегодня мы совершаем память святого Яна Сваммердама, который первым открыл, что Пчелиная Царица — именно царица, а не царь, и что все рабочие Пчелы в улье — сестры; и святых покровителей Пчел, Зосимы и Савватия, что жили в скиту, идя путем самоотвержения и аскетизма, как и мы на свой манер; и святого Ч.Р. Риббэндса, за пристальное изучение стратегий пчелиной коммуникации. И возблагодарим Создателя за самих Пчел, за приносимые ими дары Меда и Пыльцы, за их бесценный труд по опылению Плодов, Орехов и цветущих Овощей. Воистину так! И за утешение, что они приносят нам в тяже-

лый час своим жужжаньем. Как написал некогда Теннисон, «и пчелы медоносные жужжат»[6]».

Пилар научила ее втирать в кожу каплю маточного молочка, прежде чем идти к пчелам: так они не будут видеть в ней угрозу. Они станут разгуливать по ее лицу и рукам, касаясь крохотными ножками нежно, как ресничками, и легко, как проплывающее облако. Пилар любила говорить, что пчелы — вестники. Они носят вести из невидимого мира в видимый и обратно. Если кто-то из твоих близких переступил порог царства теней, пчелы тебе об этом скажут.

Сегодня в огороде почему-то очень много пчел. Они суетятся на цветках фасоли. Должно быть, поблизости оказался дикий рой. Одна пчела садится ей на руку, пробует соль. «Скажи, Зеб умер? — спрашивает Тоби пчелу. — Скажи, не скрывай». Но пчела улетает, не подав сигнала.

Неужели Тоби всему этому верила? Байкам старой Пилар? Нет, если честно, то нет; во всяком случае, не до конца. Скорее всего, и сама Пилар им не верила, но эти поверья ее утешали; выходило, что мертвые мертвы не до конца, что они еще живы, хотя и каким-то иным образом; конеч-

---

[6] Сноски: 6

Альфред Теннисон, из стихотворения «Сойди, о дева, с перевала вниз…». *Пер. Г. Кружкова.*

но, эта жизнь бесцветней обычной и протекает где-то далеко, в темноте. Но оттуда они все еще могут посылать сообщения, при условии, что есть кому эти сообщения получить и расшифровать. Однажды Пилар сказала, что людям нужны такие сказки — потому что темнота, пускай даже очень темная, но со звучащими в ней голосами, лучше безмолвной пустоты.

Ближе к вечеру, когда уже отгремел гром, отряд восторгателей возвращается. Тоби видит, как они приближаются по улице, лавируя меж брошенных грузовиков и солнцекаров, подсвеченные в спину заходящим солнцем. Узнать пока никого нельзя, но она считает силуэты. Да, четыре. Никого не потеряли. Но и не нашли.

Они подходят к ограде саманного дома, и Рен с Голубянкой выбегают им навстречу в сопровождении оравы малышей-«коростелят». Аманда тоже бежит, хотя и не так быстро, как другие. Тоби идет.

— Ну нам и досталось! — начинает рассказывать Американская Лисица, еще не успев подойти. — Но по крайней мере мы добрались до аптеки.

Она раскраснелась и слегка вспотела; чумазая, торжествующая.

— Вот погодите, я вам покажу, что мы принесли!

Зеб и Черный Носорог явно измотаны; Катуро — в меньшей степени.

— Что случилось? — спрашивает Тоби у Зеба. Она не добавляет «я чуть не умерла от беспокойства». Он это и сам наверняка знает.

— Долго рассказывать. Потом. Мне нужно в душ. Что у нас плохого?

— Джимми проснулся. Он слабый. И худой.

— Отлично. Теперь мы его откормим и поставим на ноги. Лишние работники нам не помешают.

С этими словами он идет прочь, на задворки саманного дома.

Ярость пульсирующим сигналом радара пробегает по телу Тоби. Два дня отлучки, и это все, что он намерен ей сказать? Она не жена и не имеет права его пилить, но ничего не может поделать с разворачивающимися в голове картинами: Зеб с Американской Лисицей катаются в проходах заброшенной полуразграбленной аптеки, он сдирает с нее камуфляж среди бутылок кондиционера и красящего шампуня («Более тридцати восхитительных оттенков!»). Или они развлекались на другом конце, в ряду презервативов

и смазки, усиливающей ощущения? А может, втиснулись за прилавок у кассы или разлеглись в отделе детских товаров, приведя себя потом в порядок влажными гигиеническими салфетками? Наверняка что-то такое. Что-то определенно произошло, иначе как объяснить этот дико самодовольный вид Американской Лисицы.

— Лак для ногтей, болеутоляющие, зубные щетки! Смотрите — пинцет! — говорит она сейчас.

— Похоже, вы всю аптеку выгребли, — замечает Голубянка.

— Там не так много и оставалось. В ней уже побывали мародеры, но их интересовали колеса. Окси, «Нега-Плюс», любые препараты с кодеином.

— Продукты для ухода за волосами им, видно, были ни к чему? — спрашивает Голубянка.

— Да. И всякие девичьи секреты, этого они тоже не взяли, — Американская Лисица принимается выгружать пачки прокладок и тампонов. — Я сложила часть груза в рюкзаки к мужчинам. Они, кстати, еще нашли пиво. Маленькое чудо.

— А почему вы так долго? — спрашивает Тоби. Американская Лисица улыбается ей, но не свысока: наоборот, вид у нее нарочито дружелюбный и бесхитростный, как у подростка, загулявшего

допоздна вопреки явному запрету родителей.

— Мы вроде как застряли, — объясняет Американская Лисица. — Мы собирали всякое добро, а потом, когда мы уже хотели пойти обратно, появилось стадо огромных свиней — ну этих, которые пытались делать набеги на наш огород, пока мы не пристрелили парочку. Сначала они просто рыскали где-то неподалеку, но потом, когда мы забрали все из аптеки и уже выходили, мы увидели, что они пытаются отрезать нам дорогу. Мы побежали обратно в аптеку, но витрины на фасаде были разбиты, так что они свиней не задержали бы. Нам удалось выбраться на крышу через люк в потолке на складе — свиньи не умеют лазить.

— У них был голодный вид? — спрашивает Рен.

— А как это определишь, со свиньей-то?

«Они всеядны, — думает Тоби. — Они могут съесть что угодно. Но голодные или нет, они могут убить из мести. Или чтобы навредить. Мы их ели и продолжаем есть».

— А дальше? — спрашивает Рен.

— Мы побыли на крыше, — продолжает Американская Лисица, — а потом свиньи вышли из аптеки и увидели, что мы на крыше. Они нашли

ящик картофельных чипсов, выволокли его наружу и устроили себе пир, все время поглядывая на нас. Они как будто дразнили нас этими чипсами: наверное, знали, что мы голодные. Зеб велел их пересчитать — на случай, если они разобьются на группы и одна группа будет нас отвлекать, а другая устроит засаду. Потом они ушли на запад. Они не шли, а бежали трусцой, словно знали, куда им надо. Мы посмотрели, и там вдалеке что-то было. Столб дыма.

В городе постоянно возникают самопроизвольные пожары. Закорачивает электрический шнур, все еще подключенный к солнечной батарее; куча мокрой органики спонтанно возгорается; вспыхивает запас углеводной мусорнефти, нагретой солнцем. Так что в дыме ничего примечательного нет. Тоби произносит это вслух.

— Это был другой дым, — говорит Американская Лисица. — Тонкой струйкой, как от костра.

— А почему вы не перестреляли свиней? — спрашивает Голубянка.

— Зеб сказал, что это напрасный труд, потому что их слишком много. И еще мы не хотели, чтобы у нас кончились заряды для пистолета-распылителя. Зеб сказал, что надо бы пойти туда и посмотреть, но уже темнело. Так что мы остались

в аптеке на ночь.

— На крыше? — спрашивает Тоби.

— На складе, — говорит Американская Лисица. — Там были ящики, и мы забаррикадировали дверь. Но ничего не случилось, кроме крыс: этих было много. Потом утром мы пошли туда, где видели костер. Зеб и Шекки решили, что это, должно быть, те больболисты.

— А вы их видели? — спрашивает Аманда.

— Мы видели остатки их костра. Догоревшие. Кругом была куча свиных следов. И еще останки нашей париковцы. Той, рыжей, с косичками. Они ее съели.

— Ой, нет, — говорит Голубянка.

— Больболисты или свиньи? — спрашивает Аманда.

— Те и другие, — отвечает Американская Лисица. — Но никаких двух человек мы не видели. Зеб сказал, что, возможно, их прогнали свиньи. Мы еще нашли мертвого поросенка, чуть подальше от костра; Зеб сказал, что его убили из пистолета-распылителя. Задняя нога у него была отрезана. Зеб говорит, что надо потом туда вернуться: свиньи скорее всего больше не будут путаться у нас под ногами, раз их детеныша убили. Так что мы можем воспользоваться этой свининой, раз она

сама свалилась нам в руки. Но мы слышали этих ненормальных злобных собак, сплайсанных, так что, может быть, придется с ними драться за тушу. Настоящий зоопарк.

— В настоящем зоопарке звери сидели бы в клетках, — замечает Голубянка. — Эту овцу наверняка украли, так? Она не могла сама взять и уйти. Значит, больболисты были рядом с нами, и никто их не заметил.

— Ужас какой, — говорит Рен.

Американская Лисица не слушает.

— Смотрите, что еще у меня есть, — говорит она. — Тесты на беременность — такие, где нужно пописать на палочку. Я так подумала, что они нам всем понадобятся. Во всяком случае, некоторым.

Она улыбается, старательно не глядя на Тоби.

— Только не мне, — говорит Рен. — Нужно с ума сойти, чтобы родить ребенка во всем этом.

Она обводит рукой саманный дом, деревья, спартанскую обстановку.

— Здесь даже воды водопроводной нету! То есть…

— Я не уверена, что в долгосрочной перспективе у нас будет выбор, — говорит Американская Лисица. — Кроме того, мы обязаны продолжить человеческий род. Вы согласны?

— А кто будет отцами? — уже с интересом спрашивает Голубянка.

— Я бы сказала — выбирай на вкус, — отвечает Американская Лисица. — Очередь строится справа налево. Бери того, кто вывесит самый длинный язык.

— Тогда, боюсь, тебе достанется Белоклювый Дятел, — замечает Голубянка.

— Ой, я сказала «язык»? — говорит Американская Лисица. Она и Голубянка хихикают, Рен с Амандой — нет.

— Дай-ка посмотреть на эти твои писательные палочки, — говорит Рен.

Тоби пялится в темноту. Не пойти ли за Зебом? Он уже наверняка закончил принимать душ: в саманном доме не принято нежиться в душе подолгу, это только Американской Лисице закон не писан — она каждый раз изводит на себя всю нагретую солнцем воду. Но Зеба нигде не видно.

Тоби бодрствует у себя в закутке — так, на всякий случай. Лунный свет серебрит ей глаза. Кричат совы, влюбленные в оперение друг друга. Но все это ей ни к чему.

Прополка

Зеба нет все утро. Никто о нем не вспоминает. Она не спрашивает.

На обед — суп с каким-то мясом (копченая собачатина?) и кудзу с чесноком. Полиягоды, которым не помешало бы еще дозреть. Салат из разной зелени.

— Надо где-нибудь достать уксус, — говорит Ребекка. — Тогда можно будет сделать нормальную заправку.

— Сначала придется сделать вино, — говорит Колибри.

— Я только за, — отвечает Ребекка. Она положила в салат семена рукколы, чтобы было похоже на перец. Она рассказывает, что хочет устроить соляную варницу — сделать пруд для выпаривания морской воды где-нибудь на берегу. Когда можно будет ходить спокойно, говорит она. Когда мы разберемся с этими больболистами.

После обеда наступает время отдыха, время залечь в укрытие. Солнце стоит высоко и палит лучами, грозовые тучи еще не собрались. Влажный воздух как будто липнет к телу.

Тоби у себя в закутке. Она пытается уснуть,

но вместо этого злится и дуется. Это запрещено, напоминает она сама себе. Ни в коем случае не растравлять раны. Она даже не уверена, что у нее есть рана, которую можно растравлять. Хотя чувствует себя раненой.

Дождь уже прошел, день клонится к вечеру. Кругом ни души, за исключением Крозье и Дюгоня — они стоят на часах. Тоби ползает на коленях в огороде, истребляя слизняков. Когда-то она чувствовала бы себя виноватой: «Ибо и Слизняки — Божьи твари, — сказал бы когда-то Адам Первый, — и они имеют ровно столько же прав дышать воздухом, как и мы, но пусть делают это где-нибудь еще, в месте, более гостеприимном для них, чем наш сад на крыше «Райский утес». Но сейчас, убивая слизняков, она дает выход… чему? Ей не хочется размышлять на эту тему.

Хуже того, она ловит себя на театральных позах. «Умри, гнусный слизняк!» Она роняет каждого слизняка по очереди в жестянку, наполненную водой с разболтанной в ней древесной золой. Раньше они пользовались солью, но она в дефиците. Возможно, гуманней было бы давить слизняков плоским камнем — наверняка умирать в растворе древесной золы очень больно. Но Тоби сейчас не в настроении сравнивать относи-

тельную гуманность различных методов казни.

Она выдергивает сорняк. «Сколь бездумно мы лепим ярлыки на Святые Сорняки Господни и презираем их! Но «сорняк» — лишь презрительная кличка для растения, вся вина которого — в том, что оно выросло на месте посаженного нами. Вспомните, сколь многие из них съедобны, и притом полезны и даже вкусны!»

Да. Только не этот. Это, кажется, амброзия. Тоби швыряет сорняк в кучу, которая пойдет на компост.

— Эй, расстрельная команда! — это Зеб. Он смотрит на нее и ухмыляется.

Тоби неловко поднимается на ноги. У нее грязные руки, и она не знает, куда их девать. Неужели он до сих пор спал? Она не может спросить, что произошло между ним и Американской Лисицей, и произошло ли вообще что-нибудь; она решительно отказывается быть мегерой.

— Я рада, что ты вернулся целый и невредимый, — говорит она. Она в самом деле рада — так, что и словами не сказать; но голос ее звучит фальшиво, это слышно даже ей самой.

— Я тоже рад, — отвечает Зеб. — Мне дорого далась эта вылазка; я приполз на последнем издыхании. Спал как бревно. Похоже, я старею.

Придумал удобную легенду? Да ладно, нельзя быть такой подозрительной.

— Я по тебе скучала, — говорит она.

Вот. Неужели это так трудно?

Он ухмыляется еще сильнее:

— Я на это и рассчитывал. Вот, принес тебе кое-что.

Это оказывается пудреница с компакт-пудрой и маленьким круглым зеркальцем.

— Спасибо, — говорит Тоби. Выдавливает из себя улыбку. Это что — подарок, чтобы загладить вину? Покувыркался тайком с сослуживицей — неси жене розы? Но Тоби ведь не жена.

— Еще я принес тебе бумаги. Пару школьных тетрадей, в той аптеке их еще держали — наверно, для детей из плебсвилля, которые не могли себе позволить планшет с вай-фаем. Несколько шариковых ручек, карандашей. Фломастеры.

— Откуда ты знаешь, что они мне нужны? — спрашивает она.

— Я когда-то работал ассистентом телепата. У вертоградарей учили каллиграфии, верно? Я решил, что ты захочешь вести счет дням. Ну что, я заслужил, чтобы меня хотя бы обняли?

— Я тебя всего перепачкаю, — она улыбается, сменив гнев на милость.

— Мне в жизни случалось быть и погрязнее.

Ну разве она может не обнять его, даже если у нее пальцы склизкие от слизняков?

И солнце сияет, и вокруг, на больших желтых цветах тыквы, жужжат пчелы.

— Знаешь, что мне нужно для полного счастья? — говорит она в продымленную бороду Зеба. — Очки для чтения. И улей пчел.

— Считай, ты все это уже получила. — Пауза. — Слушай, я хочу тебе показать одну вещь.

Он достает из рукава сандалию. Кустарная работа из вторсырья: подошва из автомобильной шины, ремешки из велосипедной камеры, декоративные полоски из серебристой изоленты. Сандалия грязная, но не очень изношенная.

— Вертоградари, — говорит Тоби. Она хорошо помнит эту моду — точнее, отсутствие таковой. Потом поправляется: — Во всяком случае, похоже. Может, и кто-то еще такие делал.

У нее в голове уже складывается картина: Адам Первый и выжившие вертоградари сбились в кучку в одном из тайных убежищ-араратов — например, в погребе, где они когда-то растили грибы; латают при свете свечи рукодельные сандалии, словно гномы, набившиеся в нору в доме у сапожника; живут запасами меда и соевых

гранул, а наверху в это время рушатся города и человеческий род уходит в небытие. Тоби так хочет в это верить, что это просто не может быть правдой.

— Где ты это нашел? — спрашивает она.

— Недалеко от убитого поросенка. Другим я не показал.

— Ты думаешь, что это Адам. Ты думаешь, что он еще жив. Ты думаешь, что он оставил это как знак для тебя — или для кого-нибудь. Специально оставил.

Это не вопросы.

— Ты тоже так думаешь, — говорит Зеб.

— Не надейся слишком сильно. Надежда бывает губительной.

— Хорошо. Ты права. Но все же.

— Если ты прав, — говорит она, — ведь Адам бы тогда искал тебя?

Налобный фонарь черного света

История Зеба и Бля

Слушай, не обязательно каждый вечер им рассказывать. Пойдем лучше со мной. Один раз можно пропустить.

Я уже пропустила один раз. Нельзя их слишком сильно разочаровывать. Вдруг они решат уйти отсюда и вернуться на берег, и тогда станут легкой добычей. Больболисты могут… Я себе никогда не прощу, если…

Ну ладно. Тогда рассказывай покороче.

Не знаю, как получится. Они задают кучу вопросов.

Скажи им, чтобы шли на хер.

Они не поймут. Для них все, что связано с половыми органами и сексом — хорошо. Как слово «бля». Они думают, что Бля — это невидимое существо, которое помогает Коростелю в час нужды. И Джимми тоже помогает — они слышали, как он говорит «о бля».

Я с ними совершенно согласен. Невидимое существо! Помощник в час нужды! Это святая правда!

Они требуют, чтобы я рассказала им историю про него. Точнее, про него и про тебя. Про ваши

совместные приключения в юные годы. Вы оба сейчас у них настоящие знаменитости. Они меня уже замучили просьбами рассказать о вас.

А можно я послушаю?

Нет. Ты будешь смеяться.

Видишь этот рот? Виртуальная изолента! Если бы у меня был суперклей, я бы мог… О, слушай, я бы мог приклеить свой рот к твоей…

Какой ты извращенец!

Вся окружающая действительность — извращение. Я просто хорошо приспосабливаюсь.

Спасибо вам за рыбу.

Видите, у меня на голове красная кепка, и я надела на руку круглую блестящую штуку и послушала, что она мне говорит.

Сегодня я расскажу вам историю про Зеба и Бля. Как вы меня просили.

Однажды Зеб ушел из дома, где его отец и его мать плохо обращались с ним. И стал блуждать туда и сюда в хаосе. Он не знал, куда ему теперь идти, и не знал, где его брат Адам, который был его единственным другом и помощником.

Да, Бля тоже был его другом и помощником, но он был невидим.

Нет, там в темноте за кустом — это не животное. Это Зеб. Нет, он не смеется, это он так кашляет.

Итак, Адам, брат Зеба, был его единственным другом и помощником, которого можно увидеть и потрогать. Потерялся ли Адам? А может быть, его кто-то украл? Зеб не знал, и оттого был печален.

Но Бля все время был с ним и давал ему советы. Бля жил в воздухе и очень быстро летал, совсем как муха. Поэтому его еще называют Бляха-Муха. Он так быстро летал, что мог быть с Зебом, а через минуту — с Коростелем, а еще через минуту — с Джимми-Снежнычеловеком. Он мог быть в нескольких местах сразу. Если человек попадал в беду и звал его: «Бля!», то Бля сразу прилетал, как раз когда был нужен. И поэтому, стоило позвать Бля по имени, и человеку сразу становилось легче.

Да, у Зеба очень сильный кашель. Нет, прямо сейчас вам не нужно над ним мурлыкать.

Да, очень хорошо иметь такого друга, как Бля. Я бы хотела иметь такого друга.

Нет, мне Бля не помогает. У меня другая помощница, ее зовут Пилар. Она умерла и приняла форму дерева и теперь живет с пчелами.

Да, я с ней разговариваю, даже когда ее не вижу. Но она не такая… стремительная, как Бля. Она меньше похожа на гром и больше — на ветерок.

Историю Пилар я расскажу вам как-нибудь в

другой раз.

Итак, Зеб все глубже и глубже забредал в опасные места, где было очень много плохих людей, которые делали другим плохо и больно. И однажды он пришел в место, где жарили и ели Детей Орикс. И он знал, что это неправильно. И он позвал Бля, чтобы получить от него совет. И Бля велел ему покинуть то место. После этого Зеб жил в домах, со всех сторон окруженных водой, и познакомился со змеей. Но там было опасно, и он сказал: «О Бля!» И Бля прилетел и говорил с Зебом, и обещал, что поможет ему спастись из того места.

На сегодня достаточно историй. Вы уже знаете, что Зеб оттуда спасся, потому что вот он сидит, верно ведь? И он тоже очень рад услышать эту историю. Поэтому он теперь смеется и больше не кашляет.

Спасибо, что пожелали мне спокойной ночи. Мне приятно знать, что вы хотите, чтобы я спала спокойно и не видела плохих снов.

Да, спокойной ночи.

Спокойной ночи!

Достаточно. Можете перестать говорить «спокойной ночи».

Спасибо.

Плавучий Мир

Однажды Зеб проснулся рядом с Винеттой, переворачивательницей бургеров, и понял, что от нее пахнет жареным мясом и прогорклым фритюром. Конечно, от него самого пахло точно так же, но это было совсем другое дело, потому что (объясняет Зеб) всегда совсем другое дело, когда это твой собственный запах. Но хочется, чтобы от объекта твоего вожделения пахло не так. Это говорит в нас древний примат, это базовая потребность человека, доказано экспериментами. Не веришь — спроси любого из здешних биогиков.

Да, и еще лук, не забывай, и мерзкий красный соус в мягких бутылочках-выжималках — посетители на него так подсаживались, что, похоже, корпорация добавляла туда крэк. Когда страсти накалялись и начиналась драка, кто-нибудь обязательно хватал этот соус и принимался поливать им все кругом. Тогда он смешивался с кровью из ран волосистой части головы, и невозможно было понять, то ли человек смертельно истекает кровью, то ли его окатили соусом.

Конечно, эта комбинация запахов впитывалась

в одежду, волосы и даже поры кожи, и тут ничего нельзя было поделать, учитывая, где они оба работали. Эта вонь не смывалась, даже когда в душе была вода, и как будто еще усиливалась в сочетании с дешевыми духами, которыми поливалась Винетта, пытаясь ее заглушить. Духи назывались «Далила», еще у Винетты были лосьон для тела и одеколон с таким же запахом — тяжелым и резким, словно пробираешься вброд через море умирающих лилий или распихиваешь толпу набожных старух, каких много в Церкви ПетрОлеума. Этими двумя запахами — «Секрет-бургером» и «Далилой» — можно было пренебречь с сильной голодухи. В смысле еды или в другом смысле. Но в нормальной ситуации они отбивали всякую охоту.

«Бля, — думал Зеб в то утро, только что проснувшись, лежа в кровати и вдыхая гадкую смесь. — В этом нет будущего».

А если какое-то будущее и было, то строго негативное, поскольку, кроме неприятного запаха, у Винетты проявилось еще и лишнее любопытство. Во имя любви, стремясь узнать и понять настоящего Зеба, она желала исследовать его потайные глубины, фигурально выражаясь. Она хотела сорвать с него крышку. Если начнет ковырять

слишком активно и сдерет один за другим слои хлипкой легенды, которые он не слишком хорошо продумал, под ними окажется что-то совсем неубедительное. Зеб мысленно поклялся, что в следующий раз, когда будет пудрить кому-нибудь мозги, он уж расстарается. И если Винетта продолжит копать, то может догадаться, кто он и откуда, и тогда рано или поздно заложит его, чтобы получить награду — которая, несомненно, обещана обитателям «серых земель», и слухи о ней разошлись по «крысиному телеграфу» в плебсвиллях.

Зеб не сомневался, что за него обещали награду. Вероятно, даже опубликовали кое-какие его биометрики типа фотографий ушей, анимированных силуэтов походки и отпечатков больших пальцев, снятых еще в школе. Насколько он знал, Винетта не связана ни с какими бандами, и, к счастью, она была слишком бедна, чтобы позволить себе компьютер или планшет. Но в нет-кафешках можно задешево купить компьютерное время, и если она разозлится на Зеба по-настоящему, то начнет искать его личность в Сети.

Она и так уже начала приходить в себя после первоначальной комы, вызванной сексом, какой могут обеспечить только подростковые

гормоны, — энтузиазм щенка на спидах, восторг первооткрывателя инопланетной жизни. У мальчиков в этом возрасте нет вкуса как такового — они неразборчивы. Они, как те пингвины, которые так шокировали викторианцев: готовы трахать все что угодно, лишь бы с дыркой. В случае Зеба от этого выигрывала Винетта. Не ради похвальбы, а ради истины: во время их ночной гимнастики у Винетты так глубоко закатывались глаза, что она большую часть времени напоминала зомби; а от ее воплей, способных посрамить усилители рок-ансамбля, принимались колотить в пол соседи снизу, из винного магазина, и в потолок — соседи сверху, неустановленное количество унылых рабов на зарплате.

Пока что Винетта принимала животную энергию Зеба за нечто более глубокое. После траха она хотела разговаривать. Она хотела обмениваться с ним глубинными сущностями на духовном уровне. Уже начались вопросы типа: достаточно ли большая у нее грудь, и идет ли ей лаймовый оттенок зеленого, и почему они больше не делают «это» два раза за ночь, как в самом начале? Такие вопросы — ловушка, как на них ни отвечай. Зебу уже стали надоедать еженощные допросы. Он начал подозревать, что, возможно, его чувства к

Винетте все же не были истинной любовью.

— Не надо на меня так смотреть. Я был совсем сопляк. И не забывай, я не получил нормальной социализации.

— Как я на тебя смотрю? Здесь темно, как у козла в брюхе. Ты меня не видишь.

— Я чувствую леденящий холод твоего каменного взгляда.

— Мне просто жалко девочку.

— Нет, не жалко. Если бы я остался с ней, я бы не был сейчас здесь с тобой, правда же?

— Да. Это верно. Хорошо, вычеркиваем жалость. Но все же.

Все же он не стал поступать, как полное говно. Он оставил Винетте денег и записку, где клялся в вечной любви, а в постскриптуме объяснял (не вдаваясь в детали), что его подставили, он в опасности и не может допустить, чтобы и ее жизнь оказалась под дамокловым мечом.

— Ты прямо так и написал? Под дамокловым мечом?

— Да, она обожала любовные романы. Рыцарей и все такое. У нее было несколько старых книжек в мягких обложках — остались от предыдущих жильцов комнаты. Конечно, зачитанные до дыр.

— И ты не захотел сыграть рыцаря?

— Для нее — нет. Вот ради тебя, — он целует кончики ее пальцев, — я готов в любой момент устроить дуэль на шпагах завтра на рассвете.

— Не верю, — говорит Тоби. — Ты сам только что признался, что ты лгун!

— Но для тебя я хотя бы стараюсь врать. Врать — гораздо более трудоемкое занятие, чем резать правду-матку. Рассматривай это как танец ухаживания. Я уже старый, жизнь меня потрепала, и у меня нету гигантского синего члена, как у наших общих друзей. Приходится варить котелком. Тем, что от него осталось.

Зеб спешно отправился автостопом на юг по шоссе, где ходили грузовики, и добрался до места, где когда-то находилась Санта-Моника. Поднимающийся океан проглотил все пляжи, и когда-то люксовые гостиницы и кондоминиумы были полузатоплены. Часть улиц превратилась в каналы, а близлежащий городок Венеция стал оправдывать свое название. Этот квартал в целом был известен как Плавучий Мир, и он действительно часто плавал, особенно когда приходило полнолуние и начинался прилив.

Настоящие владельцы тут больше не жили. Они не смогли получить страховку — ибо что такое наступающий океан, как не деяние Божье,

подлинные форс-мажорные обстоятельства? — и бежали в горы. В здания вселились скваттеры и разного рода временные жильцы, хотя коммунальные службы уже не работали: водопроводу и канализации наступил капут, и электричество тоже отрубили.

Но квартал приобрел некий обшарпанно-романтический душок, и немолодые фраера из районов помажорнее, покамест не затопленных, частенько заглядывали в Плавучий Мир пощекотать нервы в богемной атмосфере. Они перемещались по затопленным улицам в кишащих повсюду маленьких водяных такси с подвесными солнцемоторами. Фраера, они же лохи, жаждали азартных игр, женской ласки и запрещенных химических веществ, но, кроме этого, они еще с удовольствием вкушали восторги, предлагаемые бродячей ярмаркой. Ярмарка перемещалась из одного ветшающего здания в другое, снимаясь с места, если здание чересчур сильно затапливало или если очередной шторм поглощал очередной кусок берега и расположенной на нем недвижимости.

Плавучий Мир предлагал гостям очень многое; к своей немалой выгоде, ибо владельцы здешних бизнесов не платили ни налогов, ни за аренду

помещения. Здесь круглые сутки играли в крепс, и за столами сменяли друг друга красноглазые игроки: они уже пресытились азартными играми онлайн и приходили сюда, как наркоманы, за новыми и новыми дозами щекочущей нервы потенциальной опасности. Кроме этого, они еще хотели выбраться из-под колпака: они считали, что Интернет полон дырочек для подглядывания — едва ли не хуже, чем шоферский мотель на шоссе для трейлеров, и не хотели оставлять в злачных местах Сети следы своей виртуальной ДНК.

Здесь был и бордель, предлагавший как живых девочек, так и простиботов, в зависимости от того, хотелось ли клиенту взаимодействия по запрограммированному сценарию. Впрочем, уловить разницу было зачастую трудно. Была и труппа уличных акробатов, которые жонглировали горящими факелами на канатах, натянутых над затопленными улицами, и иногда падали и ломали себе отдельные части тела — например, шею. Возможность увидеть травму или смерть «вживую» тоже притягивала: интернет-зрелища все сильнее редактировались и прилизывались перед показом, и даже подлинность так называемых реалити-шоу вызывала у зрителей много

вопросов. Поэтому грубый, неотшлифованный физический мир начал приобретать некую загадочную привлекательность.

Среди аттракционов и зрелищ на ярмарке был и волшебник, мужчина лет пятидесяти с печальными глазами, в штанах, пузырящихся на коленях, словно его костюм был украден из лавки старьевщика — волшебник явно не греб деньги лопатой. Он раскидывал шаткую импровизированную сцену в плесневеющем антресольном этаже очередного шестизвездочного отеля и манипулировал картами, монетами и носовыми платками, распиливал женщин пополам и заставлял их исчезать из запертых шкафов и еще читал мысли. В телевизоре и Сети подобные развлечения давно вымерли, потому что в цифре им недоставало осязаемости, а значит, возбуждало подозрения: откуда зрителям было знать — может, это все спецэффекты? А вот когда маг из Плавучего Мира засовывал в рот горсть иголок, можно было своими глазами видеть, что это настоящие иголки; когда они появлялись изо рта с уже вдетыми в них нитками, эти нитки можно было потрогать; а когда маг подбрасывал в воздух колоду карт и туз пик прилипал к потолку, это происходило в реальном времени, прямо у тебя

перед глазами.

В пятницу вечером и в субботу вечером в гостинице собирались толпы — зрители всегда ломились на представления мага из Плавучего Мира. Маг называл себя «Слей-Талант» — в честь Аллана Слейта, историка герметических искусств, жившего в двадцатом веке. Впрочем, об этом мало кто из зрителей знал.

Зеб знал, потому что именно к магу устроился работать. Он играл Лотаря, мускулистого помощника — для этого приходилось напяливать пошлейший костюм из поддельной леопардовой шкуры. Он наклонял шкаф туда-сюда, переворачивал его вверх дном, показывая, что внутри ничего нет, или засовывал красавицу-ассистентку мага в ящик для распиливания пополам. Впрочем, иногда он еще работал подсадкой, собирая информацию для номера «Чтение мыслей» или выражая неумеренные восторги, чтобы отвлечь внимание зрителей. Днем его посылали за покупками за пределы Плавучего Мира, туда, где работали мини-супермаркеты и люди спали по ночам, а не днем.

— Я многому научился у старика Слей-Таланта, — говорит Зеб.

— Распиливать женщин пополам?

— И этому, хотя распилить женщину любой может. Фокус в том, чтобы она при этом улыбалась.

— Наверно, нужны зеркала, — говорит Тоби. — И дымовые завесы.

— Я поклялся хранить тайну. Но самое важное, чему научил меня старый Слей, — это искусство отвода глаз. Заставь зрителей смотреть на что-то другое, а не на то, что ты сейчас делаешь, — и тебе очень многое может сойти с рук. Слей называл всех своих красавиц-ассистенток «мисс Тификация». Такое у него было для них универсальное имя.

— Может, он просто не мог отличить одну от другой?

— Может, и так. В этом смысле они его не интересовали. Но они должны были хорошо выглядеть в блестках — в очень малом количестве блесток. На тот момент мисс Тификацией была Катрина У, рысьеглазая метиска-азиатка из Пало-Альто. Я мысленно называл ее «Катрина Ух!» и пытался с ней подружиться — работница фастфуда Винетта открыла мне целый мир новых возможностей, и я был беспечен и отважен. Но мисс Тификация Ух меня к себе не подпускала. Каждую пятницу и субботу я держал ее в объятьях, засовывая в ящики и шкафы для распиливаний и исчезно-

вений или выкладывая на стол для левитации. Иногда я осмеливался что-нибудь ей пожать и склабился при этом так, что она просто обязана была растаять — но она только, не переставая улыбаться, шипела: «А ну прекрати сейчас же!»

— Ты хорошо шипишь. Может, все ее жизненные флюиды уходили на распиливание пополам?

— А вот и нет. О ее флюидах заботился один из акробатов-канатоходцев. В будни, когда она не работала на мага, этот акробат учил ее танцам на трапеции; они вдвоем готовили номер со стриптизом на канате. У мисс Ух было два костюма для этого номера: птичий и змеиный. Для змеиного номера у нее еще была живая змея, что-то вроде питона, но очень тормозная, словно ей удалили мозг. Питона звали Март: по словам мисс Ух, март — месяц надежды, а ее питон всегда смотрел в будущее с надеждой.

Она, кажется, была привязана к этой твари: иногда выступала перед публикой, накрутив его себе на шею, чтобы он на ней извивался. Я подружился с Мартом, ловил для него мышей. Я надеялся, что перепуганные мыши проложат мне путь к сердцу мисс Ух, но не тут-то было.

— Почему всех так тянет на женщин-змей? —

недоумевает Тоби. — И на женщин-птиц тоже.

— Нам нравится думать, что под всеми этими рюшечками прячется животное начало, — объясняет Зеб.

— В смысле — что женщины глупые? Или не совсем люди?

— Помилуй. Я имею в виду — что-то дикое, неконтролируемое, но в хорошем смысле этого слова. Женщина в чешуе и перьях чудовищно привлекательна. В ней есть некое иное измерение, как у богини. Это риск. Отчаянная крайность.

— Ладно, уговорил. И что было дальше?

— Дальше было то, что Катрина Ух и ее канатоходец в один прекрасный день смылись. И питон по имени Март исчез вместе с ними. Тогда меня это задело — не исчезновение змеи, а исчезновение мисс Ух. Ибо я был ранен стрелой Купидона, и рана моя загноилась. Признаюсь, я чах.

— Я как-то не представляю тебя чахнущим.

— Тем не менее. Я был как болячка в жопе. Правда, этого никто не замечал, так что я был болячкой в жопе в основном у себя самого. Потом прошли слухи, что Катрина и канатоходец направились на восток, намереваясь там разбогатеть. Через пару лет я узнал, что они использовали

птичье-змеиный мотив и открыли люксовое заведение для джентльменов под названием «Хвост-чешуя». Начали с малого, потом стали франшизой. Это было еще до того, как торговлю сексом подмяли под себя крупные корпорации.

— Как «Чешуйки» рядом с нашим когдатошним садом «Райский утес»? Развлечения для взрослых?

— Именно. Куда вертоградарские дети ходили восторгать недопитое вино на уксус. Эта франшиза. Они потом спасли мою шкуру в критический момент, но об этом как-нибудь в другой раз.

— Это что, будет история про тебя и женщину-змею? Ты наконец добился своего? Я просто умираю от желания послушать. И питон тоже участвовал?

— Не горячись. Я пытаюсь рассказывать в хронологическом порядке. И не все, что со мной происходило, имело отношение к моей половой жизни.

Тоби хочет сказать, что, может, и не все, но подавляющее большинство событий. Но воздерживается: нечестно требовать, чтобы человек рассказывал все как на духу, а потом выражать ему претензии.

— Ладно, валяй дальше, — говорит она.

— Когда Катрина Ух скрылась из Плавучего Мира, старый Слей-Талант тоже убрел куда-то в поисках новой мисс Тификации, а может, и зала для выступлений, более выигрышного с эстетической точки зрения и не сползающего в воду. Я остался ни с чем — и это обернулось удачей, потому что, глядя в оба и держа ухо востро в поисках новых и лучших возможностей, я засек двух парней, которые слишком сильно пытались слиться с окружающим сбродом. Хорошо видно, когда человек только что отрастил сальный «конский хвост» и кое-как подстриженные усы и только что вдел в нос побрякушки, причем слишком яркие: такой человек всегда заметно ерзает лицом. И штаны у них тоже были неправильные. Правда, эти чуваки не повторили ошибки Чака — штаны были не новые, но надрывы, потертости и пятна грязи на них выглядели чересчур художественно. Во всяком случае, мне так показалось. Так что я тут же бросился голосовать на шоссе и уехал на первом же трейлере, который меня подвез.

На этот раз я добрался до самой Мексики. Я решил, что какие бы щупальца ни распускал преподобный, так далеко он все же не дотянется.

Хакервилль

В Мексике обнаружился избыток параноидальных наркодилеров, которые решили, что Зеб — тоже параноидальный наркодилер, претендующий на их поляну. Последовали эпизоды, в которых мужчины с непонятными татуировками и выбритыми на черепе изображениями тюльпана злобно скалились Зебу в лицо или, чтобы окончательно прояснить ситуацию, метали в него ножи, промахиваясь лишь на волосок. Когда таких эпизодов стало слишком много, Зеб переместился еще южнее, рассыпая по дороге монетки. Он платил только наличными: не хотел оставлять киберслед, даже принадлежащий человеку по имени Джон, потом — человеку по имени Роберто, а потом — человеку по имени Диас.

С Косумеля он перескочил на Карибские острова, а по ним добрался до Колумбии. Там он отточил искусство пить с незнакомцами в барах и выжил после этих уроков и некоторых других, но в Боготе не было для него никаких перспектив; кроме того, он слишком бросался в глаза.

В Рио было совсем другое дело. Город носил тогда прозвище Хакервилль: то было еще до

рейдов мини-дронов и диверсий в электросети, после которых самые серьезные ребята — те, кто выжил, — перебрались в кампучийские джунгли, чтобы там начать заново. В описываемый момент Рио был в самом расцвете. Его называли «Диким Западом Сети», и он кишел юными «черными» хакерами с обилием растительности на лице, кибержуликами всех возможных национальностей. Были тут и орды потенциальных клиентов: компании следили друг за другом, политики расставляли сети для других политиков, и, конечно, без военно-промышленного комплекса тоже не обходилось. Впрочем, военные проводили среднеглубокую проверку будущих работников, а это Зебу было ни к чему. Но в целом рынок труда в Рио сложился в пользу продавца: ловкие руки готовы услужить клиенту, никто не задает лишних вопросов, и как бы ты ни выглядел, ты сольешься с толпой, главное — выглядеть достаточно странно.

Зеб слегка подзабыл искусство обращения с клавиатурой — неудивительно, если учесть, как долго он переворачивал бургеры, помогал магу, пялился на мисс Тификацию и пытался конкурировать с питоном. Но он быстро восстановился. И начал искать работу. Не прошло и недели, как он

нашел достойное поприще для своих талантов.

Первая найденная им работа была в компании «Голосуй», которая специализировалась на взломе электронных автоматов для голосования. В первом десятилетии века это было простым и выгодным занятием — тот, кто контролировал машины для голосования, мог устроить, чтобы на выборах победил нужный кандидат, если на самом деле голоса распределялись примерно пополам. Но общественность выразила негодование, поднялся шум, а тогда заинтересованные лица еще считали нужным сохранять видимость демократии; поэтому машины для голосования закрыли файрволлами, и работа взломщиков чуть усложнилась.

Кроме того, работа была скучная — что-то вроде вязания крючком или плетения кружев с несложным однообразным узором: защитные приспособления, установленные скорее для видимости, чем для настоящей защиты. Скука такая, что запросто можно задремать на рабочем месте. Поэтому, получив предложение работы от корпорации «Бензопила», Зеб его принял — и, как выяснилось, чуточку поторопился. Он не был пьян, когда соглашался, но водка фигурировала при найме. И еще множество хлопков по пле-

чу, громкий дружеский смех и комплименты. Охмуряли Зеба три лощеных типа: у одного были очень большие руки, а у другого очень большие деньги. Третий, видимо, использовался для устранения нежелательных элементов: он почти все время молчал.

«Бензопила» располагалась на увеселительном судне, стоящем на якоре в море чуть поодаль от набережных Рио. Судно прикидывалось плавучим секс-базаром на все вкусы — впрочем, это была не только маскировка: здесь можно было получить что угодно, от курицы до яиц, на косточке или без, крики оплачиваются отдельно. Зеб провел на этой «Звезде смерти» четыре не слишком приятных недели, работая на кучку жутковатых русских сутенеров-работорговцев-контрабандистов, которым надоело возиться с живым товаром: он стонет, кровоточит и нуждается в еде. Они решили обзавестись статьей дохода, не требующей использования биоматериалов. Зебу велели хакнуть онлайн-автоматы для патинко-покера, чтобы воровать данные кредитных карточек. Работа была связана с некоторым стрессом, так как, по рассказам других рабов-кодеров, бензопильцы вполне могли отправить работника в светящийся криль, если решали, что

этот работник слишком медленно распутывает цифровые хитросплетения.

Или если работник завязывал чересчур тесные отношения с товаром. Пользоваться товаром не возбранялось — главное, было его сильно не портить, так как порча товара была привилегией платных клиентов. К жалованью хакперсонала прилагались бесплатные купоны в дополнение к бесплатным фишкам для игры и талончикам на еду и напитки. Но личные отношения строго-настрого воспрещались.

Та сторона деятельности «Бензопилы», что имела отношение к секс-услугам, была весьма аморальна, и это еще мягко сказано. Особенно в том, что касалось детей. Их собирали по фавелам, пускали в оборот, а полностью амортизированный актив скармливали рыбам. Это было Зебу не по сердцу — очень уж напоминало преподобного и его педагогические приемчики, и, видно, Зеб не слишком хорошо скрывал свои чувства, поскольку радушие новых нанимателей быстро увяло. Отработав на этом контракте лишь месяц, он ухитрился достать быстроходную моторную лодку — для чего по-дружески выпил с русским охранником, а потом треснул его по голове, прикарманил документы, а самого выкинул за борт.

Впервые в жизни Зеб убил человека. Жаль охранника, туповатого громилу, но тот сам виноват: не надо было доверять сопливому, но крупному и — учитывая, что Зеб работал на «Бензопилу», — явно незаконопослушному юнцу.

Зеб забрал с собой несколько строк принадлежащего «Бензопиле» кода и горстку паролей. Пригодятся. Еще он забрал одну из девиц. Ту, что выступила в качестве мисс Тификации и помогла ему захватить лодку: он купил девушку на час за свои купоны и велел ей пройти мимо поддатого охранника в том, что служило ей ночной рубашкой — нескольких лоскутках кисеи. Вид был достаточно соблазнительный и достаточно подозрительный, чтобы охранник повернул тыкву в сторону девушки — «Эй, ты куда это?» — подставив Зебу затылок.

Конечно, можно было бросить девицу на судне, но Зебу стало ее жалко. Торговцы живым товаром быстро вычислят, что она сработала подсадной уткой — пускай даже и не ожидала этого, им плевать, — и из нее сделают пюре. На судне она оказалась только потому, что ее сманили из родного городишка где-то в Мичигане лживыми обещаниями и третьесортными комплиментами. Ей сказали, что у нее талант, и обещали работу

танцовщицы.

Зеб не был идиотом и не повел моторную лодку к обычному причалу для яхт. Работорговцы могли уже заметить исчезновение двух человек — трех, считая охранника — и начать прочесывать окрестности. Он пришвартовался к причалу одного из береговых отелей и спрятал девицу за фигурным фонтаном, а сам проник в коридоры отеля, сняв комнату по удостоверению личности охранника. Там он вычислил код-отмычку, залез в номер, где была куча разных вещей, и спер одежду для девицы и рубаху для себя; рубашка оказалась мала, но он подвернул рукава. Ради мисс Тификации он накорябал мылом на зеркале в ванной угрожающее послание: «Я ЕЩЕ ВЕРНУСЬ. МЕСТЬ». Расчет был на то, что девять десятых постояльцев такого отеля в прошлом сталкивались хотя бы с одним жестоким и мстительным бандитом и потому быстро покинут отель, не жалуясь на пропажу одежды.

Или ключей от машины. Или самой машины.

Отъехав подальше от отеля, Зеб нашел нет-кафе и пробрался в одну из тайных заначек, куда складывал свои доли процента. Он перевел часть денег на другой счет и выплатил сам себе, после чего стер все следы. Потом позаимствовал оче-

редную машину, которая подвернулась под руку. Люди чрезвычайно беспечны.

Пока все шло хорошо; но у него на руках была девушка. Ее звали Мента, и это имя упорно напоминало Зебу органическую мятную жвачку. Глоток свежести. Во время бегства она держалась молодцом, не расклеивалась и молчала. Скорее всего, это был шок, поскольку надолго ее не хватило. Ее разъело изнутри — Зеб не мог бы сказать, был ли этот распад физическим или душевным.

На людях — на улице или в магазине — она вела себя нормально. Она могла вести себя нормально, только недолго. Но стоило им оказаться наедине — в очередном гостиничном номере или даже в машине, которую Зеб вел зигзагами на северо-запад, — девушка принималась за одно из двух занятий: безутешно рыдала или смотрела пустым взглядом перед собой. Зебу не удавалось ее отвлечь ни телевизором, ни сексом. Вполне объяснимо, она не захотела, чтобы Зеб ее трогал, хотя в знак благодарности и в качестве своего рода оплаты предложила удовлетворить его любым способом, при котором только она будет касаться его, а он ее — нет.

— И ты поймал ее на слове? — спрашивает Тоби, стараясь, чтобы голос звучал легко. Как

можно ревновать к зыбкому призраку, к настолько изувеченному существу?

— Вообще-то нет. От такого мало радости. Все равно что зайти в будку дроч-бота в торговом центре. Мне было гораздо приятнее сказать ей, что она не должна мне ничего делать. После этого она разрешила себя немножко пообнимать. Я надеялся, что это ее успокоит, но ее только затрясло.

Менте начали мерещиться то крадущиеся шаги, то тяжелое дыхание, то металлическое звяканье. Она все время боялась выходить из тех дешевых паршивых номеров, где они останавливались. Зеб мог бы снять гостиницу и получше, но им нужно было держаться в дебрях плебсвиллей, в стране теней.

Очень печально об этом рассказывать, но Мента в конце концов бросилась с балкона в Сан-Диего. Зеба не было в номере — он пошел купить ей кофе, а когда вернулся, увидел толпу и услышал сирены. Это значило, что ему нужно срочно смываться, чтобы не попасть под следствие, если оно будет; а это, в свою очередь, означало ненулевую вероятность, что его теперь ищут как подозреваемого в убийстве, — если предполагать, что власти решили вести расследование, чего они все чаще теперь решали не делать. Да им и не с чего было

бы начать — у Менты не было личности. А Зеб не оставил в номере ничего своего — он каждый раз, выходя, забирал все с собой, но вдруг где-нибудь поблизости стояли видеокамеры слежения? В плебсвиллях, стране теней, — очень маловероятно, но кто их знает.

Он добрался до Сиэтла и мимоходом заглянул в их с Адамом тайник на «Рождении Венеры». Там было для него сообщение: «Подтверди, что ты еще во плоти». Адам иногда подражал речевым оборотам преподобного, и результат получался жутковатый.

«В чьей?» — запостил Зеб в ответ.

Это была его привычная шутка: он постоянно издевался над благочестивыми надгробными речами преподобного, «покинув земную плоть» и все такое. Зеб пошутил нарочно, чтобы доказать Адаму, что это в самом деле он, а не ловкий имитатор. Вообще-то наверняка Адам и запостил вопрос про плоть именно с этой целью. Он знал, что настоящий Зеб не удержится и сострит, а фальшивый ответит на поставленный вопрос прямо. Адам обычно опережал события хода на два.

Затем Зеб перескочил в Уайтхорс. Он услыхал про «Медведелёт» в баре в Рио и решил, что это

подходящее место, чтобы спрятаться, поскольку никто не ожидает, что он окажется именно там. Ни сотрудники «Бензопилы», желающие с ним рассчитаться: они будут искать его в других местах массового скопления хакеров вроде Гоа. Ни преподобный: Зеб никогда не демонстрировал ни малейшего интереса к дикой природе.

— Вот так, — говорит Зеб, — я и очутился на бесплодных равнинах среди гор Маккензи, в медвежьей шкуре, атаковал велотуриста и был принят за йети.

— Это как раз естественно. Тебя можно принять за йети и безо всякой шкуры.

— Обидеть хочешь?

— Это комплимент.

— Я еще подумаю. В любом случае я не жалел о том, как все повернулось.

Стремительный наплыв, и вот мы снова видим Зеба в Уайтхорсе: он умыт, одет и вменяем (насколько это в принципе возможно). Он избегал штаб-квартиры «Медведелёта» и привычных баров, поскольку в «Медведелёте» все думали, что он мертв, а зачем отказываться от такого преимущества? Итак, он проводил почти все время в номере мотеля, жевал поддельный арахис, заказывал пиццу в номер, смотрел платные

фильмы (какие попало) и обдумывал следующий ход. Куда податься из Уайтхорса? Как выбраться из города? В кого перевоплотиться на этот раз?

И еще он думал: «Кто послал Чака со шприцем? Кто из моих недоброжелателей мог нанять такого дебила в сомбреро, вложив ему в руку ядовитый снаряд?»

Блюдо, которое подают холодным

Он существовал одновременно в двух ипостасях: в живой закамуфлированной — лицо из толпы, с вымышленным именем; и в прежней, обугленной дочерна при крушении топтера. Кто-то о нем, наверное, пожалел, но наверняка нашлись и люди, которых это очень устраивало. Впрочем, это было удобно и для самого Зеба.

Но он не хотел, чтобы Адам считал его мертвым — на время эскапады с «Медведелётом» их общение прервалось, и теперь Зебу надо было срочно связаться с Адамом, пока новости не просочились наружу.

Он надел все, что у него было, включая летный шлем, объемный пуховик из фальшивого гусиного пуха и солнечные очки, и выбрался в одно из двух местных нет-кафе, чистенькое местечко под названием «Медвежий угол», где подавали вязкие напитки из органической сои и плохо пропеченные гигантские маффины. Зеб заказал то и другое: он принципиально старался питаться местной пищей. Затем он оплатил наличными полчаса сетевого времени и послал весть Адаму через тайник в розах, рассыпаемых зефирами:

«Какой-то говнюк хотел меня пришить. Все думают, что я мертвый, на х…»

Ответ пришел через десять минут. «Воздержание от непристойной брани идет на пользу желудку. Оставайся мертвым. М.б. у меня будет для тебя работа. Доберись до Нью-Нью-Йорка АСАП и выйди на связь».

«ОК — личность, с которой возьмут на работу?»

«Будет готова», — ответил Адам. Где он сейчас? Зеб этого не знал. Но Адам явно добрался до места, где чувствовал себя в безопасности, ну или хотя бы в относительной безопасности. Это было большое облегчение. Потерять Адама было бы все равно что потерять руку и ногу. И еще кусок черепа вместе с мозгами.

Зеб вернулся в мотель и продумал логистику своего перемещения в Нью-Нью-Йорк. Будучи покойником и воспользовавшись наскоро сляпанным удостоверением личности, он мог рискнуть и поехать на скоростном поезде — только сначала добраться автостопом на грузовиках до, скажем, Калгари.

Но главная загадка его все еще мучила. Кто же хотел его убрать рукой Чака? Он попробовал сузить круг подозреваемых. Во-первых, кто мог

выяснить, где он? Обнаружить его в «Медведелёте»? К этому времени его звали Девлон, а до этого — Ларри, а еще до этого — Кайл. Он был совсем не похож на человека, которого могли бы звать Кайл, но иногда полезно делать что-нибудь идущее вразрез с твоим привычным типом. К тому же он еще до Кайла поменял шесть других имен.

Личности он покупал в основном на темносером рынке; и тем, кто их продавал, не было никакого смысла его закладывать. Продавцы фальшивых личностей делали свой бизнес, им надо было поддерживать репутацию фирмы, охраняющей конфиденциальность покупателя, и в любом случае они не смогли бы никого пустить по его следу. Для них он был всего лишь еще одним беглецом от долгов, алчной жены, корпорации, чьи деньги он растратил или чью интеллектуальную собственность похитил. А может, он ограбил мелочную лавочку. Или он серийный убийца, который переодевался женщиной и забивал свои жертвы до смерти монтировкой. Продавцам фальшивых личностей было на это плевать. Они для проформы расспрашивали его, притворяясь, что у них есть определенные этические стандарты — педофилов не обслуживаем, — и Зеб преподносил им заез-

женное вранье, причем оба — и Зеб, и продавец — прекрасно знали, что это вранье. Но правила этикета предписывали обмен подобной чепухой, точно так же, как предписывали продавцу сказать «Мы будем рады вам помочь», что на самом деле означало «деньги на бочку».

Так что если бы какой-нибудь киберсыщик решил взломать несколько слоев фальшивой скорлупы, в которую спрятался Зеб, для этого пришлось бы потратить немалые деньги. Зеб настолько хорошо замел след, что его нельзя было найти — разве что преследователь точно знал, где искать. И то нужна была большая целеустремленность.

«Голосуев» Зеб более или менее вычеркнул из списка — он не знал ничего такого, что могло бы им повредить. То, что все автоматы для голосования хакнуты, ни для кого не было секретом. Так называемая пресса иногда роптала по этому поводу, но все равно никто не хотел возвращаться к старой системе с бумажными бюллетенями. К тому же корпорация, что владела голосовальными машинами, выбирала победителей и забирала бабки, устроила себе просто звездный пиар, и любого, кто пытался возникать, клеймили извращенцем-коммунистом, желающим испортить

всеобщее веселье. Испортить даже тем, кому было не особенно весело. Ну, значит, испортить им будущее веселье. В загробной жизни.

Выходило, что для «Голосуев» Зеб совершенно не опасен. Даже если бы он попытался поднять на борьбу заплесневелых динозавров — пережитков так называемого «гражданского общества», — любого, кто к нему прислушался бы, объявили бы терминальным случаем размягчения мозгов. Будь Зеб совсем чокнутый, он мог бы пойти на двойной хак — подсунуть в голосовальную машину своего собственного виртуального сенатора или что-нибудь в этом роде. Просто чтобы продемонстрировать, до чего это легко.

— Но ты был не чокнутый, — говорит Тоби.

— Я бы сделал это для лулзов, если бы у меня было время. Вышел бы типичный бессмысленный розыгрыш, какими нелюдимые компьютерные гении вроде меня любили выражать бесплодный протест против системы.

— Значит, не «Голосуи». Тогда «Бензопилы»?

— У них было за что со мной расквитаться. Я скормил рыбам их охранника, угнал у них лодку и сробингудил пленную деву. Что гораздо хуже, я подпортил их имидж. Я допускал, что они хотят сделать из меня показательный пример

— подвесить в цепях с моста или что-нибудь вроде, за вычетом ноги и всей крови; жутковатое наглядное пособие. Но чтобы воспользоваться надлежащей публичностью, пришлось бы рассказать, что я им сделал, так что они все равно потеряли бы лицо.

К тому же я не мог понять, как им удалось бы проследить меня до «Медведелёта», аж в самом Уайтхорсе. Это очень далеко от Рио, и если они вообще думали о тех краях, то наверняка видели мысленным взором снежную равнину, из которой кое-где торчат редкие иглу. И более того, я не представлял себе чистюлю вроде Чака работающим на этих парней. Прежде чем нанять кого-то, «Бензопилы» должны были посидеть с ним в баре, и Чак просто не вписывался в картину. И одежда у него была неподходящая. Любой из «Бензопил» умер бы со стыда, наняв работника в таких дебильных штанах.

Чем больше Зеб думал о Чаке — о его омерзительно чистенькой сущности, — тем больше убеждался, что в ней и кроется разгадка. Вкрадчивое дружелюбие, фальшивая белозубая задушевность… Церковь ПетрОлеума, кто же еще. Но все равно преподобный и его дружки, даже наемные профессиональные дружки, не могли бы

выследить Зеба после всех его петляний. Просто не могло такого быть.

Тут Зеб сообразил, что смотрит не с той стороны. Преподобный, и вся его Церковь, и их близнецы-братья типа «Познанных плодов», и их дружки-политики — все они смертно ненавидели экофилов. На их типичной рекламе изображалась маленькая хорошенькая девочка со светлыми кудряшками, а рядом — какое-нибудь из наиболее мерзких с виду исчезающих животных типа суринамской пипы или китовой акулы. Подпись гласила: «Выбирай! Она или оно?», подразумевая, что злые любители природы вот-вот перережут глотки всем девочкам в кудряшках ради процветания суринамских пип.

Соответственно, все, кто любил нюхать ромашки или хотел, чтобы на Земле по-прежнему водились ромашки, все желающие поесть рыбы, не напичканной ртутью, и все не желающие рожать уродов из-за промышленных стоков в питьевой воде были бесноватыми сатанистами и приспешниками тьмы, которых демоны толкали уничтожить Американский Образ Жизни и Святую Господню Нефть (что одно и то же). А «Медведелёт», при всей его расплывчатой идеологии и нелепой системе доставки, работал в

географической зоне, в которой могла обнаружиться нефть или через которую когда-нибудь, возможно, будут качать нефть по трубопроводам — со всеми сопутствующими неисправностями, утечками и необходимостью их замалчивать.

Так что, конечно, преподобный и его кружок обязательно должны были внедрить своих людей в «Медведелёт», который не отличался разборчивостью относительно персонала. Чак, очевидно, был истинным приверженцем ПетрОлеума, посланным приглядывать за мехолюбами и сообщать об их коварных замыслах. Он не искал именно Зеба, но, наткнувшись на него, узнал. Значит, Чак был лицом, приближенным к преподобному, раз ему показывали семейные фотографии. «Неблагодарный отпрыск. Но ты… О таком сыне я всегда мечтал». Тяжелый вздох. Задумчивая улыбка. Рука на плече. Грубоватое мужественное похлопывание. И так далее.

И отсюда все остальное: сообщение Чака преподобному, инструкции от преподобного Чаку, получение иглы со снотворным, неудачная попытка в топтере. Горящие обломки.

И Зеб снова разозлился.

Он опять надел всю свою одежду и пошел отправить еще одну пачку сообщений. На этот

раз он использовал «Ловкие пальцы», второе нет-кафе городка, грязноватое, расположенное в мини-молле. Оно соседствовало с заведением, предлагавшим удаленный секс с осязательной обратной связью под названием «Пощупай»: «Подлинные ощущения на ощупь! Безопасно и стерильно! Сладостная дрожь и никаких микробов!» Но Зеб не поддался ностальгии, прошел мимо и вышел в Сеть из «Ловких пальцев».

Для начала он послал сообщение старейшине Церкви ПетрОлеума, прикрепив данные о растратах преподобного и указав, где находятся деньги (вовсе не на счету Большого Кайманского банка на Канарских островах, а в виде акций, в железном ящике, закопанные под альпийской горкой Труди). Зеб посоветовал старейшине взять с собой не только шесть рабочих с лопатами, но еще и группу охранников с электрошокерами, поскольку преподобный вооружен и может быть опасен. Он подписался «Аргус». Стоглазый гигант из греческой мифологии: Зеб видел его на картинках на том же сайте, где висело «Рождение Венеры». Нельзя сказать, что сто глаз придавали их владельцу особую привлекательность. На других картинках была богиня с сотней сисек. Еще одно доказательство, что больше — не обяза-

тельно значит лучше.

Надеясь, что капитально испортил надвигающийся вечер преподобному, Зеб окончательно вычистил весь его Большой Кайманский счет. Во время странствий Зеб время от времени заглядывал туда убедиться, что преподобный слушается инструкций и не трогает лежащих на счету денег. Да, вся сумма была там. Зеб перевел ее всю на счет, открытый им для Адама на имя Рик Бартлби, для которого также создал убедительную личность: Рик был похоронных дел мастером в Крайстчерче, в Новой Зеландии. Зеб оставил Адаму сообщение, в котором говорилось, что номер счета, пароль и большой сюрприз можно получить через правый сосок Венеры. У Зеба сильно поднялось настроение, когда он представил себе Адама, наконец-то щелкающего по соску.

Затем Зеб счел своим долгом послать еще одно сообщение, в «Медведелёт»: дать им знать, что Чак внедрился в их ряды, и намекнуть, что недурно было бы чуть поплотнее проверять прилизанных жополизов, сваливающихся из ниоткуда, особенно тех, что носят чересчур новую одежду с чрезмерным количеством карманов. Еще Зеб намекнул, что далеко не все прямо-таки обожают мехолюбов и их воззрения (хотя сами

мехолюбы уверенно считали себя любимцами публики). Это сообщение он подписал «Йети», о чем пожалел сразу же, как только нажал «Отправить»: очень уж прозрачный вышел намек.

Затем Зеб вернулся в свой занюханный мотель, сел в баре, где был телевизор, и стал ждать результатов шоу с участием преподобного. Действительно, про обнаруженные кости и прочие ошметки Фенеллы раструбили вечерние новости по всей стране. Вот преподобный, он закрывает лицо, его уводят; вот Труди, сладкая, как молочный коктейль, она промокает глаза платочком и говорит, что понятия не имела, какой ужас, она все эти годы жила с безжалостным убийцей.

Ловко сыграно, Труди получает дополнительные очки: на нее ничего повесить не удастся. К этому времени она уже знает о секретной заначке преподобного — старейшины Церкви наверняка успели допросить ее в связи с растратой — и понимает, что преподобный собирался ее кинуть. И уехать на конспиративную квартиру куда-нибудь в офшор, нежиться на солнышке и лапать несовершеннолетних — или сдирать с них шкуру, смотря по тому, чего ему в данный момент захочется. Потому что она, конечно же, знала, не могла не знать о его извращенческих

склонностях. Но предпочла не знать.

Зеб снова надел всю свою одежду и автостопом добрался до «Медвежьего угла», откуда послал Адаму еще одно сообщение — короткое, просто ссылку на новость об аресте. Адам, конечно, обрадуется: раз преподобный вышел в тираж или по крайней мере сильно ограничен в передвижениях, оба — и Адам, и Зеб — смогут вздохнуть чуть свободнее.

Но ему надо было немедленно убираться из Уайтхорса. Правоохранительные органы — или то, что сходило за таковые, — могут попробовать отследить сообщение, которое он послал старейшине ПетрОлеума, и если у них это получится, начнут прочесывать Уайтхорс, очень маленький городок. Они не будут искать человека по имени Зеб — он, как известно, мертв, — но любые поиски ему не с руки, и найдут его быстро. Может, уже нашли; у него было нехорошее предчувствие.

Поэтому он не вернулся в мотель. Вместо этого он добрался до ближайшей остановки грузовиков на шоссе и нашел подвоз. Оказавшись в Калгари, он сел в герметичный скоростной поезд, и не успел бы он сказать «может, я и вправду свалял большого дурака», как уже очутился в Нью-Нью-Йорке.

— Свалял большого дурака? — переспрашивает Тоби.

— Да, заложив преподобного и наложив лапу на его деньги. Он после этого наверняка догадался, что я на самом деле не мертв. Знаешь, как говорят: месть — блюдо, которое лучше подавать холодным. Это значит, что нельзя мстить, когда еще злишься, потому что непременно все испортишь и сам вляпаешься.

— Но ты же не вляпался?

— Но мог бы. Только мне повезло. Смотри, луна. Кое-кто сказал бы, что это очень романтично.

И действительно, вот она — луна, встает из-за деревьев: почти круглая, почти красная.

«Почему это всегда так удивляет? — думает Тоби. — Луна. Даже если мы знаем, что она должна взойти. Каждый раз при виде ее мы замолкаем, и наступает тишина».

Налобный фонарь черного света

Нью-Нью-Йорк располагался на джерсийском берегу — на том, что теперь было джерсийским берегом. В старом Нью-Йорке осталось очень мало жителей, хотя он был официально объявлен запретной зоной, а следовательно, зоной, свободной от квартплаты, и кое-кто этим пользовался, обитая, вопреки всем опасностям, в разрушающихся, полузатопленных старинных зданиях. Зеб решил, что это не для него: у него меж пальцами ног не было перепонок, и ему не надоело жить, и кроме того, Нью-Нью-Йорк, хоть и не рай, был более населенным, а значит, в нем легче было спрятаться. Чем больше толпа, тем проще с ней слиться.

По приезде он сразу нырнул в грязноватое нет-кафе, где подавали неаппетитные мягковатые крендельки, сообщил Адаму о своем прибытии: «План А — ОК, какой план Б?», и стал ждать, пока Адам соизволит оторваться от своих занятий — черт его знает, чем и где он сейчас занимался. Последнее сообщение от него было весьма лаконично: «Скоро увидимся».

Зеб залег на дно в когда-то дорогом кондоми-

ниуме — бассейн, зал для празднеств, все дела. Жилой комплекс назывался «Звездный взрыв» — вероятно, по замыслу это название должно было напоминать о красивой жизни, но сейчас вызывало в памяти исключительно оплавленные обломки метеоритов и прочий околопланетный мусор. «Звездный взрыв» уже прошел период полураспада — когда-то дорогие железные ворота сейчас служили исключительно собакам для оставления меток, а плесневелые, протекающие здания были разделены перегородками, и получившиеся клетушки сдавались внаем. Здания обросли экосистемой не хуже кораллового рифа: здесь жили наркодилеры, наркоманы, прилипалы, алкоголики, шлюхи, организаторы исчезающих в одночасье финансовых пирамид, шакалы, наперсточники, выколачиватели квартплаты, и все они паразитировали друг на друге.

Владельцы «Звездного взрыва» уворачивались от необходимости делать ремонт, тянули время и ждали следующей фазы цикла. Сначала в здания въезжали неимущие художники, переполненные чувством собственной важности и заблуждением, что они могут изменить мир. Потом являлись дизайнерские стартапы — дизайнеры графики, похоже, надеялись, что грязноватый богемный

гламур перейдет и на них. Потом на первых этажах возникали сомнительные лавочки, торгующие генами, модно одетые сутенеры и выпендрежные рестораны, работающие в жанре фьюжн и молекулярной кухни: сухой лед, мясо из биореактора, кворн и сверху для завлекательности какая-нибудь деталь организма вымирающего вида. В последнее время, например, в моду вошел паштет из язычков скворца. Владельцы «Звездного взрыва» наверняка заработали на акциях какой-нибудь суперкорпорации и решили побаловаться недвижимостью. Дождавшись фазы скворцовых язычков, владельцы снесут ветшающие доходные дома и возведут новый квартал необоснованно дорогих кондо с ограниченным сроком годности.

Но до этого приятного момента было еще далеко, так что Зебу ничто не грозило — главное, не лезть в чужие дела и косить под тормоза, пускай все думают, что он просто еще один нарик с прокуренными мозгами. Он ни с кем не якшался, не желая привлечь внимание очередного Чака.

Зеб следил за новостями и знал, что в ожидании суда преподобный выпущен под залог и публикует заявления о своей невиновности: он жертва воинствующих атеистов и врагов Церкви

ПетрОлеума, левацкой клики, что похитила и убила его первую жену, эту святую женщину, и злобно распустила слухи о ее якобы побеге и последующем моральном падении; а поскольку сам преподобный этому поверил, то каждый последующий миг был для него пыткой. Затем это сборище нечестивцев зарыло Фенеллу в саду у преподобного — исключительно для того, чтобы замарать его имя и запятнать репутацию самой Церкви ПетрОлеума.

Значит, преподобный пока что живет у себя дома, а следовательно, имеет доступ к пастве Церкви ПетрОлеума. Может быть, не к истинным истинно-верующим, которые, скорее всего, отвернулись от него, узнав про обвинения в растрате. Но по крайней мере к более циничной прослойке — тем, кто пришел в ПетрОлеум ради денег. И еще преподобного переполняет до краев холодная, злобная ярость — ибо он питает подозрения, переходящие в уверенность, по поводу того, кто спровоцировал весь этот шум из-за костей Фенеллы, что все это время плавно трансформировались в перегной под альпийской горкой.

Предприимчивая Труди тем временем выпустила автобиографическую книгу о своих страданиях и начала давать многочисленные

интервью в Сети. Как жестоко обманул ее преподобный! Выходя за него, она не сомневалась, что он — горюющий вдовец, посвятивший себя трудам на благо ближних. Она так хотела стать помощницей на ниве благочестия преподобному и матерью — сыну Фенеллы, малютке Адаму! Неудивительно, что этот молодой человек пропал, и разыскать его не удается. Он очень чувствителен, и пристальное внимание публики неприятно ему так же, как самой Труди. О, каким потрясением для нее стало открытие истинной натуры мужа-убийцы! С тех самых пор, как Труди об этом узнала, она непрестанно молится за душу Фенеллы и мысленно просит у нее прощения, хотя в то время понятия не имела о происшедшем. Ведь она, Труди, вместе со всеми поверила, что Фенелла сбежала с каким-нибудь бродягой — текс-мексом или что-нибудь вроде этого. Ей, Труди, теперь чудовищно стыдно за это ложное осуждение.

А теперь кое-кто из прихожан ее собственной церкви — людей, которых она считала братьями и сестрами по вере, — бойкотирует ее и даже обвиняет в том, что она с самого начала знала о воровских и разбойных деяниях преподобного и была его сообщницей! Лишь вера поддерживает

ее в эти дни тяжких испытаний; и она, Труди, жаждет хоть одним глазком увидеть своего возлюбленного сына Зебулона, что совратился с истинного пути — и неудивительно, с таким-то папашей. Но она, Труди, молится за сына, где бы он сейчас ни был.

Пропавший возлюбленный сын не имел ни малейшего желания найтись; но ему страшно хотелось хакнуть какое-нибудь из слезливых интервью Труди и вставить туда обличающий ее призрачный голос. Хорошенькая, выходит, у него наследственность: папочка — психопат и мошенник, мамочка — эгоистичная лгунья, одержимая страстью к деньгам. Оставалось только надеяться, что вдобавок к эгоизму и жадности Труди была еще и мерзкой обманщицей и за спиной у преподобного перепихнулась с темноволосым незнакомцем в сарае. Если так, то другие свои таланты, более сомнительные — такие, как способность убалтывать женщин, умение тайком проникать в реальные и виртуальные окна и выбираться из них, умение хранить тайны, владение плащом-невидимкой (не всегда надежным), — Зеб унаследовал от своего настоящего, безымянного отца, бродячего рыцаря лопаты и тяпки, любителя потрахаться с увешанными

золотом женами богатых клиентов.

Может, потому преподобный и ненавидел Зеба: знал, что Труди подкинула ему кукушонка, но не мог явно отомстить ей — ведь то, что лежит под альпийской горкой, они зарывали вместе. Он должен был либо убить ее, либо терпеть все ее шлюхины повадки. Жаль, что Зеб в свое время не догадался припрятать генетический материал преподобного — хотя бы два-три волоска или обрезка ногтей: тогда можно было бы провести генетическую экспертизу и успокоиться. Или не успокоиться. Но, по крайней мере, тогда он точно знал бы, кто его отец. Или кто ему не отец.

Насчет Адама, впрочем, сомнений не было: он был определенно похож на преподобного. Хотя и улучшенный вариант, с добавлением генов Фенеллы. Бедная девочка наверняка была из набожных — начисто вымытые руки (никакого лака для ногтей), волосы стянуты в пучок, простые белые трусы безо всяких рюшечек, жажда творить добро и помогать людям. Легкая добыча. Его хитрейшество наверняка расписал в красках, как она станет ему драгоценной помощницей на жизненном поприще и какое это высокое призвание. Наверняка объяснил еще, что человек, посвятивший себя такому благородному делу,

обязан отринуть суетные удовольствия и радости. Зеб решил, что преподобный наверняка не утруждал себя такими мелочами, как доведение жены до оргазма. Вот же говенный секс у них был. По меркам нормальных людей.

Обо всем этом Зеб думал в своем сыром логове в недрах «Звездного взрыва», глядя дневные телепередачи или дроча на комковатом, грязном матрасе и одновременно прислушиваясь к воплям и вскрикам за хлипкой дверью квартиры. Бурление животной жизни, наркотический смех, страх, ненависть, безумие. У криков были свои разновидности. Беспокоиться надо было из-за тех, которые прерывались на середине.

Наконец объявился Адам. Сообщил время и место встречи и еще дал указания, как одеться. Не надевать красного и оранжевого; лучше всего простая коричневая футболка. И зеленого тоже нельзя: ходить в зеленом — значит заявлять о своих политических взглядах, а ведь сейчас идет открытая охота на экофилов.

Местом встречи оказалась неприметная «Благочашка» в квартале Нью-Астория, подальше от полузатопленных и опасных разрушающихся небоскребов на берегу. Зеб кое-как втиснулся за крохотный претенциозный столик, примо-

стившись на шатком стульчике, напомнившем ему детский сад — в тамошние стулья Зеб тоже не помещался. Он нянчил в руках чашку с «Благокапуччино», подкреплял силы половинкой энергетического батончика и думал о том, что за пас прилетит сейчас от брата. Адам нашел для Зеба работу — иначе не стал бы вызывать его на встречу, — но что это за работа? Сборщик червей? Ночной сторож на фабрике щенков? Какими контактами успел обрасти Адам, где он был все это время?

Адам намекнул, что собирается использовать курьера-связного, и это тоже беспокоило Зеба: они всегда доверяли только друг другу и больше никому. Адам, конечно, осторожен. Но кроме этого он методичен, а следование методу может подвести. Единственное надежное прикрытие — непредсказуемость.

Скрючившись на стульчике, Зеб разглядывал входящих посетителей «Благочашки», надеясь узнать посланника. Может, этот гермафродит-блондин в блузке с голыми плечами и трехрогом головном уборе, расшитом блестками? Зеб надеялся, что нет. Или эта пухленькая женщина, жующая жвачку, в кремовых шортах, съеденных попой, с ретро-кушаком, перетянувшим талию?

У женщины был слишком пустой взгляд, хотя пустой взгляд — практически стопроцентно надежная маска, во всяком случае, для девушек. Или вот этот кроткий мальчик ботанского вида — из тех, что в один прекрасный день хватают автомат и выкашивают своих прыщавых одноклассников? Нет, тоже нет.

И вдруг сюрприз: Адам собственной персоной. Зеб вздрогнул, заметив, что брат материализовался напротив него, на стуле, который секунду назад был пустым. Словно сгустился из эктоплазмы.

Адам был похож на паспортную фотографию себя самого — такую, которая уже начала выцветать, превращаясь в пятна света и тени. Он словно вернулся из страны мертвых: так у него горели глаза. На нем была бежевая футболка и кепка без логотипа. Он взял себе «Благомокку»: пусть со стороны кажется, что это просто два офисных раба вышли глотнуть воздуху и оторваться на секунду от экранов, или сошлись два зачинателя очередного стартапа, обреченного лопнуть, как тонущий воздушный пузырь топтера. «Благомокка» и Адам совсем не подходили друг к другу; Зебу очень хотелось посмотреть, будет ли брат на самом деле пить этот греховный напиток.

— Не повышай голос, — таковы были первые слова Адама. Двух секунд не прошло, как он снова появился в жизни Зеба, а уже раздает указания.

— А я-то хотел поорать, бля, — сказал Зеб. Он хотел, чтобы Адам велел ему воздержаться от сквернословия, но Адам не повелся. Зеб уставился на брата: Адам изменился. Глаза были такие же круглые и голубые, а вот волосы посветлели. Неужели Адам седеет? Кроме этого он обзавелся бородой, тоже светлой. Зеб добавил: — Я тоже очень рад тебя видеть.

Адам улыбнулся — в лучшем случае тенью улыбки.

— Ты отправляешься в «Здравайзер-Западный», это рядом с Сан-Франциско. Вводчиком данных. Я все устроил. Когда будешь отсюда уходить, возьми магазинный пакет, который стоит у твоей левой ноги. Там все, что тебе нужно. Надо вставить в удостоверение личности твои сканы и отпечатки — я написал адрес, где это для тебя сделают. И уничтожь свою старую личность. Сотри все, что есть в Сети. Но это ты и без меня знаешь.

— Где ты вообще был? — спросил Зеб.

Адам улыбнулся своей обычной бесящей терпеливой улыбочкой великомученика. Про таких людей говорят, что у них масло во рту не растает;

у Адама оно никогда и не таяло.

— Совершенно секретно, — сказал он. — На кон поставлены чужие жизни.

Именно за такое Зеб когда-то подкладывал ему в постель жаб.

— Да-да, можешь нахлопать меня по рукам. Ну ладно, что это за «Здравайзер-Западный» и какого черта я буду там делать?

— Это охраняемый поселок. Научно-исследовательские работы. Лекарственные препараты, биодобавки и витамины, материалы для трансгенных сплайсов и генного улучшения, особенно гормональные смеси и стимуляторы. Это очень влиятельная корпорация. Там куча высококлассных мозгов.

— А как ты меня туда впихнешь?

— Я обзавелся полезными контактами, — Адам все улыбался, словно говоря «я знаю больше тебя». — Они за тобой присмотрят. Будешь в безопасности.

Он поглядел за плечо Зеба, потом на часы. Точнее, сделал такое движение, словно глядит на часы. Зеб уже достаточно знал об отводе глаз, чтобы понять: Адам осматривает комнату, ищет, нет ли хвостов.

— Не пудри мне мозги, — сказал Зеб. — Тебе

нужно, чтобы я для тебя что-то сделал.

Адам продолжал улыбаться.

— Ты будешь налобным фонарем черного света, — сказал он. — Когда окажешься на месте, будь крайне осторожен при выходе в Сеть. А, да — у нас с тобой новый почтовый ящик, с новым шлюзом. Не возвращайся на тот сайт с зефирами — возможно, он спалился.

— Что такое налобный фонарь черного света? — спросил Зеб. Но Адам уже встал, поправил бежевую футболку и был на полпути к дверям. «Благомокку» он даже не пригубил, и Зеб старательно выпил все: нетронутая «Благомокка» возбудила бы подозрение в плебсвилле вроде этого, где сорить деньгами могли только сутенеры.

Зеб вернулся в «Звездный взрыв» кружным путем. Всю дорогу у него зудел затылок — Зеб не сомневался, что за ним следят. Но никто не попытался его ограбить. Захлопнув за собой дверь квартиры, Зеб первым делом посмотрел «налобный фонарь черного света» на свежекупленном дешевом мобильнике, таком, чтобы попользоваться и выбросить. Черный свет оказался модной технической новинкой начала столетия: он позволял видеть в темноте. Не все, но кое-что: глазные яблоки, зубы, белые просты-

ни. Люминесцентный гель для волос. Туман. Что же до налобного фонаря, то это оказался фонарь, крепящийся на лоб, никаких сюрпризов. Такие продавались в магазинах для велосипедистов и туристов. Впрочем, туристов, которые ходили бы в походы, давно не осталось. Палатки теперь разбивали только в разрушающихся покинутых зданиях.

«Ну спасибо тебе, Адам, — подумал Зеб. — Типа объяснил».

Потом он залез в магазинный пакет. Там была его новая шкура, аккуратно расправленная и готовая к употреблению. Оставалось только добраться автостопом на грузовиках до Сан-Франциско и заползти в нее.

«Кишечные паразиты», компьютерная игра

Адам ничего не упустил. В пакете был список из разряда «после прочтения сжечь» и большой конверт, набитый купюрами — Зебу нужно будет оплатить услуги мастера, который подделает его документы. Была и пластиковая карточка, чтобы Зеб мог обзавестись правильным, по мнению Адама, гардеробом. Адам оставил инструкции и на этот счет: ботанская одежда в стиле кэжуал, коричневые вельветовые штаны, нейтральные футболки, рубашки в серо-бурую шотландскую клетку — и очки с круглыми стеклами (без диоптрий). На ноги — кроссовки с огромным количеством поперечных эластичных перепонок (Зеб подумал, что будет в них выглядеть чудовищно немужественно, как танцор-педик из ансамбля английских народных танцев или тот же педик, коспелящий под Робин Гуда). Шляпа — стимпанковский котелок, какие носили в 2010-х: они снова вошли в моду. Но откуда Адам все это знает? Он никогда не интересовался одеждой, но подчеркнутое отсутствие интереса — тоже

интерес. Он ведь должен замечать, в чем ходят другие, чтобы не носить этого самому.

Новое имя Зеба было Шет. Это Адам, знаток Писания, так пошутил: имя Шет означает «назначенный», как было прекрасно известно обоим братьям, ибо священную историю вдолбили им в головы намертво, словно зубилом по камню. Шет, он же Сиф — третий сын Адама и Евы, которого Адам назначил занять место убитого Авеля — не совсем мертвого, так как кровь его еще, видимо, была отчасти жива, ибо вопияла из земли об отмщении. Шет был предназначен заменить Зеба, ушедшего в дальние края и предположительно мертвого. А назначил его Адам. Обхохочешься.

Адам велел Зебу-Шету протестировать новый чат до приезда в «Здравайзер», а потом заходить раз в неделю, сигнализируя, что он еще жив. Поэтому назавтра, пробираясь кружным путем к агенту серого рынка, чтобы вставить отпечатки пальцев и сканы сетчатки в новые документы, Зеб выбрал первое попавшееся нет-кафе и прошел через «пруд с кувшинками» по маршруту, указанному Адамом. (В записке говорилось: «Выучить наизусть и уничтожить», как будто Зеб — полный идиот.)

Главным шлюзом была игра для биогиков под

названием «Вымирафон». На главной странице было написано: «Вымирафон. Под наблюдением Беззумного Аддама. Адам давал имена живым тварям, Беззумный Аддам перечисляет тварей мертвых. Хотите сыграть?»

Зеб ввел кодовое имя, которое дал ему Адам («Белый Барибал»), и пароль («шнурки») и вошел в игру.

Она оказалась разновидностью старинной игры «Животное — растение — минерал». Один игрок давал туманные подсказки, а другой, пользуясь ими, должен был угадать вымерший вид — жуков, рыб, ящериц, растений и так далее. Перекличка погибших. Игра была заведомо нудная — даже сотрудники ККБ уснули бы от скуки, и к тому же они наверняка не знали ни одного ответа. Впрочем, если честно, Зеб тоже не угадал бы ни одного вымершего животного, несмотря на время, проведенное в «Медведелёте», и тонкие способы, используемые мехолюбами для самоутверждения. «Как, ты даже не слыхал про стеллерову корову?! Не может быть!» Еле заметная самодовольная улыбочка.

В общем, через пять минут «Вымирафона» любой уважающий себя какабэшник должен был убежать с воплями в поисках большой дозы ал-

коголя. Чудовищно скучная игра подходила для камуфляжа так же хорошо, как пустой взгляд: никто никогда не подумал бы искать тайник внутри столь явного прибежища открытых экофилов. Вместо этого ККБ будет прочесывать рекламу сисимплантов и сайты, где можно охотиться на диких зверей, не вставая со стула. Сто очков Адаму, подумал Зеб.

Неужели Адам сам разработал эту игру? Там написано, что игра ведется под его наблюдением. Но он же никогда особо не интересовался животными. Хотя, если подумать, он недолюбливал трактовку книги Бытия, принадлежащую преподобному — тот делал из Писания вывод, что Господь сотворил животных для единоличного использования и удовольствия человека, и, следовательно, человек имеет право уничтожать их как ему заблагорассудится. Значит, «Вымирафон» — проявление сыновнего бунта Адама против преподобного? Неужели Адам связался с экофилами? Может, он умственно переродился, обкурившись каким-нибудь вредным для мозгов галлюциногеном, и породнился с духами деревьев. Хотя маловероятно: рискованные опыты с веществами были характерны скорее для Зеба. Но с кем-то Адам связался, это точно — сам он

никогда не создал бы такое.

Зеб шел дальше по дорожке. Он выбрал «Да», подтверждая готовность, и попал в диалог.

>>Добро пожаловать, Белый Барибал. Хотите играть в общую игру или на уровне гроссмейстера?

Зеб нажал кнопку «Гроссмейстер», ибо таковы были инструкции Адама.

>>Хорошо. Идите в игровую комнату. Беззумный Аддам будет вас ждать.

Дорога в игровую комнату оказалась непростой — пришлось петлять туда-сюда через пиксели, спрятанные в невинных с виду сайтах, в основном рекламных, хотя попадались и разного рода списки: «Десять самых страшных фотографий Деда Мороза», «Десять самых страшных фильмов ужасов за всю историю кино», «Десять самых страшных морских чудовищ». Зеб нашел портал в кривых передних зубах оскаленной рожи Деда Мороза, у которого на колене сидел перепуганный ребенок; перескочил на могильный камень в кадре из фильма «Ночь живых мертвецов» (оригинальная версия, не римейк), а оттуда наконец — в глаз целаканта. И оказался в комнате чата.

>>Белый Барибал, добро пожаловать в игровую

комнату Беззумного Аддама. Вам сообщение.

Зеб нажал кнопку «Прочитать сообщение».

>>Привет. Видишь, работает. Вот координаты комнаты чата на следующий сеанс связи. А.

«Вот же чертов конспиратор, — подумал Зеб. — Он мне ни черта не скажет».

Он купил указанную одежду (во всяком случае, большую часть списка: круглые очочки и кроссовки с перепонками оказались выше его сил). Штаны и рубахи он освоил — запачкал едой, слегка потрепал, несколько раз прогнал через стиральную машину. Потом разбросал всю старую одежду по разным мусорным ящикам и постарался по возможности вытереть все свои биоследы в обшарпанной комнатушке «Звездного взрыва».

Расплатившись за жилье — совершенно не нужно, чтобы его искали еще и как злостного должника, — он пересек континент и оказался в Сан-Франциско. Там он, как было велено, явился в «Здравайзер-Западный», показал поддельные документы и выслушал заученную речь сотрудника, в чьи обязанности входило приветствовать новичков: «Здравствуйте! Мы рады, что вы те-

перь с нами, и сделаем все, чтобы вы чувствовали себя как дома!»

Никто даже не пикнул. Его ждали, его приняли. Как по маслу.

Ему выделили холостяцкую квартиру в жилой башне охраняемого поселка. Это были отнюдь не трущобы: красивые клумбы вокруг подъезда, бассейн на крыше, канализация и электричество работают, хотя интерьер квартиры отчасти спартанский. Но кровать была двуспальная — это вселяло надежду. Видимо, в «Здравайзере-Западном» от холостяков не требовали вести монашескую жизнь.

В высотном доме, где располагалось рабочее место Зеба, была столовая. Ему выдали карточку, по которой он мог выбирать любые блюда из меню в пределах отведенной суммы баллов. Еда была настоящая, а не мерзотная хавка скудными порциями, как в «Медведелёте». А в напитках присутствовал алкоголь — чего еще требовать от напитков?

Женщины в «Здравайзере» были деловиты и не теряли зря времени, которое можно потратить на работу; их трудно было развести на светскую болтовню, и Зеб догадался, что дежурные фразы-наживки на них тоже не сработают, так что

нечего даже и пробовать. Но хотя Зеб пообещал себе, что будет осторожен в связях, ибо они вызывают лишние вопросы, он все же был не каменный. Две-три женщины помоложе уже кидали заинтересованные взгляды на его бейджик с именем (те как раз вошли в моду в поселке), и одна даже спросила, не новенький ли он, потому что она раньше его не видела — впрочем, она и сама, можно сказать, новенькая.

Не почудился ли ему едва заметный изгиб плеч, предательское трепетание век? «Марджори», прочитал он на ее бейджике, стараясь не задерживать взгляд, поскольку бейджик висел на груди — впрочем, не особенно выдающейся: явные сисимпланты в «Здравайзере» встречались редко. У Марджори было тупоносенькое личико с карими глазами и общим выражением покладистости, как у спаниеля. В обычных обстоятельствах Зеб не упустил бы случая, но сейчас он лишь выразил туманную надежду, что они еще увидятся. Эта надежда стояла не на первом месте в списке надежд Зеба — первое место занимала надежда на то, что его не поймают, — но все же и не на последнем.

Зебу дали работу низового айтишника, офисного планктона. Ввод данных с помощью пакета

нудных, но вполне работающих утилит для записи и сравнения различных фактоидов и охапок информации, выдаваемой гениями из лабораторий «Здравайзера». По сути, секретарь-машинистка, только с красивым названием. Не более того.

Обязанности были не слишком обременительны — он мог делать эту работу двумя пальцами одной руки, причем гораздо быстрее, чем от него ожидали. Менеджеры проектов в «Здравайзере» не особенно дышали в затылок — для них главное было, чтобы он укладывался в отведенные сроки. В оставшееся от работы время он беспрепятственно рылся в банке данных «Здравайзера». Он прогнал парочку своих тестов на безопасность — если кто-то пытается взломать сеть компании снаружи, об этом полезно знать.

Сначала он не заметил никаких тревожных признаков; но как-то раз, закопавшись поглубже, нашел что-то похожее на криптографический туннель. Зеб просочился через туннель, оказался снаружи пылающего кольца файрволлов, окруживших корпоративную сеть, и пробрался по кувшинкам в комнату чата «Вымирафона». Там его ждало сообщение: «Использовать только в случае необходимости. Не задерживайся надолго.

Сотри все отпечатки». Он поскорей разлогинился и стер все свои следы. Нужно будет построить другой портал, ведь тот, кто пользуется этим, может заметить, что здесь прошел кто-то еще.

Он решил, что Шету следует приобрести репутацию любителя онлайновых игр — тогда его визиты на сайт «Вымирафона» не будут так бросаться в глаза, если вдруг найдутся любопытные. Это была основная рабочая причина; кроме того, он просто хотел попробовать игры, а заодно посмотреть, насколько легко заниматься всякой ерундой в рабочее время так, чтобы не получить выговор от начальства — сотрудникам фирмы не разрешалось терять время подобным образом, во всяком случае, в крупных масштабах — и насколько легко плутовать в игре. Как он сформулировал сам для себя, это нужно, чтобы не терять квалификацию.

Кроме стандартного набора игр для развлечения сотрудников — стрелялки-взрывы и так далее — были еще игры, созданные самими сотрудниками «Здравайзера-Западного»: биогики ничем не отличались от любых других гиков и, естественно, разрабатывали игры по своему вкусу. Одна из самых интересных игр называлась «Спандрел»: она позволяла игрокам придумывать новые,

функционально бесполезные характеристики для биологических видов, потом пропускать их через ускоренный процесс полового отбора и смотреть, что выйдет из машины эволюции. Кошки с выростами на лбу вроде петушиных гребней, ящерицы с огромными помадно-красными губами, будто сложенными для поцелуя, мужчины с огромными левыми глазами — при отборе выживали те черты, которые нравились самкам, а их дурным вкусом можно было управлять, совсем как в жизни. Потом начиналась игра «хищники против жертв». Что, если суперпритягательный для полового партнера спандрел мешает охотиться или не дает вовремя убежать? Если твой персонаж недостаточно сексуально привлекателен, он не найдет партнершу, и вид вымрет; но если он слишком привлекателен, его съедят, и вид вымрет. Секс или обед: хрупкое равновесие. За небольшие деньги игроки могли докупить пакет случайных мутаций.

Была и другая неплохая игра, «Мерзкая погода». На крохотный аватар игрока — мужского или женского пола — обрушивались разнообразные погодные и природные катастрофы, в которых следовало выживать как можно дольше. На выигранные баллы позволялось приобрести разные

полезные вещи для аватара: ботинки, в которых он мог быстрее бегать и выше прыгать, одежду, защищающую от удара молнии, плавающие доски на случай потопов и цунами, мокрые носовые платки, чтобы дышать через них во время лесных пожаров, энергетические батончики для тех, кого накрыло снежной лавиной. Лопата, спички, топор. Если аватар выживал после селя — шансы почти нулевые, — игрок получал целую тысячу баллов и ящик инструментов для использования в следующей игре.

Но чаще всего Зеб играл в «Кишечных паразитов». Игра совершенно тошнотворная, но биогики обожают подобные вещи. Паразиты были омерзительно безобразные, безглазые, с зазубренными крючками вокруг рта, и их надо было мочить ядовитыми таблетками, разворачивать против них отряды наноботов или мотеинов, а то они отложат в тебе тысячи яиц, или проберутся к тебе в мозг и выползут наружу через слезные протоки, или распадутся на регенерирующие сегменты и превратят твое тело в кишащий гноящийся фарш. Интересно, эти паразиты существуют на самом деле, или биогики их выдумали? Или еще хуже того — может, именно в этот момент кто-то из биогиков синтезирует их в рамках какого-нибудь

проекта по созданию биологического оружия. Никак не узнать.

Рефрен игры гласил: кто будет слишком много играть в «Кишечных паразитов», тому гарантированы кошмары. Поскольку Зеб принципиально нарушал любой запрет, он стал играть в «Кишечных паразитов» все время, и ему действительно стали сниться кошмары.

Но это не помешало ему создать копию игры, а потом запрограммировать в гадком рту у одного из паразитов портал. Программный код Зеб сохранил на флешку с тройной защитой и спрятал в глубине ящика в рабочем столе своего менеджера, в куче резиночек, засморканных бумажных салфеток и облепленных трухой леденцов от кашля. Там никто никогда искать не станет.

Костяная пещера

Каллиграфия

Тоби корпит над дневником. Ей на самом деле неохота, да и сил нет, но Зеб так старался раздобыть для нее письменные принадлежности — и, конечно, заметит, если она не будет их использовать. Она пишет в дешевой школьной тетради из аптечно-хозяйственного магазина. На обложке — ярко-желтое солнце, розовые маргаритки и мальчик с девочкой в стиле «палка, палка, огуречик», как когда-то рисовали дети. Когда на Земле еще жили человеческие дети. Как давно это было? Кажется, что эпидемия случилась много веков назад. Хотя на самом деле прошло меньше полугода.

На мальчике синие шорты, синяя кепка и красная рубашка; у девочки косички, треугольная юбка и синяя кофточка. У обоих вместо глаз расплывчатые черные пятна, а вместо ртов толстые красные загогулины углами вверх; мальчик и девочка хохочут так, словно сейчас умрут со смеху.

Умрут. Эти дети нарисованные, но Тоби все равно кажется, что сейчас они уже умерли, как все настоящие дети. Она не может смотреть на эту обложку — ей больно.

Надо концентрироваться на одной задаче. Нечего киснуть и зацикливаться на мрачных мыслях. Будем жить так: день прошел, и слава Богу.

«Праздник святого Боба Хантера и святых с «Рейнбоу Уорриор»», — пишет Тоби. Возможно, с календарной точки зрения она ошиблась на пару дней, но тут ничего не поделаешь — проверить невозможно. Никакого центрального авторитета, ведающего календарем, больше не существует. А может быть, Ребекка знает? Ведь для праздников и дней памяти святых полагаются особые рецепты. Может быть, Ребекка помнит их наизусть; может быть, она вела счет дней.

«Луна: растущая выпуклая. Погода: как обычно. Примечательные события: свиньи проявляют групповую агрессию. Отряд Зеба на вылазке видел следы больболистов: частично разделанную тушу поросенка, убитого из распылителя. Найдена также сандалия с подошвой из автомобильной шины, возможно — след Адама Первого. Знаков, свидетельствующих о несомненном присутствии Адама Первого и вертоградарей, не обнаружено».

Подумав, она добавляет:

«Джимми очнулся и идет на поправку. Дети Коростеля по-прежнему дружелюбны».

— Что ты делаешь, о Тоби? — Это мальчик, Черная Борода; Тоби не слышала, как он подошел. — Что это за черточки?

— Поди сюда, — говорит она. — Я тебя не укушу. Смотри. То, что я делаю, называется «писать»: эти черточки — письмена. Смотри, я тебе покажу.

Она объясняет ему азы. Это бумага, она делается из деревьев. «А дереву не больно? Нет — когда из него делают бумагу, оно уже умерло». Крошечная ложь, но все же. «А это — ручка. В ней черная жидкость, которая называется «чернила». Но можно писать и без ручки». И хорошо — потому что шариковые стержни скоро все выйдут.

Чтобы делать письмена, можно использовать разные вещи. Вместо чернил — сок бузины, вместо ручки — птичье перо. А можно писать палочкой на мокром песке. Все эти вещи годятся, чтобы делать письмена.

— Чтобы что-нибудь написать, надо нарисовать буквы, — объясняет она. — Каждая буква означает звук. А если составить буквы вместе, получаются слова. Слова остаются на бумаге, и потом другие люди, увидев письмена, услышат эти слова.

Черная Борода смотрит на нее, удивленно и недоверчиво щурясь.

— О Тоби, но ведь эта вещь не умеет говорить. Я вижу следы, которые ты оставила. Но они молчат.

— Их голосом становишься ты, — объясняет она. — Когда делаешь то, что называется чтением. Читать — значит превращать эти письмена обратно в слова. Смотри, я сейчас напишу твое имя.

Она осторожно вырывает из тетради последнюю страницу и пишет на ней печатными буквами: ЧЕРНАЯ БОРОДА. Потом называет буквы по порядку.

— Видишь? Это означает тебя. Твое имя.

Она вкладывает ручку ему в руку, сжимает его пальцы и двигает ими, обводя контур: буква «Б».

— Б, «бэ» — как овца блеет. Тот же самый звук.

Зачем она объясняет? Что ему проку во всем этом?

— Это не я, — Черная Борода хмурится. — И на овцу совсем не похоже. Это просто отметины.

— Отнеси эту бумагу Рен, — улыбается Тоби. — Попроси ее прочитать, что там написано, а потом вернись ко мне и скажи, назвала ли она твое имя.

Черная Борода смотрит на нее. Он не верит ее россказням, но все равно берет бумагу — осто-

рожно, словно та покрыта невидимым ядом.

— Ты побудешь тут? — спрашивает он. — Пока я не вернусь?

— Да, я буду тут и никуда не уйду.

Он выходит, пятясь задом через дверь, как обычно, и пристально смотрит на Тоби, пока не скрывается за углом.

Она возвращается к дневнику. Что еще написать, кроме голых фактов, скудной хроники каждого дня? Какие истории? Какая история может быть полезна — людям, в существовании которых она не может быть уверена, жителям будущего, которое ей не дано предвидеть?

«Зеб и медведь», — пишет она. «Зеб и Беззумный Аддам». «Зеб и Коростель». Все эти истории можно записать. Но зачем и для кого? Лично для нее — как предлог лишний раз поразмышлять про Зеба?

«Зеб и Тоби», — пишет она. Но это, конечно, будет лишь коротенькое примечание.

Не делай поспешных выводов, говорит она себе. Он привел ее в огород, принес дары. Может, насчет Американской Лисицы ей только показалось. А даже если и нет, то что? Лови момент, хватай то, что под рукой. Не захлопывай двери навсегда. Будь благодарна за то, что имеешь.

В комнату снова проскальзывает Черная Борода. Он несет бумагу перед собой, как раскаленный щит. Лицо его сияет.

— О Тоби, оно сказало! Оно сказало мое имя! Оно сказало мое имя Рен!

— Вот видишь? Это и есть письмена.

Черная Борода кивает: ему начинают открываться новые возможности.

— Можно я оставлю это себе? — спрашивает он.

— Конечно.

— Покажи мне еще раз. Как ты водишь этой черной штукой.

Позже, когда ежедневный дождь уже пришел и прошел, Тоби находит Черную Бороду у песочницы. У него в руках бумага, а еще — палочка. На песке написано его имя. Рядом стоят и смотрят другие дети. Все они поют.

«Что же я наделала? — думает Тоби. — Какой ящик Пандоры открыла? Дети все ловят на лету — они и это освоят и передадут всем остальным.

Что будет дальше — правила, законы, догмы? Писание от Коростеля? Как скоро у Детей Коростеля появятся древние тексты, которым следует повиноваться, но которые уже никто не может правильно истолковать? Неужели я их погуби-

ла?»

Рой

На завтрак — кудзу и прочий подножный корм в ассортименте, бекон, странные лепешки с запеченными в них неопознанными семенами и пареные корневища лопуха. Кофе из смеси жареных корней — одуванчик, цикорий, еще что-то. У него привкус пепла.

У них кончается сахар и совсем нет меда. Но есть молоко от париковец. Еще одна овца — синеволосая — принесла двойню, блондинку и брюнетку. Кое-кто шутливо намекал на жаркое из баранины, но шутки не перешли в дело: почему-то кажется очень трудным убить и разделать животное, у которого человеческие волосы, особенно такие, блестящие и послушные, как в давнишней телевизионной рекламе шампуня. Когда париковца встряхивается, это все равно что смотреть со спины на телевизионную красотку: копна блестящих густых волос, игривый взмах, пробегающая волна. Так и ждешь, что сейчас раздастся голос за кадром: «Проблемы с волосами? Я так мучилась со своими, что просто с ума сходила, но вдруг… умерла».

«Не надо такой чернухи, это всего лишь воло-

сы, — говорит себе Тоби. — Это не конец света».

За кофе они обсуждают, как разнообразить стол. Все согласны, что нужно поискать другие источники белка. Ребекка говорит, что готова пойти на убийство, лишь бы достать живых кур; их можно было бы держать в курятнике, и они бы несли яйца; но где их взять? На крышах допотопных небоскребов, торчащих у берега, можно найти яйца морских птиц — наверняка там гнездятся птицы, но кто рискнет отправиться в поход к берегу через Парк Наследия, уже совсем заросший, где, может быть, прячутся больболисты, не говоря уже о паре эскадронов больших злобных свиней? А о подъеме по внутренним лестницам этих небоскребов и думать нечего — они наверняка едва держатся.

Начинается дискуссия. Одна сторона указывает на то, что Дети Коростеля все время путешествуют на берег и обратно, распевая полифонические мелодии. Дети Коростеля навещают свою базу на берегу, нагромождение полых цементных блоков. Для защиты от животных они мочатся, встав в кружок, и утверждают, что свиноиды, волкопсы и рыськи этот контур мочи не перейдут. Еще Дети Коростеля ловят острогой ритуальную рыбу для Тоби, чтобы она смогла исполнить обязан-

ности Джимми-Снежныечеловека и рассказать очередную историю. Животные не нападают на Детей Коростеля во время этих походов по лесу. Во всяком случае, до сих пор не нападали. Что же до больболистов, они сейчас неблизко, судя по новейшей обнаруженной улике — трупу недавно убитого поросенка.

Другая сторона указывает, что у Детей Коростеля, помимо защитной мочи, похоже, есть еще какое-то средство для отпугивания диких зверей во время путешествия. Может быть, пение? В таком случае — излишне объяснять — нормальных людей это не спасет, так как у них голосовые связки не из оргстекла, или из чего они там сделаны у Детей Коростеля, чтобы производить эти жуткие синтезаторные, терменвоксовые звуки. Что же до больболистов, они вполне могли вернуться и, может быть, вот прямо сейчас сидят в засаде вон за тем углом, в зарослях кудзу. Лишняя осторожность никогда не повредит, и мы не можем жертвовать людьми ради горстки чаячьих яиц, которые к тому же наверняка зеленые внутри и воняют рыбьей требухой.

Яйца есть яйца, говорят приверженцы первой точки зрения. Почему бы нам не отправить несколько человек с Детьми Коростеля? Тогда они

своим пением защитят людей от диких зверей, а люди возьмут с собой пистолеты-распылители и защитят Детей Коростеля от больболистов. Детям Коростеля бесполезно давать пистолеты-распылители: им никак не объяснишь, что значит стрелять и убивать, поскольку они не люди.

— Стоп-стоп, — перебивает Белоклювый Дятел. — Это еще не доказано. Если они могут скрещиваться с нами, это стопроцентное доказательство. Один и тот же биологический вид. Если нет — значит, нет.

Он заглядывает к себе в чашку.

— Есть еще кофе? — спрашивает он у Ребекки.

— Это правда, но лишь частичная, — замечает Дюгонь. — От лошади и осла рождаются мулы, но они бесплодны. Мы не сможем узнать точно, пока не появится следующее поколение.

— У меня только на завтра хватит, — отвечает Ребекка Дятлу. — Надо накопать корней одуванчиков. Поблизости мы уже все выкопали.

— Это будет интересный эксперимент, — говорит Белоклювый Дятел. — Но, конечно, мы не обойдемся без сотрудничества дам.

Он галантно кивает Американской Лисице, на которой сегодня простыня с очаровательным цветочным рисунком — букетиками голубых и

розовых цветов, перевязанных голубыми и розовыми ленточками.

— Вы видали, какие у них члены? — говорит Американская Лисица. — Слишком хорошо тоже плохо. Если у меня во рту головка члена, хочется уверенности, что его и засунули через рот, а не с другого конца.

Белоклювый Дятел отворачивается — он заметно потрясен и молча злится. Кое-кто из слушателей смеется, другие хмурятся. Американская Лисица любит эпатировать собеседников, особенно мужчин. По предположению Тоби, Лисица таким образом доказывает, что она не какая-нибудь красивая, но пустоголовая кукла. Она хочет и рыбку съесть, и косточкой не подавиться.

На другом конце стола сидит Зеб. Он сегодня пришел позже и в споре не участвовал. Кажется, его внимание всецело поглощено лепешками. Американская Лисица стреляет глазами в его сторону: уж не на него ли рассчитано ее выступление? Он не обращает внимания; впрочем, это объяснимо. Как когда-то неустанно писали блогеры-колумнисты, специалисты по любовной жизни в офисе, преступную парочку всегда можно вычислить по тому, как старательно они друг на друга не смотрят.

— Этим ребятам сотрудничество не нужно, — говорит Крозье. — Им лишь бы п… прости, Тоби. Им лишь бы юбка была.

— Юбка! — восклицает Американская Лисица и опять смеется, показывая белые зубы. — Откуда ты свалился? Ты хоть кого-нибудь из нас видел в юбке? Простыни не считаются.

Она крутит плечами, как манекенщица на подиуме.

— Тебе нравится моя юбка? Смотри, она доходит до подмышек!

— Оставь его, он несовершеннолетний, — говорит Дюгонь. Крозье странно кривится. Что это — гнев, замешательство? Рядом с ним сидит Рен. Он кротко ухмыляется ей и кладет руку ей на предплечье. Она сердито смотрит на него, как жена на мужа.

— С несовершеннолетними веселее, — говорит Американская Лисица. — Они такие живчики. Эндорфины прямо из ушей брызжут, а нуклеотидные последовательности — просто мечта всей жизни! Теломеры — в несколько миль длиной!

Рен с каменным лицом смотрит на нее.

— Он совершеннолетний, — говорит она. Американская Лисица улыбается.

Видят ли мужчины, что происходит за столом,

спрашивает себя Тоби. Бесшумный женский бой в грязи. Нет, скорее всего, даже не подозревают. Длины волн, на которых излучает прогестерон, для них недоступны.

— Они это делают только при соответствующих условиях, — говорит Дюгонь. — Групповое совокупление. Женщина должна быть в течке.

— Это годится для их женщин, — замечает Нарвал. — Они подают четкий гормональный сигнал, как визуальный, так и обонятельный. Но наши женщины для них все равно что в постоянной течке.

— Может, так оно и есть, просто они не хотят признаваться, — ухмыляется Дюгонь.

— Я же говорю, разные биологические виды, — не сдается Нарвал.

— Женщины — не собаки! — восклицает Белая Осока. — Эти разговоры оскорбительны. Вы не имеете права отзываться о нас в подобных выражениях.

Голос у нее спокоен, но спина пряма, словно она шомпол проглотила.

— Мы просто ведем объективную научную дискуссию, — возражает Колибри.

— Эй, — напоминает Ребекка, — я всего лишь сказала, что неплохо было бы раздобыть яиц.

Утренние рабочие часы. Солнце еще не очень сильно палит. Ярко-розовые мотыльки кудзу зависли в тени, стайки синих и малиновых бабочек ведут воздушные бои, золотые пчелы суетятся на цветах полиягод.

Тоби снова отрядили на огород: на прополку и борьбу со слизнями. Карабин прислонен в углу с внутренней стороны забора: пусть будет под рукой, мало ли что. Кругом буйствует зелень, и культурная, и дикорастущая. Тоби почти что слышит, как ростки пробиваются вверх, раздвигая комья земли, а корешки шарят в поисках питательных веществ, отталкивая корешки соседей. Листья испускают в воздух облака химических веществ.

«День святой Ванданы Шивы от Семян, — записала сегодня в журнале Тоби. — Святого Николая Вавилова, великомученика и иже с ним мучеников». И добавила традиционную молитву вертоградарей: «Воспомянем святого Николая, павшего жертвой тирана Сталина, и его сподвижников, что не щадя живота своего хранили семена и сберегли их во время Ленинградской блокады. И святую Вандану, неустанную воительницу против биопиратства, отдавшую жизнь на защиту Живого Растительного Мира во всей

его красе и разнообразии. Да восприимем мы от вас чистоту и силу духа, а также неколебимую решимость».

Вспышка-воспоминание: сама Тоби, еще среди вертоградарей, вместе со старой Пилар произносит эту молитву, принимаясь за длинные рядки фасоли — опять переселение улиток и слизняков. Иногда тоска по тем дням накатывает так сильно и неожиданно, что сбивает с ног, как блуждающая волна. Будь у Тоби фотографии тех времен, она сейчас перебирала бы их. Но вертоградари не доверяли фотографиям и записям на бумаге; у Тоби остались только слова.

Сейчас нет смысла быть вертоградарем: враги Природного Творения Господня перестали существовать, а звери и птицы — те, что не вымерли, пока человечество тиранило планету, — процветают беспрепятственно. Не говоря уже о растениях.

Хотя кое-каких растений могло бы быть и поменьше, думает Тоби, срезая лианы кудзу, которые уже поперли через забор. Они вездесущи. Они растут без передышки, на два фута в сутки, они взмывают вверх и накрывают любое препятствие, подобно зеленому цунами. Париковцы едят кудзу и кое-как сдерживают ее напор. Дети

Коростеля тоже едят кудзу. Ребекка готовит ее, как шпинат, но кудзу явно не становится меньше.

Мужчины на днях обсуждали, нельзя ли делать из кудзу вино. Тоби решает, что это сомнительная затея. Что получится? Пино-гри со вкусом скошенной травы? Мерло с нотками перебродившего компоста? Но дело даже не в этом. Может ли горстка выживших позволить себе искать утешения в алкоголе? Он притупляет восприятие, а они и так слишком уязвимы. Их поселок не то чтобы хорошо укреплен. Один пьяный часовой — прорыв периметра — и резня.

— Я нашел тебе рой, — внезапно произносит голос Зеба. Он незримо подобрался к ней со спины. Вот тебе и бдительность.

Она с улыбкой оборачивается. Искренняя ли это улыбка? Не совсем, ведь Тоби еще не знает всей правды об истории с Американской Лисицей. Американская Лисица и Зеб. Было между ними что-нибудь или нет? Но если он просто, фигурально выражаясь, вошел в распахнутую дверь, ни на секунду не задумавшись, — почему об этом должна задумываться Тоби?

— Рой? — говорит она. — Правда? Где?

— Пойдем со мной в лес, — говорит он, ухмыляясь, как волк из сказки, и протягивая ей лапу.

Она, конечно, берет протянутую лапу и прощает ему все. На данный момент. Хотя, возможно, и прощать-то нечего.

Они идут к опушке леса, прочь от поляны, где стоит саманный домик. Теперь она выглядит как расчищенная прогалина в лесу, хотя Беззумные Аддамы ничего не расчищали. Но теперь, когда на них надвигается зеленая волна, они стараются держать поляну незаросшей — может быть, это то же самое.

Под деревьями прохладней. А еще — страшновато: зеленые переплетения листвы и ветвей ограничивают видимость. Вот тропа, меченная сломанными веточками — видно, Зеб по ней пришел.

— Ты уверен, что тут не опасно? — спрашивает Тоби, машинально понизив голос. Для защиты на открытом месте нужны глаза, потому что хищника сначала увидишь и только потом услышишь. В лесу — наоборот, поэтому здесь нужны уши.

— Я только что тут был и все проверил, — говорит Зеб. Тоби кажется, что его голос звучит слишком уж уверенно.

Вот и рой — большой шар из пчел, размером с арбуз, висит на нижних ветках молодого платана. Слышно тихое жужжание; поверхность роя

рябит, как золотой мех на ветру.

— Спасибо, — говорит Тоби. Теперь надо вернуться в саманный дом, найти какую-нибудь емкость и вычерпать в нее середину роя, чтобы захватить матку. Остальной рой последует за ней. Этих пчел даже не придется обкуривать: они не будут жалить, потому что не защищают свой улей. Тоби сначала объяснит, что желает им добра, и выразит надежду, что они станут ее вестниками в страну мертвых. Пилар, наставница, что учила ее работе с пчелами у вертоградарей, объясняла: если хочешь, чтобы дикий рой последовал за тобой, обязательно скажи ему все это.

— Может, мне лучше раздобыть мешок или что-нибудь такое, — говорит она. — Они уже ищут себе дом. Скоро улетят.

— Хочешь, чтобы я их посторожил?

— Нет, не надо, — лучше пусть он проводит Тоби обратно в саманный дом: ей не хочется идти одной через лес. — Только… ты можешь сейчас отвернуться на минутку? И не слушать меня?

— Тебе нужно отлить? Считай, что меня здесь нету.

— Да нет. Ты же сам был вертоградарем. Ты знаешь, в чем дело. Мне нужно поговорить с пчелами.

Это один из тех обычаев вертоградарей, что со стороны показались бы странными; и он до сих пор кажется странным Тоби, потому что она все еще отчасти посторонняя.

— Конечно, — говорит Зеб. — Валяй, не стесняйся.

Он отворачивается и смотрит в лес.

Тоби чувствует, что краснеет. Но все же натягивает край простыни на голову — Пилар утверждала, что покрывать голову необходимо, иначе это будет неуважение к пчелам — и шепотом обращается к мохнатому жужжащему шару:

— О пчелы! Я приветствую вашу Царицу. Я желаю стать ей другом и приготовить для нее безопасный дом, и для вас, ее дочерей, тоже. Я буду приходить каждый день и рассказывать вам новости. Да понесете вы весть из земли живых всем душам, обитающим в земле теней. Скажите, принимаете ли вы мое приношение.

Она ждет. Жужжание становится громче. Несколько пчел-разведчиц отрываются от роя и садятся ей на лицо. Они ползают, исследуя ее кожу, ноздри, уголки глаз; ее будто гладит десяток легких пальчиков. Если они ужалят, это означает отказ. Если не ужалят — согласие. Она втягивает воздух, усилием воли сохраняя спокойствие. Пче-

лы не любят страха.

Разведчицы поднимаются в воздух, летят по спирали обратно к улью и вливаются в живой золотой мех. Тоби выдыхает.

— Теперь можно смотреть, — говорит она Зебу.

Вдруг слышится треск и топот: кто-то ломится через лес. У Тоби кровь отливает от пальцев. О черт, думает она. Свиньи, волкопсы? А у нас нет пистолета-распылителя. И моя винтовка осталась там, в огороде. Она озирается в поисках камня, который можно было бы метнуть. Зеб уже подобрал палку.

Святая Диана, святой Франциск, святой Фатех Сингх Ратхор! Укрепите меня своей мудростью и силой. Обратитесь к этим зверям. Да обойдут они нас и испросят у Бога пищу себе.

Нет, это не звери. Слышен голос: это люди. У вертоградарей не было молитвы против людей. Больболисты? Они не знают, что мы тут. Что делать? Бежать? Нет, они уже слишком близко. Убраться с линии огня. Если можно.

Зеб делает шаг вперед, одной рукой задвигая Тоби себе за спину. И застывает. А потом смеется.

Костяная пещера

Из кустов выходит Американская Лисица, поправляя розово-голубую простыню. По пятам следует Крозье, также поправляя костюм, только его простыня — в строгую черно-серую полоску.

— Привет, Тоби, привет, Зеб, — он старается, чтобы голос звучал небрежно.

— Вышли прогуляться? — интересуется Американская Лисица.

— Охотимся на пчел, — говорит Зеб. Он вроде бы совсем не расстроен. Может, я и правда ошиблась, думает Тоби; раз он не ревнует, раз ему наплевать, что она кувыркалась в кустах с Крозье.

Но ведь, кажется, Крозье ухаживает за Рен? Или Тоби и на этот счет ошиблась?

— Охотитесь на пчел? Правда? Ну что ж, у всякого свои причуды, — смеется Американская Лисица. — Мы вот грибы искали. Обыскались прямо. Даже на четвереньки вставали. Смотрели повсюду. Но не нашли ни единого грибочка, правда, Кроз?

Крозье мотает головой, глядя себе под ноги. У него такое лицо, словно его застали со спущенны-

ми штанами. Хотя на нем, конечно, нет никаких штанов — только полосатая простыня.

— Пока, — говорит Американская Лисица. — Удачной охоты на пчел.

Она разворачивается и уходит в сторону саманного дома, а Крозье плетется за ней, словно привязанный на веревочку.

— Идем, пчелиная царица, — говорит Зеб, обращаясь к Тоби. — Захватим твои припасы. Я тебя провожу.

В идеальном мире у Тоби уже был бы улей Лангстрота с добавочными корпусами и подвижными рамками. Ей бы следовало приготовить улей заранее, в надежде, что рой скоро найдется; но она была непредусмотрительна. Раз у нее нет улья, что может понравиться пчелам? Любая защищенная полость с отверстием, через которое они будут влетать и вылетать; достаточно сухая, достаточно прохладная и достаточно теплая.

Ребекка предлагает ей восторгнутый пенопластовый ящик от сумки-холодильника; Зеб делает дыру в стенке, ближе к крышке, и еще несколько дыр для вентиляции. Тоби и Зеб ставят ящик в углу сада, подпирают камнями для устойчивости и дополнительной защиты, а потом добавляют пару вертикальных листов фанеры, ставя их на

камушки, чтобы они чуть приподнимались над дном ящика. Это лишь грубое приближение к улью, но пока сойдет — и, возможно, теперь придется долго обходиться этой импровизированной конструкцией. Проблема в том, что когда пчелы привыкнут к жилью, то очень сердятся, если их пытаешься переселить.

Тоби наскоро делает ловчий мешок из наволочки, и они возвращаются в лес за пчелами. Она берет длинную палку и быстро соскабливает рой. Сердцевина роя мягко плюхается в мешок. В самой плотной части сгустка — притягательный магнит, пчелиная матка. Она невидима, как сердце в теле.

Они несут громко жужжащую наволочку в огород; за ними по пятам вьется облачко оторвавшихся от роя пчел. Тоби аккуратно опускает пчелиный шар в улей, ждет, пока все пчелы выберутся из наволочки, потом опять ждет, пока пчелы исследуют новое жилище.

От работы с пчелами Тоби всегда пьянеет: все дело в адреналине. Это может кончиться бедой — в один прекрасный день она совершит неверное движение и окажется в центре сердитого жалящего роя. Иногда ей кажется, что она может омываться в пчелах, как в пенной ванне; но это

эйфория пчеловода, она сродни психозу альпиниста или кессонному опьянению подводника. Попробовать было бы колоссальной глупостью.

Когда рой наконец успокаивается на новом месте, Тоби закрывает крышку ящика и придавливает парой камней. Скоро пчелы уже бодро выползают из летка, возвращаются обратно и исследуют на предмет пыльцы цветущие растения в огороде.

— Спасибо, — говорит она Зебу.

— Пожалуйста, — вежливо отвечает он; так мог бы разговаривать регулировщик на переходе, а не мужчина с любимой женщиной. Впрочем, напоминает себе Тоби, сейчас день; днем Зеб всегда чуточку слишком тороплив и деловит. Он идет прочь и скрывается за углом саманного дома: миссия выполнена.

Тоби покрывает голову.

— Да будете вы счастливы здесь, о пчелы, — говорит она пенопластовому ящику. — Я как ваша новая Ева Шестая обещаю, что постараюсь приходить к вам каждый день и рассказывать новости.

— О Тоби, можно мы опять поделаем письмена? Закорючками на бумаге?

Это ее тень, малыш Черная Борода. Он вскараб-

кался на забор снаружи и теперь сидит наверху, свисая внутрь огорода и подперев подбородок руками. Как давно он за ней наблюдает?

— Да, — говорит она. — Может быть, завтра, если ты придешь пораньше.

— Что это за ящик? А зачем на нем камни? Что ты делаешь, о Тоби?

— Я помогаю пчелам найти дом.

— А они будут жить в ящике? Почему ты хочешь, чтобы они тут жили?

«Потому что я собираюсь красть у них мед», — мысленно говорит Тоби.

— Потому что здесь они будут в безопасности, — говорит она вслух.

— А ты разговаривала с пчелами, о Тоби? Я слышал. Или это ты говорила с Коростелем, как Джимми-Снежныечеловек?

— Я говорила с пчелами, — отвечает Тоби.

Лицо мальчика озаряется улыбкой:

— А я не знал, что ты умеешь. Ты разговариваешь с Детьми Орикс? Как мы? Но ты же не умеешь петь!

— Вы поете животным? — переспрашивает Тоби. — Они любят музыку?

Но этот вопрос повергает его в растерянность.

— Музыку? Что такое музыка?

Миг — и он уже соскочил на землю по ту сторону забора и умчался играть с другими детьми.

Если ты пахнешь пчелами, но пчел с тобой нет, это привлекает нежелательное внимание других насекомых: на Тоби уже примащиваются тли, и ею живо интересуется парочка ос. Тоби идет вымыть руки у колонки. Пока она чистится и скребется, ее находят Рен и Голубянка.

— Нам нужно с тобой поговорить, — говорит Рен. — Насчет Аманды. Мы за нее очень беспокоимся.

— Старайтесь ее чем-нибудь занять, — отвечает Тоби. — Я уверена, она скоро придет в норму. У нее был шок, ей нужно время. Помнишь, какая ты сама была, когда приходила в себя после больболистов?

— Ты не понимаешь, — говорит Рен. — Она беременна.

Тоби вытирает руки полотенцем, висящим у колонки. Медленно, чтобы было время подумать.

— Ты уверена?

— Она пописала на палочку, — говорит Голубянка. — Результат положительный. На этой дряни появился смайлик.

— Розовый смайлик! Какая гадость! Это ужасно! — восклицает Рен. И начинает плакать. — Она

не может родить этого ребенка! После всего, что они с ней сделали! Ребенок от больболиста!

— Она ходит как зомби, — продолжает Голубянка. — Она ужасно подавлена. У нее настоящая депрессия.

— Я с ней поговорю, — обещает Тоби.

Бедняжка Аманда. Разве можно требовать, чтобы она родила ребенка от убийцы? От того, кто ее насиловал и пытал? Хотя в плане отцовства возможны варианты. Тоби вспоминает цветы, пение и кучу сплетенных рук, ног и тел у костра в тот хаотический вечер святой Юлианы. Что, если Аманда носит ребенка Детей Коростеля? Возможно ли это вообще? Да, если они — не другой биологический вид. Но если так, не опасно ли это? Дети Коростеля развиваются по другому графику и растут гораздо быстрее. Что, если плод вырастет слишком быстро и не сможет выйти?

А ведь никаких больниц у них нет. И даже врачей нет. В смысле удобств рожать придется все равно что в пещере.

— Она вон там, на качелях, — говорит Голубянка.

Аманда сидит на детских качельках, едва заметно качаясь взад-вперед. Они ей не по росту: сиденье слишком близко к земле, и у Аманды

неловко торчат коленки. Слезы медленно катятся у нее по щекам.

Рядом стоят три Дочери Коростеля и касаются ее лба, волос, плеч. Они все мурлыкают. Золото, черное дерево и слоновая кость.

— Аманда… — говорит Тоби. — Не расстраивайся. Мы все будем тебе помогать.

— Лучше бы я умерла, — говорит Аманда. Рен разражается слезами, падает на колени и обхватывает Аманду вокруг талии.

— Не говори так! — умоляет она. — Мы через столько всего прошли! Нельзя же теперь сдаваться!

— Я хочу, чтобы это из меня убрали. Может, можно выпить какой-нибудь яд? Что-нибудь из грибов?

По крайней мере, она ожила, думает Тоби. И это правда, что раньше для таких вещей использовались настои трав. Она помнит, Пилар перечисляла семена и корешки: дикая морковь, первоцвет. Но Тоби не знает дозировок, а ставить опыты — слишком рискованно. Кроме того, если ребенок — от Детей Коростеля, то, может быть, эти средства на него в любом случае не подействуют. Если верить Беззумным Аддамам, у Детей Коростеля другая биохимия.

Дочь Коростеля с кожей цвета слоновой кости перестает мурлыкать.

— Эта женщина больше не синяя, — говорит она. — Ее костяная пещера уже не пуста. Это хорошо.

— Почему она печальна, о Тоби? — спрашивает женщина с золотистой кожей. — Мы всегда бываем рады, когда наша костяная пещера заполняется.

Костяная пещера. Так они это называют. Название в своем роде красивое и даже точное, но сейчас оно наводит на мысли о пещере, полной обглоданных костей. Именно так сейчас чувствует себя Аманда: прижизненная смерть. Что может сделать Тоби, чтобы придать этой истории счастливый конец? Мало что. Убрать все ножи и веревки и устроить так, чтобы с Амандой все время кто-нибудь был.

— Тоби, — говорит Рен, — а ты не можешь…

— Ну пожалуйста, постарайся, — подхватывает Аманда.

— Нет, — говорит Тоби. — Я ничего не знаю об этих вещах.

Всем, что связано с гинекологией и акушерством, у вертоградарей занималась Марушка-повитуха. Сама Тоби ограничивалась лечением

болезней и ран, но сейчас опарыши, пиявки и компрессы не помогут.

— Возможно, все не так плохо, — продолжает она. — Может быть, ребенок не от больболиста. Помнишь ту ночь у костра, в канун святой Юлианы, когда они на вас полез… когда у нас вышло межкультурное недоразумение? Может быть, это ребенок от Детей Коростеля.

— Замечательно, — говорит Рен. — Выбирай на вкус. Суперпреступник или генетически синтезированное чудовище. Кстати, она не единственная, с кем случилось культурное недоразумение или как ты там сказала. Почем я знаю, может, у меня тоже будет ребеночек от чудовища Франкенштейна. Я просто боюсь писать на палочку.

Тоби лихорадочно ищет слова — надо как-то приободрить и успокоить Аманду и Рен. «Гены — это еще не судьба»? «Наследственность против воспитания — нерешенный спор»? «Зло может обернуться добром»? «Существует такая вещь, как эпигенетическая адаптация»? «Может, больболист не от природы был преступником, а просто его плохо воспитали»? Или: «А вдруг Дети Коростеля гораздо более человечны, чем мы думаем?» Но все это звучит неубедительно даже для нее самой.

— О Тоби, не печалься, — говорит детский голос. Это Черная Борода; он прижимается к Тоби. Берет ее руку, поглаживает. — Орикс нам поможет, и ребенок выйдет из костяной пещеры, и Аманда будет рада. Все бывают рады, когда выходит новый ребенок.

Приплод

— Приподнимись, ты мне руку отлежала, — говорит Зеб. — Что-то не так?

— Я беспокоюсь за Аманду, — говорит Тоби. Это правда, но не вся правда. — По-видимому, она беременна. Не сказать, чтобы ее это безмерно радовало.

— Троекратное ура. Первый маленький отважный первопроходец родится в нашем дивном новом мире.

— Тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил, что тебе порой недостает чуткости?

— Никогда. Я весь — одно большое трепещущее сердце. Впрочем, ребеночек, скорее всего, от больболиста, если принять во внимание последовательность событий. Колоссальная жалость. Нам придется его утопить, как котенка.

— У нас нет шансов, — говорит Тоби. — Дочери Коростеля просто обожают младенцев. Они придут в ярость, если ты начнешь делать ему плохо и больно.

— Женщины — странные создания. Впрочем, я бы не отказался от такой мамочки — мягкой, заботливой и тому подобное.

— Ребенок может оказаться гибридом. Полукоростеленыш. Плод групповухи в день святой Юлианы. Но если это так, беременность может ее убить. У них совершенно другие темпы роста плода. И головы у младенцев при рождении больше, судя по детишкам, которых таскают с собой матери. Так что он может застрять. А я ни ухом, ни рылом в этих вещах и не смогу сделать ей кесарево сечение. Впрочем, проблемы могут начаться и раньше. Что, если у них окажется несовместимость по группе крови?

— А Белоклювый Дятел и все остальные что-нибудь знают? О генетике, крови и прочем?

— Я их еще не спрашивала.

— Ладно, запишем в список чрезвычайных ситуаций. Беременность, одна штука. Созовем совещание. Но если Беззумные Аддамы не знают — наверно, нам останется только ждать?

— Нам так и так остается только ждать. Мы не можем сделать ей аборт: никто из нас не умеет, и в любом случае это слишком рискованно. Есть еще травы, но если не знаешь дозировку, можно отравить человека насмерть. А больше делать нечего. Разве что на собрании кого-нибудь осенит. Но до того мне нужно будет посоветоваться.

— С кем? Среди наших высоколобых нет ни

одного врача.

— Я скажу, только обещай не смеяться.

— Я прикусил язык и зашил рот железными скобами. Валяй, говори.

— Ну хорошо, только ты подумаешь, что я двинулась умом: с Пилар. Которая, как ты знаешь, умерла.

Пауза.

— И как же ты намерена это сделать?

— Ну, я подумала, что можно ее навестить. Ну, то место, где мы ее…

— Паломничество к месту упокоения? На гробницу святого?

— Что-то в этом роде. И провести усиленную медитацию. Там, где мы ее похоронили, в парке. Помнишь, как мы ее компостировали? Оделись как парковые работники, выкопали яму…

— Да, я помню то место. Ты была в зеленом комбинезоне, который я для тебя украл. Мы посадили поверх Пилар куст черной бузины.

— Да. Вот туда я и хочу пойти. Я знаю, что чокнулась — во всяком случае, так сказали бы обитатели Греховного Мира.

— Сперва ты беседовала с пчелами, а теперь хочешь говорить с покойниками? До такого даже вертоградари не доходили.

— Некоторые — доходили. Воспринимай это как метафору. Адам Первый сказал бы, что я хочу соприкоснуться со своей Внутренней Пилар. Он бы меня понял и поддержал.

Снова пауза.

— Но имей в виду, одной тебе идти нельзя.

— Я знаю.

Теперь ее очередь многозначительно молчать.

Вздох.

— Ладно, детка, для тебя — все что хочешь. Я вызываюсь добровольцем. Возьму еще Носорога и Шеклтона. Будем тебя прикрывать. Один пистолет-распылитель плюс твой карабин. Сколько времени тебе нужно?

— Я сделаю короткую усиленную медитацию. Чтобы не задерживать вас надолго.

— Ты собираешься услышать голоса? Я просто так, чтобы знать.

— Я не имею ни малейшего понятия, что услышу, — честно отвечает Тоби. — Скорее всего — ничего. Но все равно я должна это сделать.

— Вот за что я тебя люблю. Ты всегда готова на приключения.

Пауза, он переминается с ноги на ногу.

— Тебя еще что-то гложет?

— Нет, — врет Тоби. — Все в порядке.

— Увиливаешь от ответа? Ну что ж, меня это устраивает.

— Увиливание, — произносит Тоби. — Слово из десяти букв.

— Дай-ка попробую угадать. Ты считаешь, я должен тебе рассказать, что произошло во время вылазки в торговый центр. Между мной и этой, как ее там. Маленькой мисс Лисицей. Прыгнул ли я на нее. Или она на меня. В общем, имело ли место половое сношение.

Тоби задумывается. Что она предпочитает услышать — плохие новости, которые подтвердят ее опасения, или хорошие новости, которым она не поверит? Не превращается ли она в обвивающее жертву беспозвоночное с присосками на щупальцах?

— Расскажи лучше что-нибудь поинтереснее, — говорит она.

Он смеется:

— Хорошо сказано.

Вот так. Ничья. Его дело — знать, а ее дело — воздержаться от выяснения. Он обожает шифроваться. Она не видит его в темноте, но знает, что он улыбается.

Они выходят на следующее утро, на рассвете. На вершинах сухостойных деревьев, какие

повыше, расселись грифы; они разворачивают черные крылья, чтобы просушить их от ночной росы, и ждут восходящих воздушных потоков, что поднимут их в небо и помогут парить, кружась по спирали. Вороны сплетничают — один грубо звучащий слог за другим. Просыпаются мелкие птички, щебечут, чирикают, разражаются трелями; розовые облачные волокна висят над горизонтом на востоке, подсвеченные снизу золотом. Иногда небо напоминает старинные картины с изображением рая; не хватает лишь ангелов, чтобы парили, расправив белые одежды, словно юбки светских дебютанток на старинном балу. Розовые пальчики босых ног изящно вытянуты, крылья — аэродинамический курьез. Но ангелов нет, вместо них — чайки.

Они идут по еще заметной тропе через местность, в которой еще можно узнать Парк Наследия. Усыпанные гравием дорожки, уводящие с главной тропы вбок, уже зарастают лианами, но столы для пикников и вмонтированные в цемент барбекюшницы еще видны. Если тут водятся призраки, то это призраки смеющихся детей.

Цилиндрические мусорные контейнеры все до единого опрокинуты, крышки сняты. Это не люди постарались. Кто-то другой тут развлекался. Но

не еноты: мусорные контейнеры сконструированы специально для защиты от енотов. Земля на площадке для пикников изрытая и грязная: кто-то здесь топтался и валялся.

Асфальтированная главная дорога достаточно широка, чтобы проехал грузовик парковой службы — именно на таком Зеб и Тоби когда-то везли тело Пилар к месту компостирования. Через асфальт уже лезут сорняки. Они чудовищно сильные: пара лет — и стены высотного здания треснут, как ореховая скорлупа; еще десяток лет — и останется лишь кучка мусора. А потом ее поглотит земля. Все пожирает все и само становится пищей. Вертоградари считали это поводом для радости, но Тоби они так и не убедили.

Впереди идет Носорог с пистолетом-распылителем. В арьергарде — Шеклтон. Зеб — в середине, рядом с Тоби, присматривает за ней. Он несет винтовку — так безопасней, поскольку Тоби уже выпила эликсир для краткосрочной усиленной медитации. К счастью, у нее еще остались грибы вида *Psilocybe* с когдатошних вертоградарских грибных плантаций — в коллекции сушеных грибов, которую она хранила много лет и забрала с собой из салона красоты «НоваТы». К размоченным сушеным грибам и смеси молотых семян она

добавила щепотку порошка мухоморов. Только щепотку — ей не нужны фракталы во весь мозг, она хочет лишь небольшой встряски, чтобы сдвинулось стекло, отделяющее видимый мир от того, что лежит за ним. Снадобье уже начинает действовать: реальность идет волнами, чуть смещается.

— Эй, ты что тут делаешь? — произносит кто-то. Это голос Шеклтона — он доносится до Тоби словно по темному туннелю. Она поворачивается. Рядом стоит Черная Борода.

— Я желаю идти с Тоби, — говорит он.

— Бля, — восклицает Шеклтон. Черная Борода радостно улыбается:

— И с Бля тоже!

— Ничего, пусть он идет с нами, — говорит Тоби.

— Мы его так или иначе не остановим, — говорит Зеб. — Разве что треснуть дубинкой по голове. Хотя, конечно, я мог бы сказать, чтобы он убирался на хер.

— Пожалуйста, не надо, ты его совсем запутаешь, — просит Тоби.

— Куда ты идешь, о Тоби? — спрашивает Черная Борода.

Она берет его протянутую руку.

— Иду навестить друга. Но это невидимый друг.

Черная Борода ничего не спрашивает, только кивает.

Зеб смотрит вперед, потом направо и налево. Он мурлычет себе под нос песенку — эта привычка у него была с тех пор, как Тоби его помнит. Если Зеб мурлычет, это обычно означает, что ему не по себе.

Как нам все начать с нуля,
Коль сбежали с корабля,
Коль сбежали мы в поля,
Мы не знаем, бля!

— Но ведь Джимми-Снежныечеловек знает Бля! — возражает Черная Борода. — И Коростель тоже его знает!

Довольный собой, он взглядывает на Тоби и Зеба, ожидая от них подтверждения.

— Ты прав, приятель, — говорит Зеб. — Они-то знают, бля.

Тоби чувствует, как смесь для усиленной медитации накрывает ее в полную силу. Голова Зеба — силуэтом на фоне солнца — окружена нимбом; до Тоби доходит, что это посеченные концы волос,

надо будет его подстричь, где бы взять ножницы — но одновременно с этим ей кажется, что у него из головы бьют ослепительные потоки энергии. Фосфоресцирующая бабочка, морфо-сплайс, порхает над тропой. Конечно, Тоби знает, что бабочка и впрямь люминесцентная, но сейчас она светится раскаленной синевой, как пламя газовой горелки. Черный Носорог высится хтоническим великаном. Стебли крапивы арками склоняются по краям дорожки, и жгучие волоски на листьях так напоены светом, что похожи на марлю. Кругом царит какофония звуков — гул, щелканье, постукивание, шепотом произнесенные слоги.

А вот и куст бузины, что они так давно посадили на могиле Пилар. Он сильно вырос. С него низвергается лавина белых цветов, наполняя воздух ароматом. Куст окружен вибрацией: пчелы, шмели, бабочки большие и маленькие.

— Оставайся тут, с Зебом, — говорит Тоби Черной Бороде. Она выпускает его руку, делает шаг вперед и опускается на колени перед бузиной.

Она фокусирует взгляд на белых гроздьях цветов и думает: «Пилар». Морщинистое старое лицо, загорелые руки, кроткая улыбка. Все когда-то было живым, осязаемым. И все ушло в землю.

«Я знаю, что ты здесь, в новом теле. Мне нужна

твоя помощь».

Голоса нет, но есть пустое пространство. Ожидание.

«Аманда. Не умрет ли она? Не убьет ли ее этот ребенок? Что мне делать?»

Ничего. Тоби чувствует, что ее покинули. Но чего она ждала, в самом-то деле? Волшебства не бывает. Никаких ангелов нет. Это всегда были только детские фантазии.

Но она не может не попросить. «Пошли мне весть. Сигнал. Что бы ты сделала на моем месте?»

До нее доносится голос Зеба:

— Осторожно. Не двигайся. Медленно поверни голову и посмотри налево.

Тоби поворачивает голову. Совсем рядом — камнем добросишь — тропу переходит гигантская свинья. Это свиноматка с приплодом: за ней цепочкой идут пять поросят. Мать тихо похрюкивает, детеныши отвечают высоким визгом. Какие у них розовые, прозрачные уши, какие твердые копыта — словно кристалл, какие…

— Я тебя прикрываю, — говорит Зеб. Он медленно поднимает винтовку.

— Не стреляй, — говорит Тоби. Собственный голос доносится до нее словно издалека, рот

кажется огромным, онемевшим. Ее сердце успокаивается.

Свиноматка останавливается, поворачивается боком: идеальная мишень. Она смотрит на Тоби одним глазом. Пять малышей собрались под сенью матери, у сосков, тоже расположенных в ряд, как пуговицы жилета. Углы рта у свиньи приподняты, словно в улыбке, но это у нее от природы. Блик света на зубе.

Черная Борода выступает вперед. Он золотится на солнце, зеленые глаза сияют, он протягивает руки перед собой.

— Назад! — командует Зеб.

— Погоди, — говорит Тоби. Какая непреодолимая сила. Пулей свиноматку не остановить, разряд из пистолета-распылителя на ней разве что ссадину оставит. Если она ринется в атаку, то раздавит их в лепешку, словно танк. Жизнь, жизнь, жизнь, жизнь, жизнь. Налитая соками до того, что сейчас лопнет. Вот в эту самую минуту. Секунду. Миллисекунду. Тысячу лет. Эпоху.

Свиноматка не двигается. Она все так же стоит, подняв голову и навострив уши. Огромные, похожие на лилии-каллы. Вроде не собирается нападать. Поросята застыли, глазки у них — как темно-лиловые ягоды. Черная бузина.

Вот звук. Откуда он идет? Он — как ветер в ветвях, как крики летящих ястребов… нет, как песня ледяной птицы… нет… Черт, думает Тоби. Я совсем упоротая.

Это поет Черная Борода. Тонким мальчишеским голосом. Коростельским, не человеческим.

Еще миг — и свиноматка с поросятами исчезают. Черная Борода поворачивается к Тоби и улыбается.

— Видишь, она приходила, — говорит он. Что он имеет в виду?

— Черт, не видать нам жареных ребрышек, — это Шеклтон.

Вот так, думает Тоби. Пойди домой, прими душ и протрезвись. Ты просила видение — ты его получила.

Вектор

История рождения Коростеля

— Ты еще чуточку под кайфом, а? — спрашивает Зеб на подходе к деревьям, где когда-то висел гамак Джимми и где сейчас ждут Дети Коростеля. Сумерки; все кажется глубже, гуще, многослойнее, мотыльки фосфоресцируют ярче, ароматы вечерних цветов пьянят сильнее — это остаточное действие смеси для усиленной медитации. Рука Зеба в ее руке — словно грубый бархат; словно кошачий язык, теплый и мягкий, деликатный и шершавый. Иногда приходится ждать полдня, чтобы смесь выветрилась.

— Я не уверена, что «под кайфом» — подходящий термин для описания мистического опыта, близкого к религиозному, — отвечает Тоби.

— А, так вот что это было!

— Возможно. Черная Борода теперь рассказывает, что Пилар явилась нам в шкуре свиньи.

— Вот блин! А еще вегетарианка. Как ей это удалось?

— Он говорит, что Пилар просто надела шкуру свиньи, как ты надеваешь шкуру медведя. Только ей для этого не понадобилось убивать и есть свинью.

— Какая жалость.

— И еще Черная Борода утверждает, что она со мной говорила. Что он сам это слышал.

— И ты тоже так думаешь?

— Не совсем. Ты же знаешь, как рассуждали вертоградари. Я вступила в общение со своей внутренней Пилар, которая экстернализировалась в видимой форме, подключенной к волновым излучениям вселенной, благодаря использованным мной вспомогательным средствам, влияющим на биохимию мозга. Вселенной, в которой — при правильном истолковании фактов — совпадений как таковых не бывает. И то, что сенсорное впечатление может быть в некотором смысле «вызвано» принятой мной смесью психоактивных веществ, не обязательно значит, что это впечатление — иллюзия. Двери открываются ключами, но значит ли это, что вещей, которые мы видим за открывшейся дверью, не существует?

— Да, Адам Первый над тобой поработал как следует. Он мог гнать эту пургу часами.

— Я могу следовать цепочке его рассуждений, так что в каком-то смысле я согласна, что он надо мной поработал. Но когда дело доходит до «веры», я уже не так уверена. Хотя, как сказал бы тот же

Адам Первый, что есть вера, как не добровольный отказ от неверия?

— Ага, ага. Я никогда не мог понять, верил ли он в то, что сам говорил. Настолько, чтобы положить руку в огонь за свои убеждения. Он был тот еще жук.

— Он говорил, что если поступаешь в соответствии с постулатами веры, это все равно, как если бы ты на самом деле верил.

— Только бы его найти. Хотя бы мертвого. Что бы там ни произошло, я хочу об этом знать.

— Это называется «закрытие», — говорит Тоби. — В некоторых культурах считалось, что дух человека не может вылететь на свободу, пока тело не получило достойного погребения.

— Люди — странные зверюшки, правда? Были. Ну вот, мы пришли. Делай свое дело, рассказчица.

— Не знаю, получится ли. Может, сегодня лучше не надо. У меня до сих пор в голове шумит.

— Ну попробуй. Хотя бы покажись им. Ты же не хочешь, чтобы они подняли бунт.

Спасибо вам за рыбу.

Я не буду есть ее прямо сейчас, потому что я должна сказать вам нечто важное.

Вчера я послушала, что сказал мне Коростель

через блестящую вещь.

Пожалуйста, не надо петь.

И Коростель сказал, что надо готовить рыбу чуть дольше. Пока она не будет горячая вся насквозь. Никогда не оставляйте рыбу на солнце перед тем, как ее приготовить. И на ночь тоже не оставляйте. Коростель говорит, что так лучше всего обращаться с рыбой, и Джимми-Снежныйчеловек тоже всегда хотел, чтобы ее готовили именно так. А Орикс говорит, что когда для кого-нибудь из ее Детей приходит пора быть съеденным, она желает, чтобы его съели наилучшим образом. А это значит — хорошо прожаренным, насквозь.

Да, Джимми-Снежныйчеловеку лучше, но сейчас он спит в доме, в своей комнате. И нога у него болит уже меньше. Очень хорошо, что вы над ней столько мурлыкали. Он еще не может быстро бегать, но каждый день тренируется в ходьбе. И Рен с Голубянкой ему помогают.

Аманда не может ему помогать, потому что она слишком печальна.

Сейчас нам не нужно говорить о том, почему она печальна.

Сегодня вечером я не буду рассказывать историю. Из-за рыбы. Из-за того, как ее надо готовить.

И еще я немножко… Я немного устала. И от этого мне труднее услышать историю, когда я надеваю красную кепку Джимми-Снежныечеловека.

Я знаю, что вы разочарованы. Но я расскажу вам историю завтра. Какую историю вы хотели бы услышать?

Историю про Зеба? И Коростеля?

Историю, в которой есть они оба. Да, я думаю, что такая история есть. Может быть.

Родился ли Коростель? Да, я думаю, что он родился. А вы как думаете?

Ну, я не знаю точно. Но все же я думаю, что он родился, потому что он выглядел как… как человек. Когда-то. Зеб тогда его знал. Поэтому может существовать история, в которой есть они оба. И Пилар тоже.

Черная Борода? Ты что-то хочешь сказать про Коростеля?

Он на самом деле не родился из костяной пещеры, а только надел на себя кожу человека? Как одежду? Но внутри он был другой? Твердый и круглый, как блестящая вещь? Понятно.

Спасибо, Черная Борода. Пожалуйста, надень красную кепку Джимми, то есть Джимми-Снежныечеловека, и расскажи нам эту историю.

Нет, кепка не сделает тебе плохо. Она не пре-

вратит тебя в кого-нибудь другого. Нет, у тебя не вырастет другая кожа; и одежда, как у меня, тоже не вырастет.

Все в порядке. Тебе не обязательно надевать красную кепку. Не плачь.

— Очень неудобно вышло, — говорит Тоби. — Я не знала, что они боятся этой красной кепки.

— Я сам боялся «Ред Соксов», — говорит Зеб. — В детстве. Я уже тогда умел идти на риск.

— Похоже, эта кепка для них священный объект. Что-то вроде табу. Они могут брать ее в руки, но не надевать.

— Очень их понимаю. Она же чудовищно грязная! Спорим, в ней вши.

— Я тут вообще-то пытаюсь обсуждать вопросы антропологии.

— Я тебе говорил в последнее время, что у тебя очень красивая попа?

— Не изображай сложную личность.

— Сложная личность — это, надо полагать, то же, что жалкий моральный урод?

— Нет, — заверяет его Тоби. — Просто…

Просто что? Просто она не может поверить, что он это всерьез?

— Послушай, это был комплимент. Ты еще помнишь, что такое «комплимент»? Мужчины

говорят их женщинам. Это часть ритуала ухаживания — вот тебе, кстати, и антропология. Представь себе, что это букет цветов. Годится?

— Ладно, годится.

— Давай начнем сначала. Я обратил внимание на твою красивую попу как раз в тот день, когда мы компостировали Пилар. Когда ты сняла мешковатые тряпки вертоградарши и надела комбинезон парковой службы. И я преисполнился желания. Но тогда ты была недосягаема.

— Нет, неправда. Я…

— Была-была. Ты была вся такая «Мисс Вертоградарь», олицетворение чистоты и непорочности, насколько я мог судить. Преданная девушка-алтарница Адама Первого. Я, кстати, подозревал, что он с тобой развлекается. И ревновал.

— Ни в коем случае! Он никогда, ни за что…

— Я тебе верю. Но тысячи людей на моем месте не поверили бы. И вообще на мне тогда висела Люцерна.

— И тебя это остановило, мистер Персональный Магнит?

Вздох.

— Конечно, меня как магнитом тянуло к женщинам. В молодости. Это гормональное, все равно что волосатые яйца. Чудеса природы. А вот

женщин ко мне тянуло не всегда. — Пауза. — Как бы там ни было, я верен. Когда я с какой-нибудь женщиной, то я с ней всецело. Я, можно сказать, серийный моногамист.

Верит ли ему Тоби? Она сама не знает.

— Но потом Люцерна ушла от вертоградарей, — говорит она.

— А ты стала Евой Шестой. Беседовала с пчелами и отмеряла грибочки для психоделических трипов. Практически мать-настоятельница. Я решил, что если полезу к тебе, ты меня осадишь. Рогатая Камышница, воинственная бойцовая птица, — это он вспомнил ник, которым она когда-то пользовалась в чате Беззумных Аддамов. — Точно, это ты и есть.

— А тебя звали Белый Барибал. Индейцы еще называют его «медведь-призрак». Его очень трудно увидеть в лесу, но кто увидит, тому он принесет счастье. Так говорилось в индейских сказках — пока этот вид не вымер полностью.

Тоби начинает хлюпать носом. Еще одно побочное действие смеси для медитации — она рушит неприступные стены крепостей.

— Эй, ты чего? Я тебя чем-то обидел?

— Нет, — уверяет Тоби. — Просто я сентиментальна.

Она хочет сказать: «Все эти годы ты был моим спасательным тросом». Но не говорит.

Юность Коростеля

— Сегодня я обязательно должна им что-нибудь рассказать, — говорит Тоби. — Историю, в которой действует Коростель, а кроме него — еще и ты. Коростель был в юности знаком с Пилар, это я вычислила. А что мне сказать про тебя?

— По странной случайности, это будет чистая правда, — говорит Зеб. — Я знал его, когда никаких вертоградарей еще и в проекте не было. Но тогда он еще не был Коростелем, даже близко к этому не подошел. Он был просто мальчишкой с большими проблемами, и звали его Гленн.

Оказавшись в «Здравайзере-Западном», Зеб постарался как можно быстрей усвоить местные мемы, а усвоив, начал их старательно использовать. Знание правильных мемов — волшебная дорожка из желтого кирпича, ведущая к слиянию с фоном и, таким образом, к выживанию. Когда злое око преподобного начнет гигантским прожектором обшаривать «Здравайзер» по сети своих контактов, его взгляд скользнет над головой Зеба, не заметив. Защитная окраска — вот что сейчас нужно было Зебу.

Официальная концепция, продвигаемая начальством «Здравайзера-Западного», заключалась в том, что вся корпорация — одна большая счастливая семья, дружно идущая по пути поисков истины во имя улучшения участи человеческого рода. Была и еще одна цель, обогащение акционеров, но слишком распространяться о ней считалось дурным тоном. С другой стороны, сотрудники получали право приобрести акции компании по сниженной цене. От сотрудников ожидалось следующее: неизменно бодрое расположение духа, трудолюбие, прилежная работа над достижением установленных целевых показателей и — совсем как в обычных семьях — отсутствие чрезмерного интереса к истинному положению вещей.

Еще — опять же, как в настоящих семьях, существовали запретные зоны. Одни были умозрительными, другие — весьма осязаемыми. В частности, такой зоной был плебсвилль за пределами охраняемого поселка «Здравайзера», куда нельзя было выходить без пропуска и выделенной личной охраны. Интеллектуальная собственность компании была обнесена толстыми файрволлами, кое-где непроницаемыми, если у тебя не было «троянского коня» внутри стен;

поэтому те, кому не удавалось взломать систему, старались добраться до первичных источников материала. Высоколобых гениев из всех корпораций похищали и контрабандой увозили за границу (а иногда, по слухам, в охраняемые поселки конкурирующих корпораций), а там уже вычерпывали досуха в поисках спрятанных внутри сокровищ.

Начальство «Здравайзера-Западного» было этим весьма обеспокоено (а значит, в корпорации за закрытыми дверями разрабатывались по-настоящему серьезные вещи). Принимались разные меры: главные биогики все время носили с собой особые сигнальные пейджеры, отслеживающие положение носителя. Впрочем, иногда эти устройства, ловко хакнутые, помогали противникам обнаружить и украсть ученого. В зданиях — на стенах, в коридорах, в комнатах для совещаний, повсюду — висели плакаты, призывающие к постоянной бдительности. «Следуй правилам безопасности, а то потеряешь голову! И ее содержимое!» Или: «Ваша память — наша ИС, мы охраняем ее для вас!»

Или: «Мозги — как почва: окультуренные стоят намного дороже». На этом плакате кто-то приписал фломастером: «Удобряй свои мозги! Ешь

больше говна!» Зеб понял, что по крайней мере некоторые из окружающих его улыбок скрывают несогласие.

В рамках концепции счастливой семьи в «Здравайзере-Западном» каждый четверг устраивали барбекю. Оно проходило в небольшом парке посреди охраняемого поселка. Адам сказал Зебу, что подобные мероприятия пропускать нельзя: это благодатнейший момент для подслушивания и для обнаружения сети невидимых нитей влиятельности и власти. Те, кто одет наиболее небрежно, с наибольшей вероятностью окажутся альфами. Еще Адам сказал, что Зеб сможет провести время интересно и с пользой, и ему следует уделить особенное внимание настольным играм. Правда, не объяснил, почему.

Итак, Зеб явился на барбекю в первый же четверг после своего приезда. Он попробовал угощение: соевое мороженое «Вкуснятинка» для детей, свиные ребрышки для мясоедов, колбаски «Союшка» и бургеры из кворна — для веганов. «Бескровные шашлыки» — для тех, кто предпочитал мясо, но жалел животных: кубики мяса были выращены в лаборатории («Ни одно животное не пострадало»), и Зеб решил, что при достаточном количестве пива они вполне съедобны. Но он

не хотел напиваться, так как ему следовало постоянно быть начеку, и решил придерживаться ребрышек. Они были съедобны и на трезвую голову.

Чуть подальше от центра событий гики развлекались различными гиковскими видами спорта. Крокет и бочче — на солнце, пинг-понг и настольный футбол — в тени. Игры в кругу для тех, кому еще нет шести, салочки для тех, кто чуть постарше. А для серьезных, суперумных юных гениев с возможной примесью Аспергера — ряд компьютеров, прикрытых зонтиками от солнца: здесь юные гении могли предаваться своим обсессивно-компульсивным занятиям в Сети (в пределах файрволлов «Здравайзера-Западного», конечно) и вызывать друг друга на смертный бой без необходимости смотреть друг другу в глаза.

Зеб посмотрел на игры: «Трехмерный Уэйко»[7], «Кишечные паразиты», «Мерзкая погода», «Кровь и розы». И еще одна, эту он раньше не видел: «Нашествие варваров».

И вдруг на горизонте появилась Марджори с глазами спаниеля и прямиком направилась к Зебу; искательная улыбка наперевес, на подбородке — мазок кетчупа. «Спасайся кто может!» — скомандовал себе Зеб: у Марджори был вид старателя, уже застолбившего заявку. Скорее всего, она из тех, кто обшаривает штаны своего приятеля, пока он спит, в поисках следов соперниц, да еще и почту его читает. Впрочем, может быть, это у Зеба просто паранойя. Но он предпочел не рисковать.

— Сыграем? — обратился он к ближайшему вун-

[7] Сноски: 7

Осада Уэйко (1993) — осада силами Федерального бюро расследований США усадьбы «Маунт Кармел» в Уэйко, Техас, где находились члены религиозной секты «Ветвь Давидова». Секта верила во второе пришествие Христа и неизбежность Армагеддонского сражения. Члены секты противопоставляли себя обществу неверующих. Личность лидера — «пророка» — обладала традиционно высоким, безоговорочным авторитетом. В функции «пророка» входило как руководство организацией, так и толкование библейских текстов. Инцидент начался с того, что федеральное управление США по контролю над алкоголем, табаком и огнестрельным оружием заподозрило «Ветвь Давидову» в нарушении законов о владении оружием, получило ордер на обыск и попыталось обыскать усадьбу. Завязалась перестрелка, в которой погибли люди с обеих сторон. ФБР организовало осаду усадьбы. Осада продолжалась 51 день; ФБР применяло различные агрессивные методы, такие, как шумовая атака (ФБР по ночам транслировало громкую музыку, грохот

самолетов и вопли истязаемых животных, чтобы не давать защитникам усадьбы спать). Танки в это время рушили окружающие усадьбу подсобные строения. Наконец ФБР отрезало воду и электричество, идущие в усадьбу. Осада закончилась штурмом при поддержке танков и вертолетов. Был применен слезоточивый газ. Во время штурма в поместье начался пожар. Согласно официальной версии, сектанты подожгли себя сами. Оставшиеся в живых и критики утверждали, что пожар произошел в результате применения взрывоопасного газа. В пожаре погибли еще 76 членов секты, во главе с лидером, в том числе дети до трех лет.

деркинду, худому мальчику в темной футболке. При мальчике была тарелка с кучкой обглоданных ребрышек. А что это у него в стакане — кофе? С каких пор ребенку в этом возрасте разрешено пить кофе? Да где его родители?

Мальчик взглянул на Зеба снизу вверх большими прозрачными зелеными (возможно, таящими насмешку) глазами. На этих мероприятиях даже дети носили бейджики с именами, и Зеб прочитал у мальчика на бейджике: «Гленн».

— Конечно, — сказал юный Гленн. — В обычные шахматы?

— А какие еще бывают? — спросил Зеб.

— Трехмерные, — равнодушно ответил Гленн. Если Зеб этого не знает, скорее всего, он и играет не очень хорошо. Элементарный вывод.

Так Зеб познакомился с Коростелем.

— Но, как я уже сказал, он еще не был Коростелем, — говорит Зеб. — Он был еще пацаном. С ним еще случилось не слишком много всякого плохого. Хотя «слишком» — понятие относительное.

— Правда? — говорит Тоби. — Ты так давно его знал?

— Неужели я буду тебе врать?

Тоби задумывается.

— Насчет этого — нет.

Зеб щедро (и снисходительно) дал Гленну играть белыми, и Гленн проехался по нему, как танк. Впрочем, Зеб вполне достойно сопротивлялся. Затем они сыграли раунд в «Трехмерный Уэйко», и Зеб побил Гленна, который тут же захотел сыграть еще раз. Вторая игра закончилась вничью. Гленн посмотрел на Зеба с чуть большим уважением и спросил, откуда тот приехал.

Зеб в ответ соврал, но соврал увлекательно: он вставил в рассказ мисс Тификацию и Плавучий Мир, и некоторое количество медведей из «Медведелёта», но изменил имя организации и названия городов, а также выкинул все, что касалось мертвого Чака. Гленн сроду не выходил за пределы охраняемого поселка (во всяком случае, на своей памяти), так что байки Зеба для него, наверное, были все равно что героические мифы. Хотя он очень старательно делал вид, что не впечатлен.

Как бы там ни было, теперь Гленн на каждом барбекю оказывался рядом с Зебом, а также околачивался там, где можно было его встретить, во время обеденного перерыва. Это не было культом героя; и сделать себе из Зеба папу Гленн вроде бы тоже не хотел. Зеб решил, что Гленн воспринимает его как старшего брата. В «Здравайзере-За-

падном» было не так много ровесников Гленна, подходящих ему в качестве товарищей для игр. Во всяком случае, равных по уму. Впрочем, нельзя сказать, чтобы Гленн держал Зеба за равного по умственным способностям, но тот хотя бы попадал в нужный диапазон. В происходящем был элемент командной игры: Гленн изображал кронпринца, а Зеб — туповатого придворного.

Сколько точно лет было Гленну? Восемь, девять, десять? Зеб затруднялся определить, поскольку очень не любил вспоминать собственную жизнь в похожем возрасте. Он тогда слишком много времени провел во тьме, в обоих смыслах. Те годы следовало забыть, и Зеб старательно работал над этим. И все же при виде мальчика этого возраста его первым порывом всегда было закричать: «Убегай! Убегай быстрей, как можно дальше!» А вторым — закричать: «Вырастай! Вырастай большим как можно скорее!» Если вырасти очень большим, то никакие *они* уже не будут иметь над тобой власти. Во всяком случае, большой власти. Впрочем, китам это не помогло, подумал Зеб. И тиграм. И слонам.

В жизни юного Гленна определенно были какие-то «они». Или, может быть, «оно». Что-то его преследовало. Такой у него был взгляд — Зеб

знал этот взгляд, он видел его в зеркале, когда отражался неожиданно для себя: осторожный, недоверчивый взгляд человека, не знающего, какой куст, парковочное место или шкаф внезапно разверзнутся, открыв поджидающего в засаде врага или бездонную пропасть. Впрочем, у Гленна не было шрамов и синяков, и он не испытывал трудностей с поглощением пищи; во всяком случае, Зеб у него ничего такого не заметил. Так что же или кто же его преследует? Может быть, ничего определенного. Скорее — отсутствие чего-то, дыра, вакуум.

Через несколько четвергов в результате внимательного наблюдения Зеб заключил, что ни отец, ни мать Гленна особо не интересуются сыном. И друг другом тоже: судя по языку тела, они уже давно прошли стадию раздражения и даже стадию эпизодических вспышек неприязни и перешли на стадию активной ненависти. Встретившись в общественном месте, они мерили друг друга ледяными взглядами, обменивались односложными приветствиями и быстро расходились. Котел ненависти кипел у них на плитке ярости, тщательно скрываемый за плотно задернутыми занавесками; он поглощал все их внимание, а роль Гленна свелась к разменной карте или,

может быть, примечанию мелким шрифтом. Возможно, мальчик прибился к Зебу по той же причине, по которой дети любят динозавров: когда ты брошен на произвол неподвластных тебе сил, хорошо иметь в друзьях большое чешуйчатое чудовище. От этого на душе спокойней.

Мать Гленна работала в администрации пищевого снабжения поселка, ведала запасами продовольствия и составляла меню. Отец Гленна был крупным ученым, но не звездой — занимался он необычными бактериями, причудливыми вирусами, чокнутыми антигенами и пошедшими по кривой дорожке вариантами анафилактических биовекторов. В сферу его интересов входили «эбола» и «марбург», но сейчас он работал над редкой аллергической реакцией на мясо, связанной с укусами клещей. Гленн объяснил, что эту реакцию вызывает белок, содержащийся в слюне клеща.

— Значит, если клещ напустит в тебя слюны, то ты больше не сможешь есть бифштексы, потому что покроешься сыпью и задохнешься до смерти? — спросил Зеб.

— Да, но давай посмотрим на светлую сторону, — возразил Гленн. Тогда он как раз проходил через эту фазу: говорил «Давай посмотрим на

светлую сторону» и выдавал какую-нибудь невыносимую чернуху. — Если им удастся распространить этот белок среди населения — внедрить его ну хоть в таблетки аспирина, — тогда у всех будет аллергия на мясо. А ведь из-за скотоводства в атмосферу выбрасывается огромное количество углекислого газа, и к тому же ради пастбищ уничтожаются леса. И тогда…

— Что-то мне эта сторона не кажется светлой, — заметил Зеб. — Как тебе такой аргумент: люди от природы охотники-собиратели, всем ходом эволюции приспособленные к мясоедению.

— И к тому, чтобы вырабатывать смертельную аллергию под воздействием слюны клещей.

— Только у тех, кого природа решила выбросить из генного банка. Потому эта аллергия и редкая.

Гленн ухмыльнулся, что бывало нечасто.

— Очко в твою пользу.

Когда Зеб и Гленн играли в компьютерные игры на четверговых сборищах, Рода, мать Гленна, время от времени подходила посмотреть. Она склонялась над плечом Зеба чуть ближе, чем нужно, порой даже касаясь его… чем? Торчащим соском? По ощущениям похоже: острый твердый комочек. Во всяком случае, точно не палец. От ее дыхания, отдающего пивом, у Зеба шевелились

волоски возле уха. А вот Гленна она никогда не касалась. Гленна вообще никто никогда не касался. Он как-то сумел это организовать, словно выстроил вокруг себя невидимую нейтральную полосу.

— Слушайте, мальчики, пойдите лучше побегайте, — говорила Рода. — Поиграйте в крокет.

Гленн никак не реагировал на появления матери, и Зеб тоже: она хоть и не была морщинистой старухой, но, по его меркам, ее срок годности давно истек. Впрочем, окажись они вдвоем на плоту после кораблекрушения… Но они были не на плоту, так что, когда она тыкала в Зеба сосками и дышала ему в ухо, он не обращал внимания и продолжал обдумывать следующий ход «крови» в игре «Кровь и розы». Вырезать древний Карфаген и засыпать землю солью; поработить население Бельгийского Конго; поубивать египетских первенцев.

Хотя зачем останавливаться на первенцах? В некоторых эпизодах, откопанных в истории авторами игры «Кровь и розы», младенцев подбрасывали и пронзали мечами; в других — швыряли в печи; в третьих — разбивали их головы о камень.

— Махнемся — тысячу младенцев на Версаль-

ский дворец и мемориал Линкольна? — спросил он у Гленна.

— Не пойдет, — ответил Гленн. — Разве что ты прибавишь Хиросиму.

— Это возмутительно! Ты хочешь, чтобы бедные младенцы умерли в жутких мучениях?

— Они не настоящие. Это игра. Умрут, и черт с ними. Зато сохранится империя инков. С кульными золотыми украшениями.

— Тогда можешь попрощаться с младенцами. Вот, значит, какой ты бессердечный и злой? Шмяк! Вот. Нет больше младенцев. И, кстати говоря, мне хватит бонусных очков, чтобы все равно взорвать мемориал Линкольна.

— Кого это волнует? — парировал Гленн. — У меня остался Версаль и инки. И вообще младенцев на свете и без того слишком много. Из-за них в атмосферу уходит огромное количество углекислого газа.

— Какие вы ужасные, мальчики, — сказала Рода, почесываясь. Она стояла за спиной у Зеба, и он ее не видел, но слышал, как скрежещут ногти. Звук, словно кошка точит когти о фетр. Зеб начал думать о том, какую именно часть тела она чешет, но потом усилием воли перестал. У Гленна и без того полно проблем — не хватало

еще, чтобы его единственный надежный друг начал складывать «зверя с двумя спинами» с его ненадежной матерью.

Зеб сам не заметил, как это произошло, но скоро он уже давал Гленну уроки программирования по темам, не входящим в школьную программу (то есть, если называть вещи своими именами, уроки хакерского искусства). У Гленна оказался дар; Зебу наконец удалось поразить его кое-какими вещами, которые он знал, а Гленн — нет, и Гленн чудесным образом ловил все на лету. Кто устоял бы перед искушением — взять этот талант, развивать его, оттачивать и наконец передать ему ключи от волшебного царства «сезам, откройся» — искусство просачиваться в щели и проникать через заднюю дверь? Вот и Зеб не устоял. Так радостно было смотреть на мальчика, впитывающего новые знания, и кто мог предвидеть, что из этого выйдет? Слишком сильная радость обычно кончается слезами.

В обмен на секреты хакеров и кодеров Гленн поделился с Зебом кое-какими собственными тайнами. Например, о том, что он поставил «жучка» в лампу у постели матери. Так Зеб узнал, что Рода трахается с менеджером среднего звена по имени Пит и что обычно это происходит прямо

перед обеденным перерывом.

— Папа не знает, — сказал Гленн. Он помолчал, пригвоздив Зеба взглядом жутковатых зеленых глаз. — Думаешь, надо ему сказать?

— Может, тебе не стоит этого слушать, — заметил Зеб.

Гленн одарил его холодным взглядом:

— Почему?

— Потому что есть вещи, которые годятся только для взрослых, — объяснил Зеб и даже самому себе показался невыносимым ханжой.

— Ты бы в моем возрасте стал слушать, — сказал Гленн, и Зеб не мог отрицать, что да, стал бы, не задумавшись ни на миллисекунду, будь у него такая возможность и технические средства. Радостно, охотно, без тени сомнения.

С другой стороны, если бы дело касалось его родителей, то, может, и не стал бы. Даже сейчас, стоило ему представить себе преподобного, который с уханьем елозит по Труди, скользкой от надушенных кремов и смазок и похожей на туго набитую розовую атласную подушку, как его начинало мутить.

Атака Гроба

— Сейчас будет моя встреча с Пилар, — говорит Зеб.

— Пилар?! Что она делала в «Здравайзере-Западном»?! Работала на корпорацию, в охраняемом поселке?!

Но Тоби сама знает ответ. Куча вертоградарей начинала свою карьеру в корпорациях и охраняемых поселках, и многие Беззумные Аддамы — тоже. В конце концов, где еще работать человеку, получившему образование в области биотехнологий? Кто искал работу ученого-исследователя, тот вынужден был идти в корпорацию, ведь только там были деньги на разработки. Но тогда, конечно, ученому приходилось заниматься тем, что интересовало его работодателей, а не тем, что интересовало его самого. А корпорацию занимали только потенциально прибыльные темы.

Зеб впервые встретил Пилар на одном из четвергов. Раньше он ее там не видел. Люди из корпоративной верхушки на еженедельные барбекю обычно не ходили: эти мероприятия были

для сотрудников помоложе, которые хотели подцепить кого-нибудь, а может быть, обменяться сплетнями и собрать информацию. Пилар уже переросла эту стадию. Как позже узнал Зеб, она занимала высокое положение на корпоративной лестнице.

Но в этот четверг она пришла. Сперва Зеб увидел лишь миниатюрную немолодую женщину с проседью в черных волосах — она на отшибе от общего веселья играла в шахматы с Гленном. Парочка была странная — дама в возрасте, почти старуха, и высокомерный мальчик — а странные сочетания всегда интересовали Зеба.

Он как бы между делом подошел к ним и заглянул Гленну через плечо. Понаблюдал немного за игрой, стараясь не лезть с непрошеными советами. Ни у одной из сторон не было явного перевеса. Старая дама играла быстро, хотя и без спешки. Гленн обдумывал каждый ход. Старушка явно заставляла его попотеть.

— Ферзь на аш-пять, — сказал наконец Зеб. На этот раз Гленн играл черными. Интересно, подумал Зеб, он выбрал черных из бравады или они разыграли, кому достанутся белые.

— Не думаю, — ответил Гленн, не поднимая головы, и передвинул коня, отражая возможный

шах, который Зеб заметил только сейчас. Старая дама улыбнулась Зебу — по смуглой коже вокруг глаз разбежались морщинки, и вся она стала ужасно похожа на лесного гнома. Эта улыбка могла означать что угодно, от «Ты мне нравишься» до «Берегись».

— Как зовут твоего друга? — спросила она у Гленна.

Гленн посмотрел на Зеба и нахмурился — значит, не уверен в исходе игры.

— Это Шет, — сказал он. — Это Пилар. Твой ход.

— Здравствуйте, — кивнул Зеб.

— Приятно познакомиться, — ответила Пилар и перевела взгляд на Гленна. — Молодец, удачная находка.

— Пока, увидимся, — сказал Зеб Гленну и пошел загружаться порцией бескровных шашлыков — они в последнее время стали ему нравиться, несмотря на явно искусственную текстуру. Шашлыки он заполировал рожком «Вкуснятинки» со вкусом эрзац-клубники.

Он облизывал мороженое, оглядывал поле и выставлял баллы всем женщинам, которые попадались ему на глаза. Совершенно безобидное занятие. Шкала имела градацию от одного до десяти. Зеб не увидел ни одной женщины на

десятку («Всегда готов!»), но обнаружил пару восьмерок («Можно обдумать»), кучку пятерок («За неимением лучшего»), несколько явных троек («Только за деньги») и одну несчастную двойку («Только за БОЛЬШИЕ деньги»). Но тут кто-то притронулся к его руке.

— Шет, не показывай удивления, — тихо сказали рядом. Он посмотрел вниз: это была крохотная Пилар с личиком, похожим на грецкий орех. Неужели она ему намекает? Не может быть. Но если вдруг да, то это может привести обоих в неловкое положение: как вежливо отказать ей?

— У тебя шнурки развязались, — сказала она.

Зеб уставился на нее. Какие шнурки? На нем сегодня туфли без шнурков.

— Добро пожаловать в Беззумные Аддамы, Зеб, — улыбнулась она.

Зеб закашлялся и выплюнул кусок «Вкуснятинки».

— Бля! — сказал он. Правда, у него хватило присутствия духа сказать это тихо. Адам с его дебильным паролем. Ну кто такое запомнит?

— Не пугайся. Я знаю твоего брата. Это я помогла устроить тебя сюда. Сделай скучное лицо, как будто мы беседуем о погоде, — она снова улыбнулась. — Увидимся на барбекю в следующий

четверг. Договоримся сыграть в шахматы.

Она безмятежно поплыла прочь — туда, где играли в крокет. У нее была невероятная осанка: Зеб заподозрил, что она всю жизнь занимается йогой. При виде такой осанки он чувствовал себя положительно расхлябанным.

Ему страшно хотелось выйти в Сеть, пробраться зигзагами в чат «Вымирафона» и спросить Адама об этой женщине. Но он знал, что нельзя. Чем меньше говорится онлайн, тем лучше, даже если тебе кажется, что разговор происходит в защищенном пространстве. Сеть она и есть сеть — она полна дыр и существует для того, чтобы тебя уловить. Такой она и осталась, несмотря на все заявленные новейшие улучшения, непроницаемые алгоритмы, пароли и распознавание отпечатков пальцев.

А чего еще ожидать? Если крепостным-кодерам вроде него дают ключи от систем безопасности, в этих системах, конечно же, начнут обнаруживаться утечки. Платили наемным работникам мало, так что искушение взломать, проникнуть, разнюхать и продать за большие деньги было велико. Но и наказания становились все более жесткими, так что устанавливалось своего рода равновесие. Мастерство сетевых воров постоянно

росло — Зеб знал это еще по работе в Рио. Теперь уже мало кто занимался хакерством просто ради забавы, или даже для того, чтобы выразить протест, как в «золотом веке», о котором ностальгически брюзжали пожилые дядечки в ретромасках анонимов, тусующиеся в темных, заросших паутиной, забытых углах Сети.

Да и что теперь толку от выражения протеста? Корпорации уже начали создавать собственные службы безопасности и захватывать контроль над вооружением: каждый месяц выходил какой-нибудь новый закон, регулирующий владение оружием, якобы в интересах общества. Эпоха прежней политики, с уличными демонстрациями, кончилась. С единичной мишенью вроде преподобного можно было сквитаться по-тихому, но любое общественное действо с участием толп, размахиванием флагами и битьем витрин кончилось бы залпом по ногам демонстрантов. Это доходило до населения все отчетливей.

Зеб доел мороженое и увернулся от Марджори — она звала его поиграть в крокет и сделала большие обиженные глаза, когда он сказал, что чувствует себя неловко с деревянными шарами. Он как бы случайно подошел туда, где все еще сидел Гленн, глядя на шахматную доску. Гленн

заново расставил фигуры и играл с самим собой.

— Кто выиграл? — спросил Зеб.

— Я чуть не выиграл, — ответил Гленн. — Но она использовала атаку Гроба. Поймала меня врасплох.

— Что она вообще делает? Заведует чем-нибудь?

Гленн ухмыльнулся. Ему приятно было знать что-то, чего не знает Зеб.

— Грибами. Грибками. Плесенью. Сыграем?

— Завтра, — ответил Зеб. — Мне тяжело думать на полный желудок.

Гленн ухмыльнулся, глядя на него снизу вверх:

— Трус.

— А может, мне просто лень. А откуда ты ее вообще знаешь?

Гленн задержал на нем взгляд — чуть дольше и чуть жестче обычного; зеленые кошачьи глаза.

— Я же сказал. Она работает с моим папой. Он — в ее группе. И вообще она в шахматном клубе. Я с ней играю с тех пор, как мне было лет пять. Она неглупая.

Это был высший, по его меркам, и редкий для него комплимент.

Вектор

На следующее четверговое барбекю Гленн не пришел. Он и до этого дня два не появлялся. Не околачивался в столовой для сотрудников и не просил Зеба показать ему еще пару хакерских приемчиков. Он куда-то пропал.

Не заболел ли? А может, сбежал? Больше Зебу ничего в голову не приходило, и вариант побега он отмел: Гленн был явно слишком мал для этого, и никто не выпустил бы его из «Здравайзера» без пропуска. Хотя, если учесть недавно усвоенные им робингудовские приемчики, он, наверное, смог бы при желании подделать пропуск.

Была и еще одна возможность: вдруг маленький умник переступил черту? Вдруг он вломился в какую-нибудь суперсекретную корпоративную базу данных — чисто из любопытства, потому что не мог же он продать украденное на сером рынке в Китае или, скажем, Албании, которая в последнее время обрела актуальность. Если это произошло и его поймали, он сейчас сидит где-нибудь в комнате для допроса, и из его мозгов выкачивают содержимое. После такой обработки у человека в черепе оставалась вместо мозгов

потрепанная губка для мытья посуды. Поднимется ли у них рука так поступить с ребенком? Да, вполне.

Зеб всем сердцем надеялся, что этого с Гленном не случилось; иначе он сам будет по гроб жизни чувствовать себя виноватым, так как, значит, оказался плохим учителем. «Правило номер один — не попадайся», — повторял он раз за разом. Но говорить это легко. Делать — сложнее. Может быть, он недостаточно четко прорисовал ажурную структуру кода. Может быть, показал тропинку с истекшим сроком годности. А вдруг он проглядел улики, указывающие на то, что они с Гленном не единственные ходят браконьерской тропой, которую он проложил и которую считает своей собственной?

Несмотря на тревогу, Зеб не хотел расспрашивать учителей или даже пренебрегающих своими родительскими обязанностями отца и мать Гленна. Он должен сидеть тихо и не привлекать к себе внимания.

Зеб еще раз оглядел толпу. Гленна по-прежнему нет. Но вон Пилар — чуть поодаль, под деревом. Она сидела перед шахматной доской, которую, кажется, изучала. Зеб обычной беззаботной походочкой приблизился к ней, надеясь, что это

выглядит как случайные блуждания.

— Не хотите сыграть? — спросил он.

Пилар подняла голову.

— С удовольствием, — улыбнулась она.

Зеб сел.

— Разыграем, кому достанутся белые.

— Я предпочитаю играть черными, — сказал Зеб.

— Мне говорили. Что ж, хорошо.

Она сделала первый ход обычной ферзевой пешкой, и Зеб решил играть новоиндийскую защиту.

— Где Гленн? — спросил он.

— Дела плохи, — ответила она. — Смотри на доску. Отец Гленна погиб. Гленн, конечно, расстроен. Сотрудники ККБ сообщили ему, что это самоубийство.

— Блин. Когда это случилось?

— Два дня назад. — Пилар передвинула коня на ферзевом фланге. Зеб пошел слоном, загнав коня в угол. Теперь Пилар попотеет, развивая атаку в центре. — Впрочем, тут важно не когда, а как. Его столкнули с эстакады над скоростным шоссе.

— Кто, жена? — спросил Зеб, вспоминая сиську Роды, упертую ему в спину, и «жучок» в лампе у кровати. Вопрос был шутливый, и Зебу немедлен-

но стало стыдно. Иногда он ляпает, не подумав — слова вылетают изо рта, как попкорн из машинки. Но вопрос имел серьезную подоплеку: что, если отец Гленна узнал о предобеденных развлечениях жены, позвал ее прогуляться и все обсудить, они вышли за пределы «Здравайзера» для большей секретности, решили пройтись над шоссе и полюбоваться на едущие машины, а потом поссорились, и мать Гленна столкнула отца Гленна вниз, а он не мог сопротивляться и…

Пилар смотрела на него — вероятно, ожидая, пока он придет в себя.

— Прошу прощения. Это не она, конечно.

— Он узнал о некоторых вещах, происходящих в «Здравайзере», — сказала Пилар. — Он счел происходящее не только неэтичным, но и опасным для общественного здоровья, и, следовательно, аморальным. Он угрожал опубликовать эту информацию; точнее, не совсем опубликовать, так как пресса, скорее всего, не рискнула бы связываться; но он мог пойти в корпорацию-конкурент, даже в иностранную, и они использовали бы данные во вред.

— Он ведь был в вашей исследовательской группе? — Зеб пытался уложить в голове то, что говорит Пилар, и терял контроль над игрой.

— Наши группы были отчасти связаны, — сказала Пилар и съела его пешку. — Он делился со мной. А теперь я делюсь с тобой.

— Почему?

— Меня переводят. На восток, в «Здравайзер-Центральный». Во всяком случае, я надеюсь, что действительно окажусь там. Все может обернуться гораздо хуже — если они сочтут, что я проявляю недостаточный энтузиазм или нелояльна к корпорации. Тебе надо уносить ноги. После того как меня переведут, я уже не смогу тебя охранять. Съешь моего слона своим конем.

— Но это плохой ход, он открывает брешь для…

— Съешь его, — спокойно повторила она. — И оставь в руке. У меня есть еще один, я положу его в коробку, и будет незаметно, что слона кто-то взял.

Зеб незаметно прибрал слона — движением, которому научился у старины Слей-Таланта в Плавучем Мире. Потом ловко продвинул фигурку в рукав.

— Что мне с ним делать? — спросил он. Когда Пилар уедет, он останется совсем один.

— Просто доставить. Я подделаю для тебя однодневный пропуск и легенду: тебя обязательно

спросят, что у тебя за дело в плебсвилле. Как только окажешься на свободе за проходной, получишь новую личность. Слона возьми с собой. Есть такой секс-клуб, франшиза, «Хвост-чешуя». Посмотри в Сети. Иди в ближайшее отделение. Пароль — «маслянистый». Тебя впустят. Оставишь слона там. Это контейнер, они знают, как его открыть.

— Доставить кому? И вообще, что в нем? И кто такие «они»?

— В нем — векторы, — сказала Пилар.

— В каком смысле? Как в математике?

— Как в биологии. Векторы биоформ. Они спрятаны внутри других векторов, которые выглядят как витаминные таблетки: три вида таблеток — белые, красные и черные. А таблетки спрятаны в другом векторе — в слоне. Который будет доставлен с помощью еще одного вектора, то есть тебя.

— А что в этих таблетках? Колеса для кайфа? Микрочипы?

— Разумеется, нет. Лучше не спрашивай. Но ни за что, ни в коем случае не ешь их. Если за тобой будут следить, спусти слона в унитаз.

— А как же Гленн?

— Шах и мат, — сказала Пилар, опрокинув его короля. Улыбнулась и встала. — Гленн найдет

свою дорогу. Он не знает, что его отца убили. Пока не знает. Во всяком случае, в явном виде. Но он очень умен.

— Вы хотите сказать, что он это вычислит.

— Надеюсь, не слишком скоро. Он еще маленький для такого рода плохих новостей. Вдруг он не сможет правдоподобно изобразить неведение. В отличие от тебя.

— Я местами совершенно искренен. Вот, например, сейчас — где я должен переключиться с одной личности на другую? И как я получу пропуск?

— Иди в чат Беззумного Аддама. Весь пакет лежит там. Потом уничтожь шлюз, которым пользовался до сих пор. Тебе нельзя оставлять свои отпечатки в здешних компьютерах.

— А фальшивую бороду мне дадут? — сострил Зеб, стараясь немного оживить обстановку. — Для новой личности? И дурацкие штаны?

Пилар улыбнулась:

— Все это время мой пейджер был отключен. Нам разрешается это делать во время барбекю, если мы находимся на виду у всех. Но сейчас я его включу. Не говори ничего, что не предназначается для чужих ушей. Доброго пути.

«Хвост-чешуя»

Зеб забрал флешку с кодом из ящика стола, отлепил леденцы, прилипшие к нему, как балянусы, активировал «Кишечных паразитов» у себя на компьютере, проскользнул через раззявленную голодную пасть кошмарного слепого червя, а оттуда по «листьям кувшинок» в комнату чата Беззумного Аддама. И действительно, там ждал полный пакет документов, хотя и безо всяких указаний на то, кто его оставил. Зеб открыл пакет, усвоил информацию и пробрался назад, старательно сжигая за собой мосты. Затем растер флешку в порошок — точнее, положил ее под ножку кровати и хорошенько попрыгал сверху, а потом спустил кусочки в несколько разных унитазов. Металл и пластик не так легко смыть, но если вмять их в…

— Я поняла, можешь не вдаваться в детали, — торопливо прерывает его Тоби.

Новое имя Зеба было Гектор. Видимо, для рифмы со словом «вектор»: у кого-то оказалось достойное чернушное чувство юмора. Наверное, не у Пилар: Зеб решил, что она не из юмористов.

Но, конечно, он сможет активировать Гектора, свою новую личность, лишь выйдя за ограду «Здравайзера-Западного», подальше от всевидящего глаза камер слежения. Пока этого не произошло, он по-прежнему Шет, мелкий офисный раб, прикованный к корпоративной галере, одетый как гик, вплоть до коричневых вельветовых штанов. Зеб рассчитывал, что при переходе на новую личность выиграет хотя бы качество штанов. Ему сказали, что полная смена одежды будет ждать его в точке выхода в плебсвилль, спрятанная в мусорном контейнере. Зеб очень надеялся, что в контейнер не заглянет раньше него какой-нибудь бомж, псих или уволенный менеджер среднего звена.

Легенда для Шета звучала следующим образом: его вызвали для обслуживания в местное отделение корпорации, специальностью которой были красота и хорошее настроение. Корпорация, сомнительная сестра «Здравайзера», называлась «НоваТы». Красота и Здоровье, соблазнительные сиамские близнецы, пели свою вечную песнь сирены. За Красоту и Здоровье любой отдаст сердце и душу!

Здравайзеровская продукция — витаминные добавки, обезболивающие безрецептурного

отпуска, лекарства подороже от конкретных болезней, средства от импотенции и все такое — выпускалась в солидных упаковках с латинскими названиями и наукообразными терминами в инструкциях. «НоваТы», с другой стороны, использовала снадобья по рецептам викканцев-лунопоклонников, из ингредиентов, собранных шаманами в дебрях джунглей Гдетотамии, кишащих смертельно ядовитыми насекомыми. Но Зеб видел, что интересы двух корпораций отчасти перекрываются. Если ты болеешь, страдаешь и от этого плохо выглядишь, прими таблеточку от «Здравайзера»; если ты плохо выглядишь и страдаешь от этого вплоть до болезни, прими снадобье из «НоваТы».

Готовясь к вылазке, Зеб надел свежевыстиранные коричневые вельветовые штаны. Он состроил лицо, положенное несуществующей персоне — Шету, — и подмигнул ему в зеркало в ванной. «Ты доживаешь последние часы», — сказал он Шету. Зеб знал, что не пожалеет о расставании с Шетом, которого навязал ему старший брат, уверенный, что он всегда знает, как лучше. Зебу страшно хотелось увидеть Адама — ну хотя бы для того, чтобы выругать его за дурацкую личину Шета. Например, сказать: «Ты

хотя бы представляешь себе, что я выстрадал из-за этих дебильных штанов?»

Шету пора было уходить. Он с пропуском в руке поплелся к главным воротам, напевая про себя:

Хей-хо, хей-хо,
Работа далеко,
Мы хакнем там и хакнем тут,
Сокровища нас ждут.

Теперь главное — не забыть легенду Шета, младшего кодера на побегушках. Его послали расследовать происшествие с веб-сайтом «НоваТы» и понять, каким образом он был взломан. Кто-то — возможно, юный хакер с бурлящими гормонами, каким когда-то был сам Зеб, — изменил картинки на сайте: теперь при щелчке на изображения продуктов, улучшающих цвет лица и настроение, откуда-то появлялись орды пюсово-оранжевых насекомых и начинали со страшной скоростью пожирать красивые картинки, а потом взрывались, испуская желтый дым и подергивая лапками. Глупость, конечно, но выглядит чрезвычайно зрелищно и неаппетитно.

Руководство «Здравайзера-Западного», разумеется, не захотело, чтобы проблемой занимался кто-то изнутри их собственной сети: то, что вы-

глядело дурацким хулиганством, могло оказаться ловушкой. Возможно, авторы диверсии как раз и рассчитывали на вмешательство спецов из «Здравайзера», чтобы в этот момент проломить здравайзеровские файрволлы и стащить ценную ИС. Следовательно, кому-нибудь надо было отправиться в «НоваТы» собственной персоной: не слишком важному сотруднику, такому, при исчезновении которого компания не пострадает — ведь плебсвилли с царящими в них бандами опасны. Выбор пал на Шета; впрочем, ему дали служебную машину с водителем. Скорее всего, никто не захочет валандаться с Шетом ради извлечения информации: он ведь не принадлежит к внутреннему кругу посвященных. Но мало ли.

«НоваТы» не просила выяснить, кто и зачем взломал сайт: это было бы слишком дорого. Нужно было только починить файрволлы. Собственным сотрудникам «НоваТы» это оказалось не по зубам — объяснение, почему именно, показалось Зебу не очень убедительным. Впрочем, компания была небогата — времена ее процветания, когда она открыла салон красоты в парке, лежали впереди. ИТ-персонал в «НоваТы» был далеко не первого сорта. Возможно, даже и не второго — самых умных разбирали корпорации

побогаче. Компаниям победнее оставалось утешаться тем, что третий сорт — не брак.

Но сотрудникам «НоваТы» придется долго ждать посланного к ним ремонтника, подумал Зеб, ведь не пройдет и часа, как он трансформируется в Гектора, а Шет исчезнет с лица земли. Шахматная фигурка слона была при нем, в кармане мешковатых вельветовых штанов. В этом же кармане Шет держал левую руку — так, на всякий случай: если кто-нибудь заинтересуется, пусть думают, что это он втихомолку доставляет себе удовольствие. Чем он тут же и занялся, притворяясь, что старается не бросаться в глаза — на случай, если машина оборудована камерами слежения (скорее всего, так и есть). Лучше пусть его сочтут онанистом, чем перебежчиком, везущим краденое.

«НоваТы» располагалась в обшарпанном комплексе на краю серо-рыночного плебсвилля. Поэтому было совершенно неудивительно, что машине, в которой ехал Зеб, преградила путь перевернутая тележка «Секрет-бургера», вокруг которой шла полномасштабная драка. Ее участники уже с ног до головы изгваздались в красном соусе. Над местом драки воздух пульсировал от гудков автомобилей и воплей шоферов, и в

нем со свистом проносились снаряды-бургеры. Водитель Зеба тоже принялся давить на гудок, но открывать окно, чтобы прокричать ругательство, не стал — знал, что выйдет себе дороже.

Но не успели бы вы сказать «престидижитатор», как на машину Зеба напала банда, человек двенадцать «косых». Похоже, у них была цифровая отмычка с заранее введенным кодом машины «Здравайзера», потому что кнопки замков моментально отщелкнулись. Не прошло и секунды, как «косые» уже выволокли брыкающегося, вопящего шофера наружу и принялись вытряхивать его из одежды и обуви — ловко, словно чистили початок кукурузы. Эти банды знают свое дело, что есть, то есть. Еще секунда — они завладеют ключами от машины, дадут задний ход, и поминай как звали. Машину продадут целиком или на запчасти, смотря что выгоднее.

Это и был момент, которого ждал Зеб. Банде заплатили заранее: «косые» работали грязно, но и стоили недорого, и к тому же охотно брались за мелкие дела. Убедившись, что водитель его не видит — еще бы, с головой, полностью залитой красным соусом, — Зеб рыбкой выскользнул из задней двери машины, на корточках прополз по проулку и завернул за угол, потом за другой, а

потом и за третий, где состоялось его рандеву с указанным мусорным контейнером.

Коричневые вельветовые штаны отправились в контейнер — наконец-то, а из контейнера были извлечены хорошо поношенные джинсы и ряд аксессуаров. Черная искожаная куртка, черная футболка с надписью «ДОНОР ОРГАНА — ДАЮ ПОПРОБОВАТЬ БЕСПЛАТНО», зеркальные черные очки, бейсболка с изображением красного черепа средних размеров. Золотая фикса на передний зуб, фальшивые усы, свежая ухмылка, и Гектор-Вектор готов рассекать по кварталу. Шахматного слона он старательно сберег и осторожно спрятал в застегивающийся на молнию внутренний карман куртки.

После этого он отправился в путь. Он торопился, но не показывал этого сторонним наблюдателям: лучше пусть будет незаметно, что он идет по делу. Кроме того, он старался выглядеть как человек, который явно ничего хорошего не затевает, но в общем, а не конкретном смысле.

Чтобы добраться до нужного ему клуба «Хвост-чешуя», надо было углубиться в территорию плебсвиллей. Если бы Зеб зашел туда в своем прежнем гиковском обличье, то ему наверняка пришлось бы защищать свою территорию, на-

чиная со скальпа, носа и яиц. Но в таком виде, как сейчас, он почти не привлекал внимания. Несколько человек оценили его, прищурившись: стоит ли связываться. И решили, что нет. Так что Зеб беспрепятственно рассекал дальше.

Вот он, клуб, прямо впереди: неоновая вывеска «РАЗВЛЕЧЕНИЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ», а под ней шрифтом помельче: «Для джентльменов с изысканным вкусом». На афишах были изображены змееподобные красотки в обтягивающих чешуйчатых одеяниях, большая часть — со впечатляющими сисимплантами, некоторые — в таких затейливых позах, словно у них вообще нету позвоночника. Женщина, способная закинуть обе ноги себе на шею, безусловно, может предложить нечто новое в постели, хотя и не совсем понятно, что именно. А вот и питон Март — обвивается вокруг висящей на трапеции женщины в огненно-красном костюме кобры. Женщина была удивительно похожа на Катрину Ух, прекрасную укротительницу змей из Плавучего Мира, которую Зеб столько раз помогал распиливать на куски.

Судя по афише, она даже старше не стала. Значит, она все еще «не теряла формы». Что бы это ни значило в ее ремесле.

Еще рано, посетители пойдут в заведение позже. Зеб напомнил себе дурацкий пароль, которым его нагрузили: «маслянистый». Как его использовать, чтобы это выглядело естественно? «Вы сегодня очень маслянисто выглядите». За это можно схлопотать пощечину или удар кулаком в нос, смотря к кому обращаешься. «До чего маслянистые погоды стоят». «Выключите-ка эту маслянистую музыку». «Чо это ты такой маслянистый?» Все звучало ужасно нелепо.

Он позвонил в дверь. Дверь была толстая, как в банковской кладовой, с большим количеством металла. В глазке показался глаз. Защелкали замки, врата отворились, и на пороге возник вышибала — такой же здоровенный, как сам Зеб, только черный. Короткая стрижка, темный костюм, черные очки.

— Чо надо? — спросил он.

— Я слыхал, у вас тут девки маслянистые. Аж скользят.

Мужик уставился на него сквозь очки.

— Чего-чего?

Зеб послушно повторил.

— Маслянистые девки, — произнес вышибала, перекатывая эти слова во рту, как жареную дырку от пончика. — Аж скользят.

Углы его рта поехали к ушам.

— Угу. Ясно. Заходи.

Прежде чем захлопнуть дверь, он оглядел улицу. Опять защелкали замки.

— Тебе к *самой*, — сказал он.

Он повел Зеба по коридору, устланному пурпурным ковром. Вверх по лестнице. Здесь пахло фабрикой удовольствий в нерабочие часы. Очень грустный запах. Запах продажной любви, который говорит о наигранной похоти, означающей одиночество; означающей, что тебя будут любить, только пока ты за это платишь.

Вышибала что-то сказал в микрофон — очень маленький, потому что Зеб его не видел. Может, он вделан в зуб; сейчас это стало модно, хотя если зуб выбьют в драке и ты его проглотишь, то будешь разговаривать из задницы. Они дошли до внутренней двери, на которой было написано: ГОЛОВНОЙ ОФИС, А ТАКЖЕ ОФИС ВСЕГО ОСТАЛЬНОГО ТЕЛА. Еще на двери висел зеленый логотип с подмигивающей змеей и рекламный девиз: «Мы проявляем гибкость».

— Заходи, — буркнул вышибала. Похоже, у него был очень ограниченный словарь. Зеб вошел.

Комната была своего рода кабинетом; в ней стояла куча видеоэкранов и дорогая мягкая мебель,

которая о чем-то заявляла, но очень приглушенно; еще тут был мини-бар. Зеб с тоской взглянул на мини-бар — а вдруг там найдется пиво, у него от всей этой беготни и трансформаций пересохло в горле. Но сейчас было не время для разговоров о пиве.

В комнате обнаружились два человека — они сидели в глубоких мягких креслах. Одним из этих двух людей была Катрина Ух. Не в змеином костюме, а в обтягивающих черных джинсах, футболке с надписью «Стерва № 3», которая была ей слишком велика, и туфлях на бесконечной шпильке, в которых даже танцор на ходулях ковылял бы как калека. Мисс Ух улыбнулась Зебу — одной из тех сценических улыбок, что она умела удерживать на лице даже во время шипения.

— Сколько лет, сколько зим, — сказала она.

— Не так уж и много, — ответил Зеб. — Тебя по-прежнему легко заметить и трудно забыть.

Она улыбнулась. Зеб признался сам себе, что по-прежнему жаждет залезть в ее чешуйчатые трусики — это мальчишеское желание у него так и не угасло, — но сейчас он не мог сосредоточиться на этой цели, потому что вторым человеком в комнате был Адам. В нелепом кафтане, который, судя по виду, шили старьевщики, страдающие

церебральным параличом, для любительской постановки из жизни прокаженных.

— Бля, — сказал Зеб. — Где ты раздобыл эту эльфийскую рубашечку?

Он старался не показывать удивления, чтобы не давать Адаму преимущества, которого тот в данный момент явно не заслуживал.

— Твою футболку явно выбирал человек со вкусом, — заметил Адам. — Она тебе идет. Прекрасный девиз, маленький братик.

— Тут есть «жучки»? — спросил Зеб. Еще одна шуточка про маленького братика, и он треснет Адама. Впрочем, нет. У него никогда не поднималась на это рука — во всяком случае, на то, чтобы ударить всерьез. Адам был слишком хрупким, бестелесным.

— Конечно, — ответила Катрина Ух. — Но мы их все поотключали. Руководство заведения идет вам навстречу.

— Вы ждете, что я этому поверю?

— Она действительно все поотключала. Сам подумай. Зачем ей наши следы в заведении? Она оказывает нам большую услугу, — и, уже Катрине: — Спасибо. Мы надолго не задержимся.

Она вышла на шпильках из комнаты, чуть покачиваясь, и бросила им улыбку через плечо:

на этот раз не шипящую. Она явно была неравнодушна к Адаму, несмотря на его кафтан.

— Чуть позже можно будет поесть, если хотите. В кафетерии для девочек. Мне нужно переодеться, скоро начало представления.

Адам подождал, пока она закроет дверь.

— Ты выбрался. Хорошо.

— Считай, что твоей заслуги в этом нет, — сказал Зеб. — Меня чуть не линчевали из-за этих дебильных гиковских штанов.

На самом деле он был страшно рад, что Адам живой, но не собирался в этом признаваться.

— Я в этих ебаных тряпках выглядел как ебаный уебан, — добавил он, нарочно громоздя одну непристойность на другую.

Но Адам не обратил внимания.

— Ты принес? — спросил он.

— Надо полагать, ты имеешь в виду этого долбаного слона, — сказал Зеб. Он отдал брату шахматную фигуру. Адам крутанул голову слона, и она снялась. Он перевернул фигурку вверх дном: из нее вывалились шесть таблеток, две черных, две белых и две красных. Адам осмотрел их, засунул обратно в слона и навернул голову на место.

— Спасибо, — сказал он. — Нам придется при-

думать для этого очень надежное хранилище.

— Что это? — спросил Зеб.

— Чистое зло, если Пилар права, — сказал Адам. — Но ценное чистое зло. И очень секретное. Именно поэтому погиб отец Гленна.

— Зачем они? Пилюли для суперсекса?

— Гораздо хитрее. Они используют витаминные добавки и анальгетики, которые продаются без рецепта, как векторы для доставки болезней — тех, производство лекарств для которых корпорация контролирует. То, что в белых таблетках, по правде распространяется среди населения. Случайным образом, так что никто не заподозрит источник болезни. Корпорация делает деньги на всем: сначала на витаминах, потом на лекарствах от болезни и наконец — на госпитализации, когда болезнь становится неизлечимой. А она становится, потому что в лекарства, которыми ее лечат, тоже добавлена эта дрянь. Прекрасная схема по перекачке денег населения в карманы корпорации.

— Ясно. Это белые. А красные и черные?

— Мы не знаем, — ответил Адам. — Они экспериментальные. Может, другие болезни. Может, более быстродействующая формула. Мы даже не очень понимаем, как это можно безопасным

образом проверить.

Зеб обдумал услышанное.

— Масштабная схема, — сказал он. — Интересно, сколько понадобилось мозгов, чтобы ее разработать.

— Этим занималась небольшая целевая группа в составе «Здравайзера». Управлялась она с самой верхушки. Они использовали отца Гленна. Он думал, что работает над вектором для целенаправленной доставки средства от рака. Но когда он понял, что происходит, и осознал весь масштаб, то не мог с этим смириться. Он успел передать таблетки Пилар, прежде чем…

— Черт! Они и ее тоже убили?

— Нет, — сказал Адам. — Они даже не знают, что она знает. Во всяком случае, мы на это надеемся. Ее просто перевели в «Здравайзер-Центральный», это на восточном побережье.

— Можно мне пива? — спросил Зеб. Ответа он дожидаться не стал. Сделал первый освежающий глоток и продолжил: — Ну хорошо, теперь, когда эта дрянь попала к тебе, что дальше? Ты собираешься продать ее на сером рынке? Заграничные корпорации наверняка отвалят за нее кучу денег.

— Нет, — сказал Адам. — Мы не можем на такое

пойти. Это против наших принципов. Все, что мы можем сделать в нашем мире, сейчас — это узнать, чего нужно бояться. Мы будем предупреждать других людей об опасности витаминных добавок, по возможности, но если попытаемся опубликовать информацию, нам просто не поверят. Сочтут параноиками. А потом с нами со всеми произойдут прискорбные несчастные случаи. Прессу контролируют корпорации, а все так называемые независимые контролирующие организации независимы только на бумаге. Так что мы будем хранить эти таблетки в секрете, пока не сможем их изучить безопасным образом.

— Кто это «мы»? — спросил Зеб.

— Чего не знаешь, того не выдашь, — ответил Адам. — Так надежней для всех, в том числе для тебя самого.

История Зеба и Женщин-Змей

— Как мне все это объяснить Детям Коростеля? — спрашивает Тоби. — Девочек из «Чешуек» в змеиных костюмах?

— Можно просто пропустить.

— Не думаю. Этот кусок прямо просится в историю. Он как-то подходит: женщина, которая одновременно змея. Он подходит и к моей медитации, и к непонятной истории с этим животным. Оно… она, кажется, в самом деле со мной разговаривала. И с Черной Бородой тоже.

— Ты думаешь, в этой твари есть что-то от человека? Женщина-Свинья? По-моему, ты переела кислоты.

Он хмыкает.

— Ну, не совсем, но…

— Наверно, ты переложила пейотля в эту свою смесь. Или что ты туда кладешь.

— Может быть. Конечно, ты прав.

История сама разворачивается у Тоби в голове. Тоби как будто даже не думает о ней, не управляет ею. Она не контролирует сюжет: только слушает. Странно — всего несколько растительных молекул, и такое сильное воздействие на

человеческий мозг. И такое длительное.

Это история про Зеба и Женщин-Змей. Женщины-Змеи появляются в этой истории не сразу. Они появляются позже. Важные вещи часто появляются в историях позже, ближе к концу. Но иногда они появляются и с самого начала. Или в середине.

Но я уже рассказала вам начало, так что сейчас мы находимся в середине истории. И Зеб тоже находится в середине истории про Зеба. Он находится в середине своей собственной истории.

Меня в этой части истории нет. Мы еще не дошли до той части, в которой появляюсь я. Но я жду — далеко в будущем. Я жду, пока история Зеба сольется с моей. С историей Тоби. С той, в которой я нахожусь прямо сейчас вместе с вами.

Пилар, которая теперь живет в бузинном кусте и разговаривает с нами через пчел, когда-то жила в виде старой женщины. Она дала Зебу одну особенную, важную вещь и велела ему беречь эту вещь. Это была маленькая вещь, как семечко. Но если бы человек съел это семечко, он бы очень сильно заболел. Но некоторые плохие люди из хаоса говорили всем остальным людям, что если те съедят это семечко, то станут счастливы.

И только Пилар, Зеб и еще несколько человек знали правду.

Почему плохие люди это делали? Из-за Денег. Деньги — это невидимые помощники вроде Бля. Эти люди думали, что Деньги им помогут лучше, чем Бля. Но они ошибались. Деньги им никак не помогли. Как раз когда Деньги нужнее всего, они очень быстро уходят. А вот Бля всегда с тобой.

И вот Зеб взял семечко и ушел через дверь, потому что если бы плохие люди знали, что семечко у него, они бы догнали его и отобрали семечко, а потом сделали бы с ним что-нибудь очень плохое. И Зеб торопился, но так, чтобы снаружи не было видно, что он торопится, и он сказал: «О Бля», и Бля очень быстро прилетел ему на помощь, как он всегда прилетает, когда его зовешь; и он показал Зебу, как добраться до дома, где жили Женщины-Змеи. И Женщины-Змеи открыли дверь и приняли Зеба в свой дом.

Женщины-Змеи, они… Вы видели змей, и женщин тоже видели. Женщины-Змеи были похожи сразу и на змей, и на женщин. И еще в том доме жило несколько Женщин-Птиц и Женщин-Цветов. И они спрятали Зеба в огромной… очень большой… раковине. Нет, в большом диване. Нет, может быть, они спрятали его в большой, огром-

ной… розе. Очень большой светящейся розе.

Да, в розе, которая светилась. Никто не стал бы искать Зеба внутри розы.

И Адам, брат Зеба, тоже был внутри розы. Это было хорошо. Они были очень рады видеть друг друга, потому что Зеб был помощником Адама, а Адам — помощником Зеба.

Женщины-Змеи иногда кусали людей, но Зеба они не кусали. Он им нравился. Они делали для него особенный напиток под названием «коктейль из шампанского». И танцевали для него особенный танец. Когда они танцевали, они очень сильно извивались, потому что они же змеи.

Они были очень добрые. Потому что такими их сотворила Орикс. И они были ее Детьми, потому что они были частично змеями. Поэтому они не имели отношения к Коростелю. Почти никакого.

И еще Женщины-Змеи позволили Зебу спать в большой-большой кровати, блестящей и зеленой. Они сказали, что Бля тоже может там спать, потому что в кровати было очень много места.

И Зеб сказал «Спасибо», потому что Женщины-Змеи были к нему очень добры. И к его невидимому помощнику тоже. И Зеб стал чувствовать себя гораздо лучше.

Нет, они над ним не мурлыкали. Змеи не умеют мурлыкать. Но они… Они извивались. Да, вот что они делали: извивались. И еще сокращались, вот что они еще делали. У змей мускулы очень хорошо подходят для сокращения.

И Зеб очень-очень устал, поэтому сразу же уснул. И Женщины-Змеи, Женщины-Птицы и Женщины-Цветы заботились о нем и сделали так, чтобы, пока он спал, с ним не случилось ничего плохого. Они сказали, что будут защищать его и спрячут, даже если за ним придут плохие люди.

И плохие люди в самом деле пришли. Но это уже другая часть истории.

А теперь я тоже очень-очень устала. И собираюсь спать.

Спокойной ночи.

Вот что она расскажет Детям Коростеля, когда придет время для очередной истории.

Поросенок

Пророк

Наутро после паломничества к бузинному кусту следы смеси для усиленной медитации еще не выветрились из организма Тоби. Мир чуть ярче обычного, а сетчатый экран, на котором намалеваны составляющие его разноцветные пятна, чуть прозрачней. Тоби надевает нейтральную простыню — спокойную светло-голубую, без рисунка, — наскоро умывается у колонки и добирается до общего стола.

По-видимому, все уже поели и разошлись. Белая Осока и Голубянка убирают тарелки.

— Кажется, там еще что-то осталось, — говорит Голубянка.

— А что давали? — спрашивает Тоби.

— Оладьи из кудзу с ветчиной, — отвечает Белая Осока.

Тоби всю ночь снились сны: сны с участием поросят. Невинных, очаровательных, пухленьких, чистеньких и менее диких, чем те, которых она видела наяву. Одни поросята летали — порхали на белых, словно марлевых, стрекозиных крылышках; другие вещали на иностранных языках; третьи даже пели, подпрыгивая, строй-

ными рядами, как в древнем мультфильме или пошедшем вразнос мюзикле. Поросята на обоях, повторяющиеся снова и снова, переплетенные лианами. Все счастливые, все живые.

Жители уничтоженной цивилизации, частью которой Тоби была когда-то, давным-давно, любили образы животных, наделенные человеческими чертами. Уютные плюшевые мишки пастельных цветов, сжимающие в лапах сердечки-валентинки. Милые мягкие львы. Очаровательные танцующие пингвины. И еще дальше в глубь времен: смешная розовая свинья со щелью в спине, копилка. Они попадались в антикварных магазинах.

Тоби решает, что не осилит ветчину после целой ночи танцующих поросят. И после вчерашнего: сообщение свиноматки все еще свербит у Тоби в голове, хоть она и не взялась бы выразить его словами. Оно было больше похоже на ток. Ток воды, электрический ток. Длинная инфразвуковая волна. Винегрет из биохимии мозга. Или, как когда-то говорил Фило из вертоградарей: «Кому нужен телевизор?» Вероятно, он в свое время перестарался со всенощными бдениями и усиленными медитациями.

— Я, пожалуй, обойдусь, — говорит Тоби. —

Разогретое оно уже не то. Пойду раздобуду кофе.

— Ты не заболела? — спрашивает Белая Осока.

— Нет, я в порядке, — отвечает Тоби. Она осторожно шагает по дорожке, ведущей к кухне, стараясь не наступать на те места, где камушки растворяются и идут рябью. На кухне она обнаруживает Ребекку, которая пьет суррогат кофе. С ней — малыш Черная Борода: он лежит на полу, на животе, и пишет. Карандаш он позаимствовал у Тоби, и тетрадь тоже свистнул у нее. Но слово «свистнул» в данном случае не имеет смысла — понятие личной собственности у Детей Коростеля отсутствует.

— Ты не просыпалась, — говорит он безо всякого упрека. — Ты ночью путешествовала очень далеко.

— Видала? — говорит Ребекка. — Малыш просто гений.

— Что ты пишешь? — спрашивает Тоби.

— Я пишу имена, о Тоби.

И правда, он пишет имена. ТОБИ. ЗЕБ. КАРАСТЕЛ. РЕБЕКА. ОРИКС. ДЖЫМИСНЕЖНЫЧИЛАВЕК.

— Он их собирает. Имена. Кто идет потом? — спрашивает Ребекка у Черной Бороды.

— Потом я напишу Аманду, — серьезно отвечает Черная Борода. — И Рен. Чтобы они со мной

говорили.

Он вскакивает с пола и уносится прочь, сжимая в руках письменные принадлежности Тоби. «Как мне теперь их вернуть?» — думает она.

— Миленькая, у тебя замученный вид, — говорит Ребекка. — Бурно провела ночь?

— Я перестаралась, — отвечает Тоби. — Со смесью для усиленной медитации. Грибов переложила.

— Бывает. Пей больше воды. Сейчас я тебе заварю сосновой хвои с клевером.

— Вчера я видела гигантскую свинью, — говорит Тоби. — Свиноматку, с детенышами.

— Чем больше, тем веселее, — отзывается Ребекка. — Лишь бы у нас были пистолеты-распылители. У меня уже кончается бекон.

— Нет, погоди. Она… она на меня очень странно посмотрела. Мне показалось, она знает, что я убила ее мужа. Давно, еще в «НоваТы».

— Да-а-а, ты и правда перестаралась с грибами, — замечает Ребекка. — Я однажды в таком состоянии вела беседу с собственным лифчиком. Так что же, она злилась, что ты убила ее…? Блин, не могу я называть его мужем! Это же свиньи, блин!

— Она была, безусловно, не рада, — отвечает

Тоби. — Но, как мне показалось, скорее печальна, чем зла.

— Они умнее обычных свиней, даже и без снадобья для усиленных медитаций. Это уж точно. Кстати, Джимми сегодня вышел к завтраку. Никаких ему больше подносов с едой в постель. Он хорошо себя чувствует, но просил, чтобы ты посмотрела его ногу.

У Джимми теперь собственный закуток. Новый, в пристройке к саманному дому, которую наконец-то завершили. Мазаные стены еще чуточку пахнут сыростью; но окно у Джимми больше, чем в старой части здания, и в него вделана сетка, а на окне занавеска с ярким рисунком: мультипликационные рыбы. У самок большие пухлые губы и длинные загнутые ресницы. Самцы играют на гитарах, а на ударных у них осьминог. Не самое подходящее зрелище для Тоби в ее теперешнем состоянии.

— А эти откуда взялись? — спрашивает Тоби у Джимми, который сидит на выступе-кровати, спустив ноги на пол. Ноги у него еще тонкие, мышцы атрофированы; ему надо заново наращивать мускулы. — Занавески?

— Почем я знаю? — отвечает Джимми. — Рен и Вакулла… то есть Голубянка. Они решили, что

мне нужен веселенький интерьер. И теперь тут как в детском садике.

У него на кровати все то же одеяльце с кошками, скрипками и тарелками.

— Ты хотел, чтобы я посмотрела твою ногу?

— Да. Она зудит. Просто до безумия. Очень не хочется думать, что часть опарышей забралась внутрь.

— Если бы они туда забрались, то давно бы уже пробурили ход наружу, — успокаивает его Тоби.

— Ну спасибо, — отвечает Джимми. Шрам красный, но рана затянулась. Тоби осматривает ногу: воспаления нет, ступня не горячая.

— Это нормально, — говорит она. — Зуд — это не страшно. Я тебе принесу лекарство.

Компресс: бальзамин, хвощ, красный клевер, думает она. Хвощ, наверное, проще всего найти.

— Я слыхал, ты повстречалась со свиноидом, — говорит Джимми. — И у вас вышел разговор.

— Кто тебе сказал?

— Дети Коростеля, кто еще? Они у меня вместо радио. Похоже, Черная Борода представил им подробнейший отчет. Они считают, что тебе не следовало убивать того хряка, но прощают тебя, потому что, может быть, тебе разрешила Орикс. Ты знаешь, что у этих свиней в мозгу — ткани

префронтальной коры мозга человека? Факт. Инфа сто процентов — я с ними вырос.

— А откуда Дети Коростеля знают? — осторожно интересуется Тоби. — Ну, что я застрелила этого кабана?

— Свиноидиха сказала Черной Бороде. Не надо на меня так смотреть — я только передаю то, что мне рассказали. И вообще, если верить Рен, у меня были галлюцинации, так что вот. Может, не стоит мне доверять на предмет того, что реально и что нет.

Он криво ухмыляется ей.

— Можно я присяду? — спрашивает Тоби.

— Будь как дома. По примеру тысячи других посетителей. Эти чертовы Дети Коростеля шляются сюда все время, как им в голову стукнет. Они хотят, чтобы я им наплел еще всякого дерьма про Коростеля. Они думают, что я его пророк, бля. Что он со мной разговаривает через наручные часы. Конечно, я сам виноват, бля, ведь я же сам это придумал.

— И что ты им говоришь про Коростеля?

— Говорю, чтобы они пошли спросили тебя, — отвечает Джимми.

— Меня?

— Теперь ты по нему главный специалист. А

мне нужно поспать.

— Но ведь… они говорят, ты знал Коростеля. Лично. Когда он еще пребывал на Земле.

— Можно подумать, это большая честь, — Джимми кисло фыркает.

— Это придает тебе определенный авторитет в их глазах.

— Это все равно что иметь авторитет в глазах… бля, мне так хреново — я не знаю даже, с кем их сравнить. В глазах у отмели мидий. У залежи устриц. У стаи додо. Что я хочу сказать, вот. Потому что я устал. Мои пророческие способности полностью исчерпаны. Если честно, эти чертовы Дети Коростеля уже давно выжали меня досуха. Я не хочу больше никогда в жизни вспоминать о Коростеле или слушать всякую херню о том, какой он хороший и добрый и всемогущий, и как он сотворил их в Яйце, а потом любезно снес с лица земли всех остальных, чтобы его Детям было хорошо. И как Орикс заведует всеми животными и летает в обличье совы, и даже если ее не видно, она всегда тут и слышит их.

— Насколько я понимаю, — говорит Тоби, — это согласуется с тем, что ты рассказывал им раньше. Для них это все равно что святое писание.

— Да, бля, я знаю, что это я рассказывал им

раньше! Они задавали вопросы, типа, откуда они взялись и что это за гниющие мертвецы кругом. Я должен был им что-нибудь ответить.

— И сочинил красивый сюжет, — говорит Тоби.

— Ну, бля, не мог же я сказать им правду. Так что — да. И да, я мог бы придумать что-нибудь поумнее, и да, я не из мозговитых, и да, Коростель, должно быть, думал, что у меня ай-кью как у баклажана, потому что разыграл меня, как по нотам. Поэтому меня блевать тянет, когда они опять заводят свою волынку про Коростеля и принимаются петь ему хвалы, бля, каждый раз, когда слышат его имя.

— Но таков сюжет, от которого мы вынуждены плясать. Значит, придется работать с тем, что есть. Хотя некоторые моменты я еще не прояснила.

— Все, что хочешь, — отвечает Джимми. — Фишка перешла к тебе. Ты ведь им уже что-то рассказывала, так продолжай. Можешь додумывать что попало и ни в чем себе не отказывать. Они все сожрут. Я слыхал, у них теперь популярен Зеб. Держись этого сюжета, в нем есть потенциал. Главное, они не должны догадаться, что все вокруг — мошенничество и обман, бля.

— Это манипуляция, — говорит Тоби. — Ты перекладываешь ответственность на меня.

— А я и не отрицаю. Виноват. Хотя, по их словам, у тебя хорошо получается. Выбор за тобой: ты всегда можешь послать их на хер.

— Скажи, пожалуйста, ты понимаешь, что мы, в некотором смысле, находимся в осаде? — интересуется Тоби.

— Больболисты. Да. Рен говорила, — уже чуть серьезней отвечает он.

— Поэтому мы не можем допустить, чтобы Дети Коростеля слишком далеко убредали сами по себе. Они могут погибнуть.

Джимми задумывается.

— И что же?

— Ты должен мне помочь. Нам нужно согласовать свои сюжеты. До сих пор мне приходилось пробираться вслепую.

— А когда речь идет о Коростеле, никак иначе и не выйдет, — мрачно говорит Джимми. — Добро пожаловать в центр циклона. Он перерезал ей горло, ты знаешь? Хороший, добрый Коростель. Она была такая милая, такая… Я уверен, тебе следует об этом знать. И я застрелил этого мудака.

— Кому перерезал горло? — спрашивает Тоби. — Кого ты застрелил?

Но Джимми закрыл лицо руками, и плечи у него трясутся.

Поросенок

Тоби в растерянности. Что делать — утешить Джимми мягким материнским объятием (если предположить, что она на таковое способна), или это будет недопустимым вторжением в его личное пространство? Может, надо деловито, как медсестра в больнице, скомандовать «Не плачь!»? Или малодушно удалиться на цыпочках?

Не успевает она принять решение, как в комнату вбегает Черная Борода. Он необычно возбужден.

— Они идут! Они идут!

Он почти кричит, что редкость для Детей Коростеля: у них даже малыши не вопят.

— Кто идет? Плохие люди? — спрашивает Тоби. Где же она бросила винтовку? У медитаций есть и побочное действие: забываешь, как быть агрессивной.

— Они! Идем! Идем! — он тянет ее за руку, за простыню. — Свиные! Очень много Свиных!

Джимми поднимает голову:

— Свиноиды? Ой бля…

Черная Борода в восторге:

— Да! Спасибо тебе, Джимми-Снежныечеловек,

что позвал Бля! Он нам понадобится, он должен будет нам помочь. Свиные несут мертвого.

— Мертвого кого? — спрашивает Тоби, но мальчик уже умчался.

Беззумные Аддамы побросали работу и собираются у ограды саманного дома. Некоторые вооружились топорами, граблями и лопатами.

Крозье — он только что выступил со стадом в сторону пастбища — спешит по тропе обратно. С ним Дюгонь, у которого в руках пистолет-распылитель.

— Они идут с запада, — говорит Крозье. Вокруг него толпятся париковцы.

Дети Коростеля собираются на площадке у качелей. Они совершенно не напуганы. Они тихо переговариваются, потом мужчины начинают двигаться на запад, словно желая встретить на полпути то, что оттуда идет. С ними несколько женщин: Мария Антуанетта, Соджорнер Трут и две других. Все прочие остались на площадке с детьми, которые без чьих-либо приказов сбились в кучку и стоят тихо.

— Заставьте их вернуться! — кричит Джимми, вбегая в толпу Беззумных Аддамов. — Эти твари их на клочки разорвут!

— Их нельзя заставить, хоть что с ними де-

лай, — отвечает Американская Лисица. Она неумело держит наперевес садовые вилы.

— Носорог, — окликает Зеб и вручает Носорогу другой пистолет-распылитель. Потом обращается к Дюгоню: — Не торопись стрелять. Можно нечаянно задеть кого-нибудь из Детей Коростеля. Не открывай огонь, пока свиньи не бросятся на нас.

— Жутковато, — робко говорит Рен. Она уже стоит рядом с Джимми и держит его за руку. — Где Аманда?

— Спит, — отвечает Голубянка, занявшая место с другого бока Джимми.

— Это не просто жутковато, — говорит Джимми. — Свиноиды очень хитрые. У них есть тактика. Они однажды чуть не загнали меня в угол.

— Тоби, нам нужна будет твоя винтовка, — говорит Зеб. — Если они разобьются на две группы, иди на задворки дома. Они быстрее подроются под изгородь, если отвлекут нас с фасада. А потом нападут с обеих сторон.

Тоби спешит к себе в закуток. Когда она возвращается с «рюгером», стадо гигантских свиноидов уже выдвигается на расчищенное пространство перед изгородью саманного дома.

В стаде голов пятьдесят. То есть пятьдесят взрослых: за несколькими свиноматками трусят

детеныши. В центре группы бок о бок движутся два кабана: у них на спине, поперек, лежит какой-то груз. Больше всего это похоже на кучу цветов и листьев.

«Что это? — думает Тоби. — Приношение в знак мира? Свиная свадьба? Венок для алтаря?»

Самые крупные свиньи идут впереди: они заметно нервничают, крутят влажными пятачками туда-сюда, нюхая воздух. Лоснятся серо-розовые свиные бока — круглые, пухлые, обтекаемые туши, похожие на гигантских кошмарных слизняков, только снабженных клыками (у самцов, во всяком случае). Внезапный бросок, удар клыков снизу вверх, и ты выпотрошен, как рыба. А скоро свиньи окажутся так близко к Детям Коростеля, что даже выстрел в упор из пистолета-распылителя не остановит их неодолимого движения.

Слышится тихое ровное хрюканье. Тоби думает, что, будь на месте свиней люди, этот звук назвали бы ропотом толпы. Наверняка свиньи обмениваются информацией, но какой — Тоби не знает, хоть убей. Может быть, они говорят «Нам страшно», или «Мы их ненавидим», или просто «Ням-ням».

Носорог и Дюгонь стоят у самого забора, с внутренней стороны. Они опустили пистолеты-

распылители. Тоби решила, что лучше спрятать ружье: она держит его на боку, прикрыв краем простыни. Совершенно незачем напоминать о совершенном ею кабаноубийстве. Хотя, скорее всего, свиноиды обойдутся и без напоминаний.

— Вот где ужас, — говорит Джимми, стоящий рядом с ней. — Погляди только. Они явно что-то задумали.

Черная Борода отбился от прочих малышей и прижимается к Тоби.

— Не бойся, о Тоби, — говорит он. — Ты боишься?

— Да, я боюсь, — говорит она. «Хотя и не так сильно, как Джимми, потому что у меня есть ружье, а у него нет», — добавляет она про себя. — Они много раз нападали на наш огород. И мы убили некоторых из них, защищаясь.

Она виновато вспоминает о жареной свинине, о беконе, об отбивных.

— И еще мы делали из них суп. И они превращались в вонючие кости. Много вонючих костей.

— Да, вонючие кости, — задумчиво повторяет Черная Борода. — Много вонючих костей. Я видел их возле кухни.

— Поэтому они нам не друзья. Нельзя быть другом тому, кого превращаешь в вонючую кость.

Черная Борода обдумывает это. Поднимает на нее взгляд, кротко улыбаясь.

— Не бойся, о Тоби. Они — Дети Орикс и Дети Коростеля. Те и другие сразу. Они сказали, что сегодня не причинят нам вреда. Вот увидишь.

Тоби не слишком в этом уверена, но все равно улыбается мальчику.

Депутация Детей Коростеля, ушедшая вперед, слилась со стадом свиноидов и теперь возвращается вместе с ними. Остальные Дети Коростеля молча ждут на площадке у качелей, глядя на приближение свиноидов.

Вперед выступают Наполеон Бонапарт и еще шестеро мужчин; это выглядит как писательный парад. Да, они мочатся, образуя линию. Они тщательно целятся и мочатся со всем возможным почтением, но все же мочатся. Закончив, они делают шаг назад. Три любопытных поросенка подбегают к черте, нюхают землю и с визгом бегут обратно к матерям.

— Вот, — говорит Черная Борода. — Видишь? Вы в безопасности.

Дети Коростеля располагаются за демаркационной линией, обозначенной струями мочи. Они принимаются петь. Стадо свиноидов расступается, и два кабана с ношей выходят вперед. Они

медленно перекатываются набок в противоположных направлениях, и усыпанный цветами груз соскальзывает на землю. Кабаны снова встают на ноги и отгребают часть цветов в сторону копытами и пятачками.

Это мертвый поросенок. Очень маленький, с перерезанным горлом. Передние копытца связаны веревкой. Кровь, еще красная, сочится из зияющей раны на шее. Других отметин на поросенке нет.

Теперь все стадо перегруппировывается вокруг — как это назвать? Погребальный одр? Катафалк? Цветы, листья… Это похороны. Тоби вспоминает кабана, застреленного ею в «НоваТы», — когда она пошла собрать опарышей с трупа, он оказался усыпан папоротником и листьями. Тогда она подумала про слонов. Они так делают. Когда тот, кого они любят, умирает.

— Черт, — говорит Джимми. — Надеюсь, не мы пришили этого кандидата на ветчину.

— Думаю, что не мы, — отвечает Тоби. Если бы это были они, она бы точно знала. За столом велись бы кулинарные разговоры.

Два хряка-носильщика выдвигаются вперед, к линии мочи. По другую сторону линии стоят Авраам Линкольн и Соджорнер Трут. Они опуска-

ются на колени, чтобы оказаться на одном уровне со свиноидами, голова к голове. Дети Коростеля умолкают. Воцаряется тишина. Затем Дети Коростеля снова начинают петь.

— Что происходит? — спрашивает Тоби.

— Они разговаривают, о Тоби, — отвечает Черная Борода. — Они просят помощи. Они хотят остановить этих. Этих, которые убивают свиных детей.

Он набирает полную грудь воздуху.

— Они убили двух свиных детей — одного палкой, которой показывают, одного ножом. Свиные хотят, чтобы эти убивающие стали мертвы.

— Они хотят помощи от… от твоего народа?

Если нужно кого-то убить, чем помогут Дети Коростеля? Они, по словам Беззумных Аддамов, пацифисты от природы. Они не сражаются, не могут сражаться. Физически неспособны на это. Так они устроены.

— Нет, о Тоби, — отвечает Черная Борода. — Они хотят помощи от вас.

— От меня?

— От всех вас. От всех, кто стоит за изгородью. От всех, у кого две кожи. Они хотят, чтобы вы помогли им с теми палками, которые есть у вас. Они знают, как вы убиваете — проделывая дырку.

И оттуда выходит кровь. Они хотят, чтобы вы сделали такие дырки в трех плохих людях. Чтобы потекла кровь.

Ему, кажется, нехорошо: эта речь ему тяжело дается. Тоби хочется обнять его, но такой жест был бы недопустимо снисходительным: мальчик сам возложил на себя труд переводчика.

— Ты сказал «трех»? — спрашивает Тоби. — Разве их не двое?

— Свиные сказали о трех, — отвечает Черная Борода. — Они унюхали троих.

— Это плохо, — говорит Зеб. — Они кого-то завербовали.

Они с Черным Носорогом мрачно переглядываются.

— Это меняет расклад, — замечает Носорог.

— Они хотят, чтобы вы сделали кровь, — говорит Черная Борода. — Чтобы в этих троих сделались дырки и потекла кровь.

— Мы? Они хотят, чтобы мы это сделали? — уточняет Тоби.

— Да, — отвечает Черная Борода. — Те, у кого две кожи.

— Тогда почему они не обращаются к нам? Почему говорят с вами?

«А, — думает она, — ну конечно. Мы слишком

тупы и не понимаем их языка. Нужен посредник».

— Им проще разговаривать с нами, — безыскусно объясняет Черная Борода. — А взамен, если вы им поможете, они больше никогда не будут есть ваш огород. И никого из вас. Даже если вы будете мертвые, они не будут вас есть. И еще они просят, чтобы вы больше не делали в них дырок с кровью, и не готовили из них суп с вонючими костями, и не вешали их в дыму, и не жарили, и не ели. Чтобы вы больше никогда этого не делали.

— Скажи им, по рукам, — говорит Зеб.

— Добавь еще пчел и мед, — говорит Тоби. — Чтобы их они тоже не трогали.

— О Тоби, по каким рукам? — спрашивает Черная Борода.

— «По рукам» значит, что мы принимаем их предложение и согласны им помочь, — объясняет Тоби. — Мы разделяем их желания.

— Тогда они будут рады, — говорит Черная Борода. — Они хотят пойти охотиться на плохих людей завтра. Или послезавтра. Вы должны взять с собой палки, которые делают дырки.

Похоже, что решение принято. Свиноиды, которые до сих пор стояли навострив уши и задрав пятачки, словно нюхая доносящиеся по воздуху

слова, теперь поворачиваются и уходят на запад, откуда пришли. Усыпанный цветами поросенок остался на земле.

— Погоди, — говорит Тоби Черной Бороде. — Они забыли своего…

Она чуть не сказала «своего ребенка».

— …своего детеныша.

— Маленький Свиной — для вас, о Тоби. Это подарок. Он уже мертв. Они уже свершили свою печаль.

— Но мы же обещали больше не есть их, — говорит Тоби.

— Не убивать, чтобы есть, это верно. Но они сказали, что этого поросенка убили не вы. Следовательно, вам позволено его съесть. Они говорят, что вы можете есть или не есть, как вам угодно. Если вы не хотите, они съедят его сами.

Какие странные похоронные обряды, думает Тоби. Незабвенного усыпают цветами, скорбят, а потом съедают труп. Предельный случай утилизации вторичных материалов. Так далеко не заходили даже вертоградари во главе с Адамом.

Совещание

Дети Коростеля отступили на площадку с качелями и стоят там, жуя кудзу и тихо переговариваясь. Мертвый поросенок по-прежнему лежит на земле, и на него уже садятся мухи. Его обступили Беззумные Аддамы и размышляют вслух — словно ведут расследование.

— Думаете, эти козлы зарезали его на мясо? — говорит Шеклтон.

— Возможно, — отвечает Дюгонь. — Но тогда они подвесили бы его на дерево. Так обычно делают, чтобы спустить кровь из туши.

— Свиньи сказали моим синим приятелям, что он просто валялся на тропе, — говорит Крозье. — На виду.

— Думаешь, это — послание? — спрашивает Колибри.

— Что-то вроде вызова, — отвечает Шеклтон. — Они вызывают нас на бой.

— Может, потому на нем веревка. В прошлый раз веревка была на них, — говорит Рен.

— Не-а, — возражает Крозье. — С чего бы им для этого использовать поросенка?

— Может, они хотят сказать: «Следующая оче-

редь — ваша». Или: «Смотрите, как близко мы можем к вам подобраться». Не забывайте, это больболисты с тремя ходками. Типичный прием в больболе: напугать противника, чтобы он перестал соображать, — говорит Шеклтон.

— Верно, — отзывается Носорог. — Они теперь по правде хотят нас достать. Должно быть, у них кончаются ячейки для распылителей, вот они и задергались.

— Они попробуют проникнуть на нашу территорию среди ночи, — говорит Шеклтон. — Нужно удвоить посты.

— И проверить ограду, — добавляет Носорог. — Она местами еще хлипкая.

— Может быть, у них есть инструменты, — говорит Зеб. — Из какого-нибудь хозяйственного магазина. Ножи, кусачки для проволоки и все такое.

Он уходит за угол саманного дома. Носорог следует за ним.

— Может, его вовсе не больболисты убили. Убийство совершено неизвестным лицом или лицами, — произносит Белоклювый Дятел.

— Может, это Дети Коростеля, — встревает Джимми. — Эй, я пошутил, я знаю, что они на это неспособны.

— Никогда не говори «никогда», — возражает Белоклювый Дятел. — Их мозги гораздо более пластичны, чем задумывал Коростель. Они уже делают ряд вещей, которых мы никак не могли предусмотреть в фазе конструирования.

— Может, это кто-нибудь из нас, — говорит Американская Лисица. — Кто-нибудь соскучился по колбасе.

По кругу пробегает неловкий виноватый смешок. Воцаряется молчание.

— Ну хорошо, что дальше? — спрашивает Белоклювый Дятел.

— Дальше надо решить, будем мы его готовить или нет, — говорит Ребекка. — Это молочный поросенок.

— Ой, я не смогу его есть, — говорит Рен. — Все равно что труп ребенка.

Аманда начинает рыдать.

— Дорогая моя, что случилось? — осведомляется Белоклювый Дятел.

— Простите, я зря сказала про ребенка, — извиняется Рен.

— Так. Карты на стол. Поднимите руки, кто тут еще не знает, что Аманда беременна, — командует Ребекка.

— По-видимому, я один пребываю в невежестве

относительно вопросов гинекологии, — комментирует Белоклювый Дятел. — Возможно, подобная женская информация личного плана была сочтена неподобающей для моих престарелых ушей.

— А может, ты просто не слушал, — говорит Американская Лисица.

— Так, с этим ясно, — продолжает Ребекка. — Теперь давайте, как мы говорили у вертоградарей, откроем круг… Рен, хочешь начать?

Рен набирается духу.

— Я тоже беременна, — она хлюпает носом. — Я пописала на палочку. Она стала розовая, и на ней появился смайлик… О Боже.

Голубянка гладит ее по плечу. Крозье делает шаг в направлении Рен и останавливается.

— Бог любит троицу, — говорит Американская Лисица. — Принимайте меня в клуб. Я тоже с начинкой. Залетела. В интересном положении.

«Она, по крайней мере, бодро это воспринимает, — думает Тоби. — Но чья же у нее начинка?»

Снова молчание.

— Я полагаю, нет никакого смысла строить предположения в отношении потенциальных отцов этих… разнообразных грядущих отпрысков, — мрачно и неодобрительно произносит

Белоклювый Дятел.

— Абсолютно никакого, — соглашается Американская Лисица. — Во всяком случае, относительно меня. Я ставила эксперименты по генетической эволюции. Выживание наиболее приспособленных. Считайте меня чашкой Петри.

— Я нахожу такое поведение крайне безответственным, — заявляет Белоклювый Дятел.

— Я не уверена, что тебя это как-то касается, — парирует Американская Лисица.

— Эй! — останавливает их Ребекка. — Ребенок есть ребенок.

— В случае с Амандой это может быть Дитя Коростеля, — говорит Тоби. — Из-за того, что случилось в ту ночь, когда она… когда мы отбили ее у… Это наилучший возможный сценарий. И, может быть, с Рен то же самое.

— Во всяком случае, это не больболисты, — говорит Рен. — В моем случае. Я точно знаю.

— Откуда ты можешь это знать? — спрашивает Крозье.

— Не буду вдаваться в неаппетитные детали, вдруг тебе это покажется излишней откровенностью. Девичьи секреты. Мы считаем дни. Вот откуда.

— В моем случае это совершенно точно не больболисты, — говорит Американская Лисица. — И еще про нескольких человек я могу сказать, что это точно не они.

Мужчины старательно не смотрят друг на друга. Крозье прячет ухмылку.

— Что, и Дети Коростеля тоже? — Тоби очень старается говорить ничего не выражающим тоном. Кто еще в списке Американской Лисицы? Крозье — точно, но кто еще? Сколько их было? Может, Зеб все-таки тоже. Тогда среди нас скоро появится младенчик-Зеб. В этом случае — что делать самой Тоби? Притвориться, что она не в курсе? Вязать чепчики? Надуться и мрачно молчать? Первые два варианта предпочтительнее, но она не уверена, что у нее хватит душевных сил.

— Да, у меня были один-два эпизода с большими и синими, — говорит Американская Лисица. — Когда никто не видел. Пришлось все делать очень быстро — слишком много любопытных глаз. Это было весьма акробатическое мероприятие, и я не уверена, что оно войдет у меня в привычку. Прелюдия как таковая почти отсутствовала. Но розовый смайлик не врет, и скоро я принесу в подоле. Единственный вопрос: кого?

— Надо полагать, мы увидим, когда время при-

дет, — говорит Шеклтон.

Зеб и Черный Носорог вернулись после обхода изгороди.

— Да, это явно не крепость, — говорит Зеб. — Проблема вот в чем: если мы заберем оружие с собой на охоту, то весь саманный дом останется без защиты.

— Может, они этого и хотят, — говорит Черный Носорог. — Выманить нас на фронт и проникнуть с тыла. И украсть наших женщин.

— Мы не пассивный груз! — возражает Американская Лисица. — Мы можем защищаться! Оставьте нам пару пистолетов-распылителей.

— Удачи вам, что еще сказать, — буркает Черный Носорог.

— Когда мы уйдем охотиться на этих типов, нужно будет переселить всю группу отсюда куда-нибудь еще, — говорит Крозье. — Никого не оставлять. И париковец тоже. Если мы будем все вместе, больболистам труднее будет устраивать на нас засады.

— Но проще напасть, — говорит Ребекка. — И еще мне хотелось бы напомнить, что среди нас три беременные женщины.

— Три? — переспрашивает Зеб.

— Рен и Американская Лисица, — объясняет

Ребекка.

— Когда они успели?

— Они сказали нам только что, пока вы проверяли забор.

— А залетели они в одночасье от эльфов, — встревает Джимми.

— Не смешно, Джимми, — одергивает его Голубянка.

— Короче, им не полезно бегать, — продолжает Ребекка.

— Значит, мы не сможем выполнить свою часть уговора? Пойти сражаться вместе со свиным ополчением? Свиньям придется отдуваться одним? — спрашивает Шеклтон.

— Они не смогут, — говорит Джимми. — Они смертельно опасны в бою, но не умеют подниматься по лестницам. Если они загонят больболистов в город, те просто поднимутся на этаж и будут стрелять сверху. Устроят децимацию.

— Крозье прав, нам всем надо переселиться, — говорит Тоби. — В более безопасное место, с дверями, которые запираются.

— Например? — спрашивает Ребекка.

— Мы можем вернуться в салон красоты «НоваТы». Я прожила там несколько месяцев. Там еще есть кое-какие запасы продовольствия.

Может, и семена остались, думает она. Можно их взять, для огорода. И боеприпасами разжиться, там оставались патроны для ее винтовки.

— Там настоящие кровати, — добавляет Рен. — И полотенца.

— И крепкие двери, — говорит Тоби.

— Похоже на план, — резюмирует Зеб. — Голосуем?

«Против» никого нет.

— Тогда будем готовиться, — говорит Катуро.

— Сперва надо похоронить поросенка, — говорит Тоби. — Это будет правильно в данных обстоятельствах.

И они его хоронят.

Перегруппировка

Они тратят день на сборы. Очень много всего нужно взять с собой: основные кухонные принадлежности, сменные простыни в качестве одежды, изоленту, веревку. Фонарики, головные фонари: батареи в основном еще работают. Пистолеты-распылители, конечно. Винтовку Тоби. И все острые инструменты — ведь они не хотят, чтобы такие вещи, как ножи и кирки, попали в руки врага.

— Не набирайте много, — повторяет Зеб. — Если все будет хорошо, мы через несколько дней вернемся.

— Может оказаться, что вернемся мы на пепелище, — возражает Носорог.

— Значит, все по-настоящему нужное придется брать с собой, — добавляет Катуро.

Тоби тревожится за свой улей. Как справятся без нее пчелы? Кто может на них напасть? Медведей она тут не видела, а свиноиды не должны трогать пчел по условиям договора. Во всяком случае, надо в это верить. Любят ли волкопсы мед? Нет, они хищники. Может быть, скуноты, но им не выстоять против разъяренного роя.

Она покрывает голову и обращается к пчелам с речью, как до сих пор прилежно делала каждое утро:

— Приветствую вас, о пчелы. Я несу весть вам и вашей царице. Завтра я должна буду ненадолго уйти, поэтому несколько дней не буду приходить с вами разговаривать. Наш собственный улей — под угрозой. Мы в опасности и должны напасть на тех, кто нам угрожает, как сделали бы и вы на нашем месте. Будьте прилежны, собирайте много пыльцы и защищайте свой улей, если будет в том нужда. Передайте эту весть Пилар и испросите помощи для нас у ее сильного духа.

Пчелы вылетают из летка пенопластового улья и возвращаются. Им, кажется, нравится здесь, в огороде. Несколько пчел подлетают и начинают исследовать Тоби. Сначала они проверяют простыню в цветочек. Она им не нравится, и они перемещаются на лицо. Да, это знакомый им человек. Они касаются ее губ, впивают ее слова, улетают с посланием и исчезают в темном отверстии. Проходят невидимую мембрану, отделяющую этот мир от мира невидимого, что лежит сразу под ним. В том мире есть Пилар — она, с обычной спокойной улыбкой на губах, идет по длинному коридору, озаренному скры-

тым светом.

«Тоби, ты совсем уже, — мысленно констатирует Тоби, обращаясь к самой себе. — Говорящие свиньи, общительные покойники, подземный мир в пенопластовом ящике от сумки-холодильника. Ты не пила снадобий и даже не больна. Тебе, если честно, нет оправданий».

Дети Коростеля с интересом следят за приготовлениями к переезду. Малыши околачиваются на кухне, следят за Ребеккой огромными зелеными глазами, держась поодаль от копченых свиных боков и вяленой волкопсятины.

Дети Коростеля, кажется, не до конца поняли, отчего Беззумные Аддамы решили переехать, но недвусмысленно выразили желание последовать за ними.

— Мы будем помогать Джимми-Снежночеловеку, — говорят они. — Мы будем помогать Зебу. Мы будем помогать Крозье, он наш друг, у него не сильная моча, мы поможем ему писать. Мы будем помогать Тоби, она расскажет нам историю. Коростель хочет, чтобы мы туда пошли.

И так далее, и тому подобное. У Детей Коростеля нет личных вещей, так что они пойдут налегке, но они выражают готовность понести другие пожитки:

— Я понесу вот это, это кастрюля. Я понесу это, это заводное радио, а что оно делает? Я понесу эту острую вещь, она называется нож. Это туалетная бумага, я понесу ее.

— Мы понесем Джимми-Снежныечеловека, — объявляют трое Детей Коростеля. Но Джимми говорит, что может ходить.

Черная Борода торжественно входит в закуток к Тоби.

— Я понесу письмена, — многозначительно произносит он. — И ручку. Я понесу их, чтобы они были у нас там.

Он считает журнал Тоби их совместной собственностью. Тоби не возражает — это дает ей возможность следить за тем, как он учится писать. Хотя ей иногда бывает сложно изъять у него журнал, чтобы писать в нем самой. И еще Черная Борода иногда забывает, что журнал нельзя оставлять под дождем.

Пока он занимается в основном именами, хотя любит также писать «Спасибо» и «Спокойной ночи». Типичная запись выглядит так: КАРАСТЕЛ СПАКОЙНЫНОЧИ ПЛАХОЙ ХАРОШЫЙ ЦВИТОК ЗЕБ ТОБИ ОРИКС СПАСИБА. Возможно, в конце концов эти записи дадут Тоби возможность понять, как он мыслит. Хотя до сих пор у нее не было

никаких ослепительных озарений.

На рассвете следующего дня они покидают саманный дом в парке «Древо жизни». Это исход — они уходят от корней существующей цивилизации (уж какая есть).

С ними два свиноида, которые пришли сопровождать их; все остальные встретят их у «НоваТы», говорит Черная Борода. Он забрал бинокль у Тоби и научился им пользоваться. Время от времени он делает шаг вбок от тропы, наводит бинокль на небо и подкручивает фокус. «Вороны», — объявляет он после этого. Или: «Грифы». Дочери Коростеля по-доброму смеются над ним:

— О Черная Борода, ты мог бы то же самое сказать и без этих трубок для глаз.

Тогда он тоже смеется.

Впереди идут Носорог, Катуро и два свиноида, за ними — Крозье со стадом париковец. Некоторым овцам на спину привязали тюки с грузом — это нечто новое, но овцы, кажется, не возражают. Человеческие волосы, прямые или кудрявые, торчат из-под приплюснутых свертков, и все вместе напоминает авангардистские шляпы с ногами.

Шеклтон вместе с Рен, Амандой и Американской Лисицей идет в середине колонны. Их окру-

жают Дочери Коростеля, которых как магнитом тянет к беременным. Дочери Коростеля воркуют, курлыкают, улыбаются, смеются, трогают и поглаживают будущих матерей. Американскую Лисицу это явно раздражает, но Аманда улыбается.

Остальные Беззумные Аддамы идут за ними, а следом шествуют мужчины из Детей Коростеля. В арьергарде — Зеб.

Тоби идет рядом с Дочерьми Коростеля, держа винтовку наизготове. Кажется, прошло очень много времени с тех пор, как они с Рен шли по этой тропе в поисках Аманды. Рен, должно быть, тоже вспомнила те дни: она чуть приотстает, чтобы поравняться с Тоби, и берет ее под свободную левую руку.

— Спасибо тебе, что впустила меня тогда. В «НоваТы». И за опарышей спасибо. Я бы умерла, если бы ты обо мне не позаботилась. Ты спасла мне жизнь.

«А ты — мне», — думает Тоби. Если бы Рен не прибрела тогда в «НоваТы», что делала бы Тоби? Ждала бы и ждала взаперти, в одиночестве, и в конце концов либо спятила бы, либо иссохла бы от старости.

Они держатся дороги, ведущей через Парк

Наследия на северо-запад. Вот и бузинный куст Пилар, усыпанный бабочками и пчелами. Одна париковца успевает на ходу набить рот листьями.

Вот они уже дошли до восточных ворот. Здание проходной — розовое, в стиле ретро-текс-мекс.

— Мы здесь были, — говорит Рен. — Там внутри был тот человек. Больболист, самый ужасный.

— Да, — отзывается Тоби. Бланко, ее старый враг. У него была гангрена, но все равно он был твердо намерен убить ее, Тоби.

— Ты ведь его убила, да? — спрашивает Рен. Значит, она уже тогда знала.

— Скажем, так: я помогла ему перейти в иную плоскость бытия, — говорит Тоби. Это очень вертоградарская формулировка. — Он бы все равно скоро умер, но в больших мучениях. И вообще это было «предотвращение кровопролития в городе».

Главное правило этой дисциплины: первым делом следует предотвратить пролитие собственной крови. Она тогда напоила Бланко настоем мака и аманитовых грибов; безболезненная смерть, какой он не заслуживал. Потом вытащила труп на декоративную клумбу, обрамленную беленными камнями. Подарок для дикой природы.

Не была ли доза аманитовых грибов слишком сильной — не отравились ли те, кто съел труп? Тоби надеется, что нет: грифы ей ничего плохого не сделали.

Тяжелые ворота из кованого железа стоят нараспашку. Уходя, Тоби крепко завязала ворота веревкой, но сейчас веревка перегрызена. Двое свиноидов проходят в ворота первыми, обнюхивают тропинку, идущую вокруг сторожки, потом, не переставая нюхать, входят внутрь. Выходят, трусят к Черной Бороде. Слышится тихое хрюканье, мальчик и свиньи смотрят друг другу в глаза.

— Они говорят, что те трое были здесь раньше. Но теперь их тут нет.

— Они уверены? — спрашивает Тоби. — Здесь был один человек, давно. Плохой человек. Они не его имеют в виду?

— О нет, — отвечает Черная Борода. — Про того они знают. Он был мертвый и лежал на цветах. Они сначала хотели его съесть, но в нем были плохие грибы. Так что они его есть не стали.

Тоби смотрит на клумбу. Раньше на ней петуниями была выложена надпись «Добро пожаловать в «НоваТы»». Теперь там плотные заросли луговых трав. Что-то виднеется среди них — не

ботинок ли? У нее нет никакого желания проверять.

Она оставила рядом с телом Бланко нож. Хороший, острый. Но у Беззумных Аддамов есть другие ножи. Тоби надеется, что он не попал в руки к больболистам. Впрочем, и у них есть другие ножи.

Они уже на территории «НоваТы». Они идут главной дорогой, хотя есть еще лесная тропа — Тоби и Рен тогда пошли по ней, чтобы укрыться от солнца. Там они наткнулись на Оутса, которого убили больболисты, вырезали почки, подвесили тело на дерево.

Он, наверное, все еще там, думает Тоби. Нужно его найти, снять, похоронить по-человечески. Его братья, Шеклтон и Крозье, будут довольны. Закомпостировать как следует, посадить поверх его собственное дерево. Пусть лежит в прохладной безмятежности среди корешков, в спокойной, все растворяющей земле. Но сейчас не время.

Далеко в лесу слышится лай. Они останавливаются, прислушиваются.

— Если эти твари подбегут, виляя хвостами, — стреляйте, — говорит Джимми. — Это волкопсы, они коварные и злобные.

— У нас мало боеприпасов, — говорит Носо-

рог. — Мы не можем стрелять, пока не найдем новый запас.

— Они сейчас не станут нападать, — говорит Катуро. — Нас слишком много. И два свиноида.

— Мы, наверное, их почти всех уже поубивали, — говорит Шеклтон.

Они проходят мимо сгоревшего джипа, мимо сожженного остова солнцекара. Потом видят врезавшийся в дерево розовый мини-фургон с логотипом «НоваТы»: сложенные для поцелуя губки и подмигивающий глаз.

— Не заглядывайте внутрь, — предостерегает Зеб, уже заглянувший. — Неаппетитное зрелище.

И вот впереди уже виднеется здание салона, окрашенное в сплошной розовый цвет. Оно невредимо; его никто не сжег.

Основные силы свиноидов толкутся у салона снаружи: видно, доедают остатки огорода, откуда когда-то поступали на стол клиенток салона экологически чистые овощи для диетических салатов и гарниров. Тоби помнит часы одиночества, которые провела на огороде после Потопа, стараясь вырастить достаточно овощей, чтобы не помереть с голоду. Сейчас от огорода осталась только истоптанная земля.

Хорошо, что она не заперла дверь, когда уходила.

Полумрак, запах плесени. Ее собственный призрак, блуждающий по коридорам со слепыми зеркалами — она завесила их полотенцами, чтобы не пугаться собственного отражения.

— Входите, — провозглашает она, обращаясь ко всем. — Будьте как дома.

Форт «НоваТы»

Дети Коростеля зачарованы салоном «НоваТы». Они осторожно ступают по коридорам, наклоняются потрогать гладкий полированный пол. Они приподнимают полотенца, некогда повешенные Тоби, видят в зеркалах людей и заглядывают по ту сторону зеркала; потом, поняв, что в зеркале — они сами, поправляют волосы и улыбаются, чтобы отражение тоже улыбнулось. Они осторожно садятся на кровати в спальнях и снова встают. В спортзале дети с хохотом прыгают на батутах. Дети Коростеля нюхают розовое мыло в ванных комнатах. Розового мыла осталось еще очень много.

— Это Яйцо? — спрашивают они. Во всяком случае, молодые спрашивают. Дети Коростеля смутно помнят похожее место, с гладкими полами и высокими стенами. — Это Яйцо, где нас сотворили? Нет, Яйцо не такое. Яйцо далеко. Оно больше далеко, чем это место. В Яйце есть Коростель, в Яйце есть Орикс. Здесь их нету. Можно нам пойти в Яйцо? Мы не хотим сейчас идти в Яйцо, оно погасло. А в Яйце есть розовые вещи, как здесь? Вещи, пахнущие цветами, которые мы

можем есть? Это не растение, это мыло. Мы не едим мыло.

И так далее.

Хорошо уже то, что они не поют, думает Тоби. Они и по пути сюда почти не пели. Они присматривались и прислушивались. Кажется, они чувствуют опасность.

К счастью, крыша здания не протекла. Тоби очень рада: это значит, что в кроватях можно спать, несмотря на легкий запах сырости. Тоби как фактическая хозяйка заведения распределяет комнаты. Себе она берет семейные апартаменты. В салоне их было три — на маловероятный случай, если супружеская (ну или любая другая) пара захочет побыть в салоне вместе, чтобы обоим одновременно делали чистку лица, массажи и прочее наведение марафета. Но такая услуга не пользовалась популярностью — во всяком случае, у разнополых пар. Женщины обычно предпочитали проделывать всякие манипуляции вдали от чужих глаз, чтобы потом выпорхнуть, как бабочка из надушенного кокона, и поразить человечество своей неземной красотой. Тоби когда-то была здесь менеджером и хорошо это помнит. Еще она помнит, как сильно бывали разочарованы женщины, которые заплатили немалые

деньги, но почему-то не особенно похорошели.

Она складывает пожитки — чем богата — в шкаф. Потертый бинокль: в саманном доме от него толку не было из-за ограниченной видимости, зато сейчас он будет незаменим. Винтовка и боеприпасы. Она оставила запас патронов тут, в «НоваТы», так что теперь сможет им воспользоваться. Когда патроны выйдут, винтовка станет бесполезной — но, может, Тоби научится делать порох.

Она ставит зубную щетку в ванной, прилегающей к спальне. Можно было не тащить с собой старую щетку — тут, в «НоваТы», их большой запас, все розовые; а в кладовой — целая полка мини-тюбиков зубной пасты для гостей, двух видов: органическая «Вишневый цвет», биоразложимая, с микроорганизмами, уничтожающими зубной налет; и «Поцелуй в темноте», с усилителем хроматического свечения.

Изготовители последней утверждали, что после нее весь рот светится в темноте. Тоби никогда ее не пробовала, но некоторые женщины клялись, что это просто чудо. Интересно, думает Тоби, как отреагировал бы Зеб на светящийся бестелесный рот в темноте. Впрочем, сегодня ей не удастся это выяснить: ночью она будет нести вахту на кры-

ше, а светящийся рот — великолепная мишень для снайпера.

Ее старые дневники: она забрала их из комнаты, где раньше спала на массажном столе — видимо, в порядке умерщвления плоти, по-монашески. Вот ее письмена, в регистрационных журналах «НоваТы» с логотипом из поцелуйных губок и подмигивающего глаза. Она записывала все вехи календаря вертоградарей, дни памяти святых, праздники, фазы луны; и ежедневные происшествия, если таковые были. Это помогло ей сохранить рассудок. Потом, когда время потекло снова и в него вошли настоящие люди, Тоби бросила дневники здесь. Сейчас они — словно шепот из прошлого.

Может быть, письмена и есть шепот из прошлого? Голос, которым говорил бы твой призрак, если бы мог говорить? Если так, зачем она учит этому Черную Бороду? Уж наверное, без этого умения Дети Коростеля были бы счастливее.

В унитазах есть вода — плюс куча дохлых мух. Тоби нажимает на смыв: похоже, система сбора дождевой воды, установленная на крыше, все еще работает. Это огромное счастье. Кроме того, в салоне большие запасы туалетной бумаги — розовой, с запрессованными в нее лепестками

цветов. В «НоваТы» много экспериментировали с использованием ботанических объектов для туалетной бумаги, но не все эксперименты оказались удачными — у некоторых клиентов обнаруживались неожиданные виды аллергии.

Впрочем, надо бы повесить объявление, чтобы люди пили только кипяченую воду. При виде воды, вытекающей из настоящего водопроводного крана, некоторые могут увлечься и забыть об осторожности.

Умывшись и надев чистую розовую накидку из кладовой для сотрудников, Тоби присоединяется к остальным. В главном вестибюле идет оживленная дискуссия: куда девать париковец на ночь? Обширный газон «НоваТы» уже зарос луговым разнотравьем, так что пасти овец днем можно прямо тут, но после наступления темноты их надо стеречь или загнать в помещение: поблизости могут быть львагнцы. Крозье ратует за то, чтобы загонять овец на ночь в спортзал: он успел к ним сильно привязаться и беспокоится за них. Дюгонь указывает на то, что в спортзале скользкий пол — овцы запросто могут поскользнуться и поломать ноги, не говоря уже о навозе, с которым надо будет что-то делать. Тоби предлагает огород: он обнесен забором, еще почти целым — свиноиды

сделали подкопы, но их можно быстро засыпать. А часовой на крыше сможет поглядывать на овец и поднять тревогу, если они станут необычно блеять.

Но где же будут спать Дети Коростеля? Они не любят закрытых помещений. Они хотят спать на лугу, где к тому же есть для них еда. Но поскольку рядом рыщут больболисты, к тому же, скорее всего, объявившие войну, — это исключено.

— На крыше, — говорит Тоби. — Там есть ящики с растениями на случай, если кто-нибудь проголодается.

Вопрос решен.

Приходит и проходит послеобеденная гроза. Когда она кончается, свиноиды решают искупаться в бывшем бассейне. Их не останавливает то, что он зарос водорослями и ряской, а также обзавелся процветающей колонией лягушек. Чтобы удобнее было забираться в воду и выбираться из нее, свиньи сталкивают в бассейн, на мелкий конец, всю стоящую рядом мебель. Получилась куча, которая служит опорой для ног. Молодежь плещется и радостно визжит; свиноматки и кабаны постарше окунаются по разу, потом устраиваются у бассейна и снисходительно поглядывают на детей. Интересно, думает Тоби, могут ли свиньи

обгореть на солнце.

Ужин импровизируется на скорую руку, но подается очень торжественно, в главной столовой, на круглых столах с розовыми скатертями. Фуражная команда набрала на лугу съедобных растений, так что каждый получает по большой порции салата из зелени. Ребекка откопала запечатанную бутылочку оливкового масла и сделала к салату настоящую французскую заправку. Пареная лебеда, припущенные корни лопуха, вяленая волкопсятина, молоко париковец. На кухне нашлись остатки сахара, и каждый получает по ложке на десерт. Тоби совсем отвыкла от сахара, и сладость проходит по телу, словно лезвие косы.

— У меня для тебя новость, — говорит Ребекка, когда они убираются после ужина. — Твои приятели поймали для тебя лягушку. И попросили меня ее приготовить.

— Лягушку?

— Да. Рыбы не нашлось.

— О черт, — говорит Тоби. Дети Коростеля опять потребуют, чтобы она рассказала им сказку на ночь. Остается только надеяться, что они забыли принести с собой красную бейсболку Снежного Человека.

Стоит тихий, мягкий вечер. Солнце садится.

Трещат цикады, птицы устраиваются на ночлег, лягушки квакают из бассейна, какие-то другие твари издают вибрирующие звуки, похожие на жужжание натянутой резинки. Тоби ищет какую-нибудь верхнюю одежду: ночью на крыше может быть холодно.

Она закутывается в розовое покрывало с кровати, когда в комнату бочком просачивается Черная Борода. Он видит себя в зеркале, улыбается, машет сам себе и делает несколько танцевальных па. Потом доставляет вверенное ему сообщение:

— Свиные говорят, что три плохих человека — там.

— Где? — спрашивает Тоби.

— По ту сторону цветов. За деревьями. Они их чуют.

— Скажи, чтобы не подходили слишком близко, — говорит Тоби. — У плохих людей могут быть пистолеты-распылители. Палки, которые делают дырки. Из которых выходит кровь.

— Свиные это знают, — отвечает Черная Борода.

Тоби взбирается по лестнице на крышу, на шее — бинокль, через плечо винтовка в боевой готовности. Несколько Детей Коростеля уже тоже на крыше, все в нетерпеливом ожидании. И Зеб

— он стоит, облокотившись на перила.

— Ты очень розовая, — говорит он. — Этот цвет тебе идет. И силуэт тоже. Мишленовский человечек?

— Обидеть хочешь?

— Я не нарочно, — говорит он. — Смотри, какой шум подняли вороны.

И правда. «Кар! Кар! Кар!» — доносится с края леса. Тоби подносит бинокль к глазам: ничего не видно.

— Может, это сова, — говорит она.

— Может, — отвечает Зеб.

— Свиноиды все время говорят, что там трое, а не двое.

— Я очень удивлюсь, если они окажутся не правы.

— Как ты думаешь, это может быть Адам? — спрашивает Тоби.

— Помнишь, что ты сказала про надежду? Что она может помешать. Я стараюсь не надеяться.

Среди ветвей мелькает что-то светлое. Не лицо ли? Оно уже исчезло.

— Ждать — хуже всего, — говорит Тоби.

Черная Борода дергает ее за простыню:

— О Тоби! Иди! Настало время услышать историю, которую ты нам расскажешь. Мы принесли

красную кепку.

Поезд в «Криогений»

История о двух яйцах и размышлениях

Спасибо. Я рада, что вы не забыли принести красную кепку.

И рыбу. Это не совсем рыба, это скорее лягушка. Но вы поймали ее в воде, и мы сейчас далеко от океана, так что, я уверена, Коростель нас поймет и учтет, что вы не могли идти за рыбой так далеко.

Спасибо, что вы ее приготовили. Что попросили Ребекку ее приготовить. Коростель сказал, что мне не обязательно съедать всю лягушку. Достаточно откусить кусочек.

Вот.

Да, в этой лягушке… в этой рыбе была кость. Да, это была вонючая кость. Поэтому я ее выплюнула. Но нам сейчас не нужно говорить о вонючих костях.

Завтра очень важный день. Завтра все мы, у кого две кожи, должны будем закончить труд Коростеля — труд по уничтожению Хаоса. Труд Коростеля был Великой Переделкой, и от него возникла Великая Пустота.

Но это была лишь часть работы Коростеля.

Другой частью его работы было сотворение вас. Он сделал ваши кости из кораллов, найденных на пляже, — они белые, как кости, но не воняют. А вашу плоть он сделал из плодов манго, мягких и сладких. Все это он сотворил внутри огромного Яйца, где у него были помощники. И Джимми-Снежныечеловек тоже был помощником Коростеля и тоже был в Яйце.

И Орикс тоже там была. Иногда она была в виде женщины с зелеными глазами, как у вас, а иногда — в виде совы. И она отложила в большом Яйце два совиных яйца поменьше. Одно совиное яйцо было полно животных — зверей, птиц и рыб. Это были Дети Орикс. Да, и пчелы там тоже были. И бабочки. Да, и муравьи. И жуки, очень много жуков. И змеи. И лягушки. И опарыши. И скуноты, и рыськи, и париковцы, и свиноиды.

Спасибо, но нам сейчас не стоит перечислять их всех.

Потому что тогда мы тут просидим всю ночь.

Давайте просто скажем, что Орикс сотворила очень много Детей. И каждый из них был по-своему прекрасен.

Да, мы можем сказать ей спасибо за всех животных, которых она сотворила и поместила в отложенное ею яйцо. За всех, кроме, может быть,

комаров.

Другое яйцо, которое отложила Орикс, было полно слов. Но это яйцо наклюнулось первым, раньше того, в котором были животные, и вы съели большую часть слов, потому что вы были голодные; поэтому у вас внутри есть слова. И Коростель решил, что вы съели все слова, так что слов для животных совсем не осталось, и поэтому они не могли говорить. Но Коростель ошибался. Коростелю тоже случалось ошибаться.

Потому что, когда он не видел, несколько слов упало на землю, несколько — в воду, и несколько слов унесло ветром в воздух. И никто из людей этого не заметил. Но звери, птицы и насекомые увидели эти слова и съели их. Это были другие слова, поэтому людям иногда трудно понимать животных. Животные слишком мелко прожевали эти слова, когда ели их.

А свиноиды — Свиные — съели больше слов, чем все остальные животные. Вы знаете, как они любят есть. Поэтому Свиные очень хорошо умеют думать.

Потом Орикс сотворила совсем новую вещь, которая называлась пением. И дала его вам, потому что любила птиц и хотела, чтобы вы умели петь, как птицы. Но Коростель не хотел, чтобы

вы пели. Это пение беспокоило его. Он думал, что если вы будете петь, как птицы, то разучитесь разговаривать, как люди, и тогда забудете про него и его труды — все труды, которые он взял на себя, чтобы сотворить вас.

И тогда Орикс сказала ему: «Перетопчешься. Потому что если эти люди не смогут петь, они будут как… как ничто. Они будут как камни».

«Перетопчешься» значит… о том, что это значит, мы поговорим в другой раз.

А теперь я расскажу вам другую часть истории, в которой объясняется, для чего Коростель сотворил Великую Пустоту.

Коростель долго размышлял. Он все размышлял и размышлял. Он никому не говорил про свои размышления, хотя часть их открыл Джимми-Снежныечеловеку, часть — Зебу, часть — Пилар и часть — Орикс.

Вот что он думал.

Люди, живущие в хаосе, не умеют учиться. Они не могут понять, что они делают с морем, небом, растениями и животными. Они не могут понять, что убивают все это и в конце концов убьют самих себя. Их очень много, и каждый делает свою часть убийства, хотя некоторые из них об этом знают, а некоторые — нет. И когда говоришь им,

чтобы перестали, они не слышат.

Поэтому можно сделать только одно. Или убрать большинство людей, пока еще существует Земля, с деревьями, цветами, птицами, рыбами и так далее, или в конце концов все это кончится, и тогда все умрут. Потому что когда кончится все это, то не будет совсем ничего. Даже людей.

«Но разве нельзя дать людям еще одну попытку?» — спросил себя Коростель. И сам себе ответил: «Нет, потому что им уже давалась еще одна попытка. Им давалось много попыток. Время истекло».

И Коростель сотворил много маленьких семян, очень приятных на вкус; когда люди их съедали, то сначала становились очень счастливыми. Но потом те, кто съел семена, становились очень больными, разваливались на куски и умирали. И Коростель рассеял эти семена по всей Земле.

И Орикс помогала ему разбрасывать семена, потому что умела летать, как сова. И Женщины-Птицы, Женщины-Змеи и Женщины-Цветы тоже помогали. Правда, они не знали про умирание, а только про то, что от этих семян люди становились счастливее. Потому что Коростель не открыл им всех своих мыслей.

И началась Великая Переделка. И Орикс с Ко-

ростелем покинули Яйцо и улетели на небо. Но Джимми-Снежныечеловек остался, чтобы заботиться о вас, отгонять от вас плохие вещи, помогать вам и рассказывать вам истории про Коростеля. И истории про Орикс тоже.

Вы можете попеть чуть позже.

Такова история двух яиц.

Теперь мы все должны идти спать, потому что завтра нам очень рано вставать. Завтра некоторые из нас пойдут искать трех плохих людей. Зеб пойдет их искать, и Носорог, и Дюгонь, и Крозье, и Шеклтон. И Джимми-Снежныечеловек. Да, и Свиные тоже пойдут. Многие из них. Их дети не пойдут, и матери этих детей — тоже.

Но вы останетесь тут, с Ребеккой, Амандой и Рен. И Американской Лисицей. И Голубянкой. И вы должны держать двери закрытыми и никого не впускать, что бы они ни говорили. Впускайте только тех, кого вы знаете.

Не бойтесь.

Да, я тоже пойду искать плохих людей. И Черная Борода пойдет — он будет помогать нам говорить со Свиными.

Да, мы вернемся. Я надеюсь, что мы вернемся.

«Надеяться» — значит чего-то очень-очень хотеть, когда не знаешь, случится это на самом

деле или нет.

Теперь я скажу «Спокойной ночи».

Спокойной ночи.

Черные очки

— Здесь я тебя ждала, — говорит Тоби. — Во время Безводного Потопа. Тут, на крыше. Каждую секунду ждала, что ты вдруг выйдешь из леса.

Кругом мирно спят Дети Коростеля. Какие они доверчивые, думает Тоби. Они не знали настоящего страха. Может быть, они и не могут его узнать.

— Значит, ты не думала, что я умер? — спрашивает Зеб.

— Я на тебя рассчитывала. Я думала, если кто и сможет выжить в том, что творится, это будешь ты. Впрочем, бывали дни, когда я объясняла себе, что ты мертв. Я называла это «реалистическим взглядом на вещи». Но все остальное время я ждала.

— И как, оно того стоило? — Невидимая ухмылка в темноте.

— У тебя что, проблемы с самооценкой? Ты поэтому спрашиваешь?

— Да, что-то вроде этого, — признается Зеб. — Когда-то я считал себя подарком от Бога человечеству, но эта спесь с меня быстро слетела. С тех самых пор, как мы познакомились, у вертограда-

рей, я видел, что ты умнее меня — все эти грибы, лосьоны и зелья.

— Но ты был хитроумней и находчивей, — возражает Тоби.

— Согласен. Хотя порой я перехитрял самого себя. На чем я остановился?

— Ты жил у Женщин-Змей, — напоминает Тоби. — В «Хвосте-чешуе». Держа свои мысли при себе, глаза — открытыми, руки — в карманах, а рот — на замке.

— Точно.

Зеба сделали вышибалой. Это была отличная маскировка. Он ходил с бритой головой, в черном костюме, в черных очках и с золотым зубом, в котором был приемник, вещающий прямо в ротовую полость. На лацкане у него был красивый значок с фирменным логотипом: змея, держащая во рту собственный хвост. Адам сказал, что это древний символ, означающий возрождение. Правда, Зеба логотип наводил на совсем другие мысли.

Растительность на лице он реорганизовал по последнему писку моды, распространенной среди вышибал в глубоком плебсвилле: в недлинной щетине выбривалась сетка узких линий крест-накрест. В итоге на лице получалось что-то вроде

щетинистых вафель. В это же время Зеб по совету Адама изменил форму ушей. Адам сказал, что для идентификации все чаще используется форма ушей, и Зебу стоит переделать свои, чтобы они не совпали случайно с какой-нибудь древней фотографией, если его вдруг решат поискать. Заплатила за операцию Катрина Ух, у которой был доступ к первоклассным резчикам по плоти. Зеб выбрал уши, заостренные в верхней части и с более мясистой мочкой.

— Сейчас можешь не смотреть, — говорит он. — Я их с тех пор еще раза два переделывал. Но тогда я выглядел как помесь эльфа с Буддой.

— Это и есть типичный ты, — отвечает Тоби.

Работа Зеба заключалась в том, чтобы присутствовать в баре — не улыбаясь до ушей, но и не излучая открытой угрозы. Просто нависать над толпой. Напарником его был крупный чернокожий мужик по имени — на тот момент — Джебедайя, хотя, когда он пришел к вертоградарям, его стали звать Черный Носорог. Мысленно Зеб именовал себя и напарника Зеб и Джеб.

Впрочем, в «Чешуйках» его не звали ни Зебом, ни даже Гектором-Вектором. Он опять получил новое имя — Смок. Как медвежонок Смок, талисман так называемой лесной пожарной службы.

Это имя ему подходило. Лозунг на плакате службы гласил: «Только ТЫ можешь предотвратить пожар в лесу». Этим Зеб и занимался: предотвращением пожаров.

Стоило клиентам проявить недовольство — скорчить сердитую мину, выругаться, схватиться за перышки, чешуйки или лепестки внутреннего убранства клуба с намерением их оторвать, по-обезьяньи затрясти банкой пива (за этим обычно следовало швыряние банок с летящими из них струями пены, разбивание бутылок и удары кулаком), — как рядом вырастали Зеб и Джеб. Они переходили от неподвижного нависания к активному точечному хирургическому вмешательству с целью бесшумного и бескровного изъятия агрессора из окружения. Главное было — не дать конфликту перерасти во всеобщую драку. Приходилось действовать быстро, решительно, хотя, конечно, обижать клиента тоже не следовало: клиент, которого огрел по голове вышибала, вряд ли придет в заведение снова.

Кроме того, в заведении появлялось все больше клиентов из верхних коржей корпоративного торта — они любили насладиться экзотикой трущобной жизни, но так, чтобы им самим ничего не угрожало. Вкусить чуточку запретного

плода, на миг почувствовать себя крутым мачо и секс-гигантом. Клубы «Хвост-чешуя» приобрели репутацию заведения, где соблюдаются правила гигиены и где умеют хранить личную тайну клиентов. В таком месте можно было без опаски нажраться до потери пульса и от души распоясаться. Сюда можно было в качестве завуалированной взятки привести потенциального бизнес-партнера и не бояться, что это станет известно кому-нибудь еще.

Поэтому деликатность была крайне важна при разрешении конфликтов. Когда речь шла о буйном клиенте, лучше всего было по-дружески обнять его за плечи и дружелюбно рявкнуть в ухо: «ВИП-обслуживание, сэр! Для нашего лучшего клиента! За счет заведения!» Клиент был безумно счастлив получить что-то на халяву — разумеется, к этому времени у него наступала нанокома от уже выпитого — пускал радостные слюни и позволял отвести себя в глубины здания. Его доставляли в большую комнату с украшениями из перьев, зеленым атласным покрывалом на кровати и скрытыми камерами видеонаблюдения. Там несколько Женщин-Змей — из тех, в чьем исполнении статистический отчет звучал бы как жесткое порно — принимались его ласко-

во раздевать, а Зеб или Джеб маячили на заднем плане, вне поля зрения клиента, на случай, если тот начнет переходить границы.

Затем в помещение вносили смесь ядовитого цвета в коктейльном стакане. Она могла быть оранжевой, фиолетовой или голубой, в зависимости от заказа, и украшалась зеленой вишенкой с воткнутой в нее пластиковой змеей. Стакан доставляла орхидея, гардения, фламинго или фосфоресцирующая голубая ящерица на бесконечных шпильках, вся покрытая мерцающими блестками, светодиодами и чешуйками (или лепестками, или перьями), с огромными сиськами и соблазнительнейшей улыбкой. Она ворковала что-нибудь вроде: «Ути-пути-сюти-плюти! Выпей, вкусненько!» Ну какой нормальный мужик в такой ситуации откажется? Загадочная жидкость вливалась в клиента, и вскоре самоназначенный альфа-самец погружался в сладчайшие сны, с минимальным ущербом для персонала заведения.

Любимый клиент просыпался часов через десять в полной уверенности, что провел незабываемую ночь. И был совершенно прав (говорит Зеб), ведь все, что воспринимается мозгом, реально, разве не так? Даже если не происходило в трехмерном виде в так называемом реальном

времени.

Это прекрасно срабатывало с топ-менеджерами корпораций, наивными и доверчивыми на фоне коварства жителей плебсвилля. Зеб знал этот тип: лохи в Плавучем Мире точно так же искали приключений, желая испытать то, что ошибочно считали настоящей жизнью. Они вели тепличное существование в охраняемых поселках и других безопасных местах, обнесенных стенами — зданиях суда, муниципалитетах и культовых сооружениях, — и очень доверчиво относились ко всему, что приходило извне этих стен. Просто умиление брало, когда они послушно выпивали коктейль ядовитого цвета, падали в койку (точнее, на огромную кровать с ярко-зеленым покрывалом), засыпали сном младенца и просыпались бодрыми и отдохнувшими.

Но со временем в «Чешуйках» начал проявляться и другой тип клиентов: они были менее покладисты, и если начинали злиться, их не так легко было отвлечь. Подогреваемые ненавистью, закаленные в огне, готовые крушить и калечить. С этими было сложнее, и чтобы справиться с ними, приходилось свистать всех наверх.

— Конечно, ты догадалась, что речь идет о больболистах, — говорит Зеб. — Больбол тогда только

начинался.

Арены для больбола еще были строго запрещены законом, как петушиные бои и поедание животных вымирающих видов. Но, точно так же, как и эти виды развлечений, больбол существовал и развивался, только не на виду. Для верхних эшелонов резервировались места в зрительном зале: топ-менеджеры любили смотреть, как люди безжалостно убивают друг друга, пуская в ход умение и хитрость, и пожирают побежденных. Это было очень наглядное изображение жизни в корпорациях. Куча денег переходила из рук в руки в виде крупных ставок. Так что опосредованно за содержание игроков и инфраструктуру игр платили корпорации. Те, кто обеспечивал помещения и проводил игры, платили непосредственно — если попадались. Иногда они платили жизнью, если начиналась война за территорию.

Такой расклад вполне устраивал ККБ, которая как раз начала заявлять о себе — больбол предоставлял массу компромата, которым ККБ прочно держала так называемых столпов общества (точнее, того, что еще сходило за общество).

Человек, уже сидящий в тюрьме, мог выбрать больбол: сражаться с такими же заключенными, уничтожить их, завоевать большой приз в виде

досрочного освобождения и устроиться на работу в плебсвилле, где крепкому парню занятие всегда найдется. Сплошные плюсы. Правда, альтернативой победы служила смерть. Потому больбол и был таким увлекательным зрелищем. В нем выживали благодаря коварству, задаткам убийцы и умению подставить ножку: любимым трюком больболистов было поедание выдавленных глаз противника. Иными словами, хорошему игроку в больбол требовалась готовность зарезать и разделать на отбивные своего лучшего друга.

Ходка в больбол давала чрезвычайно высокий статус как в глубоких плебсвиллях, так и на высотах власти. Так было когда-то в Риме с гладиаторами. Корпоративные жены готовы были платить за секс с больболистами. Корпоративные мужья приглашали их на обед, чтобы удивить друзей и посмотреть, как больболисты бьют бокалы из-под шампанского. Впрочем, рядом всегда дежурили охранники на случай, если ситуация выйдет из-под контроля. Легкое буйство было приемлемо, оргия разрушения — нет.

Гордые своим положением знаменитостей серого мира, ветераны-больболисты ходили гоголем и считали, что могут справиться с кем угодно. Поэтому они не упускали случая поме-

риться силами с вышибалой — угрожающего вида здоровяком. Таким, как Зеб, он же Медведь Смок. Джеб предупредил Зеба, чтобы тот ни за что не поворачивался к больболистам спиной: они двинут по почкам, треснут по голове тем, что под руку подвернется, и будут душить, пока у тебя глаза не повылазят.

Как их узнать? По шрамам на лице. По пустому взгляду: у них выгорали зеркальные нейроны и исчезали большие куски узла, отвечающего за эмпатию. Покажи нормальному человеку страдающего от боли ребенка, и он дернется; а больболист — ухмыльнется. Джеб велел научиться считывать признаки, потому что если перед тобой психопат, это нужно вычислить как можно скорее. Иначе они покалечат женский персонал заведения быстрее, чем успеешь сказать «шея сломана», а это означает большие убытки: акробатка, что умеет артистически раздеваться, вися на одной руке под потолком, обходится недешево. Что уж говорить про питона, который умеет обвиваться вокруг шеи, усиливая ощущения при оргазме. Ветеран больбола вполне мог решить, что, откусив голову питону, лишний раз докажет свою альфа-самцовость. Даже если вышибала не даст довести дело до конца, заменить

поврежденного питона будет сложно.

В «Чешуйках» вели реестр больболистов, включая фотографии анфас и профиль с хорошо видными ушами. Катрина Ух доставала информацию через заднее крыльцо — одному Богу известно, что она предоставляла в обмен. Должно быть, водила знакомство с кем-нибудь из заправил больбола, и он позарез нуждался в чем-то, что она могла ему предоставить — а могла и отказать. В глубоких плебсвиллях услуги и угроза лишиться таковых были самой популярной разменной монетой.

— Для этих козлов из больбола у нас было такое правило: бей первым, бей ниже пояса, — говорит Зеб. — Как только они начинали дергаться. Часто мы подсыпали чего-нибудь им в напитки, но иногда убирали насовсем, потому что иначе они вернулись бы, чтобы отомстить. Правда, приходилось очень тщательно разбираться с телами. У больболистов могли быть коллеги.

— А что же вы делали с телами? — спрашивает Тоби.

— Скажем, так: в глубоких плебсвиллях существовал неизменный спрос на продукты с высоким содержанием белка. Они утилизировались для забавы или ради выгоды или шли в

пищу животным. Но это было давно, еще до того, как ККБ решила сделать больбол легальным и показывать по телевизору: вышедших из-под контроля больболистов было меньше, так что от тел приходилось избавляться не очень часто. Можно сказать, что в каждом случае приходилось импровизировать.

— Ты как будто про развлечения рассказываешь, — говорит Тоби. — Это все-таки люди, уж какие бы ни были.

— Да, да, я знаю, можешь сделать мне а-та-та по рукам, мы вели себя нехорошо. Имей в виду: чтобы попасть в больбол, кандидат уже должен был совершить не одно убийство. В общем, к чему я все это рассказываю: охранникам в баре, то есть мне и Джебу, приходилось лично интересоваться содержимым коктейлей. Иногда мы даже сами их смешивали.

«Райский вкус»

Все это время белый шахматный слон с шестью загадочными таблетками хранился в надежном месте в ожидании дальнейших инструкций. Где он лежит, знали только сам Зеб, Катрина Ух и Адам.

Слон был спрятан очень хитро — прямо на виду: этому приемчику Зеб научился у старины Слей-Таланта. Очевидное — невидимо. На стеклянной полке за стойкой бара стояли забавные штопоры, щипцы для орехов, солонки и перечницы в виде голых женщин. Устройство их было весьма остроумно: ноги раздвигались, и наружу показывался штопор; ноги раздвигались, меж них вставляли орех, ноги сдвигались, и орех раскалывался; ноги раздвигались, и, если покрутить голову, из отверстия сыпались соль или перец. Всеобщий радостный смех.

Белого слона вставили в емкость для соли внутри одной из этих железных дев — зеленой, с эмалированными чешуйками. Ее голова по-прежнему крутилась, и соль сыпалась из отверстия между ног, но барменам сказали, что эта фигурка хрупкая — никому не хочется, чтобы у соленой

секс-игрушки в разгар забавы отлетела голова — и велели пользоваться другими солонками, если вдруг понадобится соль. Это случалось редко, но некоторые клиенты любили подсаливать пиво или барные закуски.

Зеб следил за зеленой чешуйчатой девицей со слоном внутри. Он чувствовал, что на нем лежит моральный долг перед Пилар. Но все же нервничал — ему казалось, что выбранное место недостаточно надежно. Что, если кто-нибудь схватит солонку, когда Зеба не будет рядом, начнет крутить ей голову и найдет таблетки? Решит, что эти разноцветные штучки — колеса для кайфа, и проглотит одну-две на пробу? Зеб понятия не имел, как таблетки действуют на человека, и ему было не по себе.

С другой стороны, Адам был удивительно спокоен. Он считал, что никто не будет заглядывать внутрь солонки, пока в ней не кончилась соль.

— Хотя я не знаю, что тут удивительного, — замечает Зеб. — Он всегда был хладнокровен, как последняя сволочь.

— Он тоже там жил? В «Чешуйках»? — уточняет Тоби.

Эта картина не укладывается у нее в голове. Чем мог бы заниматься Адам Первый целыми

днями среди стриптизерш и их необычных костюмов? Когда она его знала — когда он уже был Адамом Первым, — он молча не одобрял женское тщеславие: в это понятие входили яркая одежда, подчеркивающая фигуру, глубокие декольте и разрезы на юбках, через которые удобно демонстрировать ножку. Но Тоби отказывается верить, что он мог обратить сотрудниц «Чешуек» в религию вертоградарей или убедить их вести простую жизнь. У этих женщин наверняка был дорогой маникюр. Они не согласились бы рыхлить, вскапывать, переселять улиток. Даже если бы за «Чешуйками» было место для огорода. Ночные феи не станут днем заниматься прополкой.

— Нет, он не жил в «Чешуйках», — отвечает Зеб. — В полном смысле этого слова. Он приходил и уходил; «Чешуйки» служили ему конспиративной квартирой.

— А ты знаешь, чем он занимался вне «Чешуек»?

— Разузнавал всякое. Отслеживал развитие сюжетов. Наблюдал, как сгущаются грозовые тучи. Собирал под крыло труждающихся и обремененных. Обращал людей в свою веру. Ему уже было дано озарение, или как это называется — когда Бог явился ему в виде ослепительного света и

передал сообщение разрядом молнии прямо в мозги. «Спаси Мои возлюбленные Биологические Виды, на коих есть Мое благоволение». И все такое. Ну, ты знаешь всю эту лабуду. Я вот никогда не получал озарений свыше, в отличие от некоторых.

К этому времени он уже был почти готов основать движение вертоградарей. Он даже купил то здание в плебсвилле, с плоской крышей, где потом расположился сад «Райский утес» — на неправедно нажитые деньги, что мы свистнули со счета преподобного. Пилар посылала к нему тайно завербованных ею сотрудников «Здравайзера»: она уже и сама готовилась перебраться в «Райский утес». Но я ничего этого еще не знал.

— Пилар? — переспрашивает Тоби. — Но она никак не могла быть Евой Первой! Она была слишком стара для этого!

Тоби всегда хотелось узнать, куда подевалась Ева Первая: Адам был Адамом Первым, но про Еву Первую никто никогда не упоминал.

— Нет, это не она, — отвечает Зеб.

В числе сюжетов, за развитием которых следил Адам, была судьба их общего отца, преподобного. После того как вскрылось совершенное преподобным хищение средств у Церкви ПетрОлеума, и

после трагической новости, что его первая жена, Фенелла, покоится у него в саду под альпийской горкой, поднялась интересная суета. Последовала публикация скандальных откровенных мемуаров второй жены преподобного, Труди. Потом все затихло.

Конечно, был суд, но на нем обнаружилось, что прямых улик против преподобного нет. Во всяком случае, так решили присяжные. Еще до этого Труди забрала гонорар за мемуары и уехала отдохнуть на Карибы (по слухам — в обществе текс-мексиканского специалиста по уходу за газонами). Ее тело нашли в полосе прибоя после того, как она пошла искупаться при лунном свете. Местная полиция сказала, что подводные течения — чрезвычайно опасная вещь. Похоже, Труди затянуло в глубину и ударило головой о камень. Ее неизвестный спутник бесследно исчез. Это вполне понятно, так как вину непременно свалили бы на него; впрочем, ходил слух, что ему еще и заплатили.

Таким образом, Труди не смогла свидетельствовать на суде, а без нее дело развалилось. Скелет Фенеллы пролежал в земле слишком долго; зарыть его под альпийской горкой мог кто угодно. В кварталах побогаче вечно шатались безымянные

мужчины, как правило — иммигранты, с лопатой на плече, готовые в любую минуту треснуть по голове невинную, доверчивую любительницу садовых растений, заткнуть ей рот кляпом из перчаток для садовых работ, изнасиловать в сарае, не обращая внимания на сдавленные крики, а потом прикопать и посадить сверху молодило, чистец византийский, ясколку опушенную или иные засухоустойчивые суккуленты. Известно, что такой опасности подвержены все дамы, которые занимаются собственным садом.

Что же до растраты — тут сомнений не было, но преподобный пошел испытанным путем: публично покаялся в том, что поддался искушению, признался в собственной греховности, затем подробно рассказал, как именно грешил. Это было горькое питье, но врачующее — он смирился, чтобы спасти собственную душу. Затем следовала униженная, слезливая мольба о прощении, обращенная к Богу и к людям, в особенности к собратьям по Церкви ПетрОлеума. И вуаля! Он получил отпущение, омылся от пятнающего греха и приготовился начать жизнь заново. Ибо кто может отказать в прощении человеку, который столь явно раскаивается?

— Так что он на свободе, — подытожил Адам. —

Оправданный и восстановленный в должности. Дружки из Нефтекорпа его отмазали.

— Сволочь, — сказал Зеб. — Точнее, сволочи.

— Он начнет на нас охотиться, и у него будут на это деньги — дружки из Нефтекорпа дадут. Так что будь начеку.

— Понял, пойду сяду на чек и буду сидеть, — сказал Зеб. Это была его старая шутка. Раньше она смешила Адама. По крайней мере, услышав ее, он улыбался. Но сейчас не улыбнулся.

Как-то вечером Зеб околачивался в баре в «Чешуйках» — надев, как обычно, черный костюм, темные очки Медведя Смока и значок со змеей, а также непроницаемое выражение лица, не дружелюбное и не угрожающее. Он прислушивался к разговорам через приемник в золотом зубе, и вдруг один из вышибал на дверях сообщил ему нечто, от чего он сразу подобрался и выпрямился.

Но на этот раз сигнал касался не больболистов. Совсем напротив.

— Идут четверо шишек, — сказали в зубе. — Трое из Нефтекорпа, один — Церковь ПетрОлеума. Тот проповедник, которого показывали в новостях.

Зеба окатило адреналином. Это преподобный,

больше некому. Узнает ли его этот извращенец, женоубийца, истязатель детей и садист? Или нет? На всякий случай он огляделся в поисках тяжелых метательных снарядов. Если поднимется крик «Держи его», он швырнет в преследователей парой хрустальных графинов и помчится сломя голову. Все тело напряглось до звона.

Вот они идут — предвкушая веселье, судя по смеху, подколкам и похлопыванию друг друга по спине (это был максимум телесного контакта для выражения квази братских чувств, разрешенный в высших эшелонах корпораций). Их ждут шампанское, лакомые кусочки и все, что к ним прилагается. Чаевые направо и налево — если, конечно, персонал позаботится, чтобы у клиента стоял. Что толку в богатстве, если им нельзя хвалиться, осыпая чаевыми свиту, играющую тебя-сверхчеловека?

У корпоративных шишек считалось круто проходить мимо наемных охранников в «Чешуйках» так, словно их не существовало. Кто будет смотреть в глаза столбу или дверному косяку? Вероятно (говорит Зеб), эта мода существовала еще со времен римских императоров. Но она сработала на руку Зебу, потому что преподобный не удостоил его даже взглядом. Впрочем, даже

если бы он удосужился посмотреть, то все равно не узнал бы Зеба — он увидел бы мужчину со щетинистым в клеточку лицом, в черных очках, с бритой головой и остроконечными ушами. Но он не удосужился. А вот Зеб посмотрел на преподобного, и чем дольше смотрел, тем больше ему это зрелище не нравилось.

Под потолком крутились зеркальные шары, осыпая клиентов и выступающих артисток световой перхотью. Играла музыка: ретротанго, словно извлеченное из консервной банки. Пять девушек-«чешуек» в костюмах с блестками извивались на трапециях: сиськами к полу, тела изогнуты буквой С, ноги закинуты за голову, одна справа, другая слева. Улыбки сверкают в черном свете. Зеб бочком отошел к барной стойке, и зеленая дама со слоном в потайном месте перекочевала к нему в ладонь. «Пойду отолью, — сказал он Джебу, своему напарнику. — Прикрой меня».

Оказавшись в сортире, он вытащил слона и извлек три волшебные таблетки: черную, белую и красную. Слизал соль с пальцев и переложил таблетки в передний карман пиджака. Затем вернулся на пост, а чешуйчатую даму вернул на полку — она даже не звякнула. Никто и не заметил ее временного отсутствия.

Преподобный и его трое спутников веселились на полную катушку. Они что-то празднуют, решил Зеб: скорее всего, возвращение преподобного к тому, что они считали нормальной жизнью. Чешуйчатые красотки угощали их напитками, а над головой извивались и сплетались танцовщицы, словно лишенные не только позвоночника, но и всех остальных костей. Они показывали кое-что, но не самое сокровенное: «Чешуйки» считались высококлассным клубом, и за удовольствие видеть всю картину здесь нужно было платить отдельно. Этикет требовал, чтобы клиенты восторгались зрелищами; греховная акробатика была не совсем во вкусе преподобного, так как девушек никто не истязал, но он вполне сносно притворялся, что танец ему нравится. Улыбка у него была какая-то ботоксная, словно не улыбка вовсе, а гримаса из-за паралича лицевых нервов.

К бару подошла Катрина Ух. Сегодня она была одета орхидеей — в лепестки сочного персикового цвета с лавандовой отделкой. Питон Март обвивался вокруг шеи и одного обнаженного плеча.

— Они заказали ВИП-обслуживание для своего приятеля, — сказала она бармену. — С «Райским вкусом».

— Побольше текилы? — уточнил он.

— Со всеми наворотами, — ответила Катрина. — Я пойду скажу девочкам.

ВИП-обслуживание заключалось в том, что клиенту предоставляли отдельный кабинет (с потолком в перышках и зеленым атласным покрывалом на кровати) и трех рептилий-«чешуек», готовых выполнить любую причуду клиента. «Райский вкус», крышесносный коктейль из семейства «драконьих хвостов», гарантировал максимальное наслаждение. Проглотив его, клиент немедленно отплывал в мир чудес по волнам собственных фантазий. Зеб перепробовал разные виды услуг, предлагаемых в «Чешуйках», но отведать «драконьего хвоста» не рискнул: боялся видений, которые могли его посетить.

Вот он, «Райский вкус» для преподобного, на стойке бара. Коктейль был темно-оранжевый и слегка пузырился. В нем торчала палочка для помешивания, воткнутая в коктейльную вишню. Вокруг палочки обвилась пластиковая змея. Она была зеленая и блестящая, с большими глазами и улыбающимся, будто накрашенным ртом.

Зебу следовало бы противостоять первым недобрым порывам души. Он честно признает, что поступил необдуманно. Но он вспомнил

пословицу про то, что надо брать от жизни все — другого раза не будет. И сказал себе, что, пожалуй, преподобный уже израсходовал отпущенный ему раз. Потом задумался о том, какую из таблеток бросить в коктейль — белую, черную или красную. «Чего ты жмешься? — упрекнул он себя. — Клади все».

— Давай, приятель, веселой тебе ночки! Вставь им хорошенько! Пускай узнают настоящего мужика! — Неужели подобные архаичные возгласы еще в ходу? По-видимому, да. Приятели похлопывали преподобного по спине и многозначительно похохатывали. Потом его увели три гибкие змейки. Все четверо хихикали: жутковато вспоминать задним числом.

Зебу очень хотелось смениться с вахты у бара и пойти в комнату видеонаблюдения, где два охранника постоянно следили за тем, что творилось в отдельных кабинетах с перистыми интерьерами. Он не знал, что будет от таблеток. Вызывают ли они серьезную болезнь? Если да, то какую? Может быть, они действуют не сразу, а только через сутки, через неделю, через месяц. Но если они все же срабатывают мгновенно, Зеб больше всего на свете хотел бы видеть результат.

Однако это обличило бы в нем преступника.

Так что он ждал — стоически, напрягая все силы, навострив уши, молча, напевая в уме на мотив «Янки Дудль»:

Папочка любил детей –
Бить и даже мучить,
Пусть он выблюет теперь
Кишки кровавой кучей.

Он не помнил, сколько раз повторил про себя эту песенку. Много. В зубе затрещали помехи: кто-то разговаривал с охранниками, дежурящими у парадной двери. Прошло еще немного времени (хотя Зебу казалось, что он ждал очень долго). Из коридора, ведущего к отдельным кабинетам, показалась Катрина Ух. Она старалась выглядеть как обычно, но, судя по торопливому щелканью каблуков, дело не терпело отлагательств.

— Ты мне срочно нужен, — шепнула она.

— Я дежурю в баре, — сказал он, притворяясь, что ему лень.

— Я позову Мордиса с парадной двери. Он тебя сменит. Идем скорее!

— С девочками что-то? — он тянул время. Если с преподобным творится что-то плохое, пускай оно творится как можно дольше.

— Нет, они в порядке. Но испуганы. У нас чрез-

вычайное происшествие!

— Что, клиент съехал с катушек и начал все крушить?

Такое бывало: «Райский вкус» иногда действовал неожиданным образом.

— Гораздо хуже, — ответила она. — Джеба тоже возьми с собой.

Клюквенный кисель

По комнате с перышками словно циклон прошел: там валялся носок, тут ботинок, повсюду растерзанные перья и мазки неопознанной субстанции. В углу бесформенная куча, накрытая зеленым атласным покрывалом, — должно быть, это сам преподобный. Из-под покрывала виднелся подтек красной пены размером в ладонь, похожий на изъеденный дурной болезнью язык.

— Что случилось? — невинно спросил Зеб. Невинно выглядеть в черных очках у него никак не получалось — он пробовал перед зеркалом, — поэтому он их снял.

— Я послала девочек принять душ, — сказала Катрина Ух. — Они были ужасно расстроены. Они как раз…

— Чистили креветку, — подсказал Зеб. Это был употребляемый сотрудницами термин для извлечения лоха из одежды — особенно нижнего белья. В этом, как и в любом другом искусстве, есть свои секреты, говорили «чешуйки». Тайны ремесла. Медленно расстегивать пуговицы. Медленно, чувственно отодвигать замок молнии. Наслаждаться моментом. Притворяться, что клиент

— коробка конфет, аж слюнки текут. «Слюнки текут», — сказал вслух Зеб. Он был ошарашен: таблетки подействовали гораздо сильнее, чем он рассчитывал. В его намерения не входило прикончить преподобного.

— Да, именно, и хорошо, что они не зашли дальше, потому что он — ну просто растворился, если верить охранникам на посту видеонаблюдения. Они сроду такого не видали. «Клюквенный кисель», как они выразились.

— Бля, — сказал Джеб, заглянув под покрывало. — Нужен водяной пылесос, а то это похоже на бассейн с блевотиной. Что с ним такое случилось?

— Девочки говорят, что он вдруг начал исходить пеной, — сказала Катрина. — И визжать, конечно. Сначала. И выдирать перья — их уже не спасти, только на выброс, такая жалость. Потом он уже не кричал, а только булькал. Меня это очень беспокоит.

Она преуменьшала: это было не беспокойство, а настоящий страх.

— Он прямо расплавился. Наверное, съел что-нибудь, — Зеб намеревался пошутить; во всяком случае, он хотел, чтобы его слова восприняли как шутку.

Катрина осталась серьезной:

— Не думаю. Хотя ты прав, это могло быть и в пище. Но только не в той, что мы ему тут подавали! Должно быть, какой-нибудь новый микроб. Похоже, из плотоядных, только очень уж быстродействующий. А что, если он по-настоящему заразный?

— Где он мог это подцепить? — спросил Джеб. — Наши девочки чистые.

— С дверной ручки? — предположил Зеб. Еще одна несмешная шутка. Заткнись, дебил, скомандовал он себе.

— К счастью, девочки были в биопленке, — сказала Катрина. — Ее придется сжечь. Но ничего из… ничего этого, что вытекло из… в общем, ничего из этого на них не попало.

На золотой зуб поступил входящий звонок: Адам. «С каких пор Адам имеет право подключаться к этой сети?» — подумал Зеб.

— Мне стало известно, что произошел инцидент, — сказал Адам. Голос был каким-то жестяным и далеким.

— Очень странно, когда твой голос слышится у меня в голове, — ответил Зеб. — Как будто передача с Марса.

— Не сомневаюсь. Но сейчас это не самая на-

сущная из твоих проблем. Мне сообщили, что умерший — наш общий родитель.

— Правильно сообщили. Кто это подсуетился? — спросил Зеб.

Он отошел в угол, чтобы не разговаривать при всех, точнее — чтобы не раздражать их: вид человека, беседующего со своим зубом, может действовать на нервы. Катрина в другом углу отдавала команды по внутренней связи, вызывая уборщиков. Да, сотрудники «Чешуек», которые придут все это убирать, наверняка растеряются. Нечто похожее случалось с клиентами постарше во время ВИП-процедур, но лишь отдаленно похожее: «драконьи хвосты» иногда оказывались чересчур крепкими для людей с ограниченными физическими функциями. Обычно это бывал инсульт или сердечный приступ. Случай, когда клиент изошел пеной, не имел прецедентов.

— Мне позвонила Катрина, — объяснил Адам. — Разумеется, она держит меня в курсе.

— Она знает, что он наш…

— Не совсем. Она знает, что меня интересует все, связанное с корпорациями, в особенности с Нефтекорпом. Поэтому она известила меня о заказе на вечер для группы из четырех человек, оплаченном тремя из этих людей как подарок

четвертому. Затем она послала мне снимки, сгенерированные дверным оборудованием, и я, конечно, сразу узнал его. Я уже был на территории клуба, так что вышел в общедоступную часть на случай, если мое присутствие понадобится. Сейчас я в баре, рядом со стеклянной полкой, где стоят причудливые штопоры и солонки.

— О… хорошо, — растерянно произнес Зеб.

— Которую ты использовал?

— Которую что?

— Не прикидывайся овечкой, — сказал Адам. — Я умею считать. Шесть минус три равно трем. Черную, белую или красную?

— Все три, — ответил Зеб. Воцарилось молчание.

— Жаль, — сказал наконец Адам. — Теперь нам будет труднее определить, что именно было в каждой из них. Более контролируемый подход был бы предпочтительнее.

— А разве ты не собираешься мне сказать, что я дебильный тупой уёбок, который отмочил дебильную тупую корку, как полный дебил? — осведомился Зеб. — Впрочем, я думаю, у тебя выйдет короче.

— Безусловно, твой поступок был отчасти необдуманным, — согласился Адам, — но это не самое

неприятное, что могло произойти. Например, нам повезло, что он тебя не узнал.

— Погоди-ка. Ты знал, что он должен прийти? И не предупредил меня?

— Я положился на тебя и знал, что ты должным образом отреагируешь на создавшуюся ситуацию. И моя уверенность оправдалась.

Зеб был в ярости: хитрожопый братец его подставил! Сволочь какая! Правда, зато он сказал, что верил в Зеба и знал, что тот справится с любой, даже самой непредвиденной ситуацией. У Зеба потеплело на сердце, и он почувствовал себя победителем. «Спасибо» как-то не подходило к случаю, поэтому он сказал:

— Сволочь хитрожопая!

— Да, это было прискорбно, — согласился Адам. — И я сожалею о случившемся. Но хотелось бы указать, что в результате этот человек уже никогда не будет представлять для нас опасности. А теперь слушай меня, это очень важно: пусть они соберут как можно больше… останков. Положите все в заморозину от «Криогения» — у Катрины всегда есть несколько штук под рукой для клиентов, у которых контракты с «Криогением». Лучше взять модель для всего тела, а не головную. У многих клиентов «Че-

шуек», кто постарше, есть такие договоры. В них записано, что в случае, как это называют в «Криогении», события временной приостановки жизнедеятельности… и, пожалуйста, говоря о людях, жизнедеятельность которых временно приостановилась, избегай слова «смерть» — так делают сотрудники «Криогения», а тебе вскоре предстоит изображать одного из них. Так вот, при наступлении события временной приостановки жизнедеятельности клиента немедленно замораживают в заморозине и доставляют в «Криогений» для последующего оживления, которое будет проведено, когда «Криогений» разработает соответствующие технологии.

— То есть когда рак на горе свистнет, — заметил Зеб. — Надеюсь, у Катрины найдется большой поддон для кубиков льда.

— При необходимости используйте ведра, — продолжил Адам. — Нам нужно доставить его… доставить жидкие отходы криптической команде Пилар на восточное побережье.

— Какой команде?

— Криптической команде Пилар. Это наши друзья. Днем они работают в разных биотехнологических корпорациях — «ОрганИнке», «Здравайзере-Центральном», «Омоложизни»,

даже в «Криогении». А по ночам помогают нам. Термин «криптический» в биологии означает мимикрию, камуфляж. Скажем, у гусениц.

— С каких пор ты интересуешься гусеницами? Или ты уже совсем чокнулся на этом своем дурацком сайте про дохлых жуков?

Адам прервал его:

— Криптическая группа выяснит, что было в таблетках. Что в них есть. Будем надеяться, что оно не разносится по воздуху; пока непохоже, что это так, иначе все, кто побывал в комнате, оказались бы зараженными. А поскольку оно действует практически мгновенно, у них уже проявились бы симптомы. Пока что мы придерживаемся гипотезы, что заражение происходит только при контакте. Не допускай, чтобы это… чтобы оно с тобой соприкасалось.

«А также не суй палец в этот кисель, а потом себе в жопу», — мысленно продолжил Зеб.

— Я не идиот, бля, — сказал он вслух.

— Вот и живи в соответствии с этим девизом. Ты можешь, я в тебя верю. Увидимся на скоростном поезде, жду тебя с заморозиной.

— Куда это? Ты тоже едешь? — спросил Зеб. Но Адам уже отключился, или повесил трубку, или вышел из системы — как это там называется,

когда вещаешь на чужой зуб.

Пока уборочная команда в биоскафандрах и масках собирала преподобного водяным пылесосом в эмалированные ведра, а потом по воронкам переливала в устойчивые к заморозке металлические фляги, Зеб пошел превращаться в более дружелюбную и опрятную версию Медведя Смока. Он скинул черный костюм, которому предстояло отправиться в сжигатель, и наскоро принял душ с противомикробными средствами — девушки-«чешуйки» пользовались таким же. Он хорошенько намылил лицо и подмышки, а также прочистил уши тампонами на палочках.

Смою преподобного я мочалкой с мылом,

Наконец-то он подох, надо раньше было!

Вот так радость, вот веселье,

Превратил его в кисель я.

Поделом, поделом,

Тили-бом, тили-бом!

Зеб изобразил под душем некое подобие тустепа и даже покрутил бедрами. Он любил петь в душе, особенно когда над ним нависала опасность.

«Еще-о-о одна река, — пел он, надевая свежий черный костюм. — Имя ей — тоска-аа-а! Еще-о-о один зубец! Почистить, и конец!»

Затем он возобновил исполнение служебных обязанностей: он высился за спиной Катрины Ух — теперь одетой, как корзина фруктов, с игривыми следами зубов на одной груди-яблоке — пока она и питон Март доносили скорбное известие до трех шишек из Нефтекорпа. Сперва им накрыли стол за счет заведения: замороженные дайкири, тарелка рыбных мини-палочек, имитация мускула морского гребешка («За ними не пришлось опускаться на дно!» — гласил девиз на упаковке; Зеб знал, поскольку иногда перехватывал чего-нибудь пожевать на кухне), гурманский картофель-фри с подливой и блюдо креветок «Какизморя», новый лабораторный продукт, во фритюре.

— К несчастью, у вашего друга произошло событие временной приостановки жизнедеятельности, — сообщила она топ-менеджерам из Нефтекорпа. — Интенсивное блаженство может оказаться чрезмерной нагрузкой на организм. Но, как вы знаете, у него был… простите, у него есть контракт с «Криогением», на все тело, не только на голову — так что все хорошо. Примите

мои соболезнования по поводу вашей временной потери.

— Я не знал, — сказал один топ-менеджер. — Про контракт. Я думал, у кого есть такие контракты, те носят браслеты «Криогения» или что-то вроде, а у него я ни разу такого не видел.

— Некоторые джентльмены предпочитают не объявлять во всеуслышание о возможности временной приостановки жизнедеятельности, — невозмутимо произнесла Катрина. — Они выбирают вариант с татуировкой, которая наносится на место, обычно скрытое под одеждой. Разумеется, в силу специфики нашей деятельности мы видим подобные татуировки, но партнеры по обычному бизнесу могут не знать об их существовании.

Еще одна причина ею восхищаться, думал Зеб, стараясь не заглядываться на аппетитные яблочки. Врет она просто первоклассно. Даже у него самого так хорошо не получилось бы.

— Понятно, — сказал топ-менеджер.

— В любом случае мы успели вовремя обнаружить этот факт, — продолжала Катрина. — Как вы знаете, для эффективности процедуры необходимо выполнить ее немедленно. К счастью, у нас платиновый контракт с «Криогенией» на

ускоренное обслуживание уровня люкс, и их специально обученные сотрудники из службы оперативного реагирования прибыли немедленно. Ваш друг уже помещен в заморозину и вскоре отправится в штаб-квартиру «Криогения» на восточном побережье.

— А нам нельзя его увидеть? — спросил другой топ-менеджер.

— Когда заморозина закрыта и герметизирована, как сейчас, ее нельзя открывать, ибо это сделает дальнейший процесс невозможным, — улыбаясь, произнесла Катрина. — Я могу предоставить вам сертификат соответствия из «Криогения». Не желаете еще замороженного дайкири?

— Черт, — сказал третий топ-менеджер. — Что мы теперь скажем в этой его чокнутой церкви? «Крякнулся на бабе в борделе» их не сильно обрадует.

— Полностью согласна, — несколько холоднее сказала Катрина. По ее мнению, «Чешуйки» были отнюдь не борделем; сайт заведения обещал «всеобъемлющий комплекс эстетических ощущений». — Но клуб «Хвост-чешуя» известен умением хранить личные тайны клиентов в деликатных ситуациях. Именно поэтому его предпочитают

джентльмены с изысканными вкусами — такие, как вы. У нас вы получаете все, за что платите, и даже больше; сюда входит и правдоподобная легенда.

— Что, у вас есть какие-нибудь соображения? — спросил второй топ-менеджер. Он уже съел все креветки «Какизморя» и принялся за мускулы морского гребешка. У некоторых людей близость смерти обостряет аппетит.

— Например, заразился вирусной пневмонией, работая с бедными детьми в глубоком плебсвилле, — предложила Катрина. — Первое, что приходит в голову. Это весьма популярный вариант. Но у нас есть высококвалифицированный пиар-персонал, который вам поможет.

— Благодарю вас, мадам, — сказал третий топ-менеджер, глядя на нее прищуренными и слегка покрасневшими глазами. — Вы были очень любезны.

— Я всегда рада помочь, — Катрина грациозно улыбнулась и наклонилась вперед, позволяя сначала пожать себе руку, а потом поцеловать кончики пальцев, и при этом демонстрируя значительную, но не чрезмерно большую, часть бюста. — Всегда. Мы делаем все возможное для наших клиентов.

— Какая женщина! — говорит Зеб. — Она могла бы заправлять любой из корпораций одним пальчиком, без проблем.

Тоби чувствует, как знакомые узловатые щупальца ревности сжимают ей сердце.

— И как, получилось у тебя? — спрашивает она.

— Что получилось?

— Забраться к ней в чешуйчатые трусики.

— Это одна из вещей, о которых я буду жалеть по гроб жизни, но нет. Я даже не пытался. Руки в карманах, плотно сжаты в кулаки. Зубы тоже сжаты. Мне приходилось предпринимать титанические усилия, чтобы совладать с собой, но вот тебе голая правда: я даже пальцем ее не коснулся. Даже не подмигнул ей ни разу.

— Потому что…?

— Первое. Она была моей начальницей, пока я работал в «Чешуйках». Развлекаться с женщиной-начальником не стоит. От этого у нее в голове возникает путаница.

— Я тебя умоляю, — говорит Тоби. — Ты прямо какой-то пережиток двадцатого века.

— Да, да, я мужская шовинистическая свинья и прочее. Но правды ради скажу, что такое бывает. Выброс гормонов мешает эффективной работе. Я

видел, как это происходит: женщина-начальник должна отдавать приказы какому-нибудь жеребцу с маленькой головой и большими плечами, который только что лишил ее способности рационально рассуждать, свел с ума и заставил рычать, как скунот в течке, и визжать, как умирающий кролик. Это меняет расстановку сил в служебной иерархии. «Возьми меня, я вся твоя, напиши мне речь, подай кофе, ты уволен». Вот так вот.

Он делает паузу.

— Кроме того.

— Что кроме того? — Тоби надеется услышать, что у Катрины Ух была хоть одна отвратительная черта; правда, она никогда в жизни не видела Катрину, и та с вероятностью 99,999 % мертва; но для ревности не существует границ. Может, она была кривоногая, или у нее воняло изо рта, или она любила безнадежно плохую музыку. Даже прыщ был бы хоть каким-то утешением.

— Кроме того, ее любил Адам. Я в этом не сомневался. Я никогда не стал бы браконьерствовать на его территории. Он был… он мой брат. Член моей семьи. Всему есть пределы.

— Ты смеешься надо мной! Адам Первый? Влюблен? В Катрину Ух?

— Она была Евой Первой, — говорит Зеб.

Поезд в «Криогений»

— Верится с трудом, — говорит Тоби. — Откуда ты знаешь?

Зеб молчит. Наверное, ему больно рассказывать? Да, скорее всего, так: в большинстве историй из прошлого есть отголосок боли — теперь, когда прошлое было прервано так насильственно, так внезапно.

Но, конечно, это не первый случай в истории человечества. Сколько народу было на ее месте? Брошенные, все потерявшие — все унесено потоком. Мертвые тела испаряются, словно медленно исходя дымом. Дома, что эти люди возводили с любовью, рушатся, как покинутые муравейники. Кости снова становятся обычным кальцием; плоть преобразилась в мышей и кузнечиков, и на нее сейчас охотятся ночные хищники.

Вышла луна. Почти полная. Хорошо для сов; плохо для кроликов, которые любят устроить любовные игрища в лунном свете, хоть это и рискованно — мозги, пропитанные феромонами, забывают об осторожности. Вон парочка резвится на лужайке, слабо светясь зеленоватым светом. Раньше некоторые люди думали, что на луне

живет гигантский кролик: они утверждали, что явственно видят его уши. Другие видели на луне улыбающееся лицо, третьи — старуху с корзиной. Что будут думать на этот счет Дети Коростеля, когда доберутся до астрологии? Через сто лет, или десять, или через год. Если доберутся.

А луна сейчас растет или убывает? Чувство фаз луны у Тоби явно притупилось с тех лет, когда она жила у вертоградарей. Сколько раз она проводила всенощные бдения при полной луне. Иногда задаваясь вопросом: почему есть Адам Первый, но нет Евы Первой. И почему никто даже не упоминает о таковой. Сейчас она узнает ответ.

— Представь себе картину, — говорит Зеб. — Мы с Адамом провели трое суток в герметичном скоростном поезде. С тех пор, как мы выпотрошили банковский счет преподобного и разошлись, мы успели пообщаться только два раза: в «Благочашке» и в служебных помещениях «Чешуек». У нас не было времени предаваться воспоминаниям. Поэтому, конечно, пока мы ехали, я его расспрашивал обо всем.

Зебу пришлось расстаться со щетинистыми вафлеобразными украшениями на лице, к которым он, по правде сказать, привязался, хоть они и требовали трудоемкого ухода. Он сбрил все

начисто, оставив лишь узкую козлиную бородку. На волосистой части головы у него тоже наблюдалось новшество — неубедительная накладка из волос париковец на клею, образец ранней продукции соответствующей компании, сочного каштанового цвета.

К счастью, у него было чем прикрыть фальшивую прическу — дурацкой шляпой, частью униформы сотрудников «Криогения» в должности, которая раньше называлась «помощник гробовщика», но в «Криогении» именовалась «менеджер временной инертности». Сей головной убор был создан на основе тюрбана, который, видимо, должен был напоминать о волшебниках. Он был какого-то красноватого цвета, спереди — логотип из стилизованных языков пламени.

— Вечный огонь жизни, надо думать, — говорит Зеб. — Когда мне показали эту чудовищную штуку, достойную третьесортного иллюзиониста, я сказал: «Вы с ума сошли? Я не надену на голову вареный помидор!» Но потом до меня дошла вся красота ситуации. В этой шапке и одежде — фиолетовом балахоне со штанами, не то пижама, не то кимоно для карате, спереди во всю длину логотип «Криогения» — все сразу увидят, кто я есть на самом деле: дебил-переросток, которого не берут

ни на какую другую работу. Возить поездом заморозины с покойниками — это крайняя степень морального падения. Как говорил Слей-Талант: «Если ты там, где тебя никто не ожидает увидеть, ты невидим».

Адам был одет точно так же и выглядел в этой форме еще глупее, чем Зеб. Это отчасти утешало. Да и вообще, кто их увидит? Их заперли в специальный вагон «Криогения», где заморозину подключили к отдельному собственному генератору, чтобы гарантированно поддерживать низкую температуру. «Криогений» хвалился особо надежной системой безопасности: кража ДНК, не говоря уже о других, более крупных органах, всерьез заботила людей, влюбленных в органические структуры собственного тела. В этих кругах еще не забыли о том, как был украден мозг Эйнштейна.

Поэтому сотрудников, перевозящих заморозину, всегда сопровождал охранник. Охранник при настоящих сотрудниках «Криогения» был бы сотрудником ККБ, уже консолидированной и постоянно растущей, и имел бы при себе пистолет-распылитель. Но поскольку данная экспедиция была с начала и до конца фальшивой, роль охранника играл менеджер из «Чешуек» по

имени Мордис. Он очень естественно выглядел в этой роли: жесткий взгляд блестящих глазок, похожих на черных жучков, и улыбка — бесстрастная, словно падающий камень.

Хотя пистолет у него был ненастоящий: криптическая команда умела имитировать одежду, но не технологические изделия с движущимися частями, изготовленные по особо тщательно охраняемым технологиям. Поэтому пистолет-распылитель Мордиса был ловко изготовленной копией из пластика и крашеного пенопласта. Впрочем, это становилось заметно только с расстояния, подходящего для удара кулаком.

Но кто стал бы подходить к ним так близко? Для всех окружающих они занимались обычной перевозкой праха. Точнее, они «переправляли субъекта временной приостановки жизнедеятельности с берега жизни по кольцевому маршруту обратно на берег жизни». С ходу не выговоришь, но в «Криогении» была принята именно такая расплывчатая манера выражаться. Вполне объяснимо, учитывая, чем занималась компания: ее лучшими помощниками при продаже услуг были людская доверчивость и склонность к беспочвенным надеждам.

— Это была самая странная поездка в моей

жизни, — говорит Зеб. — В костюме Аладдина, в пломбированном вагоне, рядом с братом, у которого на голове половина сплющенной тыквы. А между нами стоит заморозина с нашим отцом в виде студня. Впрочем, кости и зубы мы тоже туда сложили. Они не растворились. В «Чешуйках» дискутировался вопрос о скелетном материале — за него дали бы хорошую цену в плебсвиллях поглубже, где в моду вошли украшения ручной работы из человеческих костей. Это называлось «костяные побрякушки». Но более трезвые головы — Адам, Катрина и, добавлю без ложной гордости, ваш покорный слуга — охладили пыл энтузиастов, поскольку никто не мог сказать, останутся ли на костях возбудители болезни, даже если их проварить хорошенько. Ведь мы о ней пока ничего не знали.

«Как на нашей на дрезине мы везем заморозину!» — принялся распевать Зеб.

Адам вытащил блокнотик и карандаш и написал:

Следи за тем, что говоришь. В вагоне наверняка жучки.

Он показал Зебу написанное, прикрыв рукой, а

потом стер и написал:

И, пожалуйста, не пой. Это очень раздражает.

Зеб жестом попросил блокнотик. Адам подумал и отдал его. Зеб написал:

ИТТВРИЖ

И расшифровал пониже:

И тебя тоже в рот и в жопу.

Потом:

Ну что, удалось тебе наконец перепихнуться с кем-нибудь?

Адам прочитал и покраснел. Краснеющий Адам — это новость: Зеб сроду такого не видел. Обычно брат был так бледен, что хоть капилляры пересчитывай. Адам написал:

Не твое дело.

Зеб ответил:

Ха-ха-ха! Это была К.? Ты платил?

Он давно уже подозревал, куда направлены симпатии Адама.

Адам ответил:

Я не намерен поддерживать разговор об этой женщине в таком тоне. Она была достойной помощницей в наших трудах.

Зебу следовало бы написать: «В каких трудах?» Тогда он узнал бы больше. Но вместо этого он написал:

Ха-ха-ха, один-ноль в мою пользу, если можно так выразиться:-D!! Хорошо уже и то, что ты не голубой:-D:-D

Адам ответил:

Ты ниже всякой вульгарности.

Зеб написал:

Да, я такой! Впрочем, не беспокойся, я уважаю истинную любовь.

И нарисовал цветочек и сердечко. Хотел добавить: «Даже если она содержит минетное заведение для богатеньких», но передумал: Адам

сильно разозлился и мог забыться и треснуть Зеба впервые в жизни. Последует некрасивая драка над разжиженными останками их общего родителя, и это не кончится добром для Зеба, ведь у него никогда не поднималась рука двинуть Адама как следует, по-настоящему; так что он будет вынужден поддаться этой белесой вше.

Адам вроде бы немного смягчился — наверно, сердечко и цветочек помогли, — но все еще дулся. Он скомкал исписанные страницы блокнота, изорвал на кусочки и ушел в туалет — видимо, спустил их в унитаз, на рельсы. Даже если какой-нибудь любопытный соглядатай подберет их и умудрится склеить, то ничего интересного не узнает. Обычный похабный треп, которым убивают время перевозчики заморозин, когда клиенты не слышат.

Остаток поездки прошел в молчании. Адам сидел, скрестив руки на груди, состроив благочестивое, но хмурое лицо, Зеб что-то мурлыкал себе под нос, а за окном пролетал мимо Североамериканский континент.

На восточном побережье вагон специального назначения встретила Пилар под видом скорбящей родственницы жмурика… то есть клиента, находящегося в состоянии временной приоста-

новки жизнедеятельности. С ней были еще три человека — Зеб решил, что это члены криптической команды.

— Двоих ты знаешь, — говорит Зеб. — Катуро и Дюгонь. Третья была женщина, мы потеряли ее, когда Коростель захватил Беззумных Аддамов: он тогда разрабатывал Детей и хотел обзавестись рабами для умственного труда в рамках проекта «Пародиз». Она пыталась бежать, и я могу только предполагать, что она свалилась с эстакады на шоссе и ее раскатало в лепешку колесами машин. Но в тот момент, о котором я рассказываю, все это было еще впереди.

Пилар пролила несколько крокодиловых слез в носовой платок на случай, если поблизости окажутся мини-дроны или камеры наблюдения. Затем она проследила за погрузкой заморозины в длинную машину; их в «Криогении» называли не катафалками, а «транспортными средствами для челночной перевозки по маршруту жизнь — жизнь». Они тоже были цвета вареного помидора и несли на дверях логотип в виде языков пламени, символизирующих вечно пылающий огонь жизни. Никакого черного цвета, все должно быть празднично и жизнерадостно.

Итак, преподобный в заморозине поехал в

«машине Ж-Ж» в биолабораторию с тройной степенью защиты — не в «Криогений», там просто не было нужного оборудования, а в «Здравайзер-Центральный». Пилар и Зеб тоже залезли в машину. Мордису предстояло переодеться и отправиться в местное отделение «Хвоста-чешуи», где требовался менеджер с более жестким стилем руководства.

Адам должен был сменить форму «Криогения» на уличную одежду (надо сказать, его гардероб принимал все более странный вид) и отправиться по своим Адамовым делам в глубокий плебсвилль. Белого шахматного слона он отдал Пилар, предварительно вытащив его из солонки-стриптизерши; криптическая команда хотела подробно исследовать содержимое таблеток, но без риска для себя, и, кажется, наконец получила доступ к подходящему оборудованию.

Зеба ждала очередная смена личности. Пилар уже все подготовила: он должен был внедриться прямо в «Здравайзер-Центральный».

— Сделай мне одолжение, — попросил Зеб Пилар, когда она уверила его, что «машину Ж-Ж» тщательно проверили и она свободна от жучков. — Проведи сравнение ДНК. Моей и преподобного. Этого типа, что в заморозине.

Он так и не избавился от подозрения, что преподобный — не настоящий его отец, и теперь, похоже, у него остался самый последний шанс это выяснить.

Пилар сказала, что это не составит никакого труда. Он сделал мазок слизистой клочком салфетки и отдал Пилар, а она осторожно положила клочок в пластиковый конвертик, где уже лежало что-то морщинистое и желтое, похожее на сушеное ухо эльфа.

— Что это? — спросил он. Он хотел сказать «что это за херня», но в присутствии Пилар ругаться как-то не хотелось. — Гремлин из дальнего космоса?

— Это лисичка, — ответила Пилар. — Гриб такой. Съедобный, не путать с ложной лисичкой.

— Так что, у меня окажется ДНК гриба?

Пилар засмеялась:

— На это шансов мало.

— Это радует, — ответил Зеб. — Надо сказать Адаму.

Только ночью до него дошло, в чем загвоздка. Уже засыпая в аскетической, но приемлемой обстановке предоставленного «Здравайзером» жилья, он сообразил: если Пилар сделает анализ и окажется, что преподобный ему не отец, то

Адам окажется ему не братом. Окажется вообще никакой не родней. Не кровным родственником.

Вот:

Фенелла + преподобный = Адам.

Труди + неизвестный донор спермы = Зеб.

= нет общей ДНК.

Если это правда, действительно ли он хочет ее знать?

Люмирозы

Новая должность Зеба в «Здравайзере-Центральном» называлась «дезинфектор первого ранга». Ему выдали комбинезон мрачного зеленого цвета с логотипом «Здравайзера» и большой светящейся буквой «Д»; сеточку для волос, чтобы он не посыпал своей недостойной перхотью столы людей, которые не чета ему; и конусный респиратор на нос, в котором он выглядел как свинья из мультика. Он также получил доступ к бесконечному запасу перчаток и обуви — защитных, водоотталкивающих, непроницаемых для нанобиоформ; и самое главное — универсальный ключ от здания.

Правда, только от административного корпуса, а не от лабораторий. Те были в другом здании. Впрочем, никогда не знаешь заранее, что может накопать робингуд с ловкими пальцами, получивший набор паролей от подпольной криптической группы — в чужом неохраняемом компьютере, поздно ночью, когда добропорядочные граждане крепко спят в чужих постелях. (Моральные нормы в отношении супружеской верности в «Здравайзере» были несколько раз-

мыты.)

Когда-то должность Зеба именовалась бы «уборщик», а еще до этого — «уборщица». Но поскольку дело происходило в двадцать первом веке, его титулу добавили звучности — он должен был напоминать о борьбе с нанобиоформами. Предполагалось, что занять эту должность Зеб мог только после тщательной проверки его благонадежности, ибо любая из враждебных корпораций, в том числе иностранных, с удовольствием внедрила бы своего хакера на какой-нибудь невинный пост в «Здравайзере» с приказом хватать все, что подвернется.

Еще предполагалось, что для занятия должности «дезинфектора» он прошел курс обучения, насыщенный информацией по последнему писку науки о том, где рыскают микробы и как сделать их жизнь невыносимой. Разумеется, никаких курсов Зеб не проходил; но перед тем, как он приступил к работе, Пилар выдала ему инструкции в сжатом виде.

Конечно, микробы обожали издревле привычные им места, такие, как сиденья унитазов, полы, раковины и дверные ручки. Но кроме этого, они любили тусоваться на кнопках лифтов, телефонных трубках и компьютерных клавиатурах. Все

это следовало протирать антибактериальными салфетками и стерилизовать лучами смерти — в дополнение к мытью полов в коридорах и всякому такому. Кроме того, в обязанности Зеба входило пылесосить полы в кабинетах более важных начальников — на случай, если роботы-уборщики, которые работали днем, что-нибудь пропустили. Эти роботы вечно катались под ногами, возвращались к стенным розеткам подзарядиться, потом снова кидались в бой, постоянно бибикая, чтобы кто-нибудь о них не споткнулся. Ходить по офису было все равно что по пляжу, усыпанному гигантскими крабами. Когда Зеб был один на этаже, он запинывал их ногами в углы или переворачивал на спину — просто так, посмотреть, как скоро им удастся перевернуться обратно.

Кроме спецодежды, он получил еще новое имя: Горацио.

— Горацио? — повторяет Тоби.

— Не смешно. Кому-то пришло в голову, что именно так текс-мексиканская семья, проползшая под Стеной, может назвать своего отпрыска в надежде на его лучезарное будущее. Они решили, что я похож на текс-мексиканца, ну или на помесь с соответствующей ДНК. Что, кстати

говоря, вскоре оказалось правдой.

— О, — догадывается Тоби. — Пилар сравнила ДНК.

— Точно. Хотя узнал я об этом не сразу. Нас с Пилар не должны были видеть вместе, потому что с чего бы она стала водить со мной знакомство? И вообще, чтобы встретиться, нам пришлось бы существенно нарушить свой распорядок — мы работали в разных сменах. Поэтому, когда я отдал ей мазок слизистой, мы договорились о коде.

Еще раньше, пока я ехал в пломбированном вагоне «Криогения», а Пилар готовила мою новую личность, дезинфектора, и вводила ее в систему, она уже знала, что я буду убирать женский туалет — через коридор от той лаборатории, где работала она. Я был в ночной смене — в ней работали только мужчины, чтобы избежать всякого лапанья и визга, которыми чреваты смешанные коллективы. Поэтому после наступления темноты весь этаж был мой. Я должен был следить за второй кабинкой слева.

— Пилар оставила записку под крышкой бачка?

— Нет, это было бы слишком очевидно. Бачки постоянно проверяли: только безнадежный дилетант положил бы туда что-нибудь важное.

Нашим почтовым ящиком был квадратный железный кармашек на стене. Знаешь, какие бывают в женских туалетах, для этих, как их. Ну, которые нельзя спускать в унитаз. Но все равно это была не записка — слишком опасно.

— Значит, сигнал?

Интересно, какой, думает Тоби. Один — да, два — нет. Но два чего?

— Да. Что-то такое, что не бросалось бы в глаза, но и не было бы совсем обычным. Она решила использовать косточки.

— Какие еще косточки? — Тоби представляются мелкие белые косточки животного. Наконец она догадывается. — Вроде персиковых?

— Именно. Таких, которые могли остаться от съеденного в туалете обеда. Некоторые секретарши так поступали — уходили в сортир, чтобы пообедать в тишине и покое, сидя на толчке. Я порой находил в этих ящичках остатки сэндвичей: то шкурку от бекона, то кусок засохшей сырной пасты. В «Здравайзере» на сотрудников постоянно давили, и чем ниже по иерархии, тем давление было сильнее, поэтому они урывали минутку покоя как могли.

— А какие были косточки? — интересуется Тоби. — Какие означали «да» и какие «нет»?

Образ мышления Пилар ее всегда завораживал; Пилар ни за что не взяла бы первые попавшиеся фрукты.

— Персиковая косточка означала «нет» — я не родня преподобному. Финиковая — «да»: не повезло, преподобный — твой папочка, услышь и возрыдай, ибо в тебе по крайней мере половина — от психопата.

Персик кажется Тоби логичным: вертоградари ценили этот фрукт и допускали, что именно персик был тем самым плодом на Древе Жизни в раю. Впрочем, вертоградари ничего не имели и против фиников, да и против любых других фруктов, которые не поливались химикатами.

— Похоже, «Здравайзер» хорошо снабжали, — говорит Тоби. — По-моему, как раз тогда урожаи персиков и яблок сильно упали, когда начали вымирать пчелы. И слив, и разных цитрусовых тоже.

— У «Здравайзера» дела шли в гору. Они просто лопатой гребли деньги — и от витаминов, и от лекарств. Так что могли себе позволить импортные фрукты, опыленные кибернасекомыми. Свежие фрукты были одной из привилегий для работников «Здравайзера». Конечно, только для руководства.

— Так что ты нашел? — напоминает Тоби. — В смысле косточек.

— Персик. Аж две персиковые косточки. Чтобы лучше дошло.

— И что ты почувствовал? — спрашивает Тоби.

— Оттого, что Пилар расстаралась на дорогие фрукты? — он явно избегает разговора о чувствах.

— Оттого, что твой отец оказался тебе не отцом, — терпеливо говорит Тоби. — Что-то ты же должен был почувствовать.

— Ну да, ну да. Я подумал: «Так я и знал»! Я люблю оказываться правым, а кто не любит? И еще я стал меньше переживать из-за того, что я… Ну, знаешь. Превратил его в кисель.

— Ты переживал?! Да будь он даже твой родной отец, он был последней…

— Да, я знаю. Но все же. Родная кровь и все такое. Меня бы это грузило. Но был и негативный момент. Адам. Это уже не так радовало: вдруг, ни с того ни с сего, он оказался мне чужим человеком. То есть не кровным родственником.

— А ты ему сказал?

— Не-а. Для меня он был и оставался братом. Мы с ним срослись головами, как сиамские близнецы. Слишком многое пережили вместе.

— Детка, то, что сейчас будет, тебе не понравится, — предупреждает Зеб.

— Про Люцерну? — догадывается Тоби. Зеб не дурак. Он наверняка давно уже понял, как она относилась к Люцерне, его сожительнице у вертоградарей. Люцерне Противной, что избегала трудиться вместе со всеми на прополке, не любила женских швейных кружков, страдала от постоянных головных болей (удобный предлог), ныла и считала Зеба своей собственностью. Нерадивой мамаше девочки Рен. Люцерне Аппетитной, некогда обитательнице «Здравайзера» и жене высокопоставленного биогика. Люцерне, романтичной фантазерке, что сбежала с благородным разбойником Зебом, насмотревшись фильмов, в которых красавицы поступали именно так.

По словам Люцерны, Зеб был поражен любовным безумием — непреодолимым и неумолимым желанием обладать ею. У него едва глаза не выскочили от похоти, когда он увидел ее в розовом пеньюаре в «НоваТы», где в должности садовника сажал люмирозы. И они слились в страстном безумном объятии сразу же, там же, на влажной от ночной росы траве. Тоби много раз выслушивала эту историю от самой Люцерны, еще у

вертоградарей, и с каждым разом проникалась все большим отвращением. Если она сейчас перегнется через перила и сплюнет, то, возможно, попадет на то самое место, где Зеб и Люцерна впервые катались по травке. Или рядом.

— Угу, — подтверждает Зеб. — Про Люцерну. Она появилась в моей жизни как раз в этот момент. Если хочешь, я ее пропущу.

— Нет, — говорит Тоби. — Я никогда не слышала твоей версии событий. Но Люцерна рассказывала мне про лепестки люмироз. Которые ты рассыпал по ее трепещущему телу и все такое.

Тоби старается, чтобы в голосе не звучала зависть, но это очень трудно. Вот по ее собственному трепещущему телу кто-нибудь когда-нибудь рассыпал лепестки? Или хоть думал об этом? Нет. У нее и характер для этого неподходящий. Она бы все испортила, завопив: «Что ты делаешь с этими дурацкими лепестками?» Или засмеялась бы, а это вообще конец всему. Сейчас лучше заткнуться и не комментировать, иначе Зеб ей ничего не расскажет.

— М-м-м… да, у меня от природы талант к рассыпанию лепестков, я же работал помощником мага. Это прекрасный отвод глаз. Но в том, что она рассказала, наверняка была большая доля

правды.

Однако впервые Зеб и Люцерна увидели друг друга отнюдь не в «НоваТы». Это было в женском туалете, который Зеб предположительно убирал, точнее, который он в тот момент действительно убирал и в ходе уборки заглянул в железный ящик в поисках косточек, персиковых или же финиковых. Косточек там не оказалось — Пилар еще не успела сравнить ДНК Зеба с ДНК преподобного, так что Зеб как раз выходил из второй кабинки слева с пустыми руками. И кто же в этот момент вошел в туалет? Кто как не Люцерна!

— Посреди ночи? — уточняет Тоби.

— Именно. «Что она тут делает?» — спросил я себя. Либо она робингуд вроде меня, только хреновый, раз попалась в том месте, где ей не полагалось находиться. Либо у нее интрижка с каким-нибудь топ-менеджером, который дал ей ключ от здания, чтобы покувыркаться с ней на ковре в офисе, пока сам менеджер якобы работает допоздна, а она якобы потеет в спортзале. Хотя даже для этого время было уже позднее.

— Или то и другое, — добавляет Тоби. — Интрижка и робингудствование.

— Угу. Это удачное сочетание: каждое служит прикрытием для другого. «О нет, я не воровала

информацию, я только бегала налево от мужа». «О нет, я тебе не изменяю, я просто воровала информацию». Но, конечно, имел место первый вариант. Ошибиться было трудно.

Увидев Зеба, выходящего из кабинки в защитных перчатках и респираторе, — он был похож на инопланетянина — Люцерна тихо вскрикнула. Зеб был уверен, что она вскрикивает отнюдь не впервые за эту ночь: она вся раскраснелась, запыхалась и слегка растрепалась. Или расстегнулась. Любитель красного словца сказал бы, что у нее одежда в живописном беспорядке. Излишне говорить, что в этот момент она была очень привлекательна.

О, конечно, излишне говорить, думает Тоби.

«Что вы делаете в дамском туалете?» — обвиняюще спросила Люцерна. Главное правило: если тебя поймали на горячем, обвиняй первая. Она сказала «дамский» туалет, а не «женский». Тоже очень характерный штришок.

— Штришок чего?

— Ее характера. У нее был комплекс богини — она желала стоять на пьедестале. Дамы располагаются на ступеньку выше женщин.

Зеб сдвинул респиратор на лоб и стал похож на носорога с отпиленным рогом. «Я дезинфектор

первого ранга, — произнес он внушительно и напыщенно. При виде красивой женщины, которая только что трахалась с другим, мужчина как-то бывает склонен к помпезности: ведь это удар по его самолюбию. — А вы что вообще делаете в этом здании?»

Встречное обвинение — это полезно. Он заметил у нее на пальце кольцо. Ага, подумал он. Львица в неволе. Ей нужен отдых от рутины.

«Мне нужно было закончить одну важную работу, — соврала Люцерна, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. — Мое присутствие здесь абсолютно легитимно. У меня есть ключ-пропуск».

Зеб мог бы обличить ее во вранье, но он проникся восхищением к женщине, которая смогла употребить слово «легитимный», находясь в таком шатком положении. Поэтому он не стал сдавать ее охранникам, что привело бы к проверке ее через мужа, неприятным последствиям для любовника и скорее всего — если подумать — к увольнению самого Зеба. И он решил не гнать волну. «А, понятно, извините», — пробормотал он с нужной долей смиренной угодливости.

«А теперь, если не возражаете, это дамский туалет, и мне хотелось бы тут уединиться, Горацио», — сказала она, словно облизав языком имя,

которое прочитала у него на бейджике. И заглянула ему в глаза. Это была мольба: «Не выдавай меня», и одновременно — обещание: «Однажды я буду твоя». Конечно, она не собиралась это обещание выполнять.

Отлично разыграно, думал Зеб, удаляясь.

И поэтому, когда они с Люцерной встретились во второй раз — в первых лучах рассвета, она босая и едва прикрытая прозрачным розовым пеньюаром, он с фаллическим инструментом, лопатой, в одной руке и пылающим кустом люмироз в другой, на свежеудобренном газоне свежепостроенного салона «НоваТы» посреди Парка Наследия, — она его узнала. И вспомнила, что когда-то он носил имя Горацио, но теперь загадочным образом — если верить его бейджику садовника «НоваТы» — превратился в Аташа.

«Вы были в «Здравайзере», — произнесла она. — Но вас зва…»

И конечно, он был вынужден ее поцеловать — страстно и жарко. Потому что она не могла одновременно целоваться и говорить.

— Естественно, — говорит Тоби. — Но кого ты изображал? Что такое «Аташ»?

— Иранское имя, — объясняет Зеб. — Иммигрант в третьем поколении. Почему бы нет? Их

очень много понаехало в конце двадцатого века. Это было безопасно при условии, что я не нарвусь на другого иранца, который вздумает сравнить родословные, откуда родом моя семья и все такое. Хотя у меня была легенда, я выучил ее наизусть на всякий случай. Удачная — в ней хватало исчезновений и зверств, чтобы объяснить любые несостыковки места и времени.

— Итак, Люцерна видит Аташа и подозревает, что он на самом деле Горацио, — говорит Тоби. — Или наоборот.

Ей хочется как можно скорее проскочить эту болезненную для нее часть; при некотором везении ей больше не придется слушать про жаркий безудержный секс и рассыпание лепестков, о котором неустанно твердила Люцерна.

— Да. И это было очень плохо, поскольку из «Здравайзера» мне пришлось срочно валить. В одном компьютере была охранная система — и я ее заметил слишком поздно. Она засекла, что в компьютер кто-то забрался. Я залогинился, сразу увидел капкан и понял, что произошло. Они начнут проверять, кто был в здании, когда сработала тревога, и это сразу укажет на меня. Я тут же зашел в чат Беззумных Аддамов и запросил экстренную помощь, и криптики связались

с Адамом. У него был контакт, который сумел устроить меня садовником в «НоваТы», хотя мы оба понимали, что это временный вариант и что меня скоро нужно будет оттуда убрать.

— Итак, она знает, и ты знаешь, что она знает, и она знает, что ты знаешь, что она знает, — подытоживает Тоби. — В тот момент, когда вы встретились на газоне.

— Совершенно верно. У меня было два возможных выхода: убийство и совращение. Я выбрал наиболее привлекательный вариант.

— Понятно, — говорит Тоби. — Я выбрала бы то же самое.

По его словам выходит, что им двигал голый расчет, но они оба знают, что это не единственный мотив. Прозрачный розовый пеньюар — сам по себе чрезвычайно веский довод.

В каком-то смысле Зебу не повезло с Люцерной. Хотя в другом смысле повезло, ведь никто не будет отрицать, что она…

— Эту часть можешь пропустить, — говорит Тоби.

— Хорошо, вот тебе сокращенная версия: она держала меня за яйца. В нескольких смыслах сразу. Но я не заложил ее тогда, после встречи в туалете, и она собиралась отвечать мне тем же

при условии, что я буду к ней достаточно внимателен. Потом она на меня запала и никак не могла успокоиться: вынь да положь ей романтический побег с таинственным незнакомцем, который впервые явился — со свиным рылом — ее взору.

Мы направились в глубокий плебсвилль и по моему настоянию все время переселялись с места на место, что поначалу сходило за романтику. К счастью, никто — в смысле, никто из ККБ — не заинтересовался ее побегом, поскольку она не украла никакой ИС. Корпоративные жены иногда сбегали из охраняемых поселков, чисто от скуки. Это не было чем-то неслыханным. ККБ рассматривала подобные вещи как частное семейное дело — ну, насколько для нее любое дело могло быть семейным и частным. Поэтому ККБ почти не преследовала беглянок, особенно если муж не поднимал шума. А муж Люцерны, по-видимому, шуметь не стал.

Беда была в том, что Люцерна забрала с собой Рен. Милая, хорошенькая девочка, она мне нравилась. Но ей было слишком опасно жить в глубоком плебсвилле. Таких детей крали в секс-рабство — прямо днем, посреди улицы, даже если с ними были взрослые. Плебратва устраивала потасовку, брызгала секрет-бургеровским красным

соусом, переворачивала тележку-гриль или солнцекар — иными словами, старый добрый отвод глаз — и когда родители вспоминали про ребенка, его уже рядом не было. Я не мог рисковать.

Зеб снова поменял форму ушей, отпечатки пальцев и рисунок радужки глаз — в «Здравайзере» уже наверняка знают, что он интересовался содержимым их компьютеров, и станут его искать, и тогда…

— И тогда вы трое объявились у вертоградарей, — говорит Тоби. — Я это хорошо помню; у меня с первого дня было ощущение, что тебе там не место. Ты не вписывался в общий фон.

— Ты имеешь в виду, что я не принимал обетов чего-то там и не пил эликсир жизни? Бог любит тебя, и червяков тоже?

— Ну да, что-то в этом роде.

— Да, я этого не делал. Но Адаму все равно приходилось меня терпеть. Я ему брат или как?

«Райский утес»

— К этому времени Адам уже собрал и построил свой парад уродов-экофилов, — говорит Зеб. — В саду на крыше «Райский утес». Ты там была. Еще там были Катуро и Ребекка. Нуэла — интересно, что с ней стало? Марушка-повитуха и все прочие. И Фило. Жалко его.

— Парад уродов? — переспрашивает Тоби. — Это как-то недобро звучит. Движение вертоградарей было чем-то большим.

— Да, согласен. Но жители плебсвиллей считали их именно парадом уродов. И хорошо: в тех местах было гораздо безопаснее слыть безобидными чокнутыми нищими. Адам ничего не делал, чтобы опровергнуть эту репутацию; наоборот, старался ее укрепить. Разгуливал по плебсвиллям в простом, но броском кретинском балахоне из вторсырья, а за ним шествовал хор, распевающий кретинские гимны. Проповедовал любовь к нашим копытным братьям перед тележками «Секрет-бургера». По всеобщему мнению, такое могли вытворять только полные психи.

— Если бы он этого не делал, меня бы сейчас тут не было, — говорит Тоби. — Он и дети вертограда-

рей утащили меня во время уличной потасовки. Я тогда работала… застряла в «Секрет-бургере», и на меня положил глаз тамошний менеджер.

— Твой приятель Бланко, — говорит Зеб. — Три ходки в больбол, насколько я помню.

— Да. Девушки, на которых он положил глаз, после этого долго не жили, и я была следующей в списке. Он уже перешел к побоям и накручивал себя, чтобы убить: это чувствовалось. Так что парад уродов или нет, но я многим обязана Адаму… Адаму Первому. Я только под этим именем его и знала.

— Не пойми меня неправильно. Он мой брат. У нас бывали размолвки, у нас были разные методы работы, но это другое.

— Ты ничего не сказал про Пилар, — Тоби переводит разговор. Ей неудобно слушать, как критикуют Адама Первого. — Она ведь тоже там была. В «Райском утесе».

— Да. Она в конце концов решила, что «Здравайзера» с нее хватит. Она давала Адаму инсайдерскую информацию, полезную для него — он хотел знать о возможных дезертирах из корпораций, чтобы попытаться уговорить их перейти на сторону добра. То есть на сторону Адама. Но Пилар сказала, что больше не может. После того

как ККБ захватила так называемые обязанности по поддержанию правопорядка, корпорации получили право хватать, стирать в порошок и аннигилировать все, что захочется. Они делали деньги как безумные, и Пилар утверждала, что ей вредно находиться в такой атмосфере. Как она выразилась, это отравляло ее душу.

Криптики помогли составить легенду, чтобы по следам Пилар не помчались ищейки: у нее произошел инсульт, ее немедленно отправили в «Криогений» в заморозине, и вуаля, вот она уже на крыше здания в плебсвилле, одетая в тряпичный мешок, смешивает зелья.

— А также растит грибы, учит меня обращаться с опарышами и держит пчел. И все это она замечательно умела делать. Убедительно. Она научила меня говорить с пчелами — это я отнесла им весть о ее смерти. — Тоби взгрустнулось.

— Угу. Я помню. Но она не пудрила тебе мозги. Она по правде во все это верила. В каком-то смысле. Потому и соглашалась ежедневно рисковать жизнью в «Здравайзере». Помнишь, что случилось с отцом Гленна? Пилар могла точно так же отправиться через перила на шоссе. Если бы ее поймали. Особенно если бы ее поймали с шахматным слоном и тремя пилюлями.

— Она оставила их у себя? — удивляется Тоби. — Она же вроде бы собиралась отправить их на анализ. После того как Адам отдал их ей.

— Она решила, что это слишком опасно, — говорит Зеб. — Их вскрывать. И выпускать наружу то, что внутри, тоже могло быть опасно. Так что слон оставался в «Здравайзере-Центральном» все время, пока она была там. При побеге она взяла его с собой и переложила таблетки в собственного белого слона — из того набора шахмат, что она сама вырезала. Мы с тобой играли этим набором, помнишь, когда я выздоравливал. После того как меня порезали на очередном задании в плебсвилле. Куда меня послал Адам.

У Тоби перед глазами мелькают образы: послеполуденная дымка, Зеб лежит в тени. Его рука. Ее собственная рука передвигает белого слона. Смертоносного. Но тогда она этого не знала. Она вообще тогда очень многого не знала.

— Ты всегда играл черными, — говорит она. — Что случилось со слоном после смерти Пилар?

— Она завещала свои шахматы Гленну вместе с запечатанным письмом. Ведь это Пилар научила его играть в шахматы — давно, в «Здравайзере-Западном», когда Гленн еще был маленький. Но к тому времени, как Пилар умерла, мать Гленна

вышла замуж за типа, с которым раньше кувыркалась в койке, — так называемого дядю Пита — и их перевели с повышением в «Здравайзер-Центральный». Пилар держала связь с Гленном через криптиков, и это Гленн организовал для нее анализы. И выяснилось, что у нее терминальная стадия.

— Что было в письме?

— Оно было запечатано. Наверное, инструкции, как открывать слона. Я бы наложил на него лапу, но Адам не позволил.

— Значит, Адам попросту отдал все это добро Гленну… Коростелю? Шахматы с таблетками внутри? Он же был еще мальчишкой.

— Пилар сказала, что он взрослый не по годам. А Адам счел необходимым выполнить ее предсмертное желание.

— А ты что? Это было до того, как я стала Евой, но ты-то уже был в совете. Такие важные вопросы выносились на обсуждение. У тебя наверняка было что сказать. Ты ведь был Адамом. Адамом Седьмым.

— Другие согласились с Адамом Первым. Я считал, что этого делать нельзя. Что, если мальчик попробует таблетки на ком-нибудь, не зная, к чему это приведет, как я когда-то?

— Похоже, он так и сделал. Добавив кое-что от себя. Судя по всему, они легли в основу «НегиПлюс» — отвечали за то, что происходило с человеком на следующей стадии, после так называемой неги.

— Да. Думаю, ты права.

— А как ты думаешь… Пилар знала, что он сделает с этими вирусами, или микробами, или как их? В конце концов?

Она вспоминает морщинистое личико Пилар, ее доброту, ее безмятежность, ее силу. Но под всем этим всегда крылась железная решимость. Не злоба, не вредность, нет. Может быть, фатализм.

— Скажем так, — говорит Зеб. — Все настоящие вертоградари считали, что нашу цивилизацию ждет крах. Что ему уже давно пора произойти. И что, может быть, чем раньше он произойдет, тем лучше.

— Но ты же не был настоящим вертоградарем.

— Пилар считала, что был. Из-за моего бдения. По уговору с Адамом я должен был принять должность. Ну это, Адама Седьмого. Адам сказал, что это придаст мне нужный авторитет. Повысит статус, как он выразился. А для этого обязательно было пройти бдение. Увидеть своего животного духа-покровителя.

— Да, я тоже это делала, — говорит Тоби. — Говорящие помидоры и недра звезд.

— Да-да, весь набор. Уж не знаю, что старуха Пилар туда намешала, но зелье вышло термоядерное.

— И кого ты увидел?

Пауза.

— Медведя. Которого я убил и съел, когда выбирался из пустошей в горах Маккензи.

— Он тебе что-нибудь сказал? — интересуется Тоби. Ее собственное животное-видение только загадочно на нее посмотрело.

— Не то чтобы. Но дал понять, что продолжает жить во мне. Он даже не очень на меня сердился. Был вполне дружелюбен. Человеческий мозг вытворяет просто удивительные вещи, если поковыряться в нейронах.

Став Адамом Седьмым, Зеб на законных основаниях поселился сам и поселил Люцерну с Рен среди вертоградарей. Но они не слишком хорошо вписались в компанию. Рен тосковала по охраняемому поселку и по отцу. А Люцерна слишком берегла маникюр, чтобы стать хорошей вертоградаршей. Ее участие в огородных делах равнялось нулю, и она всем сердцем ненавидела предписанную форму одежды — мешковатые

темные платья с фартуками. Зебу следовало бы знать, что она недолго выдержит.

У самого Зеба тоже не было особых склонностей к переселению улиток и слизняков, варке мыла или уборке в кухонном отсеке, и они с Адамом пришли к договоренности о том, чем Зеб будет заниматься. Он учил детей искусству выживания и «предотвращению кровопролития в городских условиях». По мере того как движение вертоградарей росло, ширилось и обзаводилось новыми ячейками в других городах, Зеб выполнял обязанности курьера, связного между группами. Вертоградари не признавали мобильных телефонов и любой другой технологии; то есть кроме одного навороченного лаптопа, который Зеб держал в своем распоряжении, оборудовал шпионскими программами, чтобы следить за ККБ, и сплошь утыкал файрволлами.

Работа курьером на Адама имела свои плюсы — Зеб меньше бывал дома, и ему не приходилось выслушивать нытье Люцерны. Но и свои минусы — он меньше бывал дома, тем самым давая Люцерне пищу для жалоб. Она все время пилила его за то, что он избегал серьезных отношений: например, почему он так и не предложил ей проделать вертоградарскую брачную церемонию?

— Это когда вдвоем прыгали через костер, потом обменивались зелеными ветвями в общем кругу, а потом все вместе устраивали этакий благочестивый банкет, — поясняет Зеб. — Она очень хотела. Я говорил, что считаю это бессмысленным, пустым обрядом. Тогда она обвиняла меня в том, что я поставил ее в унизительное положение.

— Если ты считал это пустым обрядом, почему нельзя было согласиться? Может, она тогда успокоилась бы. И была счастлива.

— Ага, щаз, — говорит Зеб. — И вообще. Я просто не хотел. Не люблю, когда на меня давят.

— Да, она была права, ты избегаешь серьезных отношений.

— Ну, наверное. В общем, она меня бросила. Вернулась в ОП. И Рен с собой забрала. А потом я стал добиваться того, чтобы вертоградари вели более активную борьбу, и все развалилось.

— Меня в это время уже не было, — говорит Тоби. — Бланко выпустили из больбола, и он решил меня достать. Я стала опасной для вертоградарей. Ты мне тогда помог сменить личность.

— Да, у меня уже был многолетний опыт, — он вздыхает. — После того как ты ушла, ситуация обострилась. Организация вертоградарей ста-

ла слишком крупной и процветающей, и нас заметила ККБ. Они сочли нас чем-то вроде зарождающегося подпольного сопротивления.

Адам тогда использовал сад на крыше как конспиративную квартиру для беглецов из биотехкорпораций, и это начало доходить до ККБ; поэтому ККБ платила бандам из плебсвилля, чтобы они на нас нападали. Адам Первый, будучи пацифистом, отказался вооружать вертоградарей. Я бы научил его, как из детской картофельной пушки сделать вполне приличный метатель шрапнели для ближнего боя. Но Адам и слышать не желал. Для него это было аналогично святотатству.

— Ты смеешься надо мной, — говорит Тоби.

— Нет, я все рассказываю как есть. Что бы ни стояло на кону, Адам отказывался переходить в прямое наступление. Не забудь, он был первенцем; преподобный обрабатывал его с младенчества, и лишь гораздо позже мы с ним поняли, что старый козел — шарлатан и жулик. Но у Адама в мозгу накрепко засела потребность быть хорошим. Суперхорошим, а то Бог его не будет любить. Я так думаю, он собирался сделать все, что делал преподобный, только по правде: всем, чем преподобный притворялся, Адам собирался быть по-настоящему. На такое жизни не хватит.

— А в тебе, кажется, ничего такого нет.

— Нет, насколько я знаю. Я был отродьем дьявола, ты же помнишь. А значит, не обязан был вести себя хорошо. Адам этим пользовался: сам, своими руками он никогда не превратил бы преподобного в клюквенный кисель. Но он устроил все так, чтобы это сделал я. И все равно страдал комплексом вины: как ни крути, преподобный был его отцом, чти отца своего и мать свою, и все такое, даже если один из них зарыл другого под альпийской горкой. Адам считал, что обязан был все простить. Он много занимался самобичеванием. А когда он потерял Катрину Ух, все стало еще хуже.

— Она с кем-нибудь сбежала?

— Если бы. Корпорации решили подмять под себя торговлю сексом как чрезвычайно выгодное занятие. Они подкупили нескольких политиканов, добились легализации, основали «СексТорг» и заставили всех, кто работал в этой отрасли, влиться в него. Катрина сперва соглашалась, но потом они решили ввести ряд политик и процедур, которые она сочла неприемлемыми. Это они так выражались: «ввести ряд политик и процедур». Она как человек с принципами стала для них неудобна. От питона они тоже избавились.

— Ох, — произносит Тоби. — Какая жалость.

— Мне тоже было жалко. А уж Адаму… Он чах и хирел на глазах. От него словно кусок отрезали. Мне кажется, он мечтал когда-нибудь поселить Катрину в саду на крыше. Впрочем, из этого ничего не вышло бы. У нее были совершенно другие вкусы в плане одежды.

— Очень грустно.

— Да, это было очень грустно. Мне следовало проявить понимание. Вместо этого я спровоцировал ссору.

— Ох. Только ты?

— Ну, может, мы оба. Но это был бой без правил. Я сказал, что он — точная копия преподобного, только наизнанку, как вывернутый носок: им обоим всегда было глубоко плевать на окружающих. Все должно быть по-ихнему или никак. Он сказал, что у меня всегда были преступные наклонности, и именно поэтому мне глубоко чужды такие вещи, как пацифизм и необходимость жить в мире с самим собой. Я ответил, что своим бездействием он потакает силам, уничтожающим нашу планету, особенно Нефтекорпу и Церкви ПетрОлеума. Он сказал, что я лишен веры, и что Творец обязательно разберется с Землей, во благовремении, по всей вероятности — очень

скоро, и те, кто должным образом сонастроен и питает истинную любовь к Творению Господню, не погибнут. Я сказал, что это эгоистическая точка зрения. Он сказал, что меня соблазнила земная власть и для меня главное — быть в центре внимания, совсем как в детстве, когда я намеренно испытывал границы.

Он опять вздыхает.

— И что было дальше?

— Дальше я разозлился. И сказал то, о чем потом не переставал жалеть.

Пауза. Тоби ждет.

— Я сказал, что он мне на самом деле не брат — в генетическом смысле. Что мы не родня. — Опять пауза. — Он сначала не поверил. Я его убедил, рассказал про генетический анализ, который сделала Пилар. Из него как будто воздух выпустили.

— Ох, — говорит Тоби. — Бедные вы.

— Я сразу об этом пожалел, но слово не воробей. Потом мы пытались помириться и кое-как залатать отношения. Но они только обострились. И нам пришлось разойтись в разные стороны.

— Катуро пошел с тобой, — говорит Тоби. Это она точно знает. — Ребекка. Черный Носорог. Шеклтон, Крозье и Оутс.

— И Аманда поначалу. Хотя она выбралась. По-

том пришли еще новенькие. Белоклювый Дятел, Голубянка, Белая Осока. Вся эта компания.

— И Американская Лисица, — добавляет Тоби.

— Да. И она. Мы думали, что Гленн… что Коростель работает на нас, поставляет разведданные из корпораций через чат Беззумных Аддамов. Но все это время он расставлял нам ловушку, чтобы затащить в свой купол «Пародиз». Чтобы мы делали для него искусственных людей.

— И смешивали вирусы чумы? — спрашивает Тоби.

— Нет, насколько мне известно. Это он делал сам.

— Чтобы сотворить свой идеальный мир.

— Не идеальный. На это он не претендовал. Это скорее предполагалось как перезагрузка. И у него, в общем, получилось. Все шло нормально до определенного момента.

— Он не предвидел больболистов, — говорит Тоби.

— А должен был предвидеть. Их или кого-то вроде них.

Внизу, в лесу, очень тихо. Один ребенок едва слышно поет во сне. Вокруг бассейна дремлют свиноиды, испуская похрюкивания, словно облачка дыма. Вдали раздается чей-то вопль:

наверное, рыськи.

Дует прохладный ветерок. Листья, как положено листьям, шелестят; луна путешествует по небу, двигаясь к следующей фазе, отмеряя время.

— Тебе надо бы поспать, — говорит Зеб.

— Нам обоим, — отвечает Тоби. — А то мы будем не в лучшей форме.

— Эх, будь я лет на двадцать помоложе. Впрочем, эти больболисты тоже не в лучшей форме. Одному Богу известно, чем они все это время питались.

— Свиноиды в хорошей форме, — говорит Тоби.

— Они не умеют нажимать на спусковой крючок.

Зеб ненадолго замолкает.

— Если мы оба завтра выживем, давай сделаем эту штуку с костром. С зелеными ветками.

— Ты только что сказал, что это бессмысленный пустой обряд, — смеется Тоби.

— Даже бессмысленный пустой обряд иногда может иметь смысл, — говорит Зеб. — Ты что, отказываешь мне?

— Нет, конечно. Как ты мог подумать?

— Я всегда опасаюсь худшего.

— Это самое худшее, чего ты опасаешься? Что

я тебе откажу?

— Не издевайся надо мной. Я стою перед тобой наг и беззащитен.

— Я просто не могу поверить, что ты это всерьез, — говорит Тоби.

Он вздыхает.

— Давай-ка поспим, детка. Потом все обсудим. Завтра уже почти наступило.

Скорлупа

Общий сбор

Персиковая дымка на востоке. Занимается день — пока робкий и прохладный. Солнце еще не стало горячим, жарящим прожектором. Вороны распоясались, летают и кричат друг другу: «Кар! Каркар! Кар!» Что они говорят: «Берегись!»? Или «Скоро попируем»? Где война, там и вороны, они любят падаль. И вороны, птицы войны, любители глазных яблок. И грифы, некогда священные, почитаемые птицы, древние любители гниющего мяса.

«Ну-ка хватит траурных монологов», — командует себе Тоби. Нужно смотреть на вещи позитивно. Для этого всегда служили военные трубы, фанфары, барабаны и маршевая музыка. Она как бы говорила солдатам: «Мы непобедимы». И солдаты старались верить этим лживым мелодиям, потому что иначе — у кого хватило бы духу шествовать навстречу смерти? Говорят, что берсерки, одетые в медвежьи шкуры, перед битвой одурманивались северными галлюциногенными грибами: возможно, мухоморами, *Amanita muscaria*. Во всяком случае, Пилар у вертоградарей так говорила.

«Может, подсыпать порошочку во фляжки с водой?» — думает Тоби. Накачай свой мозг ядом, иди в бой и убивай людей. Или сам будь убит.

Она встает, выпутывается из розового покрывала и дрожит. Выпала роса: волосы и брови у нее отсырели. Нога затекла. Винтовка — там, где она ее оставила, на расстоянии вытянутой руки. И бинокль тоже.

Зеб уже проснулся и стоит, прислонившись к перилам.

— Я задремала ночью, — говорит ему Тоби. — Часовой из меня так себе. Извини.

— Я тоже, — говорит он. — Ничего, свиноиды протрубили бы тревогу, если что.

— Протрубили? — Тоби смешно.

— Придира. Ну, прохрюкали бы. Наши ветчинные друзья, однако, успели потрудиться.

Тоби смотрит вниз, туда же, куда и он. Свиноиды очистили весь луг, бывший газон вокруг здания, сровняв с землей высокую траву и кусты. Пять крупных свиней все еще трудятся: они утаптывают всю растительность, что выше щиколотки, и катаются по ней.

— К ним никто не подберется незамеченным, это уж точно, — говорит Зеб. — Умные сволочи, они знают, что значит прикрытие.

Тоби замечает, что свиноиды оставили клочок растительности в одном месте, чуть поодаль. Она смотрит туда в бинокль. Похоже, это место, где упал когда-то убитый ею кабан. Давно, когда она вела войну со свиноидами, защищая свой огород. Как ни странно, свиноиды тогда не съели труп, хотя сейчас, кажется, были не прочь полакомиться убитым поросенком. Может, у них есть правила на этот счет, основанные на иерархии? Свиноматка может сожрать своих детенышей, но никому не разрешается есть кабанов? Интересно, что будет дальше — статуи в память павших?

— Люмирозы жалко, — говорит она.

— Еще бы. Я же их сам сажал. Но они вырастут заново. Стоит этой дряни приняться, и она становится жутко живучей, еще хуже кудзу.

— А чем же будут завтракать Дети Коростеля? — спохватывается Тоби. — Теперь, когда растительности нет. Нельзя, чтобы они убредали далеко и подходили к лесу.

— Свиноиды и об этом позаботились, — отвечает Зеб. — Погляди, вон, у бассейна.

И действительно, у бассейна лежат охапки свежей зелени. Видимо, ее собрали свиноиды, так как больше никого поблизости нет.

— Какие они предусмотрительные, — говорит

Тоби.

— Блин, они чертовски умны. Кстати, посмотри вон туда, — он указывает вдаль.

Тоби подносит к глазам бинокль. С севера быстрой трусцой приближаются три свиноида среднего размера — два пегих и один почти полностью черный. Отряд огромных свиноидов, трудолюбиво ровняющих луг с землей, встает и трусит навстречу. Свиньи похрюкивают и тыкаются друг в друга пятачками. Уши у всех наставлены вперед, хвостики закручены; свиньи явно не испуганы и не злы.

— Интересно, что они говорят.

— Мы узнаем, когда они соизволят нам об этом сообщить, — отвечает Зеб. — Мы для них всего лишь пехота. Наверняка они думают, что мы тупые, как пеньки, только что распылителями пользоваться умеем. А генералы тут они. Готов спорить, они уже разработали всю стратегию.

Ребекка, видно, обыскала все заведение в поисках пищевых кладов. На завтрак она подает соевые гранулы, размоченные в молоке парниковец и посыпанные сахаром. К этому прилагается лакомство — каждому по ложке «Масла авокадо для тела». В «НоваТы» любили косметические продукты со съедобными названиями: маска

для лица «Шоколадный мусс», скраб «Лимонная меренга». И различные масла для тела, в которых так много важных для организма липидов.

— Неужели это еще оставалось? — удивляется Тоби. — Я думала, я все съела.

— Да, на кухне, в одной из больших супниц, — отвечает Ребекка. — Может, ты сама туда положила и забыла. Ты наверняка строила Арарат где-нибудь в этом здании, все время, пока тут работала.

— Да, но мой Арарат был в кладовой. В нескольких разных местах. Я прятала его в контейнерах из-под средства для очищения кишечника. Я бы не стала никаких своих припасов оставлять на кухне — там на них обязательно кто-нибудь наткнулся бы. Наверное, это кто-нибудь из персонала. Они иногда пытались унести немножко дорогой косметики, продать на сером рынке в плебсвиллях. Но я проводила инвентаризацию каждые две недели, так что обычно ловила их за руку.

Доносила она, впрочем, не всегда — сотрудникам салона платили не сказать чтобы много. Зачем губить чужую жизнь?

После завтрака они собираются в главном вестибюле, где когда-то для прибывающих кли-

ентов сервировали розовый фруктовый напиток (с алкоголем или без). Пришли все Беззумные Аддамы и все бывшие вертоградари. Кроме того, один кабан и при нем малыш Черная Борода. Остальные Дети Коростеля еще жуют зелень у бассейна. Свиноиды тоже там и тоже пасутся.

— Итак, вот как обстоят дела, — говорит Зеб. — Мы знаем, в каком направлении движутся враги. Их трое, а не двое. Свиньи… то есть свиноиды в этом совершенно уверены. Они не смогли разглядеть противника вблизи — им приходилось прятаться, чтобы их не застрелили, — но смогли его выследить.

— Как далеко? — спрашивает Носорог.

— Порядком. Они нас сильно опережают. Но у нас преимущество — свиноиды говорят, что противник не может двигаться быстро, потому что один из троих сильно хромает. Волочит ногу. Правильно? — обращается он к Черной Бороде.

Тот кивает:

— Вонючая нога.

— Это хорошая новость. Плохая новость состоит в том, что они направляются на территорию «Омоложизни». То есть скорее всего в купол «Пародиз».

— Ой, бля, — говорит Джимми. — Энергетиче-

ские ячейки для пистолетов-распылителей! Они их найдут!

— Ты думаешь, они их ищут? — уточняет Зеб. — Извини, это дурацкий вопрос. Мы не можем знать, что они задумали.

— Если они не просто так блуждают, можно предположить, что у них есть цель, — говорит Катуро. — Может быть, этот третий их куда-то ведет.

— Нужно их оттуда отогнать, — говорит Носорог. — Не пустить туда. Иначе они окажутся хорошо и надолго вооружены.

— А мы скоро окажемся вообще разоружены, — добавляет Шеклтон. — У нас уже всего ничего зарядов.

— Хорошо, тогда последний вопрос, — говорит Зеб. — Кто идет с нами и кто остается тут. Для некоторых это однозначно. Носорог, Катуро, Шеклтон, Крозье, Дюгонь, Колибри — идут. И Тоби, конечно. Все беременные женщины остаются. Рен, Аманда, Американская Лисица. Есть еще кто-нибудь с… желает ли еще кто-нибудь заявить о своей беременности?

— Какая гадость эти гендерные роли, — произносит Американская Лисица.

«Тогда и незачем их играть», — думает Тоби.

— Согласен, — говорит Зеб, — но сейчас мы вынуждены их учитывать. Не хватало, чтобы у кого-нибудь началось кровотечение посреди… посреди всего. Если этого можно избежать. Белая Осока?

— Она пацифистка, — неожиданно произносит Аманда. — А у Голубянки это, ну вы поняли. Спазмы.

— Значит, они остаются. Есть еще инвалиды или люди с моральными принципами?

— Я хочу пойти, — говорит Ребекка. — Я совершенно точно не беременна.

— А ты угонишься за всеми? Это мой следующий вопрос. Не выдавай желаемое за действительное. Это может быть опасно для тебя и для нас. Больболисты-ветераны не в игрушки играют. Их только трое, но они смертоносны. Этот пикник — не для слабонервных.

— Ладно, вычеркиваем меня, — говорит Ребекка. — Кто сам про себя знает, что он не в форме, — поднимите руки. И кто слаб духом — тоже. Я остаюсь.

— Я тоже, — говорит Нарвал.

— И я, — откликается Майна.

— И я, — говорит Белоклювый Дятел. — В жизни каждого мужчины наступает момент, когда,

как бы ни был крепок дух, земная оболочка накладывает свои ограничения. Не говоря уже о коленях. А что до…

— Ясно. Черная Борода идет. Он нам понадобится: кажется, он хорошо понимает то, что говорят свиноиды.

— Нет, — возражает Тоби. — Он должен остаться. Он еще ребенок.

Она никогда себе не простит, если мальчика убьют. Особенно если его убьют так, как больболисты обычно убивают людей, попавших к ним в руки.

— В нем нет страха перед людьми — он не может правильно оценить, насколько они опасны, — продолжает она. — Вдруг он выбежит из укрытия под перекрестный огонь. Или его захватят в заложники. Что тогда?

— Да, но мы без него не справимся, — отвечает Зеб. — Он наше единственное средство для общения со свиноидами, а без них мы не обойдемся. Придется рискнуть.

Черная Борода внимательно слушает их диалог.

— Не беспокойся, о Тоби, — говорит он. — Я должен пойти, так сказали Свиные. Орикс будет мне помогать, и Бля тоже. Я уже вызвал его, и он

сейчас летит сюда. Вот увидишь.

На это ей возразить нечего: сама она не видит ни Орикс, ни всеобщего помощника Бля, и тем более не понимает речи свиноидов. По меркам Черной Бороды она слепа и глуха.

— Если эти люди наставят на тебя палку, сразу падай на землю, — инструктирует она мальчика. — Или спрячься за дерево. Если поблизости будет дерево. Или за стену.

— Да, благодарю тебя, о Тоби, — вежливо отвечает он. Он явно слышит все это не в первый раз.

— Ну хорошо, — говорит Зеб. — Всем все ясно?

— Я тоже иду, — внезапно произносит Джимми. Все смотрят на него: все полагали, что он останется. Он все еще худой, как прутик, и бледный, как гриб-дождевик.

— Ты уверен? — спрашивает Тоби. — А как же твоя нога?

— В порядке. Я могу ходить. Я должен пойти с вами.

— Я не уверен, что это разумно, — говорит Зеб.

— Разумно, — повторяет Джимми. Слегка ухмыляется: — Вот в этом меня еще никто не обвинял. Но если мы идем в купол «Пародиз», я должен пойти с вами.

— Потому что…?

— Потому что Орикс там.

Воцаряется неловкое молчание: он явно не в себе. Джимми оглядывается, нервно ухмыляясь.

— Успокойтесь, я не сумасшедший. Я знаю, что она умерла. Но вы без меня не обойдетесь.

— Почему? — спрашивает Катуро. — Без обид, но…

— Потому что я там уже один раз побывал. Уже после Потопа.

— И что? — ровным голосом спрашивает Зеб. — Тебя терзает ностальгия?

Тоби понимает, что означает этот ровный голос: «Избавьте меня кто-нибудь от этого чокнутого урода».

Но Джимми не сдается:

— А то, что я знаю, где что лежит. Например, энергетические ячейки. И пистолеты-распылители: они там тоже есть.

— Ладно, — вздыхает Зеб. — Но если ты будешь отставать, нам придется отправить тебя обратно. Под эскортом представителей биологического вида, не относящегося к двуногим.

— Ты про этих свиней-оборотней, — переводит Джимми. — Я с ними уже общался; они считают меня требухой. Забудьте про эскорт, я за вами угонюсь.

Выступление

Тоби переодевается в спортивный костюм из кладовых «НоваТы», прикрывает разодранной наволочкой голову от солнца. Жаль, что на костюме поцелуйные губки и подмигивающий глаз — это выглядит не очень по-военному. Розовый цвет тоже неуместен и делает ее удобной мишенью. Но одежды цвета хаки в «НоваТы» не найти.

Она проверяет карабин, кладет патроны в розовую сумку, тоже из запасов «НоваТы». Ей подвернулись хлопчатобумажные розовые подследники с помпонами; она надевает пару и кладет еще пару с собой. Если Зеб хоть слово скажет про ее обмундирование, она изо всех сил постарается его не треснуть.

В главном вестибюле она раздает фляжки с водой — как следует прокипяченной стараниями Ребекки и ее помощниц, Рен и Аманды. В салоне постоянно подчеркивали, как важно, чтобы при занятиях в спортзале организм получал достаточно воды. Поэтому пластиковых фляжек хватает на всех. Беззумные Аддамы захватили с собой из саманного дома запас энергетических батончиков и немного холодных оладий из кудзу.

— Нужно, чтобы вам хватило энергии, но запас не должен тянуть к земле, — говорит Зеб. — Приберегите часть на потом.

Он смотрит на Тоби, на ее розовый наряд с поцелуйными губками.

— Ты что, пробуешься на роль? — спрашивает он.

— Очень живенький цвет, — замечает Джимми.

— Практически рок-звезда, — говорит Носорог.

— Хороший камуфляж, — говорит Шеклтон.

— Они примут тебя за куст шиповника, — говорит Крозье.

— Это карабин, — объявляет Тоби. — Я здесь единственная, кто умеет им пользоваться. Так что заткнитесь.

Все ухмыляются.

Они выступают в поход.

Впереди, нюхая землю, идут трое свиноидов-разведчиков. Справа и слева, чуть подальше — еще по одному. Они пробуют воздух мокрыми пятачками. Запаховый радар, думает Тоби. Какие вибрации, недоступные нашим притупившимся чувствам, улавливают они? Обоняние для них — то же, что для соколов зрение.

Шестерка свиноидов помоложе, едва вышед-

ших из поросячьего возраста, бегает туда-сюда, перенося сообщения от разведчиков к основному строю свиней постарше и потяжелее, и обратно; будь свиноиды бронированными машинами, это был бы танковый батальон. Несмотря на размер и вес, свиньи двигаются удивительно быстро. Сейчас они идут ровным шагом, сберегая силы; это движение марафонца, а не спринтера. Они почти не хрюкают и совсем не визжат: берегут дыхание, как солдаты в долгом переходе. Хвосты закручены, но неподвижны, розовые уши наставлены вперед. В свете утреннего солнца они ужасно похожи на миленьких мультяшечных улыбчивых свинок-валентинок: такие когда-то сжимали копытцами коробки конфет в форме большого красного сердца. Поросята с купидоновыми крылышками: «Умей этот поросенок летать, он принес бы тебе мою любовь!»

Но только почти. Эти свиньи не улыбаются.

«Если бы мы несли стяг, — думает Тоби, — что было бы на нем изображено?»

Поначалу идти легко. Они пересекают очищенную свиньями часть луга: кое-где еще валяются сумочки, ботинки, торчат из земли кости, отмечая места, где когда-то упали жертвы чумы. Если бы все это было еще закрыто травой, то идущие

могли бы споткнуться, но видимые предметы легко обойти.

Париковец выпустили, и они пасутся на дальнем конце луга, оставленном под пастбище. Смотреть за ними назначили пятерку молодых свиноидов. Они, кажется, не очень серьезно относятся к своим обязанностям — это значит, что они не чуют опасности. Три свиноида роются в земле, четвертый нашел клочок мокрой грязи и катается по нему, а пятый спит. Если вдруг нападет львагнец, справятся ли они? Безусловно. А с двумя львагнцами? Может быть. Но те даже не успеют подобраться к стаду — юные свиноиды уже собьют его в кучу и отгонят назад к зданию.

Отряд пересек луг и теперь идет по дороге на север, через лес, который граничит с территорией салона «НоваТы» и скрывает огораживающий ее забор. В сторожке у северных ворот никого нет; вокруг нее — никаких признаков жизни, только скунот нежится на солнышке на дорожке. Когда отряд подходит, скунот поднимается на ноги, но даже не пытается бежать. Эти животные слишком дружелюбны: в более жестоком мире они все давно пошли бы на шапки.

Теперь отряд движется по улицам города, и это уже сложнее. Разбитые и брошенные машины

загромождают проезжую часть, и к тому же она усыпана битым стеклом и искореженным металлом. Лианы кудзу уже наползают на улицы, прикрывая изломанные силуэты мягкой зеленой пеленой. Свиноиды ступают деликатно и осторожно, чтобы не повредить копытца; у людей — прочная обувь на толстой подошве. Но все же приходится идти с оглядкой и смотреть под ноги.

Тоби заранее предвидела, что Черной Бороде будет трудно идти по этим улицам, по острым осколкам и режущим граням. Да, у него толстая кожа на ступнях, и он спокойно ходит по земле, песку и даже гальке; но Тоби все же порылась в запасах обуви, восторгнутой Беззумными Аддамами, и выдала Черной Бороде пару кроссовок марки «Гермес-Трисмегист». Сначала он боялся их надевать: а вдруг будет больно, а вдруг они прирастут к ногам и он не сможет их снять? Но Тоби показала ему, как их надевать и как потом снимать снова, и сказала, что если он порежет ноги острыми вещами, то не сможет идти с ними дальше, а тогда кто будет передавать мысли свиноидов? После нескольких тренировок Черная Борода согласился надеть кроссовки. У них зеленые крылышки и встроенные лампочки, которые

вспыхивают с каждым шагом — батарейки еще не сели. Черная Борода в восторге от кроссовок — пожалуй, даже немного чересчур.

Сейчас он идет впереди, в авангарде главного отряда, слушая отчеты свиноидов-разведчиков. Если это можно назвать слушанием; в общем, воспринимает, уж кто его там разберет, чем именно. Очевидно, пока он не узнал ничего такого, что стоило бы передавать. Время от времени он оглядывается, следя, на месте ли Зеб и Тоби. И бодро взмахивает рукой: это может означать «Все хорошо», а может быть, просто «Я вас вижу», или «Вот он я», или, может быть, даже «Поглядите, какие у меня крутые кроссовки!» Порой до Тоби долетают по ветру обрывки высокого, чистого пения: азбука Морзе для обитателей Коростелева царства.

Ближайшие свиноиды по временам искоса взглядывают на двуногих союзников, но о чем они в это время думают — можно лишь гадать. По сравнению с ними люди кажутся заторможенными увальнями. Интересно, люди их раздражают? Вызывают покровительственное чувство? Или свиньям хотелось бы поторопить медлительных спутников. Или они рады артиллерийской поддержке. Скорее всего, и то, и другое, и третье, и

четвертое, ведь благодаря тканям человеческого мозга свиноиды могут испытывать несколько разных чувств одновременно.

По-видимому, свиньи назначили сопровождение тем, кто несет оружие — по три свиноида на каждого вооруженного человека. Эти охранники не напирают, не подгоняют своего человека и не пытаются им руководить, но держатся в радиусе двух ярдов, бдительно шевеля ушами. Безоружным Беззумным Аддамам досталось по одному свиноиду. А Джимми — пять. Может быть, свиньи поняли, что он еще слаб? Пока что он идет со всеми, но уже взмок.

Тоби приотстает, чтобы его проведать. Она отдает ему флягу с водой: свою он уже выпил. Все восемь свиноидов — ее три и его пять — перегруппируются на ходу, чтобы окружать их обоих.

— Великая Свинская Стена, — говорит Джимми. — Беконная бригада. Ветчинные гоплиты.

— Гоплиты? — переспрашивает Тоби.

— Это греческое, — объясняет он. — Нечто вроде народного ополчения. Они шли, выставив перед собой стену соединенных щитов. Я читал в книге.

Он слегка запыхался.

— Может быть, это почетный караул, — говорит

Тоби. — Как ты себя чувствуешь?

— Я боюсь этих тварей. Откуда мы знаем, что они не собираются завести нас в чащу, устроить засаду и сожрать наши потроха?

— Мы не знаем, — говорит Тоби. — Но я бы сказала, что это маловероятно. У них уже была такая возможность.

— Бритва Оккама, — говорит Джимми. И начинает кашлять.

— Что-что? — переспрашивает Тоби.

— Коростелева присказка, — печально объясняет Джимми. — Если у тебя две возможности, выбирай ту, что проще. Более элегантную, как сказал бы Коростель. Мудак Коростель.

— Кто такой Оккам? — спрашивает Тоби. Джимми чуть хромает, или ей показалось?

— Какой-то монах. Или епископ. А может, просто невоспитанный человек. «Ох, хам», — он смеется. — Прости. Дурацкая шутка.

Они проходят пару кварталов в молчании.

— Мы едем вниз по бритвенному лезвию жизни, — вдруг говорит он.

— Что? — теряется Тоби. Надо пощупать ему лоб — вдруг у него температура.

— Старая присказка, — объясняет Джимми. — Про человека, ведущего опасную жизнь. Он

рискует в любую минуту остаться без яиц.

Джимми уже заметно хромает.

— Как твоя нога? — спрашивает Тоби. Ответа нет; он упрямо тащится вперед. — Может, тебе лучше вернуться?

— Не дождетесь, — отвечает он.

Улица впереди завалена — на нее частично обрушился жилой многоэтажный дом. В доме был пожар — скорее всего, короткое замыкание, говорит Зеб. Он велит отряду стоять, пока разведчики-свиноиды ищут обход. В воздухе еще висит запах гари. Свиноидам он не нравится: некоторые фыркают.

Джимми садится на землю.

— Что такое? — спрашивает Зеб у Тоби.

— Опять нога. Или что-то такое.

— Значит, надо его отправлять назад.

— Он не пойдет, — говорит Тоби.

Пятеро свиноидов Джимми похрюкивают на него, но с почтительного расстояния. Один подходит поближе, нюхает его ногу. Вот уже два свиноида рядом с ним, подталкивают с боков.

— Пошли вон! — кричит Джимми. — Чего им надо?

— Черная Борода, прошу тебя, — Тоби машет мальчику, подзывая его. Он подходит и сбивается

в кучку со свиноидами. Следует беззвучная беседа, потом несколько музыкальных нот.

— Джимми-Снежнычеловек должен ехать. Они говорят, что его… — это слово Тоби не может разобрать, оно звучит как всхрюкивание с раскатом в конце, — что эта часть его тела сильная. В середине он сильный, но ноги у него слабые. Свиные его понесут.

Самка свиноида, не самая толстая, выступает вперед. Она опускается на колени рядом с Джимми.

— Они хотят, чтобы я ЧТО?

— Пожалуйста, о Джимми-Снежнычеловек, — говорит Черная Борода. — Они говорят, что ты должен лечь на спину и держаться за уши. Двое других будут идти по сторонам, чтобы ты не упал.

— Какой идиотизм! Я же соскользну!

— Это единственный вариант, — говорит Зеб. — Или ты едешь, или остаешься здесь.

Джимми занимает указанную позицию. Зеб спрашивает:

— Веревки ни у кого нет? Лучше его привязать.

Джимми привязывают на спину свиньи, как мешок, и все снова пускаются в путь.

— Так как зовут это животное? Буцефал? Пегас?

Может, оно еще желает, чтобы я его погладил?

— Пожалуйста, о Джимми-Снежныечеловек, спасибо, — говорит Черная Борода. — Свиные говорят мне, что почесывание за ухом для них приятно.

Позже Тоби много раз пересказывала эту историю. Она любила говорить, что свиноид, везущий Джимми, летел как ветер. О павшем товарище по оружию подобает говорить именно в таких выражениях. Особенно о товарище по оружию, сыгравшем такую важную роль — ведь если бы не он, Тоби лишилась бы жизни. Ибо если бы Джимми-Снежныечеловек не поехал на свиноиде, разве Тоби сейчас сидела бы меж Детей Коростеля в красной кепке, рассказывая им эту историю? Нет, не сидела бы. Она бы лежала, закомпостированная, под кустом бузины, переходя в другую жизненную форму. В совсем другую жизненную форму, добавляла Тоби каждый раз про себя.

Поэтому в ее рассказе свиноид летел как ветер.

Повествование осложнялось тем, что Тоби никак не могла произнести имя летающего свиноида мало-мальски похоже на хрюкающий оригинал. Но Детей Коростеля это, кажется, не расстраивало, хоть они и посмеивались над ней. Малыши изобрели новую игру: один изображал

героического свиноида, летящего как ветер, с решимостью на лице; а другой, поменьше — Джимми-Снежныечеловека, который цеплялся за спину первого, тоже с решимостью на лице.

Когда же Тоби наконец запомнит, что про этого свиноида надо говорить не «он», а «она»? Свиноиды — не идентичные объекты, среди них есть самки и самцы, и не стоит, говоря о самке, называть ее «он». Это может обидеть.

Но в исторический момент дело обстоит немного по-другому. У свиньи, несущей Джимми, тряская походка, а спина округлая и скользкая. Джимми болтается вверх-вниз и все время на волосок от того, чтобы соскользнуть совсем — то на одну сторону, то на другую. Когда это случается, два свиноида, идущих по бокам, сильно пихают его пятачками под мышки, и Джимми орет как сумасшедший, потому что ему щекотно.

— Блин, скажи ему, чтоб заткнулся, — говорит Зеб. — Мы с тем же успехом могли бы на волынке играть.

— Он ничего не может поделать, — объясняет Тоби. — Это рефлекс.

— Вот я сейчас тресну его по башке, потому что у меня тоже рефлекс, — бурчит Зеб.

— Они наверняка и так знают, что мы идем, —

говорит Тоби. — Они, скорее всего, видели наших разведчиков.

Отряд ведут свиноиды, но Джимми все время дает людям словесные ориентиры.

— Мы еще в плебсвиллях. Я помню этот район.

Потом:

— Мы подходим к нейтральной полосе, расчищенной буферной зоне, после которой начинаются охраняемые поселки.

Потом:

— Вот главный защитный периметр, — и, чуть погодя: — Вон там — «Криогений». Следующий — «Гении-гномы». Смотрите, вывеска еще светится! Значит, солнечная батарея до сих пор работает.

Потом:

— Вот пошли тяжеловесы. Охраняемый поселок «Омоложизни».

На стене сидят вороны: четыре… нет, пять. Одна ворона значит печаль, так всегда говорила Пилар. Когда их несколько — они защитники или, наоборот, хотят тебя обмануть. Выбирай на вкус. Две вороны взлетают, кружат над головой, озирая идущих.

Ворота поселка «Омоложизни» распахнуты. Внутри — мертвые дома, мертвые торговые центры, мертвые лаборатории. Все мертвое. Обрывки

тряпья, допотопные солнцекары.

— Слава Богу, что свиньи с нами, — говорит Джимми. — Без них мы как иголку в стоге сена искали бы. Тут чистый лабиринт.

Но свиноиды точно знают, куда идти. Они уверенно, не колеблясь, трусят вперед. Поворачивают за один угол, за другой.

— Вот оно, — говорит Джимми. — Прямо впереди. Врата «Пародиза».

Скорлупа

Коростель самолично планировал проект «Пародиз». Купол обнесли стеной для дополнительной защиты — это вдобавок к общему периметру безопасности, окружающему «Омоложизнь». Внутри стены был парк со смесью тропических сплайсов, регулирующих микроклимат и одинаково устойчивых к засухе и проливным дождям. Посреди парка возвышался купол «Пародиз» — герметичный, с системой искусственного климата и автономной циркуляцией воздуха, настоящая непроницаемая скорлупа, оберегающая главное богатство Коростеля — его Детей, будущих обитателей дивного нового мира. А в самом центре купола он поместил искусственную экосистему, где Дети Коростеля во всем их странном совершенстве сотворялись и начинали жить и дышать.

Отряд доходит до ворот в защитной стене, останавливается и высылает вперед разведчиков. Если верить свиноидам, в караульных помещениях по обе стороны ворот никого нет: об этом сигналят неподвижные хвосты и уши.

Зеб командует привал: им нужно собраться с

силами. Люди пьют воду из фляжек и съедают по половине энергетического батончика. Свиноиды нашли дерево авоманго и жрут падалицу: челюсти размалывают в кашу овальные оранжевые плоды с маслянистыми семенами. Разносится запах перебродившей сладости.

«Лишь бы они не опьянели», — думает Тоби. Пьяные свиноиды — плохие соратники.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает она у Джимми.

— Я помню это место, — говорит он. — Каждую мелочь. Черт. Лучше бы не помнил.

Впереди дорога, идущая через лес. Отросшие ветки пересекают полосу неба над ней, не упускающие момента сорняки напирают с обочин, лианы-захватчики нависают сверху. Из набухающего пеной зеленого моря вырастает округлый купол, словно белок глаза виднеется из-под века у пациента под наркозом. Наверное, когда-то купол казался таким сияющим, светлым; похожим на урожайную осеннюю луну. Или на рассвет, несущий надежду, но без палящих лучей. Теперь он кажется бесплодным. Более того, он похож на капкан: неизвестно, что в нем спрятано и кто в нем подстерегает.

«Но это лишь из-за того, что мы знаем, — думает

Тоби. — Случайному наблюдателю внешний вид купола ничем не напомнил бы о смерти».

— О Тоби! — говорит Черная Борода. — Смотри! Это Яйцо! Яйцо, в котором нас сотворил Коростель!

— А ты его помнишь? — спрашивает Тоби.

— Не знаю. Не очень много помню. В нем росли деревья. Шел дождь, но грома не было. Орикс приходила каждый день. Она учила нас разным вещам. Мы были счастливы.

— Возможно, теперь там все по-другому, — говорит Тоби.

— Орикс там больше нет. Она улетела, потому что должна была помочь Джимми-Снежныечеловеку, когда он болел. Правда?

— Конечно, — отвечает Тоби.

Юных свиноидов-разведчиков послали вперед — разнюхать, нет ли засады вдоль дороги. Вот они уже бегут обратно по асфальту, усыпанному листьями. Уши прижаты, хвосты вытянуты, как палочки — сигнал опасности.

Старшие свиноиды бросают пировать среди корней авоманго; Черная Борода бежит к ним; они наскоро сбиваются в кучу. Беззумные Аддамы собираются вокруг.

— Что там? — спрашивает Зеб.

— Они говорят, что плохие люди — возле Яйца, — переводит Черная Борода. — Трое. На одном привязаны веревки. У него на лице белые перья.

— Во что он одет? — спрашивает Тоби. Она хочет узнать, не кафтан ли на нем, вроде тех, которые носил Адам Первый. Но как об этом спросить? Она формулирует по-другому: — У него есть вторая кожа?

— Черт, — говорит Джимми. — Их нельзя пускать на аварийный склад! Они заберут все пистолеты-распылители, и мы покойники!

— Да, у него вторая кожа, как у тебя, — подтверждает Черная Борода. — Только не розовая. Она разных цветов. И грязная. У него только один этот, что вы носите на ногах. Один ботинок.

— Как это сделать? — спрашивает Носорог. — Мы не можем так быстро бежать.

— Мы пошлем несколько свиней, — говорит Зеб. — Тех, что побыстрее. Они могут пойти напрямик через лес.

— И что? — говорит Носорог. — Они не удержат главную дверь. У этих — пистолет-распылитель. Мы не знаем, сколько у них еще зарядов.

— Мы не можем позволить, чтобы свиноидов перестреляли, как крыс в бочонке, — говорит Тоби. — Джимми! Если войти в «Пародиз» через

главный вход, где будет аварийный склад?

— Там две двери — воздушного шлюза и внутренняя. Они обе открыты, я их оставил открытыми. Нужно идти по коридору налево, повернуть направо, а потом опять налево. Этим чертовым свиньям нужно зайти на склад и держать дверь закрытой изнутри.

— Понятно. Как им это объяснить? — спрашивает Зеб. — Тоби?

— С «направо» и «налево» могут быть сложности. По-моему, Дети Коростеля не различают сторон.

— Думай скорее, — подгоняет ее Зеб. — Часики тикают.

— Черная Борода! Видишь, эта картинка изображает Яйцо, как если бы ты сидел наверху и смотрел вниз, — Тоби рисует палочкой круг на земле. — Видишь?

Черная Борода смотрит и кивает, хоть и не очень уверенно. «Мы висим на волоске», — думает Тоби.

— Отлично, — говорит она, старательно изображая позитивный настрой. — Пожалуйста, скажи Свиным вот что. Они должны бежать очень быстро. Впятером. Они должны побежать через лес, между деревьев. Пробежать мимо плохих людей

и быстро вбежать в Яйцо. Когда они там окажутся, им нужно будет пойти вот сюда, а потом в эту комнату.

Она показывает палочкой на чертеже.

— Правильно? — спрашивает она у Джимми.

— Угу, — отвечает он.

— Потом они должны закрыть дверь. И навалиться на нее, не дать плохим людям войти в комнату. Ты можешь им все это объяснить?

Черная Борода явно растерян.

— Зачем плохие люди хотят войти в Яйцо? Оно — для сотворения, а они уже сотворены.

— Они хотят найти вещи для убийства. Палки, которые делают дырки.

— Но Яйцо — хорошее. В нем нет вещей для убийства.

— Теперь есть. Скорей, надо торопиться. Ты можешь им сказать?

— Я попробую, — говорит Черная Борода. Он встает на колени. Два самых больших свиноида опускают огромные головы и оказываются с ним щека к щеке. Прямо у шеи мальчика — огромный клык. Тоби вздрагивает. Черная Борода начинает петь, обводя палочкой чертеж Тоби. Свиноиды нюхают чертеж. «Ничего не выйдет, — думает Тоби. — Они решили, это что-то съедобное».

Но свиноиды поднимают пятаки от земли и идут к остальным. Слышится низкое хрюканье, хвосты беспокойно дергаются. Нерешительность?

Пять свиней среднего размера отделяются от группы и рысцой бегут прочь — двое слева от дороги, трое справа. Вот они уже исчезли в подлеске.

— Кажется, поняли, — говорит Носорог. Зеб ухмыляется.

— Отлично, — говорит он, обращаясь к Тоби. — Я всегда знал, что ты не лишена способностей.

— Они идут в Яйцо, — говорит Черная Борода. — Они говорят, что не будут слишком близко подходить к плохим людям. И будут осторожны с палками, от которых бывает кровь.

— Надеюсь, у них получится. Идем, — командует Зеб.

— Здесь недалеко, — говорит Джимми. — И они не смогут стрелять в нас из окон, потому что у купола нет окон.

Он слабо смеется.

— Зеб? — на ходу говорит Тоби. — Этот третий… Я не уверена. Но мне кажется, это может быть Адам Первый.

— Да, я знаю. Я уже догадался.

— Как нам его вернуть?

— Они захотят его обменять.

— На что?

— На оружие, если у свиней получится не пустить их на склад. На разные другие вещи.

— Например?

— Например, на тебя. Я бы на их месте так и поступил.

«Правильно, — думает Тоби. — Они захотят мести».

Купол «Пародиз» лежит перед ними. Все тихо. Дверь воздушного шлюза открыта. Трое свиноидов входят туда, потом выходят.

— Те люди внутри, — говорит Черная Борода. — Но далеко внутри. Не у двери.

— Дайте мне войти первым, — просит Джимми. — На одну минуту.

Тоби идет за ним.

На полу воздушного шлюза лежат остатки двух скелетов. Кости обглоданы и перемешаны — конечно, здесь побывали животные. Заплесневелые клочки ткани. Маленькая красно-розовая сандалия.

Джимми падает на колени и закрывает руками лицо. Тоби касается его плеча.

— Нам нужно идти, — говорит она, но он кри-

чит:

— Оставь меня в покое!

На одном черепе — длинные черные волосы, в них — грязная розовая лента. Вертоградари всегда учили, что волосы разлагаются очень медленно. Джимми развязывает ленту и крутит ее в пальцах.

— Орикс. О Боже! Коростель, ты мудак! Зачем ты ее убил!

Рядом с Тоби встает Зеб.

— Может быть, она была уже больна, — говорит он. — Может быть, он не мог без нее жить. Идем, нам нужно в купол.

— Бля, только не надо банальностей! — говорит Джимми.

— Можно оставить его тут, с ним ничего не случится, — предлагает Тоби. — Пойдем внутрь. Нужно отрезать их от склада.

Другие уже столпились у входа: Беззумные Аддамы, основные силы свиноидов.

— Что тут такое? — спрашивает Носорог.

Малыш Черная Борода тянет Тоби за руку.

— О Тоби, скажи, пожалуйста, что такое банальности?

Тоби отвечает сама не зная что — как раз в этот миг до Черной Бороды доходит правда: эти скеле-

ты — Орикс и Коростель. Он слышал, как Джимми к ним обращался. И понял. Он поднимает к Тоби испуганное лицо: она видит, как внезапно и бесповоротно рушится его мир.

— О Тоби, это Орикс, и это Коростель? Так сказал Джимми-Снежныечеловек! Но это вонючая кость, много вонючих костей! Орикс и Коростель должны быть прекрасны! Как в историях! Они не могут быть вонючей костью!

Он плачет так, словно у него рвется сердце.

Тоби опускается на колени, крепко обнимает его и прижимает к себе. Что сказать? Как его утешить в этом всепоглощающем горе?

История битвы

Тоби не может сегодня рассказывать историю. Она слишком печальна из-за мертвых. Из-за тех, кто стал мертвыми в битве. Поэтому я постараюсь рассказать вам эту историю. Я постараюсь рассказать ее правильно. Если у меня получится.

Видите, сначала я надеваю на голову красную кепку, кепку Джимми-Снежныечеловека. Эти отметины на ней — видите, это голос. Он говорит мне: РЕД. И еще он говорит мне: СОКС.

СОКС — это такое особое слово Коростеля. Мы не знаем, что оно означает. Тоби тоже не знает. Может быть, потом мы узнаем.

Но видите — у меня на голове красная кепка, и она не делает мне больно. У меня не отросла другая кожа, у меня все еще моя кожа, та же самая. Я могу снять кепку и снова ее надеть. Она не прирастает к моей голове.

Теперь я съем рыбу. Мы не едим рыбу, и мы не едим вонючую кость; мы едим другие вещи, а это не едим. Есть рыбу — очень трудно. Но я должен это сделать. Коростель сделал для нас много трудных вещей, когда он ходил по земле в виде человека. Он убрал с земли хаос, чтобы нам

было хорошо, и…

Вам не нужно сейчас петь.

…и сделал много других трудных вещей, поэтому я сейчас постараюсь сделать одну трудную вещь и съесть рыбу с вонючей костью. Она пожарена на огне. Она очень маленькая. Может быть, Коростелю будет достаточно, если я просто положу ее в рот и потом опять вытащу.

Вот.

Простите меня за то, что я делал звуки, какие делает больной человек.

Пожалуйста, заберите эту рыбу и бросьте ее в лес. Муравьи будут рады. Опарыши будут рады. Грифы будут рады.

Да, она очень плохая на вкус. Она на вкус как запах вонючей кости или как запах мертвого. Я прожую много листьев, чтобы избавиться от этого вкуса во рту. Но если бы я не сделал это трудное дело с плохим вкусом, я бы не смог услышать историю, которую рассказывает мне Коростель, и потом рассказать ее вам. Так было с Джимми-Снежныечеловеком, и так бывает с Тоби. Нужно сделать трудное дело — съесть рыбу с плохим вкусом вонючей кости. Это дело, которое должно быть сделано. Сначала трудное дело, потом история.

Спасибо за то, что вы надо мной мурлыкаете. Я уже лучше себя чувствую.

Это история битвы. В ней рассказывается, как Зеб, и Тоби, и Джимми-Снежнычеловек, и другие двукожие, и Свиные убрали плохих людей, совсем как Коростель когда-то убрал людей хаоса, чтобы у нас было хорошее и безопасное место для жизни.

Тоби, и Зеб, и Джимми-Снежнычеловек, и другие двукожие, и Свиные должны были убрать плохих людей, потому что, если бы они этого не сделали, наше место для жизни не было бы безопасным. Плохие люди убили бы нас, как они убили ребенка Свиных — ножом. Или палкой, которая делает дырки, и из них выходит кровь. Вот почему.

Эту причину сказала мне Тоби. Это хорошая причина.

И Свиные им помогали, потому что не хотели, чтобы и других их детей убили ножом. Или палкой. Или каким-нибудь другим способом, например веревкой.

Свиные умеют нюхать лучше всех. Мы нюхаем лучше, чем двукожие, но Свиные нюхают лучше нас. И они помогали тем, что разнюхивали следы плохих людей и показывали, куда они пошли. И

еще помогали за ними гнаться.

Я тоже там был, чтобы рассказывать всем остальным, что говорят Свиные. У меня на ногах были ботинки. Видите эти ботинки? Вот они, у меня. Видите? На них огоньки и крылышки. Это особая вещь Коростеля, и я благодарен за то, что у меня есть эти ботинки, и говорю: «Спасибо». Но мне не нужно их надевать, пока нет опасности и других плохих людей, которых надо убрать. Поэтому сейчас ботинки не надеты на мои ноги. Но они рядом со мной, потому что они — часть истории, которую я рассказываю.

Но тогда я надел эти ботинки на свои ноги, и мы пошли, и шли долго — туда, где стоят здания и куда мы не ходим, потому что они могут упасть. Но тогда я пошел туда и видел много разных вещей. Я видел вещи, оставшиеся от хаоса — много вещей. Я видел пустые здания — много зданий. Я видел пустые кожи людей — много пустых кож. Я видел металлические и стеклянные вещи — много разных вещей. А Свиные несли Джимми-Снежныечеловека.

Потом Свиные пошли за плохими людьми и разнюхали их след, и узнали, куда пошли плохие люди. И плохие люди вошли в Яйцо, хотя Яйцо должно быть для сотворения, а не для убийства.

И некоторые Свиные тоже вошли в Яйцо, в ту комнату, где лежали вещи для убийства, чтобы плохие люди не могли взять эти вещи. И вот плохие люди убежали и спрятались в Яйце, в коридорах Яйца. И мы сначала не могли их увидеть.

В Яйце было темно, а не светло, как раньше. Когда мы были в Яйце, то нам было все видно. Я говорю про другую темноту. Казалось, что в Яйце темно. И пахло там темнотой.

И Джимми-Снежнычеловек вошел в первую дверь Яйца и нашел кучу вонючих костей и другую кучу вонючих костей, и обе кучи были перемешаны между собой. И он стал очень печален, и упал на колени, и заплакал. И Тоби хотела помурлыкать над ним, но он сказал: «Оставь меня в покое!»

А потом он взял длинную розовую вещь, которая была в волосах у одной кучи вонючих костей, и скрутил ее, и сказал: «Орикс. О Боже! Коростель, ты мудак! Зачем ты ее убил!» И там были Тоби и Зеб. И Зеб сказал: «Может быть, она была уже больна. Может быть, он не мог без нее жить». А Джимми-Снежнычеловек сказал: «Бля, только не надо банальностей!» Я спросил у Тоби: «Что такое банальности?» И она сказала, что это такое

слово, которое помогает людям пережить беду, когда им ничего больше не приходит в голову. И я надеялся, что Бля очень быстро летит на помощь к Джимми-Снежнычеловеку, потому что он был в очень большой беде.

И я тоже был в очень большой беде, потому что Джимми-Снежнычеловек сказал, что эти кучки вонючих костей — Коростель и Орикс. И я почувствовал очень плохое чувство и испугался. И я сказал: «О Тоби, это Орикс, и это Коростель? Но это вонючая кость, это много вонючих костей! Орикс и Коростель должны быть прекрасны! Как в историях! Они не могут быть вонючей костью!» И я заплакал, потому что они были мертвые, очень мертвые, и все развалились на части.

Но Тоби сказала, что эти кучки костей — не настоящие Коростель и Орикс. Уже не настоящие. Это лишь пустые оболочки, как скорлупа яйца.

И Яйцо уже не было настоящим Яйцом, как в историях. Оно стало скорлупой. Как скорлупа птичьих яиц, когда птицы вылупляются из них. И мы сами были как птицы, так что сломанная скорлупа нам была уже не нужна, правда ведь?

А Орикс и Коростель теперь приняли другую форму, они не мертвые, они хорошие и добрые. И красивые. Такие, какими мы знаем их из ис-

торий.

Тогда я почувствовал себя лучше.

Пожалуйста, не надо пока петь.

И после этого мы вошли внутрь Яйца. Там не было светло, но и темно не было тоже, потому что солнце просвечивало через скорлупу. Но в воздухе было чувство темноты. А потом началась битва. «Битва» — это когда кто-нибудь хочет кого-нибудь убрать, и те тоже хотят убрать этих.

У нас не бывает битв. Мы не едим рыбу. Мы не едим вонючую кость. Так сотворил нас Коростель. Да, хороший, добрый Коростель.

Но двукожих Коростель сотворил так, чтобы они могли делать битву. И Свиных он тоже так сотворил. Они делают битву клыками, а двукожие — палками, которые делают дырки, из которых выходит кровь. Так они сотворены.

Я не знаю, почему Коростель сотворил их такими.

Свиные гнались за плохими людьми. Они гнались за ними по коридорам, а потом загнали их в самую середину Яйца, где было много мертвых деревьев. Не так, как в то время, когда нас там сотворили: тогда там были деревья со множеством листьев, и красивая вода, и шел дождь, и звезды сверкали в небе. Но теперь звезд не было

— только потолок.

Свиные потом рассказали мне про все места, по которым они гнались за плохими людьми. Тоби не позволила мне пойти с ними: она сказала, что плохие люди сделают во мне дырки, и пойдет кровь, или схватят меня, и тогда будет еще хуже. Поэтому я видел не все, что происходило. Но было много крика, и Свиные визжали, и у меня заболели уши. Когда Свиные визжат, у них очень, очень громкие голоса.

И мы слышали, как бегут Свиные и как бегут люди, у которых на ногах ботинки. А потом становилось тихо, и тут начинались мысли: мысли плохих людей, и мысли Свиных, и мысли Зеба, и Тоби, и Носорога. Они хотели, чтобы Свиные догнали плохих людей и обогнали их, чтобы они могли сделать в них дырки своими палками, но так не случилось. Внутри Яйца очень много коридоров.

И один из Свиных пришел и сказал мне, что они гнали по коридорам только двух плохих людей. Но в Яйцо вошли три человека. И третий был где-то над нами: они его чуяли. Он был над нами, но они не знали, где.

И я сказал это Зебу и Тоби, и Зеб сказал: «Они спрятали Адама Первого где-то на втором эта-

же. Где лестница?» И Джимми-Снежныечеловек сказал, что есть пожарные лестницы в четырех местах. И Тоби сказала: «Ты можешь нас туда отвести?» А Джимми-Снежныечеловек сказал: «Ну вы пойдете наверх по одной лестнице, а они в это время спустятся по другой и убегут, и дальше что?» И Зеб сказал: «Черт».

Пока Свиные гонялись за плохими людьми по коридорам, плохие люди сделали больно трем из них. И одна из них упала и больше не встала. Это была та Свиная, что раньше несла на себе Джимми-Снежныечеловека. И я видел эту часть битвы, и стал делать звуки, какие делает больной человек. И заплакал.

Потом плохие люди побежали вверх по лестнице. Лестница — это… я вам потом объясню, что такое лестница. Но Свиные не умеют подниматься по лестнице. И когда плохие люди достигли верха, мы перестали их видеть.

И Зеб, Тоби и другие двукожие велели мне сказать Свиным, чтобы они нашли другие лестницы и начали визжать, если плохие люди попробуют там спуститься. Потом они принесли снаружи дерево и сделали огонь с дымом. И дым стал подниматься вверх по лестнице. И они все положили себе на лицо тряпки и стали ждать у подножия

лестницы, по которой плохие люди поднялись наверх. И когда дыма стало много — очень много, я видел его сам и стал кашлять! — два плохих человека показались на верху лестницы. Они толкали перед собой третьего человека и держали его за руки, один за правую, другой за левую. И у него на руках были веревки. И у него был только один ботинок. На ноге. Но у этого ботинка не было огоньков и крыльев. Не так, как у моих ботинок, вот этих, которые рядом со мной.

И Тоби сказала: «Адам!»

И тот человек начал что-то говорить, но плохой человек его ударил — тот, у которого на лице короткие перья. Потом плохой человек с длинными перьями на лице сказал: «Пропустите нас, а то он получит». Но я не знал, что он получит.

И Зеб сказал: «Хорошо, отдайте его и можете идти куда угодно». Но другой плохой человек сказал: «Прибавьте сучку. И распылители мы тоже заберем. И отзовите этих чертовых свиней!»

Но человек Адам с веревками на руках покачал головой, и это означало «нет». А потом он вырвался от тех, которые держали его за верхнюю часть рук, и прыгнул вперед, и упал, и покатился по лестнице вниз. И один из плохих людей сделал в нем дырку своей палкой.

И Зеб побежал к Адаму, а Тоби подняла свою вещь, которая называется «ружье», и наставила его, и из него вылетел шум, и плохой человек, который сделал дырку в Адаме, уронил свою палку и упал, держась за ногу и крича.

И Тоби хотела побежать и помочь Зебу с человеком Адамом, который лежал у подножия лестницы, а Джимми-Снежныечеловек пытался удержать ее одной рукой за розовую вторую кожу. И еще Джимми-Снежныечеловек задвинул меня себе за спину, но я все равно видел, что происходит.

Другой плохой человек почти весь спрятался за стену, но высунул голову и руку; теперь палка была у него, и он указывал ею на Тоби. Но Джимми-Снежныечеловек это увидел и очень быстро побежал, чтобы оказаться перед Тоби, и дырка сделалась не в Тоби, а в нем. И он тоже упал, и из него потекла кровь, и он уже не встал.

И тут Зеб взял свою палку, и второй плохой человек уронил свою и схватился за свою руку. И тоже стал кричать. И я заткнул уши руками, потому что было очень много боли. От этого мне стало очень плохо.

И Носорог, Шеклтон и другие двукожие пошли вверх по лестнице и поймали тех двух

людей, и связали их веревками, и стащили вниз по лестнице. Но Зеб и Тоби были с Адамом и с Джимми-Снежныечеловеком тоже. И они были печальны.

И мы все вышли из Яйца наружу. Из Яйца шел дым, а потом пошел огонь. И мы очень быстро пошли прочь от Яйца. И внутри Яйца стали раздаваться очень громкие звуки.

И Зеб нес Адама, который был очень худой и белый на вид; и Адам все еще дышал. И Зеб сказал: «Я тебя держу, кореш. Мы тебя приведем в порядок». Но лицо у него было все мокрое.

И Адам сказал: «Все будет хорошо. Молись за меня». И улыбнулся Зебу, и сказал: «Не переживай. Я бы все равно долго не протянул. Посадите мне хорошее дерево».

И я спросил у Тоби: «О Тоби, что такое «кореш»? Этого человека зовут Адам, ты сама сказала».

И Тоби ответила, что «кореш» то же самое, что «брат», потому что Адам был братом Зеба.

Но после этого человек Адам перестал дышать.

И был вечер, и мы медленно шли обратно, и Свиные несли плохих людей, потому что в плохих людях были дырки, и еще они были связаны веревкой. Свиные злились из-за своих мертвых и

хотели воткнуть клыки в этих людей, и кататься на них, и топтать их ногами, но Зеб сказал, что сейчас не время.

И Джимми-Снежныечеловека, и Адама тоже несли, и мертвую Свиную. И ночью мы достигли здания, где были все дети, и матери, и париковцы, и матери и дети Свиных, и остальные двукожие — Рен, и Аманда, и Американская Лисица, и Белоклювый Дятел, и Ребекка, и все остальные. И они вышли нас встретить, и все сразу говорили очень много вещей, например: «Я так беспокоилась», и «Что случилось?», и «О Боже!».

И мы, Дети Коростеля, пели все вместе.

В ту ночь мы там спали и ели. И все, кто был в битве, очень устали. Они все говорили тихо. И очень внимательно смотрели на мертвого Адама и говорили, что он умер не от семян Коростеля, которые тот сделал, чтобы очистить хаос. Они говорили, что он умер от дырок, из которых выходит кровь. И это милосердие Божие, что он умер не от семян Коростеля.

Я потом спрошу у Тоби, что такое «милосердие Божие». Сейчас она устала и спит.

И они завернули человека Адама в розовую простыню и положили ему под голову розовую подушку, и были очень тихие и печальные. А

некоторые Свиные плавали в бассейне, что им очень нравится.

И на следующий день мы пришли сюда, в саманный дом. И Свиные несли Адама — на ветвях, с цветами. И мертвую Свиную они тоже несли, и это было для них труднее, потому что она была большая и тяжелая.

И еще они несли Джимми-Снежныечеловека также, хотя он не был мертвый — он не был мертвый, когда мы начали идти. И Рен шла рядом с ним, держала его за руку и плакала, потому что она была его другом; и Крозье шел с другой стороны от нее и помогал ей.

Но Джимми-Снежныечеловек путешествовал у себя в голове — далеко-далеко, как путешествовал раньше, когда лежал в гамаке и мы над ним мурлыкали. Но на этот раз он ушел так далеко, что уже не мог вернуться.

И Орикс была там с ним и помогала ему. Я слышал, как он с ней разговаривает — как раз перед тем, как он зашел слишком далеко, скрылся из виду и перестал дышать. И теперь он с Орикс. И с Коростелем тоже.

Такова история битвы.

А теперь можно петь.

Время луны

Суд

На следующее утро они устраивают суд.

Все сидят вокруг общего стола — точнее, сидят Беззумные Аддамы и вертоградари. Свиноиды валяются на травке и на дорожках вокруг; Дети Коростеля пасутся неподалеку, жуя свои вечные листья и впитывая происходящее.

Сами пленные не присутствуют. Им не нужно присутствовать: их дела сомнению не подлежат. Суд собрался только для того, чтобы вынести приговор.

— Итак, мы собрались, чтобы решить их судьбу, — начинает Зеб. — Жаль, что мы не вышибли им мозги в пылу боя, но раз так получилось, мы должны принять хладнокровное решение. Будем голосовать сразу или устроим дискуссию?

— Они обычные арестованные или военнопленные? — спрашивает Тоби. — Это важный момент, разве не так?

Ей почему-то кажется, что она должна выступить в роли адвоката. Но почему? Просто потому, что у них нет защитника?

— Как насчет «ходячие мертвецы с выжженной совестью»? — предлагает Ребекка.

— Братья по крови, — говорит Белая Осока. — Хотя я понимаю, что это само по себе их не оправдывает.

— Они убили нашего брата, — говорит Шеклтон.

— Говноеды ебаные, — вставляет Крозье.

— Насильники и убийцы, — говорит Аманда.

— Они застрелили Джимми, — говорит Рен и начинает плакать. Аманда кладет руку ей на плечо, обнимает. Сама она не плачет: она сидит, как деревянное изваяние, и лишь глаза у нее жестко блестят. Она годится на роль палача, думает Тоби.

— Какая разница, как их называть, — говорит Носорог. — Главное, чтоб не людьми.

Трудно подобрать подходящий ярлык, думает Тоби. Три срока на когда-то печально знаменитой арене для больбола соскребли с этих людей все ярлыки, отбелили до потери слов и их смысла. Давно известно, что после трех сроков больболисты — уже не совсем люди.

— Я голосую за все вышеперечисленное, — говорит Зеб. — А теперь давайте к делу.

Белая Осока вяло заступается за пленников:

— Мы не можем судить их. Безусловно, их ожесточение — результат того, что другие люди

сделали с ними раньше. А если учесть пластичность мозга и то, в какой степени их поведение определяется их тяжелым жизненным опытом — откуда мы знаем, что они вольны были воздержаться от своих действий?

— Ты что, совсем съехала? Они съели почки моего младшего брата, бля! Зарезали его, как париковцу! Да моя бы воля, я бы им все зубы выдрал! — возмущается Шеклтон и, подумав, добавляет: — Через жопу.

Возможно, это добавление было излишним.

— Давайте не будем горячиться, — говорит Зеб. — Придержите эмоции. У нас у всех есть что предъявить. Но у одних — больше, у других — меньше.

Он постарел, думает Тоби. Постарел и помрачнел. Нашел Адама и тут же потерял — и это придавило его к земле. Мы все в трауре. Даже свиноиды. Хвосты и уши у них вяло висят; они толкаются пятачками, словно утешая друг друга.

— Нам не следует ссориться из-за того, что должно быть чисто философским и практическим решением, — говорит Белоклювый Дятел. — Вопрос в том, есть ли у нас возможности для того, чтобы содержать этих людей в исправительном заключении, или, с другой стороны, теоретиче-

ские оправдания для…

— Сейчас не время для философских тонкостей, — говорит Зеб.

— Отнимать жизнь у другого человеческого существа — весьма предосудительно, — говорит Белая Осока. — Мы не можем допускать, чтобы наши моральные основы пошатнулись лишь из-за…

— Лишь из-за того, что большая часть населения Земли отбросила копыта, а у оставшейся горстки не хватит солнечных батарей и на одну лампочку? — перебивает ее Шеклтон. — Ты хочешь, чтобы эти два ходячих ведра с говном и тебе вышибли мозги?

— Я не понимаю, почему ты так агрессивен, — говорит Белая Осока. — Адам Первый рекомендовал бы милосердие.

— Адам Первый тоже мог ошибаться, — говорит Аманда. — Ты не знаешь, что они с нами делали, со мной и Рен — тебя там не было. Ты понятия не имеешь, на что они способны.

— Однако если учесть, как мало осталось истинных людей, может быть, стоит поберечь человеческую ДНК. Она становится все большей редкостью, — замечает Белоклювый Дятел. — Даже если мы решим устранить указанных

индивидуумов, возможно, их… их прокреационные жидкости можно, как бы это сказать, извлечь и использовать для обеспечения генетического разнообразия. Следует избегать чрезмерного сужения генофонда.

— Вот сам и избегай, — огрызается Американская Лисица. — Трахайся с этими гнойными пролежнями для сбора их вонючей ДНК. Лично меня тошнит от одной мысли.

— Ну, секс как таковой не обязателен, — говорит Белоклювый Дятел. — Можно использовать кухонную спринцовку для индейки.

— На себе используй, — грубо говорит Американская Лисица. — Мужчины вечно указывают женщинам, что им делать со своими телами.

— Я лучше вены себе перережу, чем еще раз поимею дело с ихними прокреационными жидкостями, — говорит Аманда. — И без того хреново. Откуда мне знать, что мой собственный ребенок не от них?

— И вообще, ребенок с такими покореженными генами будет чудовищем. Мать не сможет его любить. Ой, прости! — Рен запоздало вспоминает про Аманду.

— Ничего, — отвечает Аманда. — Если это окажется ихний, я отдам его Белой Осоке, пускай

она его любит. Или скормлю свиноидам; они обрадуются.

— Можно попробовать реабилитацию, — безмятежно говорит Белая Осока. — Сделать их частью нашего сообщества, ночью запирать в надежном месте, и пусть они помогают. Иногда, если люди чувствуют, что вносят свой вклад на пользу общества, это может вызвать подлинное перерождение…

— Оглядись вокруг, — перебивает Зеб. — Ты видишь хоть одного социального работника? Или тюрьму?

— Во что они должны вносить вклад? — интересуется Аманда. — Ты назначишь их заведовать детским садиком?

— Их присутствие поставит под угрозу всех остальных, — говорит Катуро.

— У нас нет надежного места, чтобы их хранить. Кроме ямы в земле, — говорит Шеклтон.

— Голосуем, — распоряжается Зеб.

Они используют камушки: черные — смерть, белые — пощада. Возникает ощущение древности, чего-то археологического. Старая система символов нас никак не отпускает, думает Тоби, собирая камушки в красную кепку Джимми. Среди камушков оказывается только один белый.

Свиноиды голосуют коллективно, через вождя; Черная Борода служит переводчиком.

— Они все говорят «смерть», — сообщает он Тоби. — Но они не будут есть этих. Не хотят, чтобы эти стали частью их.

Остальные Дети Коростеля недоумевают. Им явно непонятно, что такое «голосование», что такое «суд» и почему в кепку Джимми-Снежный-человека кладут камушки. Тоби говорит им, что это вещь Коростеля.

История Суда

На ночь двух плохих людей посадили в комнату и завязали на них веревки. Мы видели, что веревка делает им больно и что они от этого становятся печальные и сердитые. Но мы не стали развязывать веревку так, как мы сделали это раньше. Тоби сказала, чтобы мы этого не делали, потому что от этого будет только больше убийств. И мы велели детям не подходить к плохим людям слишком близко, потому что плохие люди могут их укусить.

И плохим людям дали суп с вонючей костью.

Утром состоялся Суд. Вы все его видели. Суд был за столом. Было сказано много слов. Свиные тоже были на Суде.

Может быть, позже поймем, что такое этот Суд.

И после Суда все Свиные пошли на берег моря. И Тоби пошла с ними, и у нее была ее вещь, которая называется «ружье» и которую нам запрещено трогать. И Зеб тоже пошел. И Аманда пошла, и Рен. И Крозье, и Шеклтон. Но мы, Дети Коростеля, не пошли — Тоби сказала, что нам от этого будет плохо.

И через некоторое время они все вернулись, но без двух плохих людей. У них был усталый вид. Но и успокоенный тоже.

Тоби сказала, что теперь нам не грозит опасность от плохих людей. И Свиные сказали, что их дети теперь тоже будут в безопасности. И еще они сказали, что, хотя битва и кончилась, они будут по-прежнему выполнять договор, который заключили с Зебом и Тоби. Они не будут охотиться ни на кого из двукожих и есть их. Они также не будут разрывать огород двукожих. И есть их мед и пчел тоже не будут.

И Тоби сказала мне слова, чтобы я сказал их Свиным: «Мы согласны выполнять правила договора. Никто из вас, ваших детей и детей ваших детей никогда не станет вонючей костью в супе. Или ветчиной. Или беконом».

И Ребекка сказала: «Очень жаль».

И Крозье сказал: «Что они говорят, бля?»

А Тоби сказала: «Не ругайся, ты запутаешь мальчика».

И я сказал, что сейчас не нужно звать Бля, потому что мы не в беде и нам не нужна его помощь. И Тоби сказала: «Да, правильно, он не любит, чтобы его дергали по пустякам». А Зеб закашлялся.

Когда Свиные ушли, Тоби сказала нам, что двух плохих людей смыло море. Их выплеснули прочь, как Коростель когда-то выплеснул хаос. И теперь все стало гораздо чище.

Да, хороший, добрый Коростель.

Пожалуйста, не надо петь.

Потому что когда вы поете, я не слышу слов, которые Коростель говорит мне, чтобы я сказал их вам. И еще, когда мы поем про него, он не может говорить мне слова истории, потому что он должен слушать, что мы поем.

Такова история Суда. Это вещь Коростеля. Нам не нужно устраивать Суд среди нас. Только двукожие и Свиные должны устраивать Суд.

И это хорошо, потому что мне Суд не понравился.

Спасибо. Спокойной ночи.

Обряды

«Праздник Стрекающих, — пишет Тоби. — Луна: возрастающая выпуклая».

Тип Стрекающие включает в себя медуз, кораллы, морских анемонов и гидр. Вертоградари очень методично подошли к вопросу — они сделали все возможное, чтобы ни один тип, ни один род не был забыт при составлении святцев. Надо сказать, что некоторые праздники вышли странноватыми. Праздник Кишечных Паразитов, например. Он получился весьма запоминающимся, хотя нельзя сказать, чтобы очень эстетичным.

А вот праздник Стрекающих всегда был особенно красив. Всюду развешивались бумажные фонари в виде медуз и множество других украшений из вторсырья, восторгнутого в мусорных контейнерах. Вертоградари очень оригинально использовали лопнувшие воздушные шарики и надутые резиновые перчатки с приделанными к ним веревочными хвостами. Морские анемоны делались из круглых щеток для посуды, а гидры — из прозрачных пластиковых пакетиков для

сэндвичей.

Дети в костюмах из лент исполняли танец медуз, плавно колыхая руками. Однажды они сочинили и поставили нескончаемую пьесу о жизненном цикле медуз, практически бессюжетную. «Сначала я была яйцом, потом росла, росла, потом медузой стала и в море уплыла». Правда, потом на сцену врывался португальский военный кораблик, неся с собой потенциал для развития сюжета. «Плыву я здесь, плыву я там, прекрасен и хорош, но щупальца мои не трожь, иль в муках ты умрешь».

«Может, Рен помогала сочинять ту пьесу? — думает Тоби. — Или Аманда?» Эта песенка, потом внезапный бросок, медуза хватает маленькую рыбку, смертельный укол — чувствуется рука Аманды. Во всяком случае, Аманды тех лет, плебокрысы, умеющей за себя постоять в уличной драке; после устранения двух преступников-больболистов Аманда словно переродилась.

«После устранения двух преступников-больболистов», — пишет Тоби. Это звучит так, словно их убрали, как мусор. Тоби размышляет, согласуется ли подобный тон с ее положением Евы Шестой, решает, что нет, но в тексте ничего не меняет.

«После устранения двух преступников-больбо-

листов я, Рен, Шеклтон, Аманда и Крозье пошли назад в «НоваТы» по лесной тропе. Мы дошли до дерева, на котором больболисты подвесили бедного Оутса с перерезанным горлом. От него мало что осталось — его ассимилировали вороны и Бог знает кто еще, — но Шеклтон залез на дерево и перерезал веревку, и они с Крозье собрали кости своего младшего брата и сложили их в простыню.

Затем настало время компостирования. Свиноиды пожелали оказать нам услугу и отнести Адама и Джимми на место — в знак дружбы и межвидового сотрудничества. Они собрали цветы и ветви папоротника и покрыли ими тела. Потом мы отправились процессией на место компостирования под пение Детей Коростеля».

«…которое отчасти действовало на нервы», — добавляет она. Но потом вспоминает, что Черная Борода уже совсем хорошо пишет и, может быть, когда-нибудь прочтет ее записи, и вычеркивает эти слова.

«После короткой дискуссии свиноиды поняли, что мы не собираемся есть Адама и Джимми и не желаем, чтобы это делали свиноиды. Они согласились. Оказалось, что у них сложные правила на этот счет: беременные матери могут съесть

мертвых детенышей, чтобы обеспечить белком растущий приплод, но взрослые — особенно те, кто чем-то отличился — возвращаются в экосистему. Однако ограничений на поедание других биологических видов у них нет.

Аманда добавила, что свиное говно — вряд ли удачный вариант для следующей фазы жизненного цикла Джимми. Но эту фразу Черная Борода переводить не стал. От Оутса в любом случае не осталось ничего, что могло бы служить предметом для обсуждения в данном вопросе.

Мы похоронили всех троих рядом с Пилар и поверх каждого посадили дерево. Аманда, Рен и Голубянка совершили путешествие в ботанический сад, в тот его отдел, который посвящен плодовым деревьям мира. Проводниками для них служили свиноиды, которые, конечно, знали дорогу благодаря своей любви к фруктам. Аманда, Рен и Голубянка выбрали для Джимми кентуккийское кофейное дерево, у которого листья имеют форму сердечек. Ягоды этого дерева можно использовать как суррогат кофе. Многие среди нас будут этому рады, так как кофе из корней уже начинает надоедать.

Для Оутса Крозье и Шеклтон выбрали дуб. Свиноиды пришли в восторг, ибо в свое время на

дубе будут желуди.

Для Адама Первого дерево выбирал Зеб как ближайший родственник. Он выбрал райскую яблоню. По его словам, это несет в себе библейский символизм и весьма подходит в данном случае. Кроме того, из райских яблочек получается прекрасное варенье, что обрадовало бы Адама: вертоградари уделяли большое внимание символизму, но также были весьма практичны.

Свиноиды свершили собственные погребальные обряды. Они не стали хоронить мертвую самку, но уложили ее на прогалине в парке, рядом со столами для пикников. Они завалили тело цветами и ветками и постояли молча, с обвисшими хвостами. Потом Дети Коростеля начали петь».

— Что ты пишешь, о Тоби? — говорит Черная Борода, который вошел в ее закуток в саманном доме — как обычно, без стука — и теперь стоит рядом. Он заглядывает ей в лицо огромными, зелеными, светящимися, жутковатыми глазами.

Как Коростелю удалось сотворить эти глаза? Отчего они так светятся изнутри? Во всяком случае, кажется, что они испускают свет. Должно быть, позаимствовал у каких-нибудь глубоководных биоформ. Тоби часто задумывается над этим.

— Я пишу историю, — говорит она. — Историю

про тебя, и меня, и свиноидов, и всех. Я пишу о том, как мы уложили Джимми-Снежныечеловека и Адама в землю, и Оутса тоже. Чтобы Орикс могла превратить их в деревья. И этому нужно радоваться, правда?

— Да, этому нужно радоваться. Что у тебя с глазами, о Тоби? Ты плачешь? — Черная Борода касается ее брови.

— Я немножко устала, — говорит Тоби. — И глаза у меня устали. От письма.

— Я над тобой помурлыкаю, — говорит Черная Борода.

Малыши Детей Коростеля не мурлыкают. Черная Борода растет на глазах — Дети Коростеля вообще растут быстрее — но разве он уже достаточно взрослый, чтобы мурлыкать? Похоже, так: вот он уже положил руки ей на лоб, и слышится тарахтение миниатюрного моторчика. Над Тоби еще никто никогда не мурлыкал; она вынуждена признать, что это очень успокаивает.

— Вот, — говорит Черная Борода. — Рассказывать историю тяжело, а писать историю, наверное, еще больше тяжело. О Тоби, когда ты слишком устанешь, чтобы это делать, я буду писать историю. Я буду твоим помощником.

— Спасибо, — говорит Тоби. — Ты очень добр.

Черная Борода улыбается — словно рассвет озаряет небо.

Время луны

Праздник Бриофитов-мхов.
Убывающая серповидная луна.

Я — Черная Борода, и это мой голос, который я записываю, чтобы помочь Тоби. Если ты посмотришь на эти письмена, то услышишь меня (я Черная Борода), как я разговариваю с тобой в твоей голове. Это то, для чего служат письмена. Но Свиные могут это делать без письмен. И мы, Дети Коростеля, тоже иногда можем. Но двукожие не могут.

Сегодня Тоби сказала, что Бриофиты значит мхи. Я сказал, если это мхи, то и надо написать «мхи». Но Тоби сказала, что у мхов два имени, как у Джимми-Снежныечеловека. Поэтому я написал про Бриофиты-мхи. Вот так.

Сегодня мы сделали изображения Джимми-Снежныечеловека, и Адама тоже. Мы не знали Адама, но мы сделали его изображение для Зеба и Тоби, и для других, кто его знал. Для Джимми-Снежныечеловека мы принесли швабру с пляжа, и еще взяли крышку от банки, камушки и разные другие вещи. Но красную кепку мы брать не ста-

ли, потому что она нужна для историй.

Для Адама мы взяли тряпочную кожу, которую нашли, с двумя руками, а для головы — белый пакет из пластика и белые перья. Перья мы взяли у чайки, которой они были больше не нужны. И еще мы взяли синие стеклышки, которые нашли на пляже. Потому что у Адама были синие глаза.

Мы уже один раз делали изображение Джимми-Снежныечеловека, чтобы позвать его назад, и это изображение по правде позвало его назад. Те изображения, которые мы сделали сейчас, не позовут назад Адама и Джимми-Снежныечеловека, но помогут Зебу, Тоби, Рен и Аманде почувствовать себя лучше. Поэтому мы сделали изображения. Они любят изображения.

Спасибо. Спокойной ночи.

Праздник святой Мод Барлоу от Пресной воды. Новолуние.

Зеб понемногу приходит в себя после смерти Адама. Он вместе с другими работает над очередной пристройкой к саманному дому — скоро нам понадобится детская. Беременности развиваются быстрей обычного, и большинство женщин считает, что все трое младенцев будут гибридами от Детей Коростеля.

Огород процветает. Париковцы плодятся — теперь у нас три новые овцы, синеволосая, рыжая и блондинка, хотя одного ягненка утащил львагнец. Львагнцы, по-видимому, тоже приумножились в числе.

«Один из Детей Коростеля сообщил, что видел новое животное — по его описанию похоже, что это медведь, — пишет Тоби. — Этого следовало ожидать. Возможно, стоит поставить охрану возле ульев. Ульев у нас теперь два, так как мы поймали еще один рой.

Олени плодятся в изобилии: это доступный нам источник животного белка. Оленина — гораздо более постное мясо, чем свинина, хотя и не такое вкусное. Из нее не выходит качественный бекон. Но Ребекка говорит, что оленина гораздо полезнее для здоровья».

Праздник Голосеменных. Полнолуние.

Тоби неосторожно объявила, что по календарю вертоградарей сегодня праздник Голосеменных. Последовал град пошлых шуток на тему голых, семени и даже Детей Коростеля мужского пола. Одну из шуток отпустил Зеб, и это добрый знак. Вероятно, его время горевания подходит к концу.

Мы установили еще три работающие сол-

нечные батареи. Одна из имеющихся батарей неисправна. Один фиолет-биолет плохо работает. Шеклтон и Крозье экспериментируют с использованием угля. Нельзя сказать, что их изыскания увенчались полным успехом. Носорог, Катуро и Дюгонь отправились на побережье ловить рыбу. Белоклювый Дятел строит каркасную лодку.

Два юных свиноида, едва вышедших из возраста поросят, подрылись под забор огорода и были застигнуты за пожиранием корнеплодов, в особенности моркови и свеклы. Беззумные Аддамы ослабили бдительность в отношении свиноидов, надеясь на исполнение ими условий договора. Взрослые действительно соблюдают договор; но молодежь всех видов вечно испытывает правила на прочность.

Было созвано совещание. Свиноиды выслали делегацию из трех взрослых, пристыженных и сердитых, как любые взрослые, которых опозорили собственные дети. Черная Борода выступал в роли переводчика.

Свиноиды обещали, что это больше не повторится. Юным нарушителям пригрозили внезапной трансформацией в бекон и суповые кости, и это, по-видимому, произвело нужное впечатление.

Праздник святого Гейикли-Баба от Оленей. Новолуние.

Пчелы потрудились на славу; мы собрали первую партию меда. Белая Осока основала группу медитации под музыку, в которой с удовольствием участвуют многие Дети Коростеля. Нарвал ей помогает. Майна экспериментирует с производством мягких и твердых сыров из овечьего молока, а также йогурта. Строительство детской закончено, и как раз вовремя. Очень скоро трое младенцев появятся на свет. Впрочем, Американская Лисица утверждает, что у нее будет двойня. Обсуждается изготовление колыбелей.

«У Черной Бороды теперь свой журнал, — пишет Тоби. — Я подарила ему ручку и карандаш, чтобы у него были свои. Мне интересно, что он пишет, но я не хочу навязываться. Он уже догнал Крозье по росту. И уже показывает признаки синевы; скоро он будет совсем взрослый. Почему меня это печалит?»

Праздник святого Фиакра от Садов.

Это мой голос, голос Черной Бороды, ты слышишь у себя в голове. Это называется «читать». И это моя собственная книга, новая, для моих письмен, а не для письмен Тоби.

Сегодня Тоби и Зеб сделали странное. Они перескочили через маленький костер, и Тоби дала Зебу зеленую ветку, и Зеб тоже дал Тоби зеленую ветку. А потом они поцеловались. И все двукожие смотрели, а потом закричали приветственными криками.

И я (Черная Борода) сказал: «О Тоби, что это вы делаете?»

А Тоби сказала: «Это обычай, который у нас есть. Так мы показываем, что любим друг друга».

И я (Чорнаябарада) сказал: «Но вы и так уже друг друга любите».

И Тоби сказала: «Это трудно объяснить». А Аманда сказала: «Потому что это делает их счастливыми». Черная Борода (это я ~~Чорнаябарада~~ Черная Борода) этого не понимает. Но то, что делает их счастливыми или несчастливыми, странно.

Скоро Чорнаябарода будет готов к своему первому спариванию. Когда следующая женщина станет синей, он тоже станет очень синим и соберет цветы; и, может быть, его выберут. Он (я, Черная Борода) спросил у Тоби — может быть, те зеленые ветки были вроде этого, вроде цветов, которые мы дарим, чтобы нас выбрали, и вроде нашего пения; и она сказала — да, что-то вроде

этого. Так что теперь я понимаю лучше.

Спасибо. Спокойной ночи.

День Дуба. Праздник Свиноидов.
Полнолуние.

«Я взяла на себя смелость добавить свиноидов в святцы вертоградарей, — пишет Тоби. — Они достойны иметь свой день. Я решила, что их праздник должен быть в день Дуба, из-за желудей».

Праздник Артемиды, повелительницы животных.
Полнолуние.

За прошедшие две недели состоялись все роды. Родилось четверо детей, потому что у Американской Лисицы оказалась двойня, мальчик и девочка. У всех новорожденных зеленые глаза, как у Детей Коростеля, и это большое облегчение для Тоби. Она сделала для них четыре чепчика для защиты от солнца, из простыни в цветочек. Дочерей Коростеля эти чепчики ужасно смешат: зачем они нужны? Их собственные дети никогда не обгорают на солнце.

К счастью, ребенок Аманды от Детей Коростеля, а не от больболистов: эти огромные зеленые глаза

ни с чем не спутать. Роды оказались трудные, Тоби и Ребекка были вынуждены сделать Аманде эпизиотомию. Тоби не хотела давать слишком много Мака, чтобы не повредить новорожденному; поэтому боль была сильная. Тоби боялась, что Аманда отвергнет младенца, но этого не случилось. Она, кажется, к нему очень привязалась.

Ребенок Рен — тоже зеленоглазый гибрид. Какие еще черты могли унаследовать эти дети? Будет ли их организм вырабатывать репеллент от насекомых? Будут ли у них уникальные голосовые связки, позволяющие мурлыкать и петь, как Дети Коростеля? Будут ли у них гормональные циклы, как у Детей Коростеля? Эти вопросы живо обсуждаются за общим столом у Беззумных Аддамов.

Все три матери и четверо детей чувствуют себя хорошо. Дочери Коростеля от них не отходят — мурлыкают, ухаживают, приносят дары. Дары — листья кудзу и блестящие стеклышки с пляжа, но тут главное — добрые намерения.

Голубянка теперь тоже беременна, хотя, по ее словам, не от Детей Коростеля: она выбрала Дюгоня. Он заботится о ней, когда не рыбачит на побережье и не уходит охотиться на оленей.

Крозье и Рен, кажется, единодушны в желании

растить ребенка Рен вместе. Шеклтон поддерживает Аманду, а Белоклювый Дятел предложил Американской Лисице занять должность названого отца при ее детях.

— Мы все должны внести посильный вклад, — сказал он, — ведь речь идет о будущем человеческого рода.

— Удачи человеческому роду, что я еще могу сказать, — ответила на это Американская Лисица. Но помощь Белоклювого Дятла она терпит.

«Мы с Зебом и Носорогом рискнули совершить вылазку в хозяйственный магазин, — пишет Тоби, — и набрали несколько мешков памперсов. Но, может быть, они окажутся ненужными. Дети Коростеля прекрасно обходятся без них».

Праздник Каннон-Орикс и Ризомов-корневищ. Полнолуние.

Тоби говорит, что Каннон — все равно что Орикс. А Ризомы — все равно что корневища. Поэтому я (Черная Борода) так и написал.

Вот имена детей, которые родились.

Ребенка Рен зовут Джимадам. Как Джимми-Снежныечеловека и как Адама. Рен сказала, что хочет, чтобы имя Джимми все еще звучало в мире и жило; и то же она сказала про имя Адама.

Ребенка Аманды зовут Пиларен. Это как Пилар, которая живет в бузинном кусте с пчелами; и как Рен, потому что Рен — очень хороший друг и помощник Аманды. Аманда сказала, что они с Рен прошли огонь, воду и медные трубы. Я (Черная Борода) спрошу у Тоби, что такое «медные трубы».

Детей Американской Лисицы зовут Медулла и Облонгата. Медулла — девочка, а Облонгата — мальчик. Американская Лисица говорит, что эти имена даны по причине, которую трудно понять. Они про что-то внутри головы[8].

Мы очень рады всем этим новым детям.

У меня (Черной Бороды) было первое спаривание, с Сарой Лейси. Она выбрала его цветок, и он был рад больше всех. Сара Лейси говорит, что скоро будет новый ребенок, потому что он (Черная Борода) и другие три отца-зачинателя очень хорошо танцевали брачный танец.

И пели тоже очень хорошо.

Спасибо. Спокойной ночи.

---

[8] Сноски: 8

Medulla Oblongata *(лат.)* — продолговатый мозг, часть ствола головного мозга. Отвечает за жизненно важные рефлексы организма.

Книга

Книга

Это — Книга, которую Тоби сделала, когда жила среди нас. Видите, я вам показываю. Она сделала эти слова на «странице». Страница сделана из «бумаги». Тоби сделала «письмена», это такие отметины, которые делаются палочкой, называемой «ручка», из нее выходит черная жидкость, которая называется «чернила». Потом Тоби соединила «страницы» с одной стороны, и получилась вещь, которая называется «книга». Видите, я вам показываю. Вот Книга, вот это — Страницы, а вот это — Письмена.

И она показала мне, Черной Бороде, как делать эти слова на странице, ручкой. Еще когда я был маленький. И еще она показала мне, как превращать отметки обратно в голос. Теперь, когда я смотрю на страницу и читаю слова, я слышу голос Тоби. И когда я громко произношу эти слова, вы тоже слышите голос Тоби.

Пожалуйста, не надо петь.

И в книгу Тоби поместила Слова о Коростеле, и Слова об Орикс тоже, и истории о том, как они вместе создали нас, и еще создали этот прекрасный и безопасный мир, чтобы мы в нем жили.

И еще в книге есть Слова о Зебе и его брате, Адаме, тоже. И Слова о том, как Зеб съел Медведя; и о том, как он стал нашим Защитником против плохих людей, которые многим сделали плохо и больно; и Слова о помощниках Зеба: Пилар, и Носороге, и Катрине Ух, и Питоне Марте, и всех Беззумных Аддамах; и Слова о Джимми-Снежныечеловеке, который присутствовал в самом начале, когда Коростель творил нас, и который вывел нас из Яйца в другое, лучшее место.

И Слова о Бля, хотя эти Слова не очень длинные. Видите, про Бля здесь только одна страница.

Да, я знаю, что он помогает нам в беде. Он быстро летит и помогает. Его посылает Коростель, и мы произносим его имя в честь Коростеля. Но в этих письменах про него говорится мало.

Пожалуйста, не надо пока петь.

И еще Тоби положила на бумагу Слова об Аманде, и Рен, и Американской Лисице — Трех Возлюбленных Матерях Орикс. Они показали нам, что мы и двукожие — все люди и помощники друг другу, хотя и имеем разные дары, и некоторые из нас становятся синими, а некоторые нет.

И Тоби сказала, что мы должны проявлять уважение, и в тех делах, которые касаются синевы, всегда сначала спрашивать, на самом ли деле

женщина синяя, или, может быть, она только пахнет синим.

И еще Тоби показала мне, что делать, когда ручек из пластмассы больше не будет, и карандашей тоже; ибо она могла смотреть в будущее и видела, что настанет время, когда нельзя будет больше найти ручек, карандашей и бумаги среди зданий города хаоса, где они раньше росли.

И она показала мне, как делать ручки из перьев птиц, и еще мы с ней сделали несколько ручек из ребер сломанного зонтика.

«Зонтик» — это вещь хаоса. Люди хаоса использовали «зонтики» для того, чтобы оградить свои тела от дождя.

Я не знаю, зачем они это делали.

И Тоби показала мне, как делать черные отметины чернилами из скорлупы грецкого ореха, смешанной с уксусом и солью; эти чернила — коричневые. И из ягод можно делать чернила разного цвета, и мы сделали немного фиолетовых чернил из ягод той черной бузины, в которой обитает дух Пилар, и написали Слова о Пилар этими чернилами. И Тоби показала мне, как делать новую бумагу из растений.

И еще Тоби предостерегла меня об этой Книге, которую мы написали. Она сказала, что бума-

гу надо беречь от воды, иначе Слова растают и их уже не будет слышно, и на бумаге вырастет плесень, бумага станет черной, раскрошится и превратится в ничто. И еще Тоби сказала, что мы должны сделать другую Книгу, с теми же письменами, что и в первой. И каждый раз, когда человек овладевает искусством письмен и бумаги, и ручек, и чернил, и чтения, он должен сделать такую же Книгу с такими же письменами в ней. Чтобы эта Книга всегда была у нас и мы могли ее читать.

И еще Тоби сказала, что мы должны добавить новых страниц в конец Книги, и прикрепить их к Книге, и на этих страницах записывать то, что случится после того, как Тоби уйдет, чтобы мы могли знать все Слова о Коростеле, и Орикс, и о нашем Защитнике Зебе, и его брате Адаме, и Тоби, и Пилар, и о Трех Возлюбленных Матерях Орикс. И о нас самих тоже, и о Яйце, из которого мы вышли в самом начале.

И я научил всему этому — о Книге, и о бумаге, и о письменах — Джимадама, и Пиларен, и Медуллу, и Облонгату, рожденных Рен, Амандой и Американской Лисицей, Тремя Возлюбленными Матерями Орикс.

И они хотели учиться, несмотря на то, что это

трудно. Но они научились этим вещам, чтобы помогать нам всем. И когда меня больше не будет среди вас и я уйду туда, куда ушли Тоби и Зеб — ибо Тоби сказала, что и я однажды туда уйду, — тогда Джимадам, и Пиларен, и Медулла, и Облонгата будут учить этому новых детей.

И вот я добавил дополнение к Словам, и положил на бумагу то, что случилось после того, как Тоби перестала делать письмена и добавлять их в Книгу. И я сделал это для того, чтобы мы все знали о ней и о том, откуда мы взялись.

И эти новые слова я назвал: История Тоби.

История Тоби

Я надеваю на голову красную кепку Джимми-Снежныечеловека. Видите? Она у меня на голове. И я положил рыбу в рот и снова вытащил. Теперь вам пришло время слушать, как я буду читать вам Историю Тоби, которую я записал в конец этой Книги.

Однажды Зеб отправился в путешествие на юг. Он отправился туда, потому что, когда охотился на оленей, увидел высокий дым. И это был не дым лесного пожара, но тонкий дым. И Зеб несколько дней наблюдал за этим дымом, и тот не стал больше или меньше, но остался таким же. Но однажды он придвинулся ближе. И на следующий день придвинулся еще ближе.

И Зеб сказал нам, что там могут быть другие — еще люди хаоса, из той поры, когда Коростель еще не убрал хаос. Но хорошие ли это люди, или это плохие и жестокие люди, которые сделают нам больно? Никто не знал. И Зеб не хотел, чтобы эти люди подобрались к нам слишком близко, пока он не знает ответа на этот вопрос. Если окажется, что эти люди хорошие, мы будем их помощника-

ми, и они будут нашими помощниками. Но если они плохие, тогда Зеб не разрешит им подходить к нам близко и делать нам больно. Он уберет их.

И Авраам Линкольн, Альберт Эйнштейн, Соджорнер Трут и Наполеон хотели пойти с ним и помочь ему; и я, Черная Борода, тоже хотел пойти, потому что я больше не был ребенком, но стал мужчиной, с синевой и силой. Но Зеб сказал: может быть, то, что случится, окажется слишком сурово. Но мы не знали, что значит «сурово». И Зеб сказал: он надеется, что мы никогда и не узнаем. А Тоби сказала, что нам нужно остаться на месте, ибо там может случиться битва; и если мы туда пойдем, то можем не вернуться, и тогда остальные будут очень печальны. И Тоби сказала, что спросила совета у духа Орикс, и у духа Пилар тоже, и они обе сказали, что мы должны оставаться и не должны идти с Зебом. И мы не пошли.

И Зеб взял с собой Черного Носорога и Катуро. А Дюгонь, Колибри, Шеклтон и Крозье тоже хотели пойти, но Зеб сказал, что они должны остаться, потому что нужно защищать детей. И Тоби тоже пришлось остаться, вместе с ее вещью, которая называется «ружье» и которую нам нельзя трогать. И они не пошли. И Зеб сказал, что он идет только на разведку, посмотреть, что там такое;

и если новости окажутся плохие, он разведет костер, еще один костер, и мы увидим дым; и тогда мы сможем послать людей ему на помощь, и сообщить Свиным тоже, хотя их сначала пришлось бы найти, потому что они перебираются с места на место.

И мы долго ждали, но Зеб не вернулся. И Шеклтон взял троих наших синих мужчин, чтобы посмотреть, на месте ли еще высокий тонкий дым. И они вернулись и сказали, что дыма больше нет. А значит, те, кто делал дым, были плохие, и Зеб, наш Защитник, внезапно вступил с ними в битву, чтобы они не подошли к нам ближе. Но раз он не вернулся, это значит, что он тоже умер в битве, и Носорог и Катуро вместе с ним.

И когда Тоби услышала это, она заплакала.

И мы все были печальны. Но Тоби была печальней всех, потому что Зеб ушел. И хотя мы мурлыкали над ней, она не стала снова счастливой.

И она все худела и худела, и съеживалась; и через несколько месяцев она сказала нам, что у нее изнурительная болезнь, которая пожирает части ее тела внутри. И что эту болезнь нельзя вылечить ни мурлыканьем, ни опарышами, ни чем-либо другим, известным ей; и что эта изнури-

тельная болезнь становится все сильнее, и скоро Тоби уже не сможет ходить. И мы сказали, что будем носить ее куда ей надо, и она улыбнулась и сказала: «Спасибо».

Потом она позвала каждого из нас к себе и сказала: «Спокойной ночи», как сама научила нас давным-давно. И когда один человек так говорит другому, он надеется, что другой человек будет спать хорошо и его не будут беспокоить дурные сны. И мы тоже сказали Тоби «Спокойной ночи». И спели ей.

И Тоби взяла свой очень старый рюкзак, розовый; и в него положила свою банку с Маком, и еще банку с грибами, которую она велела нам никогда не трогать. И медленно ушла в лес, помогая себе палкой, и просила нас не ходить за ней.

Я не могу написать в этой Книге, куда она ушла, потому что не знаю. Кое-кто говорит, что она умерла сама и ее съели грифы. Так говорят Свиные. Другие говорят, что ее забрала к себе Орикс, и теперь она летает по ночам в лесу в виде совы. Третьи говорят, что она ушла к Пилар и ее дух теперь в бузинном кусте.

Но четвертые говорят, что она пошла искать Зеба, и что он живет в виде Медведя, и Тоби теперь тоже живет в виде Медведя, и они живут вместе.

Это самый лучший ответ, потому что он самый счастливый; и я его записал. Я записал и другие ответы тоже. Но для них я сделал письмена поменьше размером.

Три Возлюбленные Матери Орикс очень сильно плакали, когда Тоби ушла. Мы тоже плакали, и мурлыкали над ними, и через некоторое время им стало лучше. И Рен сказала: «Завтра будет новый день». А мы сказали, что не понимаем, и Аманда сказала «Не берите в голову», потому что это было не важно. А Голубянка сказала, что это — вещь надежды.

Потом Американская Лисица сказала, что она опять беременна и скоро у нас будет новый ребенок. И что его отцы-зачинатели — Авраам Линкольн, и Наполеон, и Пикассо, и я, Черная Борода. И я очень счастлив, что меня выбрали для этого Спаривания. И Американская Лисица говорит, что если родится девочка, то ее назовут Тоби. И это — вещь надежды.

Это конец Истории Тоби. Я написал ее в этой Книге. И я поставил здесь свое имя — Черная Борода — так, как когда-то впервые показала мне Тоби, когда я был еще ребенком. Это значит, что я — тот, кто положил на бумагу эти письмена.

Спасибо.

А теперь воспоем.

Благодарности

«Беззумный Аддам» — фантастический роман, но все описанные в нем технологии и биологические объекты уже существуют, либо создаются в настоящий момент, либо возможны в теории.

Большая часть центральных персонажей «Беззумного Аддама» впервые появляется уже в первых двух книгах трилогии, «Орикс и Коростель» и «Год потопа». Некоторые имена появились в книге в результате благотворительных пожертвований в пользу различных фондов, в том числе Медицинского фонда помощи жертвам пыток («Аманда Пейн») и канадского журнала *The Walrus* («Ребекка Экклер»). В «Беззумном Аддаме» к ним присоединились «Аллан Слейт» (благодаря его дочери Марии; биография Слейта называется «Sleight of Hand»[9]); «Катрина У» (благодаря Юн У) и «Март» (в результате лотереи на сайте Wattpad.com, в которой выиграл Люкас Фернандес). О святом Николае Вавилове мне рассказала Сона Гровенстайн, а информацию о разведении пчел я получила от Кармен Браун из организации

[9] Сноски: 9
Ловкость рук (*англ.*), созвучно с именем Аллана Слейта.

«Honey Delight»[10] (Канберра, Австралия).

Я, как всегда, благодарна своим редакторам — Эллен Селигман из издательства «Маклеллан и Стюарт» (Канада), Нэн Тализи из издательства «Даблдей» (США) и Александре Прингл из издательства «Блумсбери» (Великобритания).

Особая благодарность — первым читателям этой книги: Джесс Этвуд Гибсон; моим агентам в Великобритании — Вивьен Шустер, Каролине Саттон и Бетси Роббинс из «Кертис Браун»; Фиби Лармор, моему агенту по Северной Америке, и Тимоти О'Коннеллу. Спасибо также Рону Бернстайну. Особая благодарность — Хезер Сэнгстер из Strongfinish.ca за героизм в ходе марафонского забега-редактирования, после которого ей пришлось пробиваться через метель и сражаться с незаводящейся машиной.

Я также благодарю своих помощников — Сару Уэбстер и Лору Стенберг; Пенни Каванах и художника по визуальным эффектам В.Дж. Бауэра (vjbauer.com). И Джоэля Рубиновича, и Шелдона Шойба; и Майкла Брэдли, и Сару Купер, и Колин Куинн, и Сяолань Чжао. И еще Луизу Деннис, ЛуЭнн Уолтер, Ленни Гудингса и множество

[10] Сноски: 10
Медовый восторг (*англ.*).

агентов и издателей по всему миру, работающих с моими книгами. Я также хочу поблагодарить жителей города Уайтхорс (Юкон): д-ра Дэйва Моссопа и Грейс Моссоп, а также Барбару и Нормана Баричелло. И многочисленных читателей, которые сподвигли меня на создание этой книги, в том числе моих последователей на Твиттере и в Фейсбуке.

И наконец, мое особое спасибо — Грэму Гибсону, с которым я брожу в послеполуденных лесах жизни, ища питательные биоформы, при необходимости сражаясь с враждебными биоформами и по возможности поедая их.

От переводчика

Святые, почитаемые вертоградарями

Барлоу, Виктория Мод (1947) — канадская писательница, председатель некоммерческой организации «Совет канадцев», борющейся за чистоту вод, справедливую торговлю с развивающимися странами, экологически чистую энергетику, общедоступное здравоохранение и демократию. «Совет канадцев» в основном занимается внутренними проблемами Канады, но уделяет внимание и работе за границей в рамках проекта «Голубая планета», направленного на обеспечение людей питьевой водой и внедрение санитарии. Мод Барлоу была среди основателей этого проекта. Она также является председателем «Пищевого и водного надзора», неправительственной организации, базирующейся в г. Вашингтон (США) и добивающейся подотчетности корпораций и правительства в том, что касается воды, пищевых продуктов и рыболовства. Мод Барлоу — автор и соавтор нескольких десятков книг, посвященных глобальным вопросам нехватки питьевой воды,

доступа к медицинским услугам, демократии и справедливой торговли.

Вавилов, Николай Иванович (1887–1943) — российский и советский ученый-генетик, ботаник, селекционер, географ, академик АН СССР, АН УССР и ВАСХНИЛ. Президент (1929–1935) и вице-президент (1935–1940) ВАСХНИЛ, основатель и бессменный до момента ареста директор Всесоюзного института растениеводства, директор Института генетики АН СССР. Организатор и участник ботанико-агрономических экспедиций, охвативших большинство континентов Земли (все, кроме Австралии и Антарктиды), в ходе которых выявил древние очаги формообразования культурных растений. Создал учение о мировых центрах происхождения культурных растений. Обосновал учение об иммунитете растений, открыл закон гомологических рядов в наследственной изменчивости организмов. Внес существенный вклад в разработку учения о биологическом виде. Под руководством Вавилова была создана крупнейшая в мире коллекция семян культурных растений. Он заложил основы системы государственных испытаний сортов полевых культур. Сформулировал принципы деятельности главного научного центра

страны по аграрным наукам, создал сеть научных учреждений в этой области. На основании сфабрикованных обвинений был арестован в 1940 году, в 1941 году осужден и приговорен к расстрелу, который впоследствии был заменен 20-летним сроком заключения. Умер в тюрьме. В 1955 году посмертно реабилитирован.

Во время блокады Ленинграда ученые основанного Вавиловым Всесоюзного института растениеводства сберегли уникальную коллекцию семян. Сотрудники института и их близкие умирали от голода, хотя рядом были коробки с пшеницей, гречихой, фасолью и рисом. Из всего селекционного фонда ленинградского института, содержавшего несколько тонн уникальных зерновых культур, не было тронуто ни одного зерна или картофельного клубня. 28 сотрудников института умерли от голода, но сохранили семенные материалы, которые должны были помочь послевоенному восстановлению сельского хозяйства.

Гейикли-Баба (букв. «олений отец») — исламский подвижник, отшельник, живший в XIV веке. По преданию, он жил у подножия Улу-Дага и заботился об оленях, а они разрешали ему ездить на них верхом. Правитель Орхан Гази, услышав о

праведнике, послал за ним и пригласил приехать к себе. Гейикли-Баба сперва не принял предложения, но потом приехал и благословил династию Орхана и всю Османскую империю на долгую жизнь. Его могиле до сих пор поклоняются, а также показывают огромное дерево — чинару, которое он когда-то посадил в саду Орхана Гази.

Гудолл, Валери Джейн Моррис (1934) — посол мира ООН, приматолог, этолог и антрополог из Великобритании. Широко известна благодаря своему более чем 45-летнему изучению социальной жизни шимпанзе в Национальном парке Гомбе-стрим в Танзании и как основательница международного Института Джейн Гудолл. Вместе с Дианой Фосси (см. Фосси, Диана), известной своей жизнью среди горилл, и Бируте Гальдикас, изучавшей орангутангов, она является одной из трех исследовательниц, начавших в начале 60-х годов длительные исследования человекообразных обезьян. В научном мире их также называют «ангелами Лики», по имени известного антрополога Луиса Лики, который и попросил Гудолл заняться исследованиями в Гомбе-стрим. Лики сделал важные палеоантропологические открытия в Восточной Африке и нашел подтверждения гипотезы о том, что человек появился в

Африке — следы видов, которые являются промежуточным звеном между обезьяной и человеком. Гудолл — лауреат ряда престижных премий, Дама-Командор ордена Британской империи, офицер ордена Почетного легиона Франции и автор нескольких десятков книг и фильмов.

Зосима (ум. 1478) и Савватий (ум. 1435) Соловецкие — монахи, основатели Соловецкого монастыря. Почитаются Русской православной церковью как преподобные, а в народе также — как покровители пчеловодства. Во многих местностях России к дню памяти преподобного Зосимы «Пчельника» (17/30 апреля) приурочивалось весеннее выставление пчел с зимовки (расстановка ульев на пасеке). В день памяти преподобного Савватия (27 сентября/10 октября) обычно завершается уборка пчел в омшаник на зимовку.

Каннон (Гуаньинь) — в японской мифологии богиня милосердия, способная перевоплощаться. Образ Каннон попал в Японию из Китая вместе с буддийским вероучением, где имеет соответствие в богине-бодхисаттве Гуаньинь.

Буддийская легенда гласит, что Гуаньинь поклялась не знать покоя, пока все живые существа не будут освобождены от сансары, или перерож-

дений. Несмотря на упорные усилия, она видела, что еще очень многие несчастные существа не спасены. От стараний постичь нужды столь многих ее голова раскололась на одиннадцать частей. Будда Амитабха, видя это, наделил ее одиннадцатью головами, чтобы слышать крики страдающих. Тогда Гуаньинь попыталась дотянуться до всех нуждающихся в помощи, но обнаружила, что ее руки разрываются на части. И вновь Амитабха пришел на помощь и дал ей тысячу рук.

С Каннон связано появление Манэки-нэко — талисмана удачи в виде кошки с поднятой лапой. Существует легенда о том, как появился такой талисман: один князь возвращался из военного похода, и путь его лежал мимо храма. Вдруг пошел сильный ливень. Было темно, и князь укрылся под огромным деревом. Князь и не заметил бы храмовых ворот, если бы не кошка, которая сидела у них и манила его лапой. Как только князь подошел к кошке, в дерево ударила молния и разнесла его в щепки. Легенда указывает на то, что кошкой была Каннон, богиня сострадания.

Ратхор, Фатех Сингх (1938–2011) — биолог-консервационист, известный своей борьбой за

сохранение тигров в Индии. За свои труды получил прозвище Тигриный гуру. Ратхор принимал активное участие в создании национального парка Рантхамбор в рамках организованного индийским правительством «Проекта «Тигр», направленного на сохранение жизнеспособной популяции бенгальских тигров и устранение противодействующих этому факторов. В 1990 году Ратхор стал одним из основателей организации «Тигриная вахта». Задачей этой организации было установить подлинную ситуацию с тиграми — по официальной статистике, в национальном парке на этот момент жило 45 тигров, но по отчету работавшего в парке биолога их оказалось всего 26. Ведомство, которому принадлежал парк, отрицало эту статистику и запретило представителям «Тигриной вахты» вести какие-либо исследования в парке. В сотрудничестве с полицией представители «Тигриной вахты» начали борьбу с браконьерами. Однако, понимая, что большинство браконьеров — представители местных племен охотников-собирателей, для которых охота — единственное средство к существованию, «Тигриная вахта» начала работать с этими племенами, развивая ремесла и другие занятия, которые позволили бы племени выжить.

Ратхор заявлял: «Лес и все его создания — творение богов. (…) Ни у кого нет права тревожить это божественное творение. Следует оставить лес в покое, чтобы он вырос снова».

Рейнбоу Уорриор (Rainbow Warrior, «Воин радуги») — название нескольких судов международной организации «Гринпис». Заявленные цели деятельности «Гринпис» — защита окружающей среды, экологическое просвещение и пропаганда экологичного образа жизни.

Первый «Воин радуги», траулер длиной 40 м и водоизмещением 418 т, был построен в 1955 году. В 1978 году был куплен «Гринпис». Название судна было заимствовано из пророчества коренных жителей североамериканского континента, дословно гласящего следующее: «В дни, когда мир болеет и находится при смерти, люди восстанут, словно воины радуги». Судно участвовало в ряде акций против охоты на китов и морских котиков и против испытаний ядерного оружия. В мае 1985 года «Воин радуги» эвакуировал с атолла Ронгелап, подвергшегося радиоактивному загрязнению в результате американских ядерных испытаний, 300 местных жителей. Оттуда судно направилось в Новую Зеландию, чтобы возглавить флотилию из яхт, которая должна была

выступить против французских ядерных испытаний на атолле Мururоа. Во время прежних ядерных испытаний на Мururоа суда протестующих, входившие в запретные воды вокруг атолла, захватывались французским спецназом. В 1985 году «Гринпис» принял решение наблюдать за последствиями ядерных испытаний, высадив протестующих на остров. Французское правительство, внедрившее своего агента в руководство «Гринписа», без труда раскрыло этот план. «Воин радуги» был потоплен в новозеландской бухте агентами французской разведки 10 июля 1985 года. Последовавший за этим политический скандал завершился отставкой министра обороны Франции Шарля Эрню. Столкнувшись с давлением международной общественности, Франция была вынуждена выплатить «Гринпису» компенсацию за потопленное судно.

Риббэндс, Чарлз Роналд (1913–1967) — энтомолог, автор книги «Поведение и общественная жизнь пчел» (1953) и ряда других научных работ. Член Королевского энтомологического общества (Великобритания).

Сваммердам, Ян (1637–1680) — голландский натуралист. Окончил Лейденский университет

в 1663 году. В 1667 году защитил диссертацию по дыханию животных. Основные труды его были посвящены анатомии человека и животных, особенно насекомых, а также моллюсков, земноводных и др. Предложил классификацию насекомых (подразделив их на 4 группы), основанную на особенностях их метаморфоза. Отвергал возможность самопроизвольного зарождения организмов из неживой материи. Разработал новую методику препарирования, предложил ряд препаровальных инструментов, впервые стал применять метод инъецирования в сосуды. Сконструировал приборы для регистрации работы сердца, дыхательных движений, мышечных сокращений при раздражении нерва и др.

Фосси, Диана (1932–1985) — выдающийся этолог и популяризатор охраны окружающей среды. Изучала поведение горных горилл в течение 18 лет. Была активнейшим поборником охраны природы и боролась с браконьерством на территории национального парка Вирунга (расположен на стыке Республики Конго, Руанды и Уганды). Была зарублена насмерть мачете в лагере недалеко от исследовательского центра Киракосу 26 декабря 1985 года. Убийство не раскрыто. В 1983 году вышла научно-популярная книга Фосси «Гориллы в

тумане» (Gorillas in the mist). Позднее, в 1988 году, по мотивам этой книги был снят одноименный художественный фильм с Сигурни Уивер в главной роли.

Франциск Ассизский (1182–1226) — католический святой, учредитель названного его именем нищенствующего ордена. Св. Франциск очень бережно относился к животным. Он кормил зимой пчел медом и вином, поднимал с дороги червяков, чтобы их не раздавили, выкупил ягненка, которого вели на бойню, освободил зайчонка, попавшегося в капкан, проповедовал птицам в поле. Весь мир, со всеми его живыми существами и стихиями, был для Франциска любящей семьей, происходившей от одного Отца и соединенной в любви к Нему. Этот образ был источником, из которого вылилась его поэтическая «хвала» Господу со всеми Его творениями, в том числе с «господином братом солнышком» и т. д.

Фиакр (ирл. Fiachrach, ум. 670) — святой отшельник, родом из Ирландии. Фиакр происходил из знатной семьи и, желая служить Богу, сначала удалился в скит в графстве Килкенни. Он лечил людей травами, и слава целителя привлекла к нему множество учеников. Ища уединения,

Фиакр покинул свою родину и перебрался во французский город Мо, где попросил у епископа Фарона (впоследствии — святого Фарона) земли для строительства монастыря. Фарон выделил Фиакру землю, где тот построил монастырь, сделал себе отдельную келью и взрастил сад, в котором сам работал. Св. Фиакр известен в первую очередь как святой покровитель огородников и тех, кто растит целебные травы, а также садовников вообще.

Французское название наемного экипажа «фиакр» также происходит от имени святого Фиакра — сначала так назывались экипажи, в которых больные ездили к мощам Фиакра для исцеления, а потом название распространилось на все наемные экипажи.

Хантер, Роберт (Боб) (1941–2005) — канадский журналист, активист движения в защиту окружающей среды, один из основателей и первый президент неправительственной организации «Гринпис», цели которой — защита окружающей среды, экологическое просвещение и пропаганда экологичного образа жизни. Считается, что выступления и публикации Хантера впервые привлекли внимание международной общественности к проблемам истребления китов и

тюленей, а также захоронения радиоактивных отходов в океане.

Шива, Вандана (род. 1952) — индийский философ, активист-эколог и экофеминистка. Является автором более 20 книг и более 500 статей в ведущих научных и технических журналах. Имеет степень доктора философии Университета Западной Онтарио (Канада) за докторскую диссертацию «Скрытые параметры и локальности в квантовой теории» (1978), посвященную философским основам квантовой механики. Шива является одним из лидеров и членов правления Международного форума по глобализации и участником глобального движения солидарности, известного как альтерглобализм. Пропагандирует целесообразность многих видов традиционной практики, в том числе ведического наследия. Выступает резко против генной инженерии и так называемой «зеленой революции» (комплекса изменений в сельском хозяйстве развивающихся стран, позволивших значительно увеличить выход сельскохозяйственной продукции, прокормить увеличивающееся население Земли и повысить его качество жизни). Взгляды Шивы подвергаются активной критике. Оппоненты Шивы заявляли, что она готова обречь миллионы

людей на голод, а некоторые даже сравнивали ее с Марией-Антуанеттой, которая посоветовала голодным крестьянам есть пирожные, если у них нет хлеба. Шива играет значительную роль в глобальном экофеминистическом движении, утверждающем, что более полное участие женщин в сельском хозяйстве приведет к положительным изменениям и сделает сельское хозяйство более устойчивым и продуктивным. Шива — лауреат ряда премий (в том числе антипремий, таких, как «За ложь в поддержание бедности» (Bullshit Award for Sustaining Poverty), присужденная ей Институтом свободы в Нью-Дели, Индия), и автор большого количества публикаций.

Юлиана (также Иулиания) Нориджская (англ. Julian of Norwich, 1342 — ок. 1416) — английская духовная писательница, автор первой книги, написанной женщиной на английском языке. О ее жизни сохранилось очень мало сведений; даже имя, под которым она осталась в веках, условно дано по собору Св. Юлиана в Норидже (Norwich), английском городе, близ которого она была затворницей в скиту. В тридцатилетнем возрасте Юлиана перенесла тяжелую болезнь, во время которой пережила несколько сильнейших духовных озарений. От болезни Юлиана оправи-

лась и через двадцать лет записала свои видения в книге «Шестнадцать откровений Божественной любви» (Sixteen Revelations of Divine Love, ок. 1393). Ее духовный опыт был широко известен в Англии. Юлиана принадлежит к крупнейшим мистикам английского Средневековья. Юлиана не была канонизирована, но глубоко почитается как католиками, так и протестантами. Юлиана верила, что страдание не является Божьей карой — по ее мнению, Бог добр и хочет спасти всех. Это противоречило популярному в то время мнению, еще усиленному серией крестьянских восстаний и эпидемиями «черной смерти», что страдания — это кара, которую Господь посылает грешникам. Юлиана верила, что за реальностью ада стоит величайшая тайна Божьей любви, и что Бог не гневается: гнев существует только в людях, но Бог прощает их за это.